

eISSN 2587-8719

ФИЛОСОФИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

2022 — Т. 6, № 2

PHILOSOPHY

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

2022 · VOLUME 6 · № 2

PHILOSOPHY

2022 6 (2)

SITUATIONS OF THE CANONS. PART 2

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

ISSN: 2587-8719 · REGISTRATION: ЭЛ № ФС 77-68963

ROOM 417A, 21/4 STARAYA BASMANNAYA STR., 105066 MOSCOW, RUSSIA · +7 (495) 7729590 * 12032

EDITORS

Editor-in-Chief: Vladimir Porus (NRU HSE, Moscow, Russia)

Deputy Editor: Alexander Marey (NRU HSE, Moscow, Russia)

Executive Editors of the Issue:

Polina Kolozaridi (MSSES, NRU HSE, Moscow, Russia; ITMO, St. Petersburg, Russia)

Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad, Russia)

Executive Secretary: Maria Marey (NRU HSE, Moscow, Russia)

TeX Typography: Nikola Lečić (NRU HSE, Moscow, Russia)

Copy Editor: Sophia Porfirieva

Russian Proofreader: Polina Kalashnik

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

- Zhang Baichun (Beijing Normal University, Beijing, China) · Vladimir Bakshtanovsky (TIU, Tyumen, Russia) ·
Svetlana Bankovskaya (NRU HSE, Moscow, Russia) · Roger Berkowitz (Bard College, New York, USA) ·
José Luis Villacañas Berlanga (Universidad Complutense de Madrid, Spain) · Alexander Filippov (NRU HSE,
Moscow, Russia) · Aslan Gadzhikurbanov (LMSU, Moscow, Russia) · Diana Gasparyan (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Claudio Sergio Nun Ingerflom (National University of San Martín, Buenos Aires, Argentina) ·
Dmitry Kataev (LSPU, Lipetsk, Russia) · Nikolai Khrenov (SIAS, Moscow, Russia) ·
Boris Kolonitsky (EUSP, SPBH RAS, St. Petersburg, Russia) · Anna Kostina (MOSGU, Moscow, Russia) ·
Sergey Kocherov (NRU HSE, Nizhny Novgorod, Russia) · Lyudmila Kryshstop (RUDN, Moscow, Russia) ·
Ivan Kurilla (EUSP, St. Petersburg, Russia) · Vladislav Lektorsky (IPH RAS, Moscow, Russia) ·
Irina Makarova (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexander Mikhailovsky (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Alexey Miller (EUSP, St. Petersburg, Russia) · Sergei Mironenko (GARF, LMSU, Moscow, Russia) ·
Sergey Nikolsky (IPH RAS, Moscow, Russia) · Teresa Obolevich (Pontifical University of John Paul II,
Krakow, Poland) · Alexander Pavlov (NRU HSE, Moscow, Russia) · Boris Pruzhinin (*Voprosy Filosofii* Journal,
Moscow, Russia) · Petr Rezyvkh (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexey Rutkevich (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Tatiana Schedrina (MSPU, Moscow, Russia) · Maria Shteynman (RSUH, Moscow, Russia) ·
Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow, Russia) · Alexander Sidorov (IWH RAS, Moscow, Russia) ·
Pavel Sokolov (NRU HSE, Moscow, Russia) · Natalia Tanshina (RANEPa, Moscow, Russia) ·
Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad, Russia) · Anastasia Ugleva (NRU HSE, Moscow, Russia) ·
Tatiana Zlotnikova (YSPU, Yaroslavl, Russia)

ФИЛОСОФИЯ

2022 — Т. 6, № 2

СИТУАЦИИ КАНОНОВ. ЧАСТЬ 2

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

eISSN: 2587-8719 · РЕГИСТРАЦИЯ: ЭЛ № ФС 77-68963

СТАРАЯ БАСМАННАЯ 21/4, 105066 МОСКВА (КОМ. 417А) · +7(495) 7729590* 12032

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Владимир Порус (НИУ ВШЭ, Москва)

Заместитель главного редактора: Александр Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Выпускающие редакторы:

Полина Колозариди (МВШЭСН, НИУ ВШЭ, Москва; ИТМО, Санкт-Петербург)

Андрей Тесля (БФУ им. И. Канта, Калининград)

Ответственный секретарь: Мария Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Технический редактор: Никола Лечич (НИУ ВШЭ, Москва)

Литературный редактор: Софья Порфирьева

Корректор: Полина Калашник

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чжан Байчунь (Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай) ·

Владимир Бакштаповский (ТИУ, Тюмень, Россия) · Светлана Батьковская (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Роджер Берковиц (Бард-колледж, Нью-Йорк, США) · Хосе-Луис Вильяканьос Берланга (Университет

Комплутенсе, Мадрид, Испания) · Аслан Гаджикурбанов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия) ·

Диана Гаспарян (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Татьяна Злотникова (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия) ·

Клаудио Серхио Нун Ингерфлом (Национальный университет Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Аргентина) ·

Дмитрий Катаев (ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия) ·

Борис Колоницкий (ЕУСПБ, СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия) ·

Анна Костина (МОСГУ, Москва, Россия) · Сергей Кочеров (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород, Россия) ·

Людмила Крыштоп (РУДН, Москва, Россия) · Иван Курилда (ЕУСПБ, Санкт-Петербург, Россия) ·

Владислав Лекторский (ИФ РАН, Москва, Россия) · Ирина Макарова (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Алексей Миллер (ЕУСПБ, Санкт-Петербург, Россия) ·

Сергей Мирошенко (ГА РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия) ·

Александр Михайловский (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Сергей Никольский (ИФ РАН, Москва, Россия) ·

Тереза Оболевич (Панский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша) ·

Александр Павлов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Борис Пружинин (журнал «Вопросы философии»,

Москва, Россия) · Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Алексей Руткевич (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Александр Сидоров (ИВИ РАН, Москва, Россия) · Татьяна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Павел Соколов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Наталья Ташьшина (РАНХиГС, Москва, Россия) ·

Андрей Тесля (БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия) · Анастасия Углева (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) ·

Александр Филиппов (НИУ ВШЭ, Москва, Россия) · Николай Хренов (ГИИ МК РФ, Москва, Россия) ·

Мария Штейнман (РГГУ, Москва, Россия) · Татьяна Щедрина (МФГУ, Москва, Россия)

CONTENTS

[From the Executive Editors of the Issue]	9
STUDIES. PART 1	
POLINA KOLOZARIDI, ANDREY TESLYA «Kak bol'shoy proyekt sotsiologiya zakryta» : beseda s Aleksandrom Filippovym o kanone v sotsiologii	
[“Sociology as a Major Project Was Shut Down” : A Conversation With Alexander Filippov About the Canon in Sociology]	17
NATALIYA VOLKOVA Neklassicheskiy kanon ANT/STS : kak korabl' prevrashchayet-sya v nasos? [Non-Classical Canon in ANT/STS : How a Ship Turns Into a Pump?]	39
POLINA KOLOZARIDI, LĚNYA YULDASHEV Kanon internet-issledovaniy : soobshchestvo bez distsipliny [Researching Internet Studies Canon : The Community Without a Discipline]	81
IVAN KUZIN Kontseptsiya geneticheskoy informatsii i istoricheskaya epistemologiya [The Concept of Genetic Information and Historical Epistemology]	114
MARIA MAREY Man'yak iz sosednego kanona : kak nauka normalizuyet kul'tovoye zlo [Maniac From the Adjacent Canon : How Science Normalizes Cult Evil]	148
KSENIYA ROMANENKO Transformatsiya kanona, bor'ba s kanonom, peresozdaniye kanona kak osnovaniya kul'tury fanfikshna [The Transformation of the Canon, the Struggle With the Canon, the Re- creation of the Canon as the Basis of Fanfiction Culture]	168
STUDIES. PART 2	
ANDREY TESLYA «Dlya menya samyy vazhnyy pisatel'» : Lidiya Ginzburg o Marsele Pruste [“The Most Important Writer for Me” : Lydia Ginzburg on Marcel Proust]	191
ALEKSANDR SANZHENAKOV, DENIS MASLOV Stoicheskaya teoriya deystviya i yeye skepticheskaya kritika [Stoic Theory of Action and Sceptical Objections Against It]	209
STUDIES. PART 3	
MARIYA RAKHMANINOVA Politicheskiye vzglyady Simony de Bovuar : problematika sovet-skogo i yevropeyskiy levyy proyekt [Simone de Beauvoir's Political Views : The Problematics of the Soviet and the European Left Project]	241

FEDOR STANZHEVSKIY Teoriya vseobshchikh protsessov Yokhanny Zaybt [Johanna Seibt's General Process Theory]	256
--	-----

DISCUSSION

VALENTIN BAZHANOV Politicheskaya biologiya kak fenomen postgenomnoy ery [Political Biology as a Phenomenon of the Post-Genomic Era]	287
LIANA TUKHVATULINA «Epipolitika» kak ugroza politike [“Epipolitics” as a Threat for Politics]	303
YEVGENIY ZHARKOV In vitro i in vivo epigeneticheskogo vyzova [In vitro and in vivo of Epigenetic Challenge]	309
VLADIMIR PORUS Perspektivy «politicheskoy biologii» : yest' li osnovaniya dlya ostorozhnogo optimizma? [Prospects of “Political Biology” : Whether There Are Reasons for Careful Optimism?]	317
YEVGENIY MASLANOV Ob osobennostyakh biologicheskogo ob'yasneniya politicheskikh yavleniy [On the Features of the Biological Explanation of Political Phenomena]	325
SVETLANA SHIBARSHINA Sotsial'no-politicheskaya vlast' nauki i tekhnologiy (na primere epigenetiki) [Social-Political Power of Science and Technology: A Case of Epigenetics]	334
VALENTIN BAZHANOV Politicheskaya biologiya v optike gumanitarnoy ekspertizy : predvaritel'nyye itogi diskussii [Political Biology Through the Lens of Humanitarian Expertise : Preliminary Results of the Discussion]	346

BOOK REVIEWS

ALEKSANDR MARKOV Moduli modal'nogo : o novoy knige Yoyelya Regeva [Modal Modules : About Yoel Regev's New Book]	355
---	-----

ACADEMICAL LIFE

[Round Table “Phenomenology in the USSR” : Faculty of Humanities, Higher School of Economics. September 20–21, 2022]	367
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающих редакторов 9

КАНОНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ЗНАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ, АНДРЕЙ ТЕСЛЯ «Как большой проект социология закрыта» : беседа с Александром Филипповым о каноне в социологии	17
НАТАЛИЯ ВОЛКОВА Неклассический канон ANT/STS : как корабль превращается в насос?	39
ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ, ЛЁНЯ ЮЛДАШЕВ Канон интернет-исследований : сообщество без дисциплины	81
ИВАН КУЗИН Концепция генетической информации и историческая эпистемология	114
МАРИЯ МАРЕЙ Маньяк из соседнего канона : как наука нормализует культовое зло	148
КСЕНИЯ РОМАНЕНКО Трансформация канона, борьба с канонам, пересоздание канона как основания культуры фанфикшна	168

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ЗНАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ «Для меня самый важный писатель» : Лидия Гинзбург о Марселе Прусте	191
АЛЕКСАНДР САНЖЕНАКОВ, ДЕНИС МАСЛОВ Стоическая теория действия и ее скептическая критика	209

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАРИЯ РАХМАНИНОВА Политические взгляды Симоны де Бовуар : проблематика советского и европейский левый проект	241
ФЕДОР СТАНЖЕВСКИЙ Теория всеобщих процессов Йоханны Зайбт	256

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ В ОПТИКЕ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДИСКУССИИ

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ Политическая биология как феномен постгеномной эры	287
ЛИАНА ТУХВАТУЛИНА «Эпиполитика» как угроза политике	303
ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ In vitro и in vivo эпигенетического вызова	309
ВЛАДИМИР ПОРУС Перспективы «политической биологии» : есть ли основания для осторожного оптимизма?	317
ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ Об особенностях биологического объяснения политических явлений	325
СВЕТЛАНА ШИБАРШИНА Социально-политическая власть науки и технологий (на примере эпигенетики)	334
ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ Политическая биология в оптике гуманитарной экспертизы : предварительные итоги дискуссии	346

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСАНДР МАРКОВ Модули модального : о новой книге Йоеля Регева	355
--	-----

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

Круглый стол «Феноменология в СССР» : Факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ, 20–21 сентября 2022	367
---	-----

ОТ ВЫПУСКАЮЩИХ РЕДАКТОРОВ

Этот номер продолжает тему канона, начатую в первом выпуске журнала за 2022 год: в первом номере в основном были представлены тексты о философии и социальной истории, во второй — вошли статьи, посвященные канону в науках и культуре.

Сосредотачиваясь именно на каноне, мы совершаем перенос. Канон в литературе или искусстве является образцом и некоторым правильным способом действовать. По отношению к наукам и дисциплинам чаще говорят о классике: это понятие связано не только с классами, где проходят основные книги дисциплин, — оно связано и с классикой Античности, являющейся фундаментом гуманитарных и социальных наук Нового времени так же, как природа оказывается фундаментальным понятием для наук естественных.

Применимо ли понятие классики для сформировавшихся в прошлые столетия интеллектуальных сюжетов, которые выходят за рамки наук? Мы не уверены. Обращение к этому понятию задает оценочную рамку разговора о забвении или распаде классики, поэтому для описания возможных внутренних связей и оснований мы предлагаем использовать понятие канона.

Канон не имеет таких историчных и исторических предпосылок, он не связан с определенной общей для всех эпохой. Он формируется внутри некоторой области деятельности: искусств, наук, исследовательских областей. Каноничными становятся фигуры, входят в канон понятия, которые могут из него выходить. Из канона можно обратиться к философским основаниям или с помощью философии понять нечто выходящее за рамки дисциплины.

В этом номере мы собрали тексты о разных интеллектуальных сюжетах: от фанфикшна до информации в биологии. Авторы выявляют то, что становится каноном, укоренено в науках и искусствах и порой причудливо перекрещивается между собой. Так, в статье о маньяках в сериалах появляется роль науки, а изучение канона STS обращает нас к литературе. В некоторых случаях каноническое понятие заимствуется из другой области знания, но становится основой в науке, например в биологии, что продемонстрировано в статье Ивана Кузина на примере понятия информации. Иногда канон скорее производится в практике письма, как показывает в исследовании Наталия Волкова.

Номер открывается беседой с АЛЕКСАНДРОМ ФИЛИППОВЫМ. ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ и АНДРЕЙ ТЕСЛЯ спрашивают его о судьбе и устройстве канона в социологии. Разговор начинается с проблемы неоднозначности канона, в частности, о его делении на образовательный и исследовательский. Но ключевая проблема беседы — это изменение канона под действием социальных и внутринаучных факторов. Социология может объяснять и стабилизационные, и кризисные процессы в обществе, но ее процветание происходит в течение последних. В кризисные периоды она расширяется и обращается к другим теориям, благодаря чему меняется сама дисциплина. В конце разговора собеседники рассуждают о том, стоит ли обращаться к использующим социологический язык или искать другие основания канона, как и делают Александр Филиппов и неожиданно возникающий в финале беседы Бруно Латур.

Бруно Латур будет упомянут и в следующем тексте — исследовании НАТАЛИИ ВОЛКОВОЙ. Хотя основной интересующий ее автор — это ключевая фигура Ланкастерской школы STS (исследований науки и технологий) Джон Ло. Наталия Волкова обращается к реконструкции самих текстов Школы и показывает их связь с литературными и научными канонами. Это не просто устройство текста, оно производит научное знание, соответствующее понимаю Ло и других авторов Ланкастерской школы, обосновывающее связь между наукой и литературой. Они не только фиксируют, что социологический текст — это текст, находящийся между наукой и искусством, но и производят его. Статья Наталии Волковой при этом скорее соответствует подходу Ло в его обращении к канонам других наук и позволяет читателю увидеть, как разворачивается аргумент Ланкастерской школы STS.

Тему неожиданной социологии продолжает статья Полины Колозариди и ЛЁНИ ЮДАШЕВА о каноне в интернет-исследованиях. Эта область знания отрешивается от статуса дисциплины, не обзаводится даже университетскими кафедрами и учебниками. Через изучение институций и нескольких фигур исследовательской области авторы показывают, что каноничность возникает в сочетании подходов и тем, а также внимания к самому объекту исследований — интернету. Общество без дисциплины потворствует и созданию самого своего объекта (интернета), и некоторым дискуссиям о его политической роли, но не включает в себя ни дисциплинарного знания, ни философских дебатов, уравнивая разные виды классического знания и принципиально не проблематизируя их. Такой способ интеллектуального действия становится каноничным внутри интернет-исследований.

К счастью, среди мира бесконечного разнообразия исследовательских областей есть и науки, в частности биология. ИВАН КУЗИН проблематизирует понятие информации как ключевого в генетике и молекулярной биологии. Его статья сначала объясняет, как информация стала частью биологии (в этом становлении были развилки), но основная часть текста показывает, как возможны другие эпистемологические ситуации. Их сложно представить, ведь понятие ДНК, генетика, даже бытовые разговоры о биологии включают в себя понятие информации. Однако на примерах математической теории информации и разных теорий специфичности автор показывает, что и понимание жизни, и роль информации в ней могут меняться в сторону подхода к существованию как общему потоку, где информация как нечто отдельное не играет существенной роли.

Статья МАРИИ МАРЕЙ тоже обращается к специфичному и всеобщему — образу маньяка как злодея в сериалах. В статье делается акцент на том, что зло и опасность в сериалах, оказываясь постепенно не монструозным, а повседневным и вместе с тем исключительным, воплощается в фигуре маньяка. Однако эта фигура не просто существует, но и находит объяснения. Посредством обращения к сериалам статья дает объяснения маньякам, которые приходят из мира наук. В конечном счете оказывается, что наука и сам способ прояснения зла становится частью канона в сериалах.

Блок о каноне завершается статьей КСЕНИИ РОМАНЕНКО. Этот текст посвящен тем группам авторов и авторок, которые работают с фанфиками, то есть фанатскими вариациями на тему произведений классической и/или массовой культуры. В теориях литературы (и, собственно, в работах Гарольда Блума, ставшего одним из вдохновителей этого двойного блока) нередко речь идет о том, что история литературы в большой степени опирается на сюжеты предшественников. Но в этой истории действуют институциональные акторы, а в статье Ксении Романенко речь идет о сообществах. Этот текст показывает, что работа рефлексии по поводу канона как проблемы приводит к формированию новых правил.

Правила распознавания канонов и обращения с ними, мы надеемся, будут интересовать исследователей и дальше. Но двойной номер на эту тему пока завершается. Вне темы канона в этом выпуске представлено четыре статьи. Начнем с исследования АНДРЕЯ ТЕСЛИ о том, как Лидия Гинзбург читала Марселя Пруста. Статья отчасти связана с проблематикой канона, ведь роман «В поисках утраченного времени» Пруста

для Гинзбург был способом обращения к реальности в мире, где реальность подвергается постоянному препарированию. Точнее, роман был изобретением способа, адекватного времени, чтобы вновь соединять слова и вещи в неразрывное целое.

В статье АЛЕКСАНДРА САНЖЕНАКОВА и ДЕНИСА МАСЛОВА речь тоже отчасти идет о смене канона: о том, как скептики критически относились к стоической философии и как это повлияло на стоические размышления о взаимозависимости эпистемологии и этики, что в итоге привело к появлению римского стоицизма.

Продолжает номер наша новая рубрика «Женщины в истории философии», открываемая статьей МАРИИ РАХМАНИНОВОЙ о Симоне де Бовуар. В центре внимания авторки находится понимание советского в политической оптике Бовуар, этот недооцененный в исследовательской литературе сюжет. Также Мария Рахманинова обращается к тому, как сама Бовуар описала полемику вокруг событий в Испании 1936 г. или политику СССР во время Второй мировой войны, как она старалась занимать по возможности неангажированную позицию. ФЕДОР СТАНЖЕВСКИЙ в своем исследовании анализирует критику субстанциализма, или «мифа о субстанции», в теории всеобщих процессов Йоханны Зайбт. В статье представлена теория всеобщих процессов как непартикулярных индивидов, моделью которых являются бессубъектные действия, и вкратце обрисовано решение проблемы постоянства во времени с точки зрения теории всеобщих процессов.

В дискуссии, посвященной политической биологии как феномену постгеномной эры, авторами предпринимается попытка критически осмыслить природу и особенности становления нового научного направления, которое условно было названо политической биологией и которое считается «революционным» в силу преодоления традиционных границ между «знанием о природе» и «знанием о духе». Показывается, что в этом направлении осуществляется синтез ключевых представлений и из биологического знания, и из политологии. Авторы дискуссии сходятся во мнении, что это название («политическая биология») отчасти носит метафорический оттенок. Элементы разногласий между участниками дискуссии касаются вопросов о механизмах расширения границ «эпистемологического империализма» по мере прогресса нового

направления, о степени его потенциального воздействия на политические процессы (особенно связанные с опасностями простых политических решений, основанных на научных данных) и, соответственно, об ухудшении политического климата в результате такого рода действий, о перспективах конструирования новых общественных структур, которые могут ограничить свободный выбор человека в планировании своей жизни и потомства. Наконец, формулируются вопросы, которые могут составить предмет будущих исследований.

Завершается номер рецензией АЛЕКСАНДРА МАРКОВА на книгу Йоэля Регева, представляющей подробное размышление о взглядах этого автора, и анонсом будущей научной конференции.

Полина Колозариди и Андрей Тесля

КАНОНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
И ЗНАНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

STUDIES. PART 1

Полина Колозариди, Андрей Тесля*

«КАК БОЛЬШОЙ ПРОЕКТ СОЦИОЛОГИЯ ЗАКРЫТА»**

ВЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ФИЛИППОВЫМ О КАНОНЕ В СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-17-38.

Это интервью с Александром Фридриховичем Филипповым, д. с. н. и профессором НИУ ВШЭ (Москва), состоялось в апреле этого года.

Основным поводом для разговора стало то, что Александр Фридрихович в своих работах и раньше обращался к теме классики в социальной теории, поэтому мы предложили немного сместить фокус: поговорить о каноне, и начали с социологии, а перешли к социальным наукам и двойственности социологического канона. Беседа касается общих вопросов дисциплины, а также того, что происходит с ней сейчас и как изучение канона позволяет это понять и изменить.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КАНОН И ДОСТОИНСТВО, КОТОРОЕ НЕ ИСЧЕЗАЕТ

Полина Колозариди: Понятия классики и канона находятся в сложных отношениях между собой. О том, что касается классических дисциплин — того, что проходят в классах, — многое уже сказано, в том числе в Ваших текстах¹.

С каноном все не так. И мы с Андреем [Теслей] по-разному видим это «не так». Я развожу канон и классику. Когда мы говорим не о дисциплинах, а об областях знания, особенно о междисциплинарных областях,

*Тесля Андрей Александрович, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002; Колозариди Полина Владимировна, исследователь и преподавательница, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Клуб любителей интернета и общества (Москва), poli.kolozaridi@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5213-0235.

** © Колозариди, П.; Тесля, А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.

о классике говорить сложно: нет классов, в которых формируется общее знание. [Слово] «канон» тут подходит больше, но его привычнее воспринимать как понятие из искусства, оно отсылает к существованию правил и канонических фигур².

Но в одном мы сходимся. И канон, и классика оказываются проблемными, когда мы пытаемся обратиться к основаниям наук. Я имею в виду и философские основания, и те, которые считаются внутринаучными, и те, которые оказываются за границами наук. Мы бы хотели поговорить про основания и социально-политическую сторону канона в социальных науках.

Андрей Тесля: Да. В данном случае мы несколько расходимся, потому что говорить об индивидуальном каноне (что для тебя выступает каноном) — это осмысленное суждение. Говорить «моя классика» — очевидная бессмыслица. Здесь выстраивание канона мне представляется интересным и важным как выстраивание текстов, которые обладают автономией. И поскольку они выступают как канонические тексты, то они способны вторично проблематизировать то, что успело стать «беспроблемным». Тут мы уже перекликаемся с Полиной в исходном вопросе: в обращении к основаниям, обосновании и проблематизации. Вернусь к аналогии с литературным каноном. Насколько возможно перестроить канон? Насколько попытка сознательно его модифицировать означает разрушение?

Александр Филиппов: Спасибо за интересное введение. Ваши постановки вопроса — результат длительных размышлений, в т. ч. над соотношением классики и канона. Мой ответ — не результат столь же длительных размышлений. Это ответ в каком-то смысле моментальный. Я размышлял над проблемой классики и, хотя и использовал слово «канон» и говорил о том, как складывался канон в теоретической социологии, но я так, как вы, не проблематизировал.

Сначала я скажу несколько слов о классике. Я много раз об этом писал, и я обычно, когда продолжаю читать хоть как-то соотносящиеся с классической социологией лекции, повторяю этот аргумент. Здесь он тоже будет частью нашего общего разговора. Для меня классики науки — это не просто значительные фигуры, на которые впоследствии во многом ориентируются другие теоретики или система образования, без которых трудно себе представить учебники. Для меня классики — это

²См.: Колозарди П., Тесля А. От выпускающих редакторов // *Философия* : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 9–11.

те, кто внес решающий вклад в обособление той или иной дисциплины, в обособление науки, представление ее как науки, которая занимается отдельным от других наук делом.

Тот аргумент, который я попытаюсь сейчас представить, присутствует по существу только у Дюркгейма, но в той или иной форме в социологии классиками для меня являются те, кто предложил «объяснять социальное через социальное». Мне казалось раньше и кажется сейчас, что это сопоставление довольно важно. Если это биология, то мы занимаемся биологией. Классическая биология — это не то же, что современная биология. Современная биология представляет собой такую дисциплину, для которой ключевую роль играют биохимия и биофизика. Понять, где кончается исследование химических реакций и начинается исследование, собственно, живого, неспециалисту — сложно, а специалист уже сто лет назад сказал бы, что попытки обособить живое от неживого — безнадежная архаика. Я довольно хорошо знаю, например, как Людвиг фон Берталанфи опровергал учение об энтелехии Ханса Дриша и доказывал, что процессы, которые Дриш считал спецификой живого, могут быть описаны в более общих терминах. Так появилась общая теория систем, но исчезла старая философская биология. Не вступая, надеюсь, в спор с биологами, я поясню это кратко.

Иначе говоря, вы можете сделать срез живой ткани или разделить, как делал Дриш, зародышевую клетку после двух-трех делений на отдельные живые клетки. Но это все — живое. А вот опуститься на уровень ниже нельзя, там уже «химия». В психологии открытие законов (законов ассоциации, законов, которыми направляется или описывается душевная жизнь человека) или стремление к этому — это классическая психология. Сейчас историки науки могут с этим не согласиться, но я вижу параллельные процессы, важны они, а не то, признают ли биологи и психологи классикой то, что мне кажется классическим.

В социологии то же самое. Как я люблю говорить, происходит прерывание каузальных рядов. Общество — это часть природы, но если вы попытаетесь объяснить поведение человека природными факторами, то вы — не социолог, а кто-то другой. Все эти ранние социологи с их детерминизмами (географическим, климатическим, расовым, психологическим) — все, кто предлагает найти в области социального продолжение того, что находится за пределами социального, — это не классическая социология. Это не социология. С моей точки зрения, социологи, которые создают классику, — это те, кто вносит свой вклад в обоснование автономии своего предмета. «Социальное объясняется социальным» —

это и у Вебера, и у Дюркгейма, и у Зиммеля, и у Тенниса, и, конечно, впоследствии у Парсонса.

Эта сторона дела могла бы долго обсуждаться, но вопрос у нас ведь не о классике, а о каноне. Вторая ступень, благодаря которой я ближе подхожу к предмету ваших вопросов и сегодняшнего разговора: как произошла «канонизация» классиков? Один социолог, впоследствии обернувшийся женщиной, Рейвин Коннелл написал(а) в ранний период статью «Почему классическая социология является классической?»³. Она начинается с правильной постановки вопроса: для классиков социологии ни они сами не были классиками, ни для кого они не были классиками. Социология была, но классики у нее были совершенно другие. И должно было что-то произойти. Что? Должен был появиться классический канон или канон отношения к определенной группе авторов как к классикам. Хотя прямо в такой формуле эта задача не ставилась, но фактически ее решал и решил Парсонс, который написал в 1937 году книгу «Структура социального действия». Парсонс создает не канон социологии, он пишет про теорию действия. И в этот момент (один из ключевых, решающих моментов истории наших наук) нет никакой уверенности в том, что наука о действии — это обязательно социология. Это *также и* социология. У него половина авторов, про которых он пишет, — это экономисты, а вторая половина — это отчасти экономисты.

П. К.: Что их объединяет?

А. Ф.: Парсонс говорит, что есть основополагающая проблема порядка. «Как возможен социальный порядок?» — он это называет гоббсовой проблемой. Если мы предположим вместе с влиятельным в экономической мысли направлением, что начинать размышление или наблюдение нужно с того, что есть некое множество эгоистичных, преследующих собственный интерес индивидов, то это, строго говоря, — неправильная интерпретация. Парсонс ошибался, но это нас не должно волновать.

Поскольку эти индивиды вступают в некоторое взаимодействие, которое должно оказаться войной всех против всех, эта война должна быть как-то преодолена. Решение Гоббса — в том, что она должна быть преодолена политическим образом — через образование государства сувереном, который всех усмиряет, и благодаря этому становятся возможными другие занятия. Это плохая, неправильная интерпретация

³ Connell R. W. Why Is Classical Theory Classical? // American Journal of Sociology. — 1997. — No. 6. — P. 1511–1557.

Гоббса, но Парсонс с этого стартует: таков утилитаризм, говорит Парсонс, он потерпел поражение, это все не работает, и мы должны найти другие объяснения. Для этого мы должны построить общую теорию. Для этого мы должны обратиться к тем, кто уже строил общую теорию. Когда мы ищем тех, кто строил общую теорию, если у нас заранее продумана некоторая схема (в русском переводе — «система координат», по-английски — *frame of reference, frame of reference of action*)... Если у нас есть эта схема, то мы можем не просто читать чужие тексты, а мы можем их целенаправленно анализировать так, чтобы показать, как разные авторы между собой перекликаются и, в сущности, говорят об одном и том же.

Он отбирает небольшое количество авторов. Среди этих авторов есть Альфред Маршалл — это просто экономист (знаменитый английский экономист). Дальше — Вильфредо Парето. Мы, социологи, знаем его как автора трактата об общей социологии, а политические философы знают его со своей точки зрения. Но, вообще говоря, Парето — это великий экономист, признанный авторитет своего времени именно в области экономики. Дальше у него Дюркгейм, после — Вебер. Но про Вебера мы тоже хорошо знаем, что, хотя он и классик социологии, он пришел в социологию из экономики и юриспруденции. И он всю жизнь старался внести вклад именно в экономическую науку.

Из всего этого Парсонс складывает некоторую концепцию социального действия, и она через некоторое время оказывается в высшей степени влиятельной, появляются его уже сугубо социологические работы, появляется одна из самых влиятельных (а может, и самая влиятельная в истории человечества, потому что она имела международное воздействие) школа структурного функционализма. На всякий случай замечу, что структурный функционализм складывался и сложился бы и без Парсонса, но именно Парсонс придал ему заверченный вид и канонизировал классиков. Парсонс потом отдавал должное другим авторам, в какой-то момент несправедливо упущенным, выброшенным из его текстов.

В конце прошлого века была сделана героическая попытка: с одной стороны, нужно было заново поставить социологию Парсонса на ее собственные рельсы, доказать, что у нее есть достоинство, которое не исчезает, есть свои классики и великие достижения; с другой стороны, надо было взять реванш за то поражение, которое ей нанесли соперничающие концепции в самый неудачный для его теории момент — в конце 60-х — начале 70-х годов.

Появились книги по теории действия, которые были ориентированы на парсонсовский канон: «Теория действия» Рихарда Мюнха, «Теория коммуникативного действия» Хабермаса (один из самых влиятельных трудов того времени), большая четырехтомная работа Джеффри Александера «Теоретическая логика в социологии». Все они держали в качестве масштаба или ориентира «Структуру социального действия» Парсонса. У кого-то дополнительно к парсонсовским авторам появлялся Маркс, у кого-то — Мид, у кого-то — и Мид, и Маркс, у кого-то появлялся и сам Парсонс, который замыкал эту цепочку.

В течение примерно четверти века (может, и больше) казалось, что социология если и не добилаась дополнительных невероятных успехов, то все-таки осталась и остается наукой со своими классиками. Этих классиков поддерживают теоретики в разных странах, придерживающиеся несходных теоретических и социальных убеждений. Значит, у этой науки есть не только свои классики, но и свой канон.

СТОЛПЫ КАНОНА И ВНЕНАУЧНЫЕ ФАКТОРЫ

Для классического канона надо, чтобы классики совпадали с каноном. Если ты хочешь заниматься теорией, то ты должен исходить не просто из того, что когда-то были созданы классические тексты. Тут мы подходим к совпадению и различению классики и канона. Но есть две важные составляющие канона.

- (1) Образовательный канон. Это значит, что классика объявляется «живой» классикой. Это не просто то, о чем надо знать, но это то, что надо изучать, то, что нас роднит: мы можем друг друга понимать, читая одни и те же тексты и пытаясь разобраться в них.
- (2) Исследовательский канон. Когда вы выходите за пределы образования, вы приходите в область исследования. Здесь вы получаете магистральные указания: именно классиками были заданы основные проблемы, предложены главные объяснительные средства, оставлены нам еще не решенные, но подлежащие решению в рамках этого же самого поля проблемы.

Даже в самые лучшие годы в социологии ориентироваться на классиков получалось не очень хорошо. Была исследовательская рутина. Было нереально продалить и преобразовать эту исследовательскую рутину так, чтобы все, кто занимается научными исследованиями, обязательно и всенепременно принимали в расчет классиков. Большие социологи перестали появляться после кончины Лумана, Валлерстайна, Бека, Бурдье, прекращения творческой деятельности Гидденса, прекращения

деятельности в области социологии Хабермаса и т. д. Сейчас все хорошо знают, что после 44-го года рождения нет ни одного автора, который был бы признан большой социологической величиной.

Исследовательский канон все дальше и дальше уходит от образовательного и делает последний чуть ли не излишним — тем, за что держатся по привычке. Не соблюдая образовательный канон, невозможно держать единство дисциплины. Как только вы теряете всякое ощущение единства дисциплины, становится совершенно непонятно: от имени кого вы говорите? От имени группы товарищей, бойко лепечущих на модном в данный момент жаргоне? Все хорошо, вас все любят и принимают, но уже сзади толпятся другие люди, которые кричат: «Нет, я! Нет, я!» — у них выстраивается своя ретроспектива, свое представление о том, кто был в начале этого процесса, вершиной которого они себя представляют. Они не испытывают никакой нужды ни в общезначимом классическом каноне, ни в вас, стоящих у них на пути.

Если подхватить одну из мыслей Андрея Александровича, канон оказывается подвижным, но в плохом смысле. Если я правильно понял, одна из идей была в том, что мы пытаемся разобраться, что такое канон, и обращаемся к нашему прошлому, пытаемся выяснить исторический контекст возникновения канонических текстов, открываем в них все большее. Но по мере того как происходит это углубление, есть два момента:

- (1) Вопрос о достоинстве и ценности самого исторического исследования внутри заново формирующей себя дисциплины.
- (2) Вопрос о том, что здесь и сейчас в данный момент времени воспринимается как предпосылка «принятия в клуб»: когда вы подаете заявку на грант или статью для публикации, собираетесь выступать на конференции и дискутировать с коллегами. Вы должны ориентироваться на канон или других авторов, цитировать их, брать их постановки вопроса, проблемы, чтобы сойти за своего и получить все то, что получают обычно ученые от науки, кроме никому не нужной истины.

Первая реакция на ваши вопросы — именно такова. Я достаточно надежно уверенно себя чувствую, когда беру такие журналы, как *Journal of Classical Sociology*, — понятно, что здесь неожиданностей не будет. Это не значит, что никто не попытается привлечь внимание в истории к какому-то социологу или аспекту деятельности известного социолога, который раньше выпадал из внимания, или ввести его в состав классиков. Это возможно, но все равно я знаю авторов и идеи, являющиеся

незыблемой системой координат для авторов, редакторов и читателей этого журнала. А если взять основной массив социологических публикаций, то легко заметить, что в большинстве случаев здесь нет обязательной ориентации на классиков, нет классического канона как «живой классики». Вместе с тем для данной группы / течения / времени присутствует определенный набор авторов, которые в высшей степени актуальны. Не ссылаясь на них, ты демонстрируешь свою непричастность к основному течению мировой мысли: ты невежественен, ты говоришь не о том, о чем сейчас говорят, «не носишь то, что сейчас носят».

Никто не канонизирует тех или иных авторов специально, никто не говорит: «Вот они — новые столпы современной науки». Вместе с тем отчетливое давление среды невозможно игнорировать. Это движение как тематическое (что сейчас должно быть проблематизировано), так и персональное, репутационное (кто, как, в каких терминах), и его игнорировать тоже нельзя.

П. К.: Если я правильно поняла, то Вы говорите о том, что ситуация формирования канона и ситуация изменения канона в случае социологии достаточно плотно совпадали около 50 лет. Вот — Парсонс, вот — дополнения Парсонса, вот — уточнения дискуссии. У нас есть одновременно процесс формирования и процесс трансформации. Как? Через базовые в те времена способы отношений, т. е. школы и большие книги. Это та ситуация канона, которая есть в середине XX века: он оформляется и одновременно меняется. Дальше в вашем рассказе появляются новые персонажи, другие ситуации, новые действующие сущности — например журналы.

Здесь у меня вопрос, который дробится на два. Один звучит авторефлексивно для социологии, поскольку ситуация социальна и наука социальна. И тут два вопроса:

- (1) Как Вы видите связь между социальным контекстом формирования и социальным содержанием науки?
- (2) Что с теми приграничными областями, вокруг которых сформировалась автономия социологии? Включаются ли сейчас какие-то из тех несоциологических сюжетов, которые были до? Когда Вы начали рассказывать, то много внимания уделяли экономическим и политическим теориям. Потом они исчезли на 50 лет. А что с ними сейчас?

А. Ф.: В свое время мой интерес к классике сформировался благодаря моему учителю Давыдову. Ситуация была очень благоприятной для этого. Когда я только начал заниматься социологией, у меня была

ориентация на нее совершенно позитивистская. Я себе представлял ее как обычную науку, которая позволяет благодаря наблюдениям обогащать знания. Моя главная идея состояла в том, что надо заниматься прикладной наукой — наблюдать саму социальную реальность и, собирая данные разными хитроумными способами, открывать социальные законы. Постепенно я пришел к ощущению, что имеющийся концептуальный аппарат недостаточен, поэтому требуются более изощренные концепты. Но для меня было очевидно, что новейшие концепции лучше, чем старые. Т. е. старые нужны только для образования: ты обязан знать что-то из истории дисциплины. А новое — это хорошо, новое — это прогресс знаний. Поэтому я занимался Луманом.

Где-то в конце 70-х годов, когда я был еще студентом, с литературой было не очень хорошо, как вы понимаете. Но, как доктор наук, мой отец имел право раз в год покупать литературу на 50\$ через дом ученых или через академию наук. И я его упросил в один из годов (это был 78-й год, если не ошибаюсь) подписаться на самый лучший и знаменитый немецкий социологический журнал (немецкий, потому что по-английски я не читал) «Kölner Zeitschrift für Soziologie». На это ушла вся подписка: он очень дорогой. Пришло четыре номера, и это было ужаснейшее разочарование для меня: там нечего было читать. Были статьи по темам, которые меня совершенно не интересовали, было огромное письмо Хельмута Шельски своим коллегам-социологам (это было абсолютно эпохальное письмо, я просто ничего не понимал тогда), где он расплевывался с немецкой социологией. Были еще какие-то статьи, которые мне показались совершенно неинтересными. И когда меня мой научный руководитель Давыдов попросил посмотреть, что есть в журнале, я принес это. Он прочитал и открыл веберовский ренессанс. Я просто не понимал, не видел, бродил в поисках золота и отбрасывал никому не нужные камушки.

Длительный, до сих пор не исчерпавший себя толчок в изучение и издание Вебера был вненаучным, но важным фактором, который определил ситуацию и в науке, и в моем понимании науки на несколько десятилетий вперед.

КРИЗИСНОЕ И СТАБИЛИЗАЦИОННОЕ СОЗНАНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Если брать более точно и узко некоторые аспекты вашего вопроса, то тут дело в том, что тот же Давыдов, обосновывая свои подходы, ввел различие кризисного и стабилизационного сознания в социологии.

Если совсем просто, то социология в том позитивистском виде, в котором мы ее знаем (при возникновении у Конта), несет в себе черты стабилизационного сознания: общество некоторым образом устроено и не претерпевает никаких пертурбаций, но надо, чтобы оно было более хорошо и динамично устроено, чтобы в нем снимались напряжения. Это очень хорошо было понятно советским социологам. Я давно сказал, и мне это часто напоминают (хотя я и не отказываюсь сейчас): «Главный советский социолог — это Парсонс». Парсонса у нас узнали в конце 50-х годов, и впереди у советской власти было еще 25–30 совершенно незамутненных лет (в середине 80-х уже начиналось страшное загнивание).

Он дал ту схему, с которой лучше всего работалось советскому социологу. Общество есть (неважно, социалистическое или капиталистическое)? Есть. Система образования в нем есть? Есть. Роли распределяются? Распределяются. Функции у этих ролей есть? Есть. Нужно, чтобы человек социализировался? Нужно. Нужно, чтобы у него была мотивация для того, чтобы правильно и хорошо выполнять свои функции? Конечно же. Куда ни кинь — у нас везде работает Парсонс.

Вторая сторона этой проблемы — это кризисное сознание социолога. Обычно социология процветает и с ней все прекрасно в периоды между мировыми войнами или другими большими войнами. Самое лучшее время социологии было, когда кончилась Франко-прусская война и еще не началась Первая мировая. В это время все расцветало. Потом, когда начинаются революции, кризисы, огромные проблемы, социология должна отреагировать на ситуацию кризиса, и тогда она изменяет самой себе как позитивной науке. Тогда она отдает должное и Марксу, и анархистским авторам, и тем, кто про войны пишет. Она начинает расширяться в их сторону.

Если прямо отвечать на ваш вопрос, то это изменение постановки вопроса за счет невнутринаучных факторов. В какой-то степени я себя чувствую ответственным и виноватым за свои изложения истории социологии, потому что я слишком мало внимания уделял экстранаучным составляющим. Хотя даже когда я писал «Между социологией и социализмом» — это введение к «Общности и обществу» Тенниса — я не придавал достаточно большого значения, не отдавал должного тому, что творилось вообще в социальном мире. Никто, ни один из великих социологов, классиков не был безразличен к актуальным вопросам, которые сегодня могут казаться мелкими. Они, наоборот, понимали себя как людей, которые участвуют в жизни общества, которые отвечают на острейшие проблемы. Первые американские социологи были

детьми священников, пасторов. И пафос весь у них был социальный — социальная помощь. Страна, которая обещала все возможности, в которой должно было быть полное счастье, оказалась местом с огромными социальными проблемами. И они хотели их решать. На пути решения проблем они обратились к науке, однако нужна им была социальная политика. Социальная политика должна быть научной. Чтобы она была научной, нужна специальная наука — вы наилучшим образом поможете страждущим, если будете заниматься социологией.

Если мы посмотрим, с чего начинал Вебер, то у него были сугубо исторические исследования по истории торгового права и т. д. — очень благородные и интересные. Но где его первоначальная научная активность? Это союз социальной политики — Verein für Socialpolitik. Он понимает, что есть куча проблем: миграционный кризис (который поразил Германию в это время), огромные напряжения из-за сложных отношений бюрократии и промышленников, огромные новые напряжения промышленников и рабочего класса. Активные социал-демократы говорят: «Это у нас наука» (марксистский социализм). Им отвечают: «Нет, это у нас наука» (социология). Одна социальная наука была социализмом, а другая социальная наука была социологией. Социология была тем вариантом социальной науки, который позволяет обойтись без революции и без радикальной трансформации.

Если мы на все это посмотрим, то поймем, что возвращение к классикам, модификация или изменение канона — это не просто появление новых акторов (как журналы или ассоциации), но и изменение повестки. И поэтому мы либо находим в классическом и привычном каноне то, что позволяет нам работать с повесткой, либо ничего не находим — и тогда меняем канон. Повестку мы изменить не можем — тут я решительен.

П. К.: И могут ли вернуться экономика и политика в другой повестке? Что с ними стало?

А. Ф.: Сейчас социология испытывает чудовищные атаки, напор со стороны своих старых врагов. Я напоминаю, что становление социологии началось с примечательного эпизода, когда Конт пошел выпрашивать себе кафедру в университете со словами: «Я понимаю, что средства государства ограничены, поэтому надо какую-нибудь другую кафедру убрать и отдать деньги социологии». Кафедра, которую он предлагал закрыть, — кафедра политэкономии. Я понимаю, что это родовая травма. С тех пор экономисты недолюбливают социологов. Шутки шутками, но я недаром начал говорить вам в самом начале о Парсонсе.

Парсонс создавал именно теорию социального действия, но не социологию в узком смысле. Это тонкий момент. Когда Вебер создает науку о действии, он нехотя говорит: «Да, социология — это наука о действии». Если бы он мог лучше себя поставить внутри экономической мысли, то, может, он бы сказал так, как говорил раньше, в начале 1900-х годов: «Социальная наука — это наука о культуре. Есть разные науки о культуре. Экономика — наука о культуре, история — наука о культуре. И социальная наука [он говорит не „социология“, а „социальная наука“] — тоже наука о культуре. Все эти науки о культуре — это науки о действительности». Постепенно у него выкристаллизовывается понимание, что социология внутри этих наук является особым доменом, именно на ней надо себя настоять.

Но если мы берем более широкий круг авторов этого же времени, как нас призывает Андрей Александрович, то все получается именно в эту сторону. Как раз экономисты — это те, кто спорит с Вебером и пытается его опровергнуть, доказать, что есть лучший способ работать с науками о действии. Но они себя мыслят не исключительно как экономисты. Это Мизес, которого мы знаем как теоретика действия. Мизес — это австрийская школа, это либертарианство, экономика. Но главный его труд о праксеологии — это огромная книга, которая называется «Human Action». Она выходит в 1949 году, и Мизес себя все это время упорно считает теоретиком действия. К Мизесу ходит на семинары молодой юрист и философ Альфред Шюц — ныне классик феноменологической социологии. Но то, что он создает еще в то время в Вене, — это некий философский ответ искреннего почитателя Мизеса на его слишком активные наезды на Вебера. Несмотря на всю критику Вебера, которая содержится у Шюца (а он вошел если не в классики, то точно — в канон определенных школ), он защищает Вебера от экономизма.

Если мы посмотрим дальше, то есть знаменитая переписка Шюца и Парсонса конца 30-х годов. Как она возникает? Шюц уже живет в Америке, и его подталкивает к этой переписке и сводит их с Парсонсом Хайек. Хайек, которого мы знаем как экономического мыслителя и политического философа современного либерализма, но на самом деле он — теоретик действия. Хайек работал над теорией действия. Раннее становление Парсонса и поиск его пути связан отчасти со знакомством с Хайеком. Просто Хайек потом пошел по другому пути, он впоследствии решил, что ту же самую проблематику лучше описывать в терминах той теории действия, которая оказывается ближе к экономике. А Парсонс выбирает направление в сторону социологии.

Наконец, жуткая атака когнитивных наук. Мысль о том, что можно получить валидное знание, не обращаясь к устройству мозга, человеческой познавательной способности, к органике — эта мысль им абсолютно противна. На самом деле это не просто ситуация внутри научного спора: у вас свои аргументы, у нас — свои. Ничего подобного — танки идут свиньей, они отгрызают поляну и говорят: «Нет, наши объяснения — лучше. Они более научны, потому что они основаны на понятных материальных вещах, в то время как социологи сами не понимают, чего хотят, и предлагают слабые и недостоверные вещи». В частности, в области культурсоциологии битва происходит очень страшная. Чем это кончится — неизвестно. Поэтому, возможно, канон социологии и уважение (или любовь) к классикам сохраняются, потому что, строго говоря, у социологии больше ничего нет.

П. К.: Спасибо за большой ответ про кризисное и стабилизационное сознание в социологии. Но верно ли, что он работает, только если мы признаем сами рамки наук как автономных сущностей стабильными? Хотя кажется, что в ходе этих изменений внутри наук меняется само определение их границ.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ НАУК

П. К.: И понятны отношения с условными соседями. У социологии ничего, кроме классиков, не остается, выступают когнитивные науки, вскрываются черепа; возвращаются политэкономы — и это все вместе и попеременно.

Но тот же Гофман, который очень любим многими исследовательскими областями (*studies*). Они не идут под общим знаменем социологии, но величают себя социальной наукой или социальными исследованиями. Кажется, что ребята, которые бойко говорят на своем языке, по вашей формулировке, отхватили себе кусок канона, классики и продолжают бойко говорить.

Я смущаюсь продолжать ваши военные метафоры, но все же переберю свое смущение: будет ли интерес к тому, чтобы присоединять эти диаспоры? Раз уж они говорят на том же языке, раз уж стоят за те же принципы, раз уж они и так такие же, как социология, почему бы их не присоединить? Какая политика может быть с ними? Есть ли такая?

Во второй части своего вопроса я поиграю с метафорой социологии как короля Лира (обычно ее применяют к философии). Сейчас как будто королем Лиром выступает социология, которая раздала исследованиям (*studies*) своих классиков. Вопрос к ней (и не только): что

делать в ситуации трансформации самих границ? Но в какой роли здесь оказывается философия? Я поясню вопрос. Когда вы говорите про науки о действии (я помню ваше выступление на «Баннх чтениях» недавно⁴), то они заходит на смежные территории и вопросы будто являются междисциплинарными. Есть предположение, что здесь нам как-то может помогать (или, наоборот, мешать) философия.

А. Ф.: Если начать с военной метафоры, то сейчас невозможно представить себе, чтобы происходило какое-то «присоединение». Для этого нужен ресурс. Какой ресурс? В свой самый счастливый период социология претендовала на то, что она является наукой об Обществе с большой буквы: «Если вы хотите знать самую последнюю правду о том, как все устроено и как все сделать еще лучше, то обращайтесь к социологии!» — этого нет и больше никогда не будет. Она свой кредит доверия растратила. Как большой проект социология закрыта. На том месте, где должна была быть социология, сейчас может находиться кто угодно: политическая философия, комплекс знаний непонятной дисциплинарной принадлежности — точно не будет ничего, на что претендовала когда-то социология в лучшие годы. Последний большой проект такого рода был у Лумана.

Что касается разграничения, оно мне кажется совсем не в интересах социологии. Наоборот, хочешь продолжать жить — постарайся зайти на более успешные территории и скажи: «Не просто городские исследования, но социология города может что-то сделать!» И так до полной неразличимости *urban studies* и социологии.

Еще я должен сказать, что нельзя отождествлять всю социологию с тем, что творится в верхах МСА (Международной Социологической Ассоциации), но это тоже своего рода показатель. Вот, например, пост президента МСА в 2014–18 гг. занимала Маргарет Абрахам, которая работает внутри большого — даже не скажу, как это назвать точнее, — направления или большой области, которая называется «исследования действия» — *action research*. Конечно, сердце социолога не может не забиться — начинаешь бросаться туда, смотреть, что они делают. У них там есть и свои журналы, и своя литература, огромное количество всего сделано. Вдруг обнаруживаешь, что под именем исследований действия скрывается абсолютно эклектические исследования, а трактовать название надо осторожно, это не позитивное или позитивистское

⁴<https://www.nlobooks.ru/events/konferentsii/xxviii-bannye-chteniya-transformatsiya-gumanitarnogo-znaniya-v-postsovetskoy-rossii/>.

исследование в традиционном понимании, но «action-oriented research», то есть активное соучастие ученого в самой социальной жизни, а это если и канон, то совсем другой, и многое из того, что здесь делается, нельзя оценить в старых научных терминах. Как можно понять, проделано исследование или нет, если у тебя нет строгих канонов приращения знания? Есть только огромный набор текстов, влияний, в которых сразу обнаруживаешь желание учесть актуальную повестку: чтобы все было правильно, все было на месте, все было модно, чтобы никто не упрекнул в отсталости.

Что касается философии, то это другая большая тема, и она тоже очень большая. Здесь невозможно не вспомнить, что исторически это все выглядело абсолютно ужасно. Конт приходит в социологию из социализма и философии. Напомню о законе трех стадий: религиозную стадию прошли, метафизическую стадию прошли, сейчас наступает стадия социологическая. Перестаем закапываться в глубины, перестаем решать метафизические вопросы — у социологии собственная задача. Это архетипическое событие. С тех пор каждый очередной социолог, пытаясь доказать самостоятельность и достоинство собственной науки, говорит: «Мы отбрасываем философию, мы занимаемся социологией». Все грешат этим.

Я до сих пор помню ужасный для меня разговор со знаменитым американским социологом Джефффри Александером в начале 2000-х. Мне хотелось обсудить с ним философско-методологические (хотя на самом деле теоретико-социологические) вопросы, которые у меня созрели по поводу его работ. Он сказал: «Если я сейчас буду чем-то таким заниматься в Америке, буду писать на такие темы, то мне скажут, что это философия. Социолог должен заниматься социологией».

Социология выгородила себе область занятий, которая с точки зрения всех остальных дисциплин является достаточно безобидной («этим пускай занимаются социологи»): прикладные исследования, к которым добавляется некоторое количество теоретических соображений *ad hoc* (что-то из принятого в настоящий момент, что-то из канона, что-то сварганенное на коленке без малейшего понимания, как работает теория). Но, во всяком случае, никто не скажет, что теории в этом нет, смотрите — вот она есть. Однако главный интерес лежит по ту сторону теории, а значит социальной и политической философии, он лежит в области «настоящего знания». Здесь с социологией никто спорить не будет, здесь она чувствует себя в наибольшей безопасности. Такое поведение оправдано, оно является способом самозащиты, иммунитетом против

теории, потому что теории — это опасно. Когда ты ступаешь на область теорий, то там тебя встречают и экономисты, и политические философы, и многие другие. Не обладая достаточной уверенностью в своих результатах, можно потерпеть поражение. Но отказ от теоретической работы и постановки философских вопросов социологии в перспективе наносит большой ущерб. Она оказывается даже не прикладной дисциплиной, а вспомогательной — помогает людям, которые делают «серьезные дела» и готовы взять себе подручного. И вот этот подручный там бегаёт.

Мой обычный пример: человек, который работает в лаборатории и занимается состоянием окружающей среды. Он каждое утро ходит, берет пробу воды в реке, анализирует. У него есть правила, реактивы, разработаны соответствующие нормативы и т. д. Но его потолок в лучшем случае — это выяснение тенденции: что там творится в реке с этими показателями за много лет. Все, больше он ничего никогда не сделает. Настоящая химия или экология проходит мимо него, потому что он закрыл все свои перспективы. Вот примерно так обстоят дела с социологией повсюду. Кусок хлеба есть — а больше ничего не надо.

ПОЧЕМУ СОЦИОЛОГИЯ — НЕ ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ

А. Т.: У меня вопрос, связанный с теорией действия, — короткий, на прояснение и вразумление самого себя. Вы перед этим неоднократно акцентировали, что и Парсонс работает по теории действия, и был большой проект Мизеса — на что он претендует? На универсальную теорию человеческого действия. Отсюда вытекает мой вопрос. Тот же самый Мизес, в конце концов, если я правильно помню текст, говорит, что есть экономическая теория, которую неверно и ограниченно понимают, а в действительности на фундаментальном уровне она ставит вопросы о человеческом действии, его устройстве и т. д.

Мизевское рассуждение покоится на том, что мы занимаемся экономической теорией, но сами не понимаем, чем на самом деле занимаемся. Или другие не понимают до конца.

Мой вопрос тут простой: откуда постоянный (или непостоянный, но заметный у Мизеса) ход к дисциплине и ее переосмыслению в рамках большего? Он начинает с дисциплины, но потом ее переопределяет.

Попросту говоря, почему теория действия не отмежевывается как самостоятельное пространство? «Мы занимались теорией действия, а в результате построили вариант социологии как дисциплины» или «Мы занимались экономикой, но на самом деле теорией действия. Но у нас не теория действия, а история про экспансию экономической

теории». Вопрос наивный, но почему напряжение между дисциплиной, классическим каноном и теорией так выстраивается?

А. Ф.: У меня нет окончательного ответа на этот вопрос, но Мизес в данном случае наименее показателен. У него было упорное стремление строить чистую дисциплину. Я уже сказал, но еще раз подчеркну, что для Вебера это наука о действительности. А для Мизеса — это обширная теория, которую он понимает с упорством истинного австрийца (не прирожденно принадлежащего к австрийской школе, а понимающего ее как чистую теорию).

Но вопрос о теории действия — важный. Парсонс — теория действия, Мюнх — теория действия, Хабермас — теория коммуникативного действия. Есть крупнейший веберовед Вольфганг Шлюхтер — один из главных редакторов полного собрания сочинений Вебера, мы ему обязаны большими результатами в правильной исторической интерпретации Вебера. Как-то он говорил мне в самом начале 90-х годов, что когда он закончит с Вебером, то займется созданием собственной теории действия. Он видел работу над теорией действия в качестве важной жизненной задачи, от которой его временно отвлекает долг издания Вебера.

Это действительно очень важная штука. Отсюда понятно какой вопрос вытекает: зачем вам социология, когда есть теория действия? Или зачем вам утверждать, что теория действия — это именно социология, когда она оказывается более широкой дисциплиной? Я уже умалчиваю о том, что существует обширная англоязычная литература по теории действия, которая социологию демонстративно игнорирует. Философы, принадлежащие к аналитической традиции, вообще любят писать так, будто нет и не было ни феноменологии, ни герменевтики. И социологии для них тоже нет. Но если вернуться к социологии, я сейчас дам моментальный ответ, и, возможно, впоследствии я должен буду взять его назад и жалеть, что его дал. Моментальный ответ такой: выбор невелик. О чем еще могла бы быть социология? Она может быть либо теорией действия, либо теорией общества.

Если это теория общества, то за таким самоназванием стоит определенная интуиция социального, состоящая из больших вещей. Или из одной большой вещи — глобального общества. Глобальное общество понимается как состоящее из меньших обществ. Эта макросоциологическая интуиция, которая берет агрегаты людей и человеческих действий как область своего истинного интереса и занятий.

Если вы занимаетесь теорией действия, то вы на самом деле даете присягу пользоваться микроскопом высокого разрешения. Сколько бы

вы потом ни говорили, что из действий, из результатов действий, из регулярности этих действий вытекают устойчивые социальные феномены — все равно у вас фотография с большой зернистостью. Вы рискуете не заметить большие действия. Ваши усилия тогда будут, как у Вебера, идти на то, чтобы социологически переформулировать высказывания о государстве, об обществе, о церкви, о союзе, о предприятии, об армии, чтобы можно было всем показать с гордостью: «Смотрите, на моем языке можно все это сказать иначе, все получается!» Это трудно, это не всегда продуктивно, но это возможно. Просто мне, как социологу, важно всегда держать в голове увеличительный аппарат. Здесь будут совсем другие стратегии.

Если первая большая книга Парсонса — это «Структура социального действия», то вторая большая книга — «Социальная система», потом — «Система современных обществ». Социология не захотела быть наукой о действии, а захотела сохранить в поле внимания большие вещи, возможность высказываний и теоретических стратегий, которые с ними связаны. В этом качестве она в большей степени и в будущей, и в прошлой перспективе оказывается государственной наукой. Представьте, что вы приходите к чиновнику получать финансирование на ваши исследования, на построения, на идеологические конструкции и т. п. Он из вашей заявки, из ваших текстов видит только что-то распадающееся на мельчайшие события. Он копошится и не понимает, какое это имеет отношение к расходованию денег налогоплательщиков: где крупные блоки, с которыми он имеет дело? Социология, которая отказывается от этого всего, может рисковать.

А. Т.: То есть социология раскачивается между теорией действия и теорией общества?

А. Ф.: Да.

А. Т.: Конституирующий элемент здесь — это отказ от окончательного выбора?

А. Ф.: Я думаю, да. Когда вы становитесь на точку зрения теории действия, вы вступаете в очень опасные споры с экономистами, когнитивистами, психологами — всеми теми, кто прямо работает с анализом действия. Когда вы становитесь на точку зрения теории общества, вы вступаете в столь же опасную конкуренцию с политической философией, историей и любой принятой формой идеологии. Формулировка «раскачивания» мне очень нравится.

РАСПАД КАНОНА И УЧАСТЬ ЛАТУРА

А. Т.: Мой второй вопрос — о природе распада канона: канон оказывается образовательным каноном, перестает держаться научного. Вы сказали об отсутствии больших теоретиков, заслуживающих этого имени без оговорки с датой рождения после 1944 года. Если попытаться перечислить схематично, то как можно обозначить причины? Вы хотели перегнуть в противоположную сторону, указывая на экстранаучные факторы? Если попытаться собрать рассыпанные элементы в связность, то как можно обрисовать здесь ответ?

А. Ф.: Я сторонник экстранаучных факторов. Социология — это наука о действии и об обществе.

Это высказывание — самотематизация общества или самоосмысление общества. Общество внутри самого себя выделяет область высказывания об обществе, что не позволяет нам слишком далеко уходить от экстранаучных факторов. Экстранаучные факторы являются внутриобщественными факторами.

Критическим для социологии оказалось понимание утраченной навсегда позиции привилегированного наблюдателя. Это можно связывать и с научными, и с экстранаучными факторами. Но если для Вебера, даже с огромным трудом, но все-таки еще самоочевидным было утверждение: «Я — ученый. Ученый — это рациональность. С точки зрения рациональности я смотрю на все остальное: сравниваю все остальные действия с рациональными, смотрю на всю эволюцию с точки зрения приближенности ее к рациональному модерну» — то для ученых, которые живут через 100 лет после Вебера, такие позиция, уверенность и интуиция прогрессирующей эволюции в сторону рационального модерна — невозможны. Сейчас ученый говорит: «Я предлагаю всего-навсего одну перспективу, она плохая, несовершенная, ущербная, но дайте мне тоже рядом постоять и высказаться». И то, почему нужно слушать именно его, оказывается огромной проблемой. Эта интуиция связана не с тем, что на ученого кто-то наехал, а с тем, что гордое сознание рационального наблюдателя, который сообщает обществу правильное знание о нем самом, утеряно. В настоящее время кажется, что безвозвратно. Без мощного нового движения, которое бы заново доказывало достоинство этой науки, ей не справиться. А если она продолжает держаться за классический канон, то это средство самосохранения (далеко не худшее), возможно содержащее в себе ресурсы для того, чтобы приняться за дело еще раз.

А. Т.: Тогда, если вспомнить известную хабермасовскую дихотомию, то для социолога и социального теоретика сейчас невозможна позиция ни местоблюстителя, ни интерпретатора...

А. Ф.: Да, именно так.

П. К.: У меня небольшой финализирующий вопрос на наличие понимания хода разговора. Мне понравился вопрос Андрея о том, почему не случилось теории действия как отдельной дисциплины. Интересно подумать, возможны ли иные формы познавательной общности: не наука, а теория. *Studies* существуют как отдельные исследовательские области, а с теориями в социально-гуманитарных науках не пошло пока. Может, пойдет. Было бы интересно представить себе мир автономизирующихся теорий, явно более элитарных, чем сегодня. Интересно подумать про мир наук, где возможно ужаться до теории, а не сохранять свою большую территорию дисциплины.

Я пыталась удерживать в голове Ваш рассказ про кризисное и стабилизационное сознание, одновременно про действия и общество. Так вышло, что они находятся друг напротив друга, и наука позволяет раскачиваться, удерживать, работать с двумя принципиально разными явлениями, хотя и объяснимыми в рамках самой этой науки. Здесь роль канона другая. Здесь канон — местами инструментальная вещь, которая позволяет соотносить масштабы и разные состояния объекта (в стабильности и движении).

И Вы показываете науку как нечто перформативное. Социология — наука о действии — действует. Социология — наука об обществе — отдает обществу общество.

Но эта перформативность будто бы политически противоречит тому, что вы говорите про сохранение. Одновременно с этим социология перформативна: делает ставку и едет дальше. Даже если она везет нас в ад, мы все равно продолжаем ехать, потому что движение неостановимо. Мы не считаем, что оно ведет нас к прогрессу, но мы считаем, что оно неостановимо. Оно сильнее участников движения.

Но у вас другой политический ход в конце про сохранение: нет, мы можем противостоять самому движению. Может, это потенциал философии? Вы делаете ставку на то, чтобы оттягивать движение, не давать ему происходить: «Нет, давайте мы вернемся».

Это будто двойственная роль канона: с одной стороны, перформативная для реализации потенциала дисциплины; с другой стороны, это попытка остановиться, замедлиться, сохранить. Что Вы думаете об этом противоречии роли канона в социологии?

А. Ф.: Вы все правильно зафиксировали. Я ничего особенного не думаю. Я считаю, что если отказываться от того, от чего я считаю неправильным отказываться, то мы просто перестаем быть самими собой — теряем свою идентичность. У науки всегда есть какое-то продвижение. Это продвижение предполагает, что нечто сбрасывается с пьедестала, с повозки, и тогда она несется вперед.

Для меня Латур — такой человек. Он лучше всех понимает устройство аргумента классической социологии. Он делает то, что делает, с абсолютно открытыми глазами. Когда он объясняет, как мыслит Дюркгейм, — это лучшие толкования, которые я встречаю. Он это делает только для того, чтобы от всего этого отказаться. Он преодолевает социологию и получает на этом деле все: успех, дивиденды, уважение публики и т. п. Дальше возникает вопрос: можно ли с этим работать? Насколько является воспроизводимой построенная таким образом концепция? Здесь возможны две опции: (1) продолжать держаться классического канона и считать, что он не исчерпан в основных параметрах и моментах (мне лично это ближе); (2) наоборот, сохранить имя социологии, сохранить воспоминание об отдельных успехах, сохранить знание о том, что критиковать и от какого наследства отказываться, но идти по пути, названным когда-то социологией «порочным» и «неправильным».

Политическая философия со временем приводит к появлению социологии. Латур все правильно делает, когда говорит, что мы будем заключать теперь новый договор — не общественный, а с Землей. Это замечательно. Ясно, что это идет вопреки всей традиции общественного договора. И мы выкидываем вместе с ним всю традицию, которая привела от Гоббса через Локка, Руссо и Сийеса к известной нам социологии. Ясно, что при этом мы получаем мощный толчок. У нас есть точка опоры, мы стартовали с нее, сбросили все лишнее с корабля современности — рванулись вверх.

Но появилась ли там новая наука с собственной динамикой? Живет ли она чем-то другим, кроме отталкивания устаревшей классики? Это большой вопрос. У меня это вызывает массу сомнений. А дальше посмотрим. Это максимум, что я могу сейчас сказать.

П. К.: Но Вы же тоже делаете, как Латур. Вы вроде бы говорите про консервативную линию, про сохранение, но Вы же тоже в своем социологическом действии делаете, как Латур.

А. Ф.: Я? А что я делаю? Я, наоборот, вставляю всюду классиков и возвращаюсь в политическую философию. Я как раз говорю, что мы должны включить непрясленные истоки социологии внутрь теории.

Где я делаю так? Я не против, и для меня это лестно. Но я не уверен, что в данном случае это релевантно.

П. К.: Как же! Вы работаете над тем, что может быть включено в социологию, обращаясь к границе с политической философией. Латур убирает здесь слово «теория», он работает, называя это непосредственно наукой. Латур местами в этом нарочито и специально неточен (это часть его хода), берет широкими мазками. А Вы историчны, точны. Но это все равно проекты возвращения к политико-философским основаниям и их пересмотр.

А. Ф.: Да, тогда хорошо. Я согласен. Но я не вижу другого способа. Чем больше я изучаю историю политической философии, тем больше я вижу продолжений политико-философского дискурса или постановки вопроса другими средствами в теоретической социологии. Она мне открывается как часть непрерывного движения, а не как она сама себя представляла (как появление новой науки).

Необходимость рыться в условиях и состояниях знания, когда все только происходило, приводит к лучшему пониманию устройства классических канонических текстов. Замечание верное, но у меня нет ничего другого в ответ, кроме объяснения, почему меня все это влечет. Потому что я нахожу там все свое.

Kolozaridi, P.V., and A. A. Teslya. 2022. “‘Kak bol’shoi proyekt sotsiologiya zakryta’ [‘Sociology as a Major Project Was Shut Down’]: beseda s Aleksandrom Filippovym o kanone v sotsiologii [A Conversation With Alexander Filippov About the Canon in Sociology]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 6 (2), 17–38.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT
INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-2437-5002

POLINA KOLOZARIDI

RESEARCHER AND ASSISTANT PROFESSOR

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA)

COORDINATOR OF THE CLUB FOR THE INTERNET AND SOCIETY ENTHUSIASTS;

ORCID: 0000-0001-5213-0235

“SOCIOLOGY AS A MAJOR PROJECT WAS SHUT DOWN”

A CONVERSATION WITH ALEXANDER FILIPPOV

ABOUT THE CANON IN SOCIOLOGY

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-17-38.

НАТАЛИЯ ВОЛКОВА*

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ КАНОН ANT/STS**

КАК КОРАВЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НАСОС?

Получено: 24.02.2022. Рецензировано: 12.04.2022. Принято: 01.06.2022.

Аннотация: В статье рассматривается канон как принцип формирования акторно-сетевого письма и его влияние на становление Ланкастерской школы, которая существует на пересечении акторно-сетевой теории (ANT) и исследований науки и технологий (STS). Обсуждение канона в статье строится вокруг идеи канонических экспериментов Роберта Войля, которые послужили образцом для экспериментальной науки Нового времени. В качестве экспериментальной техники канон противопоставлен характерному для социологии принципу выделения классиков и классических текстов, входящих университетский канон. (Не)классические формы организации подвижного канона описаны на примере работы с кейсами теоретиков Ланкастерской школы ANT, описывающими передвижения технологий. Для анализа выделены два кейса, проанализированные в статье Джона Ло «Объекты и пространства»: «португальский корабль», который поддерживает форму за счет движения как «неизменная мобильность», и «зимбабвийский насос» как «текущая техника», у которой есть устойчивое ядро и подвижная граница периферии. Разбор каждого из кейсов с выделением их траекторий передвижения между различными текстами, стратегий упрощения анализируемых ситуаций и работы с организацией статьи позволяет выделить подвижный канон ANT/STS как результат наложения двух осей: эмпирического/теоретического описания и выделения ядра контроля/контролируемой периферии. В результате показано, как подвижный канон приобретает устойчивое ядро в статье Ло «Объекты и пространства» и становится основой для дальнейшего развития Ланкастерской школы.

Ключевые слова: объективность, ситуативное знание, материальная семиотика, техники оправдания, упрощение, авторитет.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-39-80.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН: АВТОРИТЕТ И ТЕХНИКИ ОПРАВДАНИЯ?

Чтение статей акторно-сетевых теоретиков и теоретиков STS оставляет двойственное ощущение: кажется, что ты читаешь не научную статью, а художественный текст или расшифровку монолога хорошего оратора. Об ориентации на литературную теорию пишут сами теоретики

*Волкова Наталия Алексеевна, магистр социологии, магистр градостроительства; аспирант РАНХиГС (Москва); преподаватель, Московская архитектурная школа (МАРШ), chestrek@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6798-963X.

**© Волкова, Н. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ANT: Бруно Латур и его коллеги (Latour & Fabbri, 2000; Callon & Rip & Law, 1986). О внимании к риторической форме изложения говорят также и исследователи их работ (Lynch & Rivers, 2015; Walsh et al., 2017; Кузнецов, 2018; Напреенко, 2013; Широков, 2019). Обсуждение акторно-сетевых работ, как правило, строится вокруг авторского стиля Латура и его метода описания исследований. Другие акторно-сетевые теоретики, например Джон Ло и Мишель Каллон, остаются в тени при анализе текстов ANT. Они работают с эмпирическими кейсами и уделяют меньше явного внимания вопросам стиля.

Латур анализирует текст как сеть отношений между различными его элементами, которую выстраивает ученый, проводя исследование. Ученый, работающий в лаборатории или пишущий текст вне ее, строит сеть отношений, аккумулирует в сети власть. Тем самым он поддерживает научный авторитет и стремится к *канонизации* своего имени (Latour & Fabbri, 2000: 117; Латур, Дьяков, 2015: 126–127). Созданная ученым сеть отношений определяет метод его работы. Сети действуют по-разному: они связывают социальных акторов, соединяют материальные объекты внутри лаборатории, выходят из лаборатории во внешний мир в виде статей и докладов на конференциях. Чтобы встроить свой текст в другие сети, ученый переводит их на язык своей сети или подстраивается под них. В процессе перевода других сетей (материальных или социальных) в текст появляются два способа придать ему литературную форму: ученый может подчинить структуру научного изложения литературному методу описания объектов, или же он может последовать за чужим авторским стилем, например стилем Латура. Тогда, используя базовую для ANT метафору «актера-сети», в акторно-сетевом тексте остается только *канонический актер-ученый* и исчезает самостоятельная *сеть*: она становится производной действий актора. Чтобы не потерять сеть отношений между актерами в акторно-сетевых текстах, нужно проследить их перемещения между научным стилем изложения и литературной формой.

Джон Ло, так же как и Латур, считает обращение к литературной форме важной частью научного производства знания. Ло выделяет два типа канона в науке: классический канон Парсонса (Law, 2008a: 17 (34))¹, составленный из выбранных им классических авторов, и ли-

¹Напрямую в интересующем нас контексте Ло говорит о каноне только в этой статье в сноске с критикой Парсонса. Однако в его работах есть еще один источник разговора о каноне — исследования китайской медицинской традиции в ряде статей в соавторстве

тературный канон, который работает как научный метод (Lin & Law, 2013: 7–8). Идею второго типа канона Ло заимствует из феминистских исследований Донны Харауэй (Law, 2008a: 11). Она использует идею литературного канона как способ отказаться от академических властных отношений и перейти от методического идеала точных наук к более гибким методам социальных наук (Haraway, 1988: 589–590, 598–599). Обращаясь к феминистской интерпретации канона, Ло говорит о множественности, перформативности и изменчивости различных методов познания, а рассматривая канонический пример экспериментов естественных наук английского физика Роберта Бойля (Shapin & Schaffer, 2011: 3–4)², Ло, вслед за Харауэй, отвергает идею «скромного наблюдения» Шейпина и Шеффера как основы объективного научного знания естественных и точных наук.

Однако Ло и не сводит все возможности познания к «ситуативному знанию», как это делает Харауэй (Law, 2008a: 11; Law, 2008b; Haraway, 1997). Ло интересуется, как Бойль конструирует признание метода и каноничность эксперимента с помощью литературной техники. Чтобы распространить информацию о результатах своего эксперимента с воздушным насосом и получить поддержку очевидцев и коллег, Бойль изобретает три «техники оправдания» (*technologies of truth*) эксперимента. Первая техника — это *материальный* эксперимент, который могут вживую наблюдать очевидцы (в случае воздушного насоса ими стали лондонцы). Вторая — *литературная техника* или подробное описание эксперимента с иллюстрациями, которая делает его воспроизводимым в любом месте и тем самым мобильным. Третья — *социальная техника*, которая формирует мнение авторитетных ученых, живущих далеко. Бойль описывает эксперимент так, чтобы его коллеги могли *попробовать* его повторить и подтвердить его действенность (Shapin & Schaffer, 2011). Среди других техник литературная занимает особое положение: она связывает материальные действия ученого и сеть его далеких коллег, которые оценивают значимость полученных им результатов. Таким образом, Ло показывает, что, создавая канон описания научного

с Уэн-ян Лин, в которых канон рассматривается как эмпирический объект, позволяющий объединять элементы различных традиций. Например, см. Lin & Law, 2013. Кроме того, Ло достаточно часто ссылается на работы Харауэй и феминистской теории как на важный теоретический источник развития ANT.

²Они ссылаются на Гарвардский сборник кейсов из истории науки учителя Томаса Куна. См. Case Histories..., 1948.

эксперимента, Бойль делает возможным воспроизводство эксперимента в любой лаборатории и формирование ситуативного знания, которое может быть признано «объективным» и, следовательно, научным. Успешность литературной техники создает двойную канонизацию: на основе ситуативного признания эксперимента и авторитета ученого.

За рамками анализа Ло остается ряд важных вопросов. Как работает литературная техника и как она влияет на характер научного знания? Как литературная техника определяет канонический способ перевода материальной техники в структуру текста и ее влияние на организацию сети социальных отношений между учеными? Будет ли литературный канон социальных наук таким же жестким, как канон естественных и точных наук, заложенный Бойлем? Если социальный канон не жесток, то как он позволяет воспроизводить ситуативное знание и делает его «объективным»? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо детально описать работу литературного канона в STS³ на примере статей, которые бы максимально различались по времени публикации и кейсам.

Предполагая, что канон STS может быть не-жестким, далее мы разберем два кейса ANT, описывающих технологии передвижения. Их сопоставление в статье «Объекты и пространства» обозначает переход Ло от ANT к пост-ANT и STS (Ло, Вахштайн, 2006; Law, 1999). Один кейс — история португальского галеона как метода контроля на расстоянии, второй — рассказ о зимбабвийском насосе как текучей технике. Сравнение двух кейсов покажет метод перевода материальной техники кейса в структуру статьи, который определяет литературную технику канона STS. При этом будет показано, что множественные переводы и пересказы самих кейсов делают видимой социальную технику канона, с помощью которой ученые, опирающиеся на канон STS, плетут сети взаимодействий и сотрудничества.

КАНОН И КЕЙС

Ло обращается, опираясь на работу Шейпина и Шеффера, к литературной технике Бойля как к каноническому примеру научного описания

³Рассматриваемый канон относится и к ANT, и к STS. Хотя изначально ANT входит в STS, после 2000 года это утверждение становится спорным: обозначив период после 2000 года как пост-ANT, Ло все последующие годы позиционирует себя как теоретика STS, а к ANT обращается лишь как к одному из методов. Кроме того, нет синхронности между появлением ANT и STS: первые работы ANT относятся к периоду к 70-х – начала 80-х гг., в то время как книгу Шейпина и Шеффера Ло неоднократно называет основополагающей для появления «нового STS» (Law, 2008a).

Нового времени (Law, 2008b: 7–8). Открытие Бойлем вакуума — это уникальное событие, которое суммирует результаты его 43 экспериментов с воздушным насосом. Приводя их протоколы в книге «Новые эксперименты», Бойль определяет каноническую форму естественной науки Нового времени как *экспериментальную* (Shapin & Schaffer, 2011: 3–22). Наблюдаемые факты становятся открытием, только если их могут воспроизвести другие ученые, то есть если они становятся социальными фактами. Поэтому чтобы добиться признания своего открытия, Бойлю недостаточно провести один или несколько удачных экспериментов, ему также нужно *убедить* в их успешности коллег и широкую публику. Строгий протокол позволяет воспроизвести эксперимент другому ученому с другим воздушным насосом, гарантировав его социальное *оправдание*. Поэтому описание материальной техники эксперимента появляется на стыке естественных наук и философских способов убеждения. Это описание задает канон естественных наук и в то же время зависит от социальных связей ученых (ibid.; Shapin, 1984)⁴. Ло, делая акцент на литературной технике Бойля, предполагает, что социологию тоже можно определить как экспериментальную науку⁵. Однако перенос методики эксперимента из естественных наук в социальные требует ответов на два вопроса. Если эксперимент Бойля является каноническим, что канонизирует естественная наука Нового времени: личность экспериментатора, методику (протокол) или факт открытия? Как каноническая форма изменяется при переносе экспериментального метода из естественных наук в социологию?

В центре истории об эксперименте Бойля находится личность ученого и его способ построения научного доказательства. Для естественных наук возможность опровергнуть или ограничить авторитет ученого является основным критерием научности (Поппер, Никифоров и Новичкова, 2004: 28–31). Три техники оправдания создают пространство оценки коллегами открытия отдельного ученого, но не касаются вопросов о его личных качествах. Поэтому единственной устойчивой техникой в эксперименте Бойля остается материальная техника, описанная им во многочисленных письмах-протоколах. В естественных науках фигура ученого отходит на второй план и канонизируется *материальная*

⁴Подобную идею о социологическом методе как о методе экспериментирования см. Law & Williams, 2014.

⁵Эту идею Ло нигде не выражает прямым образом, однако в фокусе STS изначально находятся лабораторные (Latour, Woolgar, 2013), а затем полевые эксперименты (Law, 2016; Law, 2008a).

техника. Благодаря *социальной технике* эксперимент путешествует и расширяет круг сторонников новой теории. *Литературная техника* задает характер новой канонической формы — протокольного описания метода проведения эксперимента (Sharin, 1984). Литературные техники убеждения нужны естественным наукам, чтобы преодолеть неустойчивость экспериментально установленных фактов и изменчивых социальных техник оправдания.

Когда Харауэй описывает ситуативное знание, она противопоставляет точные и естественные науки «мягким» социальным наукам. Харауэй считает, что первые полагаются на авторитет свидетельства и утверждают универсальную объективность, вторые она называет ситуативно объективными. Первые удовлетворяют требованиям оспариваемости фактов, выдвинутым Поппером, и потому могут считаться *наукой*. Вторые Поппер не признает наукой, поскольку валидация научных фактов в социальных науках зависит от авторитета конкретных ученых и традиции (Поппер, Никифоров и Новичкова, 2004: 22–24, 208–232). Предлагая отказаться от универсальной валидации научных фактов, Харауэй и Ло, однако, не показывают, как этот отказ позволит работать социологии в качестве экспериментальной науки и как изменит представления о каноне.

Сложившаяся традиция формирования канона социологии дает лишь дополнительные аргументы в пользу позиции Поппера. В отличие от канона естественных наук, канон социологии ориентируется на выделение образцовых, классических текстов и ролевых моделей для подражания ученых — авторов-классиков (Alexander, 1987). Классические тексты формируют канон, обладающий бесспорным авторитетом, что позволяет его использовать как основу для университетских курсов (Baehr, 2002). Чтобы понять, как утверждается авторитет классиков, необходимо аналитически разобрать понятие классичности. Вахштайн⁶ предлагает определять классичность текста как производную трех параметров (Вахштайн, 2011). Классичность текста зависит от его внутренней и внешней согласованности с другими текстами. Третий параметр определяет, насколько выраженные в тексте идеи связаны с *именем* классика. В результате авторитет текста и ученого совпадают, а *имя* классика оказывается точкой сборки для его теоретических аргументов и описываемых им ситуаций повседневных взаимодействий. Таким

⁶Признан иноагентом на территории РФ.

образом, классик в социологии играет ту же роль, что и литературная техника для эксперимента в естественных науках. Именно классик определяет каноническую форму социологического описания.

Сопоставление роли канона и классичности в социологии показывает основную проблему, которая возникает, если, как предлагает Ло, рассматривать социологию как экспериментальную науку. Устойчивость социологического канона поддерживается мифом об «отцах-основателях» или о классиках социологии, работы которых переживают многочисленные «ренессансы» (Wagner, 2013). К отцам-основателям обычно относят четырех авторов: Дюркгейма, Вебера, Зиммеля и Тенниса (Филиппов, 2008; Филиппов, 2019: 79–82). Периферия социологического канона подвижна и состоит из «забытых» (Титков, 2019), «отверженных» (Connell, 1997) или «неудобных» (Вахштайн, 2011) классиков, состав которых может значительно варьироваться. Различение основных и периферийных классиков, чьи работы входят в социологический канон, означает, что нет жесткой связи между авторитетом текста и автора. Текст периферийного классика может стать классическим, в то же время у основных классиков значительное количество текстов не входит в канон. Например, у Уорнера, «забытого классика» социологии города, есть исследование и описание американского города «Янки-сити», которое входит в набор канонических текстов городской социологии. «Янки-сити» является примером первого типа текста. Эссе Зиммеля об известных исторических личностях и художниках относятся ко второму типу: Зиммель писал их на протяжении всей жизни, они представляют особый жанр в его творчестве, но многие даже не переведены с немецкого. Текст классика может стать каноническим или не стать таковым, так же как автор канонического текста может не стать классиком. Гибкость связей между авторитетом автора и текста показывает принципиальное отличие социологического канона от естественно-научного. Если естественно-научный канон пытается установить жесткую и устойчивую связь между классическим автором (Бойлем) и его текстами, социологический канон подвижен. В естественных науках устойчивость канона определяет *универсальную объективность* и воспроизводимость результатов экспериментов. Однако если социологический канон подвижен, как ситуативное знание становится объективным и устойчивым к переносу на другие ситуации? И как меняется характер эксперимента, когда он должен соответствовать критериям не универсальной, а ситуативной объективности?

Следуя феноменологической традиции социологии, классический социологический текст можно определить по его принадлежности к одному когнитивному стилю, то есть стилю объяснения социальной реальности (Вахштайн, 2014; Шюц, 2003). Стиль объяснения социальной реальности, в свою очередь, зависит от техники письма и аргументации, свойственной конкретному тексту. Если попытаться определить социологию как экспериментальную науку, то описание эксперимента должно работать и как когнитивный стиль, и как техники оправдания. Техники оправдания становятся когнитивным стилем экспериментальной науки. Сеть ученых, воспроизводящих и подтверждающих результаты одного эксперимента, следует единому когнитивному стилю и создает особый мир со своими правилами, который воплощается в следовании единому канону изложения⁷. Мир эксперимента остается единым, если его когнитивный стиль связан с отдельным автором, например Латуром (Кузнецов, 2018), или с научным направлением, например Чикагской школой социологии (Marres & Stark, 2020). Однако в работах одного автора можно также выделить различные теоретические направления, как это происходит с интеракционизмом и структурализмом у Гофмана (Вахштайн, 2003). Тогда классик становится неудобным, он начинает перемещаться между различными когнитивными стилями (Вахштайн, 2011) и размывает границы «своего» мира.

Естественно-научный эксперимент происходит в лаборатории, что позволяет ученым конструировать ситуацию и поддерживать некоторую ее герметичность. В отличие от естественных наук, социальный эксперимент не связан с единым когнитивным стилем, а сталкивает разные стили в конкретных ситуациях в естественной среде (Marres & Stark, 2020). Отказ от единого когнитивного стиля и переключение между разными стилями принципиально меняет характер описываемого эксперимента. Переключение между стилями определяет технику описания *перехода между мирами*, каждый из которых создан своим стилем.

⁷Шюц приводит шесть характеристик когнитивного стиля (Шюц, 2003: 17), которые можно сопоставить с тремя техниками оправдания. К материальной технике, когда эксперимент непосредственно наблюдается, можно отнести приостановку сомнения и рабочую деятельность. К литературной технике — внимание к событиям жизни и временную перспективу, которые позволяют описывать эксперимент. Социальная техника будет реализовываться в качестве когнитивного стиля через личную вовлеченность и социальность. Если концепция когнитивного стиля Шюца описывает набор техник Шейпина и Шеффера, то следующим шагом необходимо признать, что Бойль *конструирует* мир эксперимента с помощью техник эксперимента. Такой подход уже ближе к прагматической социологии Болтански и Тевено (Boltanski & Thévenot, 2006).

Таким образом, осуществляется переход между мирами или перевод между их когнитивными стилями. При этом метод перевода является основным методом исследования ANT (Каллон, Майоров, 2017).

Метод перевода между различными когнитивными стилями, который будет устойчиво действовать в различных социальных экспериментах, можно считать каноническим для ANT/STS. Однако если экспериментальное социальное знание ситуативно объективно, как утверждает Харауэй, перевод между мирами будет работать не от образцового эксперимента к его реплике, как в ситуации с Бойлем. Все социальные эксперименты оказываются в равном положении и взаимно оправдывают или оспаривают друг друга. Но если универсальная объективность невозможна, то отсутствуют основания для сопоставления результатов исследований, апеллирующих к различным вариантам ситуативной объективности⁸, поэтому перевод между различными когнитивными стилями и вариантами ситуативной объективности требует выделения другого способа обоснования объективности исследования, отличного и от универсального, и от ситуативного. Объективность перевода должна иметь обоснования в методе перевода, а не в описываемых кейсах и ситуациях. Следовательно, ключевой вопрос для выделения канона ANT/STS: как канон позволяет обосновывать объективность социологического метода исследования?

Шейпин и Шеффер рассматривают историю лабораторного эксперимента Бойля как исторический кейс, следуя традиции истории науки, заложенной Куном, то есть их исследование является рассказом об эксперименте Бойля. Ло идет дальше и утверждает, что исторический или социологический кейс является переводом, то есть аналогией естественно-научного эксперимента в социологии и STS (Law, 2008a: 629–630). Успешность эксперимента в обоих случаях определяется устойчивостью (объективностью) переводов между различными вариантами материальной и социальной техники, которые и определяют каноническую организацию статьи, описывающей кейс. В случае эксперимента Бойля было задано направление перевода из материальной техники в литературную, а затем в социальную. Однако если ситуация эксперимента Бойля и экспериментов других ученых имеет равный статус и речь

⁸Маррес и Старк в цитируемой статье пошли дальше: они показывают, что лабораторный эксперимент позволяет перейти от повседневной реальности к научной. В этом смысле можно говорить, что существуют переводы между двумя типами переходов: лабораторным и тестовым. Однако это уже не является предметом данной статьи.

идет о социальном эксперименте, перевод может идти в обоих направлениях: и из материальной в социальную и из социальной в материальную техники. Таким образом, социологический канон имеет двойную подвижность: он определяет способ перевода (передвижения) между ситуациями и сам является переводом между различными техниками — материальной и социальной.

Ло описывает две версии организации научной статьи, в которых отображаются две техники: материальная техника кейса и социальная техника взаимодействия ученых. Научная статья состоит из разделов, подчиненных логике формальной организации текста: резюме, введение, материалы и методы, обсуждение и библиография (Law, 1986b)⁹. Формальная структура статьи работает как устойчивая материальная техника. Также в статье поэтапно реализуется социальная техника эксперимента за счет поэтапных изменений ученым исходного материала. Изменения становятся следствием обсуждений и взаимодействий между коллегами, к которым призывает Ло на разных этапах исследования: «Сопоставляйте, упрощайте, систематизируйте и сравнивайте» (Law, 1986a). Последним этапом изменений выступает *оценка* гетерогенных материалов исследования, которая позволяет создать единую структуру текста статьи (ibid.: 48). Таким образом, согласно Ло, организация статьи зависит от способов ее материальной и социальной организации. Если форма статьи может упорядочить разнообразие кейсов социальных взаимодействий, то канон экспериментальной социологии задает общую структуру описания кейсов, позволяющую установить связи между кейсами. Условием перехода от социологических описаний Латура к аналогам экспериментов Бойля в социологии становится смена объекта канонизации. Это предполагает отказ от канонизации как авторов и их описаний социальной реальности, так и отдельных ситуаций-кейсов. В центре оказывается способ перевода между кейсами, который определяет метод их исследования. Таким образом, если социология отказывается от идеи об устойчивости социологического канона, она начинает работать как экспериментальная наука, которой нужно обоснование объективности ее выводов.

⁹По такому же принципу дробления или сегментации статьи выстроен метод аналитического чтения текстов Андрея Кузнецова и сервис, основанный на его методе. См.: <https://eusp.org/projects/viatekst-onlayn-instrument-dlya-vizualizacii-i-analiza-tekstov-po-socialnoy-teorii>.

Чтобы выделить подвижный социологический канон, необходимо показать, как организованы статьи, описывающие различные кейсы, в чем различия организации статей и как организация статей зависит от характера взаимодействия материальной и социальной техники в кейсах. В следующем разделе будут подробно разобраны три вопроса: выбор кейсов-статей ANT для анализа, организация описания кейсов и методы материальной семиотики для анализа статей. Социальный эксперимент реализуется в форме цепочки единичных кейсов, которые переводят исходную модель описания в контекст конкретной ситуации. Однако поскольку все кейсы имеют равный вес в описании модели, они образуют не единую линию, а сеть. Чтобы выделить кейсы для анализа, необходимо понять, как организованы отношения в сети кейсов и каким образом они описаны в статьях. Основой анализа организации статьи станут две версии *материальной семиотики* и ее методы, которые применяются к анализу текстов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

ПОДВИЖНЫЙ КЕЙС

В начале статьи мы говорили о ранних этапах развития ANT и STS. Чтобы понять, что такое эмпирический кейс для ANT и STS, посмотрим, как описывает социальный эксперимент Ло. В тексте «Объекты и пространства» Ло сравнивает две истории и на основе их сравнения предлагает новый метод акторно-сетевого исследования — социальную топологию. Первая история рассказывает о португальском галеоне как об инструменте морской экспансии империи (Law, 1984b). Вторая — представляет зимбабвийский втулочный насос как технологию, создающую нацию (De Laet & Mol, 2000; Лаэт и Мол, Салин и Быков, 2017). Мол предлагает историческую версию связи кейса галеона и зимбабвийского насоса. Она рассказывает о них как о части «живой» линии развития теории, где описания одних кейсов являются ответом на описания других и тем самым образуют серию кейсов ANT. Если рассматривать эксперимент в социологии как такой же способ перевода между кейсами и ситуациями, как и отдельный кейс, задающий способ перевода между разными техниками, то серия кейсов образует последовательность переводов. Кейсы в начале и в конце серии — галеон и насос — определяют предмет эксперимента, и они должны быть принципиально симметричны и дополнительны по отношению друг к другу. Кейсы,

которые образуют серию Ло и Мол, говорят о разных способах поломок или модусах упорядочивания, когда технологии перемещаются из одного места в другое и расширяют сети взаимодействий. Поэтому концептуальным противостоянием, о которых говорил Мертон, ANT противопоставляет последовательное сопоставление эмпирических ситуаций (Мол, Гусейнова и др., 2018: 11–12). Серию кейсов ANT можно описать как социальные тесты в ходе эксперимента, который неявным образом связывает их в одну последовательность. Поэтому кейсы в серии не находятся в противостоянии, а дополняют друг друга: соседние в последовательности уточняют друг друга, тем самым поддерживая устойчивость сети. Чтобы реконструировать социальный эксперимент, то есть его канонический когнитивный стиль, нужно выявить различия и сходства между описаниями разных кейсов.

Связывая кейсы галеона и насоса серией кейсов, Мол описывает переходы между кейсами внутри серии как постепенное оспаривание устойчивости технологии. Так, Ло говорит о португальском галеоне как о способе поддержания связей внутри морской империи и утверждает, что изменчивые техники навигации позволяют ему поддерживать сети взаимодействия устойчивыми. Латур вводит понятие «неизменной мобильности» в отношении португальского галеона и относит его способность поддерживать связь между центром империи и ее отдаленными землями к особенностям его конструкции (Латур, Маслюкова и др., 2017: 106–117). Акрич анализирует разрывы материальных сетей при перемещении технологий (Akrich, 1989) и то, как разрывы сетей меняют социальные практики использования технологий. Лаэт и Мол анализируют неустойчивую технику в виде зимбабвийского насоса, которая способна поддерживать сети социальных взаимодействий. В результате можно наблюдать, как изменяется концепт (не)устойчивой техники, а новые ограничения устойчивости иначе оговариваются в каждой ситуации. Если в случае галеона *материальная техника* более явно выражена и видима в структуре статьи, то для зимбабвийского насоса основой мобильности и видимости технологии в описании кейса становится *социальная техника* взаимодействий. Соответственно, можно ожидать, что различная степень видимости материальной и социальной техники отразится в литературной технике описания кейсов и переводов между материальной и социальной техникой внутри этих кейсов: кейс галеона покажет действие перевода, а кейс насоса — способы координации различных версий перевода. Серию кейсов ANT можно также представить с помощью метафор продления сети и переноса технологий.

История о португальском галеоне становится отправной точкой для эксперимента с устойчивостью технологий, а описание зимбабвийого насоса показывает границы изменчивости кейса за счет серии упрощений. Тогда понятна идея Ло, сравнивающего два наиболее отличающихся (отдаленных) друг от друга кейса из серии, описанной Мол. Сопоставляя кейсы, Ло делает видимым стоящий за ними эксперимент ANT/STS и представляет его в виде новой социальной теории и канонического метода перевода (Law, 2002; Ло, Вахштайн, 2006). Чтобы повторить эксперимент, необходимо не описание теории, которая лежит в его основе, а метод перевода между материальной и социальной техниками эксперимента. Так, в книгах об эксперименте с воздушным насосом Бойль описывает не теорию вакуума, а машину, которую построил, и способы действия с ней. В описании эксперимента теоретические построения остаются неявными. Теоретические построения определяют каноническую форму ситуаций, между которыми происходит перевод, но не сами наблюдения, поэтому каноническая форма описания кейса отражает явным образом эксперимент, а концептуальные переводы и изменения становятся явными только из сопоставления кейсов. Тогда для реконструкции канонической формы статьи STS нужно сопоставить наиболее различающиеся статьи-кейсы внутри серии и проанализировать их работу как материальной и социальной техники.

СТАТЬИ: СТРАТЕГИИ УПРОЩЕНИЯ ОПИСАНИЙ

И португальский галеон, и научные статьи Ло описывает как инструменты *контроля на расстоянии* (*long-distance control*), которые переводят без значительных помех одни сети в другие и поддерживают связь между удаленными друг от друга местами (Law, 1986a). Тексты статей связывают ситуацию изначального эксперимента с многочисленными тестами и становятся инструментом преобразования их сложной структуры в упрощенное описание (*ibid.*: 48; Law, 1984a: 18). Процедура упрощения должна следовать определенному способу анализа и описания кейсов. Латур и Ло определяют его как акторно-сетевой способ письма (Callon & Rip & Law, 1986) или *материальную семиотику* (Law, 2009).

Упрощение кейса в общем виде строится по следующей схеме. Сначала необходимо вычленить ситуацию, затем представить ее как эксперимент и разбить на частные кейсы-тесты, сравнивая и противопоставляя наиболее далекие по характеристикам элементы. Наконец, серия сопоставлений позволяет понять отношения элементов и описать их как

связанную сеть, которая определяет репертуар возможных действий в ней. Фактически в этой версии материальная семиотика следует логике эксперимента Бойля, который переходит от анализа материальной техники к рассмотрению социальных отношений между различными техническими объектами и акторами. В результате Бойль составляет протокол — детальное описание последовательности действий ученого. Чтобы протокол действий был *простым*, он должен следовать единой логике и описывать либо акторов, либо отношения между ними, либо их действия.

Все три варианта описаний (актор, сеть отношений, его действия в сети) допустимы с точки зрения концептуальной рамки акторно-сетевой теории. Акторы действуют и своими действиями плетут сети. Однако если описать кейс как последовательность действий акторов, то статья рискует превратиться из исследовательского текста в инструкцию по проведению эксперимента с критериями оценки его результатов — Бойль так составлял письма-протоколы. В результате проявляется отличие естественно-научного и социального экспериментов: их действие направлено в разные стороны. Цель описания естественно-научного эксперимента — в том, чтобы составить доступную и воспроизводимую инструкцию, цель эмпирических социальных кейсов — сделать видимой структуру социального взаимодействия (эксперимента), которая объединяет кейсы. Анализ социальных кейсов отличается от естественно-научных экспериментов тем, что они описывают. Но и те, и другие следуют общим стандартам технической организации эмпирических результатов в статье: логике и последовательности изложения материалов и аргументов.

ДВЕ ВЕРСИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Акторно-сетевой текст может быть выстроен либо как описание акторов сети, либо как описание сети отношений. Эти два подхода симметричны и могут быть описаны через два типа *материальной семиотики*: акторно-сетевой и перформативный (Law, 1999: 3–4; Law, 2009). Автор изначального метода материальной семиотики Ло называет Харауэй (Haraway, 1991: 200–201), которая связывает литературный канон социальных наук с материально-семиотическим способом описания.

Первый тип материальной семиотики предлагает Латур: он описывает текст как серию мобилизаций различных социальных, материальных, экономических, политических ресурсов, которые в упрощенном виде

отображаются в статьях. Однако призыв Латтура «Пишите, описывайте, пишите, описывайте» (Латур, Полонская, 2014: 209) можно понять и иначе, поскольку он явным образом различает акторов и описания (изображения) как способ поддержания их позиций и аргументов (Широков, 2019). Таким образом, текст у Латтура выстраивается не просто на описании акторов сети, а на сочетании двух типов аргументов: описания действий акторов и их обоснования за счет иллюстративного (образительного) описания отношений между акторами. При этом не важно, в каком виде будут представлены иллюстративные аргументы: в виде изображений, историй (Латур, Маслокова и др., 2017) или риторических конструкций (Latour & Fabbri, 2000). Сочетание двух типов аргументов позволяет неявным образом описать акторов и эффекты, которые создаются их отношениями.

В перформативной материальной семиотике Ло интерес исследователя связан не с сетями, которые плетут акторы, а со способами выстраивания (*performing*) отношений, в которых из сетей выделяются акторы. Ло предлагает описывать отношения в терминах перформативности, взаимодействия (*enactment*), множественности (*multiplicity*) и изменчивости (*fluidity*). При описании отношений между акторами становится существенным способ определения актора как важного элемента для данной сети отношений. При этом отношения в тексте представлены опосредованно. Текст может состоять из перечисления акторов или их действий, которые различаются по своим характеристикам и определяют тем самым отношения между ними. Такие отношения могут быть не отражены в материальном пространстве текста, но становятся явными лишь за счет анализа его организации, которая зависит от социальных взаимодействий между учеными (Law, 1986a). То есть описательный способ изложения за счет жесткой структуры текста создает фон для представления кейса и неявным образом демонстрирует отношения между акторами.

Таким образом, анализ кейса на основе двух версий материальной семиотики предполагает наличие неявных описаний акторов или отношений, которые можно выявить только за счет анализа структуры текста. Для реализации и акторно-сетевой, и перформативной стратегии упрощения используются технические элементы статьи — членения статьи на разделы, выделение заголовков и подзаголовков, разбивка на абзацы и включение в текст цитат — и их структурные различия, например, когда заголовок противопоставляется телу текста (*ibid.*). При этом обе версии материальной семиотики работают с одинаковыми

стратегиями упрощения кейсов, которые и будут определять способ реализации канона при анализе конкретного кейса. Анализ статей строится на различении описания акторов, их действий и отношений между ними. Каждый из этих элементов может быть представлен явно через описания или неявным образом отражаться в структуре статьи.

Анализ двух статей-кейсов, построенных вокруг устойчивой и неустойчивой технологий, позволит описать характерные черты каждого кейса и продемонстрировать, как меняется структура описывающей его статьи. В результате будет показано, как в структуре статьи отражается структура описываемого объекта за счет организации и упорядочивания действий акторов и их отношений.

КЕЙС ПЕРВЫЙ. ПОРТУГАЛЬСКИЙ ГАЛЕОН КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРОЛЯ НА РАССТОЯНИИ

ПУТЕШЕСТВИЯ КЕЙСА

В статье «On the Methods of Long-Distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India» (Law, 1984b) Ло называет португальский галеон одним из методов контроля на расстоянии (*long-distance control*), два других метода — навигация и карта с маршрутом (Law, 1986b). Однако из трех методов контроля на расстоянии именно галеон оказывается наиболее подвижным, и именно идею галеона затем используют Латур (Латур, Полонская, 2014, Латур, Маслюкова и др., 2017), Каллон (Каллон, Майоров, 2017) и сам Ло (Ло, Вахштайн, 2006) в более поздних статьях, не делая акцента на других методах. История о португальском галеоне, как подвижный кейс, имеет два взаимосвязанных измерения: с одной стороны, она путешествует по другим текстам, с другой — внутри статьи эта история сама образует серию локальных тестов. Эти две траектории путешествий кейса взаимосвязаны, на их пересечении и возникает статья.

Галеон поддерживает связь между Португалией, сердцем империи, и ее отдаленными землями, поскольку он образует корпус — небольшую, устойчивую (*impregnable*), мобильную и долговечную (*durability*) оболочку (Law, 1984b: 238–241). Эти характеристики позволяют галеону подчинять себе море, ветер и людей, которые участвуют в его работе — «моряков, купцов, мастеров, торговых агентов», — объединяя их в сложную систему отношений, и возвратиться обратно. В результате корабль оказывается исправным «средством коммуникации между

центром и периферией» и обеспечивает удаленный контроль над колониями. Определяя корабль как исправное средство коммуникации, Ло противопоставляет его «паразитической коммуникации» Мишеля Серра (Law, 1984b: n10). В свою очередь, Серр в книге «Паразит» описывает

телефон, телеграф, телевидение, системы магистралей, морские и судоходные пути, орбиты и спутники, циркуляцию сообщений и сырья, языка и продуктов питания, денег и философских теорий как коллективные системы, где «коллективному придали форму животного — Левиафана» (Серр, Лобанова, 2016–2017: 8–7).

Таким образом, отправной точкой для истории о португальском галеоне оказывается фигура Левиафана Серра, существование которого зависит от небольшого объекта — корабля, исправного передатчика, поддерживающего коммуникацию. Первое определение галеона строится на противопоставлении устойчивой коммуникации и паразитического перехвата сообщений.

Португальский галеон представляет собой средство перемещения или коммуникации, однако ему необходимо найти путь через океан к месту назначения, поэтому не только он сам контролирует качество коммуникации, но и моряки должны быть способны также контролировать его перемещение. Ло показывает, что контроль за перемещениями галеона зависит от того, как организована нематериальная оболочка навигации: дает ли она универсальное представление о пространстве независимо от того, проходит путь по известным маршрутам или нет. Наличие такой универсальной нематериальной оболочки — системы навигации — становится еще одной инновацией португальских мореходов. Навигационная система португальцев использовала те же знания, что и средневековая астрономия, опиравшаяся на систему сложных расчетов, но в упрощенном, справочном виде: «простые правила, простые данные и простые инструменты» (Law, 1986b: 250). Определение португальской навигации как сложной системы, которая объединяла простые элементы, показывает другую траекторию путешествия кейса португальского галеона к методу изобретения Эдисона, который придумал телеграф, телефон и другие системы контроля на расстоянии (Hughes, 1983). Так же как и Эдисон, авторы португальской системы навигации не изобретали отдельные компоненты системы, они уже все были в наличии. Наоборот, они упрощали те правила, данные и инструменты, которые имелись, чтобы создать систему, которая бы обладала силой действия за счет организации простых компонентов (*forceful*).

Португальский галеон перемещается в двух пространствах, его линейное перемещение по морю в пространстве, которое он контролирует, опосредовано его перемещением в пространстве системы навигации. В системе навигации галеон оказывается уже не инструментом контроля, а контролируемым объектом. Контроль над галеоном и его перемещениями с помощью системы навигации возможен благодаря нахождению на корабле трех типов акторов, для которых определен максимально простой характер действий: документов, приборов и обученных людей (*drilled people*). В результате корабль оказывается системой, внутри которой точки контроля перемещаются циклически: от корабля к навигационной системе и от навигационной системы к сети акторов на корабле. Но в то же время смещения точек контроля, в отличие от перемещений корабля, стабилизированы в пространстве корабельного корпуса и не выходят за него. Таким образом, Ло предлагает два концептуальных вектора перемещений вещей, людей и объектов: линейный (пути) и циклический (оболочки). Посмотрим, как эти две стратегии отражены в структуре статьи.

ПУТИ И ОБОЛОЧКИ: ОРГАНИЗАЦИЯ СТАТЬИ

Статья Ло о португальском галеоне простая по материальной структуре, хотя ее стиль организации учитывает требования к минимальной структуре научной статьи: в ней есть введение («проблема») и заключение. В остальном статья организована не-техническим образом (илл. 1)¹⁰. Если вынести за скобки технические части статьи (резюме, примечания, благодарности и библиографию), то она состоит из заголовка и шести частей. Следуя логике сопоставления, которую предлагает Ло, вторая часть названия статьи описывает ее организацию через выделение трех методов социального контроля: корабля (1, 2), навигации (3, 4) и пути как способа коммуникации (5, 6).

Центральным актором для всех трех методов оказывается корабль, он может выступать как инструмент (актор) контроля, а может контролироваться за счет методов навигации и коммуникации. Такая роль корабля отражает концептуальную циклическую структуру кейса, которая была показана в прошлом разделе. Каждый из методов контроля представлен контрастной парой. Корабль описан как инструмент империи: сначала — с точки зрения исторических исследований (1), затем —

¹⁰Поскольку перевода статьи на русский нет, названия даны в переводе автора данного текста.

из перспективы истории технологий (2). Навигация представлена через противопоставление практических средневековых методов мореплавания (3) и астрономической науки Нового времени (4). Наконец, путь в Индию раскрывается через описание акторов, которые являются частью системы контроля (документы, приборы и обученные люди) как части работы корабля и как предмет теоретического осмысления. Таким образом, корабль как действующий объект, который существует за счет наложения различных оболочек контроля, представлен в тексте как результат сопоставления методов навигации и сетей акторов.

Таков один способ описания статьи — через метафору линейного пути корабля. Если посмотреть на статью с точки зрения метафоры циклических оболочек, то основной аргумент строится вокруг противопоставления проблемы и решения. Первая часть статьи (1, 2, 3) посвящена формулировке проблемы из теоретической и эмпирической перспективы: что такое контроль на расстоянии и как решить проблему навигации португальцев? Вторая часть статьи (4, 5, 6) дает ответ на поставленные вопросы, но в зеркальном порядке: сначала решение португальцами проблемы навигации, а затем ее перевод в теоретические понятия других исследований. Таким образом, можно выделить три оболочки: навигация (3, 4), корабль (2, 5) и контроль на расстоянии (1, 6). В результате контроль на расстоянии Ло также определяет через противопоставление: контроль империи за отдаленными землями и контроль корабельной команды (документов, устройств и людей) за перемещениями корабля. Власть команды корабля, использующей навигацию, равносильна власти центра империи по отношению к ее периферии.

Подобное развертывание структуры статьи можно продолжить и дальше. Так, например, структура введения (1) работает по принципу своеобразного акростиха: первый абзац определяет идею контроля, следующие три — дают возможные версии ее решения через обращение к анализу конструкции корабля, навигации и имперских завоеваний. Наконец, последние два абзаца показывают три основных задачи статьи: внести вклад в исследования социального контроля на расстоянии, показать, как инструменты становятся частью этого контроля и как контроль на расстоянии способствует росту империй. Эти два способа определения контроля на расстоянии, которые отражаются во введении, затем раскрываются в противопоставлении власти команды корабля и власти центра империи по отношению к периферии. Однако остается вопрос: какая социальная техника стоит за сочетанием линейной и циклической структуры статьи на уровне ее материальной организации?

ОРГАНИЗАЦИЯ КЕЙСА: СМЕЩЕНИЕ ВЗГЛЯДА

Что дает разбор организации статьи Ло о португальском галеоне с точки зрения канонической формы статьи АНТ?

Во-первых, статья о португальском галеоне построена как система наслаивающихся оболочек, которые связаны, с одной стороны, с организацией текста (названия, разделы, структура разделов), а с другой — с его основными концептами. Описание кейса реализуется как последовательное разворачивание оболочек: от названия статьи к двум частям текста, от двух частей текста к парам разделов, от пар к отдельным разделам, от названий разделов к их внутренней структуре. Таким образом, происходит упрощение ситуации, связанной со сложными взаимодействиями различных гетерогенных акторов, до набора простых, аналитически выделяемых материальных элементов: простые правила навигации, простые инструменты мореходства и простые функции акторов, составляющих команду корабля. В результате упрощения метод контроля на расстоянии сводится к кораблю как актору и его способности плавать по неизвестным морям, то есть исследовать неизвестное, а не упорядочивать знакомое (Law, 2000). Однако чтобы иметь возможность столкнуться с неизвестным, вписать его в свою структуру и вернуться, корабль также не может иметь четкого, определенного описания, он должен оставаться сам частично неизвестным. Как и для перемещения в неизвестных водах, необходима хотя бы упрощенная система навигации, которая бы делала неизвестное более знакомым. Чтобы достичь такого эффекта, Ло прибегает к непрямым способам характеристики корабля через методы социального контроля, которыми он обладает, и через сеть акторов, которая его контролирует. Тогда становится явной еще одна цель упрощенного описания: оно позволяет контролировать степень неопределенности и определять границу известного и неизвестного с помощью социальной техники и регулируемого взаимодействия.

Во-вторых, статья Ло устроена согласно перформативному методу организации текста: отношения, которые описывают центральный объект — галеон, представлены в ней как противопоставления схожих элементов. Перформативный метод выступает для Ло инструментом для работы с неизвестным через организацию взаимодействия и противопоставления материальных элементов. Перформативный метод позволяет опереться в определении неизвестного на явные, известные

элементы. Например, Ло несколько раз переописывает проблему статьи различными способами, конкретизируя и упрощая каждый раз описание до тех пор, пока упрощенные элементы проблемы не дадут новую комбинацию и вместе с тем ее решение. Так, во введении (1) Ло сначала определяет проблему через неявное противопоставление: ненастоящее открытие «американской» Индии Колумбом и настоящее открытием пути в Индию португальцами (Васко да Гама). Затем там же (1) Ло сталкивает поход историков, который он связывает с поиском *одной причины* успеха португальцев вместо набора причин, и социальное исследование технологий. В следующих двух разделах (2, 3) проблема противопоставления двух открытий Индии получает новое прочтение, теперь уже как противопоставление физической оболочки корабля и способа управления его передвижением (навигацией). Но из системы навигации Ло выделяет один наиболее характерный элемент, который позволяет ему, с одной стороны, продолжить упрощения, а с другой — найти решение проблемы (4). Ключевым элементом для Ло оказывается противопоставление системы Птолемея, которая описывала Вселенную, вращающуюся вокруг Земли, и ее инструментов: астролэбии и квадранта. Именно эти инструменты, будучи максимально упрощенными, позволили предложить новую систему навигации без оспаривания главенства системы Птолемея.

Поворот от проблем людей и теорий к их решению с помощью социальной техники инструментов и обученных (дисциплинированных в терминах Фуко) людей (5) получает завершение в последней части статьи. Предлагая теоретическое описание роли португальского галеона в морской экспансии, Ло ссылается на идею Латура о том, что «власть производна от способности привлечь наибольшее количество сторонников на свою сторону». Однако, с точки зрения Ло, у этой идеи есть второй аспект: Португальская система навигации, как революционное преобразование, оказывает двойное действие. Она возникает как результат аккумуляции власти, но также порождает «великую схизму» (*great divide*) между модерным и примитивным, Востоком и Западом. Эта последняя версия проблемы, сформулированной в статье Ло, показывает природу перформативного анализа, построенного на противопоставлении пар объектов и их характеристик. Расстояние (*long-distance*) между объектами, которое позволяет их попарно противопоставить, появляется как результат аккумуляции власти, однако властная гегемония и контроль на расстоянии не сосуществуют явным образом одновременно. Если контроль на расстоянии реализован явно, как в случае контроля

команды за перемещением португальского галеона, то действия власти, или Португалии как империи, оказываются в зоне неизвестного или скрытого действия. Контроль на расстоянии оказывается внешней оболочкой имперской власти.

Если вернуться от истории о португальском галеоне к вопросу о каноне, то два приведенных аспекта статьи Ло позволяют дать предварительный ответ на изначальный вопрос о том, как литературная техника статьи производит переводы между материальными и социальными техниками кейса и социальными техниками взаимодействия ученых. Для этого необходимо перенести противопоставление социальной техники имперской власти и материальной техники контроля на расстоянии, которое вводит Ло в статье о галеоне, на описание научных статей.

Научные статьи также позволяют строить империи и являются инструментом контроля на расстоянии. С точки зрения Латура, актер-объект может действовать, выстраивая сеть отношений и своего авторитета. Ло предлагает другой сценарий: для него автор статьи и его авторитет или власть не демонстрируются явно, как это происходит с Васко да Гама, которого Ло не упоминает в статье, или самим Ло, который оспаривает идеи Латура лишь опосредованно, пересказывая и уточняя их. Вместо этого Ло предлагает исследователю набор инструментов или социальных техник, среди которых основными являются стратегии упрощения, перформативные противопоставления и их множественные итерации. Набор этих инструментов позволяет Ло создать перформативное пространство акторно-сетевого письма, в котором возможны переходы между материальной и социальной техникой кейса и статьи, рассказом о галеоне как об эмпирическом кейсе и его теоретической структурой. При этом в основе перформативности акторно-сетевого письма Ло лежит двойственность, или возможность противопоставить два способа прочтения статьи: материальный (линейный, простой, эмпирический) и социальный (циклический, отражающий сложную структуру отношений и создающий возможность теоретического прочтения текста и его дальнейших пересказов) (Латур, Полонская, 2014; Латур, Маслюкова и др., 2017; Ло, Вахштайн, 2006). Эта двойственность определяет статью как действующий объект (Law, 1986b), точно так же как корабль, который существует одновременно и как инструмент прямого контроля, и как неявным образом контролируемый объект.

Перевод кейса из эмпирического в теоретическое пространство построен на двойной структуре статьи и зависит от переключений внутри нее. В случае галеона структура статьи строится на основе переключения

между двумя явными версиями материальной техники и реализуется за счет скрытой подвижности ее социальных описаний. При этом происходит социальный перевод материальной техники галеона в материальную структуру статьи. Такой перевод определяет кейс галеона как устойчивый действующий (переводящий) объект. Однако возможен и обратный вариант, который покажет статью не как устойчивый действующий, а как координирующий сетевой объект.

КЕЙС 1

On the methods of long-distance control: vesels, navigation and the Portuguese route to India / Методы контроля на расстоянии: корабли, навигация и португальский путь в Индию

Abstract / Резюме

- (1) The problem / Проблема
 - (2) On Portuguese vessels and imperial power / Португальские корабли и имперская власть
 - (3) Mediaeval navigation and the Portuguese problem / Средневековая навигация и португальская проблема
 - (4) The Portuguese solution / Португальское решение
 - (5) The materials of long-distance control / Материалы контроля на-расстоянии
 - (6) Conclusion / Вывод
- Notes / Примечания Acknowledgment / Благодарности References / Библиография

КЕЙС 2

Зимбабвийский втулочный насос: механика текущей технологии / The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology

(Введение / Introduction)

- (1) Возможности объекта: исследование границ зимбабвийского втулочного насоса типа В / The Scope of the Object: The Boundaries of the Zimbabwe Bush Pump "B" Type Explored
(Введение / Introduction)
 - (a) Насадка насоса: над скважиной / Pump Head: Topping the head

Рис. 1. Изображение втулочного насоса из инструкции по эксплуатации / Figure 1. Pump Head as Pictured in Instruction Manual

- (b) Гидравлика: в скважине / Hydraulics: Down the Well

Рис. 2. Гидравлика / Figure 2. Hydraulics

- (c) Водозаборники и здоровье / Headworks For Health

Табл. 1. Средняя концентрация E.coli для различных подземных источников / Table 1. Mean E.coli Counts for Various Groundwater Sources

- (d) Деревня: бурение скважины / Village: Drilling the Well

Рис. 3. Сельские жители бурят скважины / Figure 3. Community Drilling a Borehole

- (e) Национальные стандарты / National Standards

- (f) Текущий насос / A Fluid Pump

Рис. 4. Ряд втулочных насосов в помещении V & W Engineering (нет в русской версии статьи, соответственно изменена последующая нумерация) / Figure 4. A Row of Bush Pumps at V & W Engineering

- (2) Работа технологии: успехи и неудачи зимбабвийского втулочного насоса / The Workings of the Technology: Successes and Failures of the Zimbabwe Bush Pump

(Введение / Introduction)

- (a) Гидравлика: внутрискважинные

части / Hydraulics: Down-the-Hole Parts	Keeping Up the Supply
Рис. 5. Цилиндры / Figure 5. Cylinders	(f) Текучий итог / A Fluid Outcome
(b) Механика: гайки и болты / Mechanics: Nuts and Bolts	(3) Место создателя: распределенный центр зимбабвийского втулочного насоса / The Place of the Maker: The Centre of the Zimbabwe Bush Pump Distributed
Рис. 6. Инструменты и запасные детали (иллюстрация из руководства по эксплуатации) / Figure 6. Tools and Spares, as Pictured in Instruction Manual	(Введение / Introduction)
(c) Гигиена: пересмотр стандартов / Hygienics: Standards Revisited	(a) Авторство — собственность / Authorship — Ownership
Табл. 2. Бактериологические данные по подземным водам / Table 2. Bacteriological Data for Groundwater	(b) Реализация / Implementation
(d) Община: деревня или семья / Community: Villages or Families	(c) Наблюдения / Monitoring
(e) Стандартизация: поддержание водоснабжения / Standardization:	(4) В качестве заключения / To Conclude
	(5) Приложение. Пошаговая установка втулочного насоса типа B / Appendix: Installing the B type Bush Pump Step-by-Step
	Work Frequently. Cited Interviews and Correspondence
	Библиография (в конце)
	Ссылки (постранично) / Notes (end-notes)

Илл. 1. Структура статей-кейсов: основные заголовки, подзаголовки и изображения

КЕЙС ВТОРОЙ. ЗИМБАБВИЙСКИЙ НАСОС И ГИБРИДНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

ГРАНИЦЫ КЕЙСА

Статью «Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии» Мол описывает как ответ на серию предыдущих кейсов, в начале которой стоит кейс Ло с историей о португальском галеоне (Мол, Гусейнова и др., 2018). Однако Лаэт и Мол изначально противопоставляют определенность насоса как кейса и его неустойчивый способ работать, или текучую технологию: втулочный насос

твердый и механический, и все же [...] границы его скорее неопределенны и подвижны, нежели четки и устойчивы (Лаэт и Мол, Салин и Быков, 2017: 173).

Определение насоса как подвижной техники, или точнее техники в движении/в действии, отражает перформативное различие, заложенное в название статьи: между жесткими элементами («зимбабвийский втулочный насос») и их неустойчивым принципом работы («механика текучей технологии»). Поэтому если рассматривать кейс зимбабвийского насоса не как единый объект, а следуя противопоставлению,

заложенному в двухчастном названии статьи, способы передвижения и организации кейса будут иными, нежели предлагает Мол¹¹. В этом случае кейс возникает не только как результат последовательной серии реакций на другие кейсы, а как результат наложения двух независимых серий кейсов, пересекающихся в локальном кейсе Зимбабве.

Первая серия кейсов связана с *жесткой* версией описания *материальной техники* насоса как набора физических элементов. Перемещение кейсов в этой серии не всегда очевидно, их связывает лишь экспериментальный характер технологий, которые они описывают. Лаэт и Мол утверждают, что, несмотря на более полувековую историю втулочного насоса, он остается экспериментальной моделью, процесс изменения и улучшения которой не прекращается (Лаэт и Мол, Салин и Быков, 2017). Такое определение втулочного насоса очень близко к описанию воздушного насоса Бойля и его материальной техники. Конструкция воздушного насоса также не зафиксирована раз и навсегда: аппарат, с которым работал Бойль, был улучшенной версией более раннего насоса, позже также появлялись другие улучшенные версии насоса (Sharin & Schaffer, 2011: 26–28). Экспериментальный характер насоса заключается в том, что он вовлекает новые явления и ощущения в зону своего действия, они становятся наглядными и знакомыми, поэтому насос определяется по своему способу действия: способности высасывать (*to pump*) из окружающей среды ощущения, идентичность или впечатления и давать им явную материальную форму. Поэтому действие насоса в Зимбабве или в Лондоне будет схоже с действием ранней фотокамеры. Ее фотоснимок, согласно Вальтеру Беньямину, «высасывает ауру из действительности, как воду из тонущего корабля». Под аурой понимается «уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» (Беньямин, Ромашко, 2013: 81). Таким образом, насос противоположен кораблю по способу действия: там, где корабль расширяет границы в неизвестных морях, насос, наоборот, делает их более

¹¹ Хотя согласно грамматическому синтаксису, двоеточие, которое присутствует в заголовке статьи, должно обозначать подчинение второй части первой, такая интерпретация синтаксиса нарушает принцип симметрии АНТ и вводит разрыв в плоскую сеть отношений акторов. Кроме того, Мол не говорит о грамматическом синтаксисе, но ее интересуют проблемы соотношений (*ratio*), относительности и рациональности. В частности, зимбабвийский насос она и Лаэт противопоставляют фигуре *рационального человека* (De Laet & Mol, 2000: 226–227). Поэтому знак «:» в данном случае стоит рассматривать как математическое обозначение соотношения, а не как грамматический знак двоеточия. В этом смысле Мол ближе к математическим метафорам Ло, чем к семиотике Латура. См. также (Мол, Гусейнова и др., 2018: 76–80, 160–170, 246–247; Mol, 2002: 213–227, 119–127, 182–183).

знакомыми и близкими. В то же время неудача корабля (течь) будет точкой приложения для насоса как текучей технологии.

В *текучей* версии описания насоса в фокусе оказывается организация насоса, которая позволяет ему работать, те акторы, которых он вовлекает в процесс, и *социальные техники* их взаимодействия. Множественность акторов и авторов насоса принципиальна для его действия: Лаэт и Мол специально подчеркивают, что автор зимбабвийского насоса — это «не классический герой», а «текущий, растворяющийся в своем окружении» (Лаэт и Мол, Салин и Быков, 2017: 174), который создает «распределенный центр» (там же) контроля за работой насоса. Противопоставление героя как двигателя инноваций и не-героя Лаэт и Мол вводят со ссылкой на статьи Ло (Law, 1993). Однако они подчеркивают, что «скромность» автора — это не скромность личности, а скромность его действий, в основе которых — возможность их скопировать, подражать им. Харауэй назвала бы ее ситуативностью. В то же время, если посмотреть, как развивают идею не-героического авторства Ло и Каллон, то можно увидеть, что они противопоставляют герою *гибридный коллектив*, в котором материальные объекты поддерживают определенный тип действия и могут его изменять в зависимости от условий (Callon & Law, 1997). Если насос определяется его способностью обеспечить течение воды, он не является простым набором физических элементов, как он представлялся в *жесткой* версии. В *текучей* версии втулочный насос сам оказывается гибридным коллективом. Он имеет множество версий конструкции, и он всасывает в свои границы множество сопутствующих акторов: от жителей деревень Зимбабве до международных организаций, которые анализируют качество воды.

В результате кейс втулочного насоса является не только простым последовательным продолжением серии кейсов мобильной технологии ANT. Он возникает в результате наложения двух способов определения техники: как жесткой системы элементов или как текучей организации акторов. Эти два вида техники — материальная и социальная — определяют перформативную структуру статьи, которая построена на противопоставлении двух явных характеристик насоса. Перформативная структура статьи становится возможной за счет различных социальных техник упрощения описания насоса. Стратегии упрощения, которые организуют отношения акторов в гибридном коллективе втулочного насоса, показывают, как насос производит описывающий его кейс.

ГИБРИДНЫЙ КОЛЛЕКТИВ: ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА СТАТЬЯ

Зимбабвийский втулочный насос может быть описан по-разному. *Насос* представляет собой *механический объект*, его *втулочный* принцип работы определяет его *текучесть*, а как работающая *технология* он связан с локальными особенностями *Зимбабве*. Три парных противопоставления соответствуют трем разделам статьи: об объекте (технология/Зимбабве), о его способе действия (втулочный механизм/текучесть), о создателе (насос/механика). При этом насос производит «воду, здоровье, общину и нацию». То есть он, как механический объект, за счет доступности чистой воды делает людей здоровее; как текущий элемент, он распределяет здоровье в общине, а как распределенная инфраструктура, он объединяет общины в нацию. Три способа описать насос, которые соответствуют описанию гетерогенной сети в ANT, — объекты, действия, и акторы — определяют три техники упрощения, в соответствии с которыми организована статья.

Статья о галеоне жестко и линейно организована с опорой на материальную технику, но без усложнений структуры. Кейс зимбабвийского насоса гетерогенен: его описание делится не только на части, но и на подразделы, некоторые из которых используют визуальные аргументы, а в других — аргументами становятся сами цитаты и ссылки. При этом технические элементы статьи (введение, библиография) формально присутствуют, но их роль сведена к минимуму (нет подзаголовков у введений в разделы, библиография вся отнесена в примечания). В результате статья о зимбабвийском насосе состоит из множества вложенных друг в друга более простых разделов, поэтому она выглядит сложной. Однако сложность организации статьи направлена на то же, на что и повторяющиеся пересказы проблемы португальской навигации у Ло, — на описание объекта как набора простых элементов. Таким образом, на первом уровне упрощения кейс отражает гетерогенность социальных функций и способов использования насоса. Гетерогенность социальных отношений приводит к жестко структурированному, многоступенчатому и дробному описанию насоса¹².

Вторая стратегия упрощения строится вокруг внутренней структуры разделов, которые должны отражать работу каждого элемента насоса: его физической оболочки, механизма работы и акторов, использующих

¹²Для описания структуры были взяты названия (с некоторыми корректировками из английской и русской статей Лаэт и Мол (De Laet & Mol, 2000; Лаэт и Мол, Салин и Быков, 2017).

его или контролирующих его работу. Все разделы построены по трехчастному принципу. Лаэт и Мол описывают насос как перформативный объект, который одновременно присутствует в двух различных ситуациях. Перформативность насоса зависит от действия его элементов в различных ситуациях: от положения насоса над скважиной или в ней; от способа организации деревни и выбора места водозабора; от (не)соблюдения стандартов при его использовании. Работу насоса определяют его технические характеристики в сопоставлении с социальными особенностями. Контроль, который осуществляет насос и которому он подчиняется, представлен наиболее кратко — в виде перечня действий по созданию, установке и поддержанию его работы. Последовательно от определения насоса как объекта, затем — как технологии и в конце — как распределенного центра структура разделов становится все менее детальной и заканчивается «Пошаговой инструкцией по установке втулочного насоса типа В». Таким образом, можно видеть, что дробность разделов направлена на упорядочивание неопределенных и множественных границ действия насоса от раздела к разделу и в конечном счете сводит насос к простому набору действий по его установке. Статья, как насос, всасывает кейс из действительности и высушивает его до четкой инструкции. Инструкция по использованию насоса представляет собой основу для перевода его материальной техники в социальную — точку переключения, которая контролирует множественность и гетерогенность социальных отношений.

Наконец, третья стратегия упрощения становится понятна, если перейти от анализа организации статьи к анализу организации ее «распределенного центра» и текста внутри разделов. С одной стороны, все разделы описывают различные, но равные по статусу части насоса. Каждое определение является центральным для своего раздела, но этот центр проявляется в результате серии противопоставлений подразделов и поэтому остается подвижным. С другой стороны, каждый подраздел статьи явным или скрытым образом предполагает проведение границ между характеристиками технического устройства насоса, способа работы или установки. Исключением являются только два последних подраздела: реализация и мониторинг. В результате распределенный характер центра статьи определен подвижностью границ/центра в системе отношений каждого подраздела, раздела и статьи в целом. Каждый подраздел имеет также свой внутренний центр и задает свои границы. Однако если в случае с кораблем статья имела два четких сценария прочтения, линейный и циклический, в данном случае их гораздо больше,

поскольку отсутствует единый центр организации статьи. Стратегии упрощения сложной технологии задают границы (или максимальную дистанцию), внутри которых распределяются множественные центры статьи и способы их описания: от наиболее текучего — набора технических деталей насоса и признания в любви к насосу в начале — до самого жесткого в виде инструкции в конце текста. При этом метод контроля и поддержания дистанции между признаниями в любви и инструкцией по эксплуатации, а также метод работы насоса остается неопределенным: каждый актер может описать его в зависимости от локальных целей и конкретной ситуации. Инструкция, размещенная в конце статьи, выступает базовым вариантом, который определяет ядро перевода между различными социальными техниками и интерпретациями работы насоса.

СОЗДАТЬ КЕЙС: КАК РАБОТАЕТ НАСОС

Между кейсом зимбабвийского насоса и экспериментом Бойля легко провести параллели: сам насос выступает материальной техникой, инструкция по его сборке работает как литературная техника, и, так же как социальная техника Бойля, он объединяет людей и объекты в гибридные коллективы (семью, общину, нацию). Однако для Бойля литературная техника задает каноническую форму для описания эксперимента (Shapin & Schaffer, 2011: 3–4). В случае втулочного насоса способ описания неустойчив и потому не может определять каноническую форму. Способ описания может быть любым: от жесткой инструкции до объяснения в любви к насосу, с которого начинается статья. Большой устойчивостью обладает способность насоса *работать*, то есть объединять объекты и акторов в гибридные коллективы с подвижным, неустойчивым центром в виде описания материальных технических элементов насоса и их работы. Устойчивость работы насоса и структура его описания определяет способы переключения между различными версиями гибридныхборок статьи.

Статья о насосе работает как способ упорядочивания кейса. В-первых, статья становится возможна за счет множественных вариантов сборки социальной техники и гибридных коллективов внутри кейса в спектре от простого механизма и инструкции по его использованию до способа объединения людей и вещей взаимными чувствами любви. Таким образом, Лаэт и Мол делают то, что представляется невозможным для Бойля: они не показывают *метод* проведения эксперимента, а дают инструкции по *экспериментированию с методами* работы насоса.

Во-вторых, движение от методов экспериментирования к экспериментированию с методами меняет работу насоса как материальной техники, которая обеспечивает доступ к явлениям, недоступным из-за ограниченности человеческого восприятия, дальности расстояний или глубины недр. Методы экспериментирования Бойля давали возможность расширения доступа, то есть вовлекали неизвестное в зону знакомого. Зимбабвийский насос не делает неизвестное более определенным, скорее он устанавливает границу между различными неопределенностями за счет «сравнения альтернатив» (Лаэт и Мол, Салин и Быков, 2017: 205). Лаэт и Мол приводят пример с допустимым уровнем бактерий: для установки и работы насоса важны не только абсолютные показатели, такие как чистота воды, которую он может давать, но и косвенные: дороговизна насоса, способность сообщества поддерживать его работу, приспособленность местных жителей к этим бактериям. В результате абсолютные показатели и единообразный стандарт качества воды создают больше неопределенности, чем практическое сравнение различных альтернатив и их оценка. Неизвестное оказывается результатом зазоров в действии материальной техники и неопределенности границ действия социальной техники. Работа насоса заключается в том, чтобы эти зазоры и неопределенности уменьшить. Именно поэтому нужна не инструкция по эксплуатации, а руководство по экспериментированию с методами, предложенными авторами статьи. Они подчеркивают, что в каждом случае метод работы насоса будет уникальным.

Анализ кейса зимбабвийского насоса предполагает двойное действие текста как литературной техники: с одной стороны, статья описывает широкий спектр возможностей применения насоса, а с другой, показывает, как насос работает на уменьшение неопределенности и локализацию метода. Однако это только одна сторона работы насоса, где насос выступает как материальная техника экспериментирования. Чтобы социальная техника неявным образом работала на создание гибридных коллективов, ее должна поддерживать явным образом материальная техника, образуя сообщества акторов, которые могут варьироваться от распределенных центров контроля до наций. Эти сообщества будут соответствовать различным вариантам сборки кейса. Так, близкому техническому контролю будет соответствовать ситуация распределенного, но строгого наблюдения за насосом; контроль на расстоянии и эмоциональные связи обеспечивает создание нации. Тогда у различных вариантов насосов и сборки кейса как инструментов контроля на расстоянии возникает другая ось противопоставления: не только различие

известного и неизвестного, но и отношения между типом контроля и тем способом социальной организации, который он позволяет создать. Подвижная структура статьи создает сообщество, но это сообщество образовано не жестко, жестким остается только его ядро — метод контроля или экспериментирования.

Таким образом, в пространстве акторно-сетевого письма есть два типа объектов: экспериментальный (эмпирический) метод контроля и научное сообщество как его периферийный, теоретический способ представления. Материальная техника координирует переключения между различными версиями гибридных коллективов и социальных способов организации (техники) и определяет пространство переводов между ними. Если кейс становится пространством координации различных переводов, то социальные техники насоса явным образом проявляются в основных разделах организации статьи в виде различных гибридных коллективов. Материальная техника, наоборот, создает точки переключения и остается подвижной за счет усложненной, многоуровневой структуры статьи. В результате кейсы галеона и насоса находятся в отношении противостояния и дополняют друг друга за счет различных ролей материальной и социальной техники в поддержании подвижной организации статьи и явного или скрытого характера их действий. Технические системы навигации, которые определяют способ познания, заложенный в перемещении галеона, дополняются гибридными коллективами, которые появляются благодаря действию насоса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ANT/STS: ДВЕ ШКОЛЫ И ДВА ТИПА ОБЪЕКТИВНОСТИ

Анализ двух кейсов не дает прямого ответа на вопрос о существовании канонического способа написания статей в ANT/STS, хотя в обоих кейсах речь идет о переводах между материальной и социальной техниками. Но в двух ситуациях организация конкретного кейса-статьи различается: в одном случае перевод осуществляется за счет социальной техники интерпретации, в другом — единое пространство создает материальная структура технической инструкции. Эти различия заставляют вернуться к вопросу об объективности перевода и его принципиальной возможности как условию существования канона. Однако Ло подсказывает вариант ответа в статье «Объекты и пространства» (Ло, Вахштайн, 2006), когда при обсуждении гомеоморфных (обратимых) и не-гомеоморфных (не-обратимых) способов преобразования приводит

пример двух рассматриваемых кейсов: галеона и насоса. (Не)гомеоморфные преобразования, которые интересуют Ло, являются пространственной и математической версией перевода или перемещения, поэтому, описывая преобразования двух кейсов, Ло фактически говорит о возможности их перевода друг в друга.

Чтобы доказать возможность перевода двух различных технологий, которые относятся к различным пространствам, временам и социотехническим сетям, Ло описывает их как объекты, которые возникают на пересечениях различных пространств. Галеон является пересечением топографического пространства регионов и пространства технических сетей. Насос возникает благодаря пересечению технических сетей и текучему пространству социальных взаимодействий. Обе технологии существуют в пространстве сетей, но в различных конфигурациях — это делает возможным перевод между ними, но только негомеоморфный и необратимый. Если перевод возможен на уровне технологий, то тем более он должен быть возможен для структуры организации статей, в которых эти технологии описаны. При этом перевод, так же как и в случае с технологиями, должен предполагать минимальные точки пересечения в логике организации обеих статей. Это возможно, если описать организацию статей и их подвижность как сочетание переводов и переключений. В обеих статьях есть переводы (единичные или множественные) между различными версиями одного вида техники за счет переключений, которые заложены в другой тип техники. При этом реализация этих переводов в двух случаях симметрична и противоположна по характеру. Например, роль переключения при переводе, которую в кейсе галеона скрытым образом выполняет социальная техника интерпретации, в кейсе насоса отведена материальной технике, явным образом представленной технической инструкцией. Таким образом, вместе описания кейсов работают как взаимодополняющие, но по отдельности они обладают открытой и неустойчивой организацией.

Что дает взаимная дополнительность в описаниях кейсов для понимания возможности объективности при переводе и для выделения канонического метода перевода ANT/STS? Описания обретают устойчивость и становятся объективными только в ситуации обратного отражения друг в друга различных версий организации описания. Каждое отдельное описание остается частичным (Strathern, 2005) и открытым к изменениям. Объективность описаний будет зависеть от способов переводов и изменений, то есть способов создания взаимодополняющих описаний

и отношений между ними. В свою очередь, канон перевода будет определяться принципом взаимного дополнения, будет ли он организован через сеть кейсов, через пару кейсов или каким-то другим образом.

Опираясь на определение канонического метода перевода как способа создания взаимодополняющих описаний, можно провести более точное различие между двумя версиями ANT/STS, которые Вахштайн назвал Парижской и Ланкастерской школой ANT (Вахштайн, 2005). Метод взаимного дополнения, который предлагает Латур, как неизменный представитель Парижской школы, хорошо выражен в книге о Пастере: мобилизация сторонников и построение сети, которая контролируется Пастером (Латур, Дьяков, 2015). В этом случае принцип взаимной дополнительности требует более равномерного распределения описаний. Достигнуть *сетевой объективности* описания мы можем, только распутав всю сеть и определив, где она обрывается. Обрыв сети и будет границей, разделяющей объективность и субъективность. Соответственно, можно говорить о сетевом каноне перевода: перевод стабилизируется сетью отношений. Ло предлагает более простое и более изящное решение: не распутывать всю сеть, а выбрать только наиболее контрастные точки, которые бы стабилизировали друг друга и тем самым создавали бы *перформативную объективность*. Перформативная объективность и канон перевода, с ней связанный, определяют метод работы Ланкастерской школы ANT/STS.

Определить структуру Парижской школы можно достаточно просто за счет построения сети социоматериальных отношений между основными учеными-актерами во главе с Латуром. Однако проделать такую же операцию для Ланкастерской школы оказывается сложнее. Если просто выделить пары взаимодополняющих друг друга ученых, все связи распадутся на набор замкнутых автономных пар. Поэтому важно отметить еще один аспект перформативной объективности: взаимодополняющие кейсы-описания не сосуществуют в одном пространстве или времени, перевод должен осуществляться *между* различными временами и пространствами. Следуя логике Ло, можно сказать, что перформативная объективность предполагает наличие топологического, изменчивого канона. Поэтому Ланкастерская школа является достаточно странным объектом, наподобие того, который Ло и Синглтон назвали *огненным*: его можно наблюдать только через его отсутствие и присутствие дополняющего его объекта/актера (Law & Singleton, 2005). Так, например, лечение алкоголика начинается только тогда, когда самого алкоголика больше *нет*: он перестает им быть, став пациентом. Это предельная

форма «скромности» по Харауэй: скрытое неявное присутствие, которое не пытается завоевать внимание (Nagawa, 1997).

Такую скромную позицию занимает Ланкастерская школа по отношению к Парижской, в которой существование Ло почеркнуто его отсутствием. Однако остается вопрос, как можно ограничить круг акторов, которые относятся к Ланкастерской школе и что для них будет значить их принадлежность к Ланкастерской версии ANT/STS? Позиция «скромного» главы школы предполагает, что в отличие от «героического» главы он не предполагает возможности подражания своей научной траектории. Однако если взять пример «скромного» создателя зимбабвийского насоса, то можно предположить, что основой Ланкастерской школы является не только принадлежность к одной сети отношений с ее создателем, но и следование общей идее работы насоса или в случае научной школы канону перформативной объективности. Тогда возможен еще один способ определения: Ланкастерская школа существует в промежутках сети, которую создает Парижская школа, то есть в ситуациях изменчивой, топологической акторно-сетевой теории.

В итоге принципиальной характеристикой Ланкастерской школы становится ее открытость, частичность и неполнота теории, ее готовность вступать во взаимодействие с другими теориями и направлениями, о чем часто пишет Ло (Law, 2008a). Ланкастерская школа оказывается текучей периферией с отсутствующим центром, которая пытается устанавливать связи между ANT и другими теориями. Именно поэтому Ло после 2000 года позиционирует себя как теоретик STS, а не ANT: акторно-сетевая теория работает для него как отсутствующий, оспариваемый центр. В этом смысле подвижный характер Ланкастерской школы меняет позицию социологии как науки. В ланкастерской версии социология перестает быть дисциплиной с собственным теоретическим ядром, а становится способом тестирования и оспаривания других теорий и их принципов объективности. Тем самым ланкастерская версия ANT/STS предлагает перформативным образом определить более детальные способы описания/различения изменчивости на качественном уровне и развивает модель *заботливого (careful)* исследования, которая должна стать связующим звеном между качественными и количественными методами (*calculations*) (Law & Lin, 2020).

ЛИТЕРАТУРА

- Беньямин В.* Краткая история фотографии / пер. с нем. С. Ромашко. — М. : Ad Marginem, 2013.
- Вахштайн В. С.* Драматургическая теория Ирвинга Гофмана : два прочтения // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3, № 4. — С. 104–118.
- Вахштайн В. С.* Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. — 2005. — Т. 4, № 1. — С. 94–115.
- Вахштайн В. С.* Фреймы классичности. Ирвинг Гофман как «неудобный классик» социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. 14, № 2. — С. 59–84.
- Вахштайн В. С.* Феноменологическая интервенция в социологию науки : Символическая аппрезентация, когнитивный стиль и пост-социологизм // Национальное своеобразие в философии : Материалы международной конференции. Москва, 10–11 декабря 2014 г. / под ред. Т. А. Шиян. — М. : РГГУ, 2014. — С. 237–253.
- Каллон М.* Некоторые элементы социологии перевода : приручение морских гребешков и рыбаков бухты Сен-Бриё / пер. с англ. К. С. Майорова // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 49–94.
- Кузнецов А. Г.* Метод Латура : семиотика между литературой и наукой // Логос. — 2018. — Т. 28, № 5. — С. 85–112.
- Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Латур Б.* Пастер : Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А. Дьякова. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Латур Б.* Визуализация и познание : изображая вещи вместе / пер. с англ. М. Маслоковой, М. Расторгуевой, С. Гавриленко // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 95–156.
- Лэст М., Мол А.* Зимбабвийский втулочный насос : механика текучей технологии / пер. с англ. А. С. Салина, Е. М. Быкова // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 171–232.
- Ло Д.* Объекты и пространства / пер. В. С. Вахштайна // Социологическое обозрение. — 2006. — Т. 5, № 1. — С. 30–42.
- Мол А.* Множественное тело. Онтология в медицинской практике / пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. — Пермь : Hyle Press, 2018.
- Напреенко И. В.* Семиотический поворот в STS : теория референта Бруно Латура // Социология власти. — 2013. — № 1/2. — С. 75–98.
- Поппер К. Р.* Предположения и опровержения : Рост научного знания / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. — М. : АСТ, Ермак, 2004.
- Серр М.* Паразит / пер. с фр. А. Лобановой // Носорог. — 2016–2017. — 2017. — № 5.

- Титков А. С.* Зачем вспоминать старое? // Социология власти. — 2019. — Т. 31, № 4. — С. 8–11.
- Филлипов А. Ф.* Ясность, беспокойство и рефлексия // Социологическое обозрение. — 2008. — Т. 7, № 3. — С. 96–116.
- Филлипов А. Ф.* Элементарная социология : Введение в историю дисциплины. — М. : РИПОЛ классик, Панглосс, 2019.
- Широков А. А.* Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура : как писать инфрарефлексивные тексты // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18, № 1. — С. 186–217.
- Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3, № 2. — С. 3–34.
- Akrich M.* La construction d'un système socio-technique. Esquisse pour une anthropologie des techniques // Anthropologie et sociétés. — 1989. — Т. 13, n° 2. — P. 31–54.
- Alexander J. C.* The Centrality of the Classics // Social Theory Today. — 1987. — Vol. 1. — P. 10–27.
- Baehr P.* Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage. — New Brunswick & London : Transactions Publishers, 2002.
- Boltanski L., Thévenot L.* On justification : Economies of Worth. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2006.
- Callon M., Law J.* After the Individual in Society : Lessons on Collectivity from Science, Technology and Society // Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens de Sociologie. — 1997. — Vol. 22, no. 2. — P. 165–182.
- Callon M., Rip A., Law J.* Mapping the Dynamics of Science and Technology : Sociology of Science in the Real World. — London : Palgrave Macmillan, 1986.
- Case Histories in Experimental Science, Harvard College, Natural Sciences / ed. by J. B. Conant. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1948.
- Connell R. W.* Why is Classical Theory Classical? // American Journal of Sociology. — 1997. — Vol. 102, no. 6. — P. 1511–1557.
- De Laet M., Mol A.* The Zimbabwe Bush Pump : Mechanics of a Fluid Technology // Social Studies of Science. — 2000. — Vol. 30, no. 2. — P. 225–263.
- Haraway D.* Situated Knowledges : The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. — 1988. — Vol. 14, no. 3. — P. 575–599.
- Haraway D.* Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. — New York : Routledge, 1991.
- Haraway D.* Modest-Witness@Second-Millennium. FemaleMan-Meets-OncoMouse : Feminism and Technoscience. — New York : Routledge, 1997.
- Hughes T. P.* Networks of Power : Electrification in Western Society, 1880–1930. — Baltimore, Maryland : The Johns Hopkins University Press, 1983.

- Latour B., Fabbri P.* The Rhetoric of Science : Authority and Duty in an Article from the Exact Sciences // Discourse and Writing/Rédactologie. — 2000. — Vol. 16, no. 1. — P. 115–134.
- Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. — Princeton : Princeton University Press, 2013.
- Law J.* Editor's Introduction : Power/Knowledge and the Dissolution of the Sociology of Knowledge // The Sociological Review. — 1984a. — Vol. 32, no. 1. — P. 1–19.
- Law J.* On the Methods of Long-distance Control : Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India // The Sociological Review. — 1984b. — Vol. 32, no. 1. — P. 234–263.
- Law J.* Laboratories and Texts // Mapping the Dynamics of Science and Technology : Sociology of Science in the Real World / M. Callon, A. Rip, J. Law. — London : Palgrave Macmillan, 1986a. — P. 35–50.
- Law J.* The Heterogeneity of Texts // Mapping the Dynamics of Science and Technology : Sociology of Science in the Real World / M. Callon, A. Rip, J. Law. — London : Palgrave Macmillan, 1986b. — P. 67–83.
- Law J.* Organising Modernity : Social Ordering and Social Theory. — Chichester, West Sussex : John Wiley & Sons, 1993.
- Law J.* After ANT : complexity, naming and topology // The Sociological Review. — 1999. — Vol. 47, no. 1. — P. 1–14.
- Law J.* Comment on Suchman, and Gherardi and Nicolini : Knowing as Displacing // Organization. — 2000. — Vol. 7, no. 2. — P. 349–354.
- Law J.* On Sociology and STS // The Sociological Review. — 2008a. — Vol. 56, no. 4. — P. 623–649.
- Law J.* What's Wrong with a One-world World? // Distinktion : Scandinavian Journal of Social Theory. — 2008b. — Vol. 16, no. 1. — P. 126–139.
- Law J.* Actor Network Theory and Material Semiotics // The New Blackwell Companion to Social Theory / ed. by B.S. Turner. — Chichester, West Sussex : Wiley-Blackwell, 2009. — P. 141–158.
- Law J.* STS as Method // The Handbook of Science and Technology Studies / ed. by U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2016. — P. 31–59.
- Law J.* Objects and Spaces // Theory, Culture & Society. — 2002. — Vol. 19, no. 5/6. — P. 91–105.
- Law J., Lin W. Y.* Care-ful Research : Sensibilities from STS / Heterogeneities. — 2020. — URL: <http://www.heterogeneities.net/publications/LawLin2020CarefulResearchSensibilitiesFromSTS.pdf> (visited on June 26, 2022).
- Law J., Singleton V.* Object Lessons // Organization. — 2005. — Vol. 12, no. 3. — P. 331–355.
- Law J., Williams K.* A State of Unlearning? Government as Experiment / CRESC Working Paper 134. — 2014. — URL: <https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp134.pdf> (visited on June 26, 2022).

- Lin W. Y., Law J.* Making Things Differently : On “Modes of International” / Centre for Research on Socio-Cultural Changes. — 2013. — URL: <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp129.pdf?subid1=20220601-1943-36b8-afaf-ba431671f984> (visited on June 26, 2022).
- Lynch P., Rivers N.* Thinking with Bruno Latour in Rhetoric and Composition. — Carbondale : Southern Illinois University Press, 2015.
- Marres N., Stark D.* Put to the Test : For a New Sociology of Testing // The British Journal of Sociology. — 2020. — Vol. 71, no. 3. — P. 423–443.
- Mol A.* The Body Multiple : Ontology in Medical Practice. — Durham : Duke University Press, 2002.
- Shapin S.* Pump and Circumstance : Robert Boyle’s Literary Technology // Social Studies of Science. — 1984. — Vol. 14, no. 4. — P. 481–520.
- Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the Air-Pump : Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. — Princeton : Princeton University Press, 2011.
- Strathern M.* Partial Connections. — Oxford : Rowman Altamira, 2005.
- Wagner G.* The Imitation of Science : On the Problem of the Classics in Sociology // Transnationale Vergesellschaftungen. Verhandlungen des 35. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Frankfurt am Main 2010. Vol. 1 / ed. by H.-G. Soeffner. — Wiesbaden : Springer, 2013. — P. 111–123.
- Walsh L., Rivers N. A., Rice J.* Bruno Latour on Rhetoric // Rhetoric Society Quarterly. — 2017. — Vol. 47, no. 5. — P. 403–462.

Volkova, N. A. 2022. “Neklassicheskiy kanon ANT/STS [Non-Classical Canon in ANT/STS]: kak korabl’ prevrashchayet-sya v nasos? [How a Ship Turns Into a Pump?]” [In Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 39–80.

NATALIYA VOLKOVA

MA IN SOCIOLOGY, MA IN URBAN PLANNING;

PHD STUDENT

RANEPA (MOSCOW, RUSSIA)

LECTURER

MOSCOW ARCHITECTURAL SCHOOL (MARSH, MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-6798-963X

NON-CLASSICAL CANON IN ANT/STS

HOW A SHIP TURNS INTO A PUMP?

Submitted: Feb. 24, 2022. Reviewed: Apr. 12, 2022. Accepted: June 01, 2022.

Abstract: The article examines the canon as a principle of the formation of the actor-network writing technique and its influence on the formation of the Lancaster School, which exists at the intersection of Actor-Network Theory (ANT) and Science and Technology Studies (STS). The discussion of the canon is built around the idea of canonical experiments by Robert Boyle, which served as a model for modern experimental science. As an experimental technique, the canon is contrasted with the principle of distinguishing classics of Sociology and classical texts

that are part of the university canon. The (un)classical forms of organizing the mobile canon are described in the case studies by John Law and Annemarie Mol of the mobile/movable technologies. Two cases are highlighted for analysis, which are described in John Law's article "Objects and Spaces": "Portuguese vessel" as "immutable mobile", which maintains its shape due to movement, and "Zimbabwe pump" as "fluid technology" with a stable core and fluid border of the periphery. The analysis of each of the cases, highlighting their trajectories of movement between different texts, strategies for simplifying the analyzed situations and working with the organization of a research article, allows to describe the mobile ANT/STS canon as a result of overlapping two axes: an empirical/theoretical description and the core of control/controlled periphery. Thus, it is shown how the movable canon acquires a stable core in Law's article "Objects and Spaces" and becomes the basis for the further development of the Lancaster School.

Keywords: Objectivity, Situated Knowledge, Material Semiotics, Techniques of Truth, Simplification, Authority.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-39-80.

REFERENCES

- Akrich, M. 1989. "La construction d'un système socio-technique. Esquisse pour une anthropologie des techniques" [in French]. *Anthropologie et sociétés* 13 (2): 31–54.
- Alexander, J. C. 1987. "The Centrality of the Classics." *Social Theory Today* 1:10–27.
- Baehr, P. 2002. *Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick & London: Transaction Publishers.
- Benjamin, W. 2013. *Kratkaya istoriya fotografii [Kleine Geschichte der Photographie]* [in Russian]. Trans. from the German by S. Romashko. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Boltanski, L., and L. Thévenot. 2006. *On justification: Economies of Worth*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Callon, M. 2017. "Nekotoryye elementy sotsiologii perevoda [Some Elements of a Sociology of Translation]: prirucheniyе morskikh grebeshkov i rybolovov bukhty Sen-Briyë [Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay]" [in Russian], trans. from the English by K. S. Mayorov. *Logos [Logos]* 27 (2): 49–94.
- Callon, M., and J. Law. 1997. "After the Individual in Society: Lessons on Collectivity from Science, Technology and Society." *Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens de Sociologie* 22 (2): 165–182.
- Callon, M., A. Rip, and J. Law. 1986. *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World*. London: Palgrave Macmillan.
- Conant, J. B., ed. 1948. *Case Histories in Experimental Science, Harvard College, Natural Sciences*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Connell, R. W. 1997. "Why is Classical Theory Classical?" *American Journal of Sociology* 102 (6): 1511–1557.
- De Laet, M., and A. Mol. 2000. "The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology." *Social Studies of Science* 30 (2): 225–263.
- Filippov, A. F. 2008. "Yasnost', bespokoystvo i refleksiya [Clarity, Anxiety and Reflection]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 7 (3): 96–116.
- . 2019. *Elementarnaya sotsiologiya [Elementary Sociology]: Vvedeniye v istoriyu distsipliny [An Introduction to the History of the Discipline]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik / Pangloss.
- Haraway, D. 1988. "Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective." *Feminist Studies* 14 (3): 575–599.

- . 1991. *Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature*. New York: Routledge.
- . 1997. *Modest–Witness@Second–Millennium. FemaleMan–Meets–OncoMouse: Feminism and Technoscience*. New York: Routledge.
- Hughes, T. P. 1983. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press.
- Kuznetsov, A. G. 2018. “Metod Latura [Latour’s Method]: semiotika mezhdu literaturoy i naukoj [Semiotics between Literature and Science]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 28 (5): 85–112.
- Laet, M., and A. Mol. 2017. “Zimbabviyskiy vtulochnyy nasos [The Zimbabwe Bush Pump]: mekhanika tekuchey tekhnologii [Mechanics of a Fluid Technology]” [in Russian], trans. from the English by A. S. Salin and Ye. M. Bykov. *Logos [Logos]* 27 (2): 171–232.
- Latour, B. 2014. *Peresborka sotsial’nogo [Reassembling the Social]: vvedeniye v aktor-no-setevuyu teoriyu [an Introduction to Actor-Network-Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Polonskaya. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- . 2015. *Paster [Pasteur. Guerre Et Paix Des Microbes]: Voyna i mir mikrobov, s prilozheniyem “Nesvodimogo”* [in Russian]. Trans. from the French by A. D’yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- . 2017. “Vizualizatsiya i pozniyeniye [Visualisation and Cognition]: izobrazhaya veshchi vmeste [Drawing Things Together]” [in Russian], trans. from the English by M. Maslyukova, M. Rastorguyeva, and S. Gavrilenko. *Logos [Logos]* 27 (2): 95–156.
- Latour, B., and P. Fabbri. 2000. “The Rhetoric of Science: Authority and Duty in an Article from the Exact Sciences.” *Discourse and Writing/Rédactologie* 16 (1): 115–134.
- Latour, B., and S. Woolgar. 2013. *Laboratory Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Law, J. 1984a. “Editor’s Introduction: Power/Knowledge and the Dissolution of the Sociology of Knowledge.” *The Sociological Review* 32 (1): 1–19.
- . 1984b. “On the Methods of Long-distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India.” *The Sociological Review* 32 (1): 234–263.
- . 1986a. “Laboratories and Texts.” In Callon, Rip, and Law 1986, 35–50.
- . 1986b. “The Heterogeneity of Texts.” In Callon, Rip, and Law 1986, 67–83.
- . 1993. *Organising Modernity: Social Ordering and Social Theory*. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons.
- . 1999. “After ANT: complexity, naming and topology.” *The Sociological Review* 47 (1): 1–14.
- . 2000. “Comment on Suchman, et Gherardi and Nicolini: Knowing as Displacing.” *Organization* 7 (2): 349–354.
- . 2008a. “On Sociology and STS.” *The Sociological Review* 56 (4): 623–649.
- . 2008b. “What’s Wrong with a One-world World?” *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory* 16 (1): 126–139.
- . 2009. “Actor Network Theory and Material Semiotics.” In *The New Blackwell Companion to Social Theory*, ed. by B. S. Turner, 141–158. Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell.
- . 2016. “STS as Method.” In *The Handbook of Science and Technology Studies*, ed. by U. Felt, R. Fouché, and C. A. Miller, 31–59. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- . 2009. “Objects and Spaces.” *Theory, Culture & Society* 19 (5/6): 91–105.
- Law, J., and W. Y. Lin. 2020. “Care-ful Research: Sensibilities from STS.” Heterogeneities. Accessed June 26, 2022. <http://www.heterogeneities.net/publications/LawLin2020CarefulResearchSensibilitiesFromSTS.pdf>.
- Law, J., and V. Singleton. 2005. “Object Lessons.” *Organization* 12 (3): 331–355.

- Law, J., and K. Williams. 2014. "A State of Unlearning? Government as Experiment." CRESC Working Paper 134. Accessed June 26, 2022. <https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp134.pdf>.
- Lin, W. Y., and J. Law. 2013. "Making Things Differently: On 'Modes of International'." Centre for Research on Socio-Cultural Changes. Accessed June 26, 2022. <http://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp129.pdf?subid1=20220601--1943--36b8-afaf-ba431671f984>.
- Lo, D. 2006. "Ob'yekty i prostranstva [Objects and Spaces]" [in Russian], trans. by V. S. Vakhshstayn. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 5 (1): 30–42.
- Lynch, P., and N. Rivers. 2015. *Thinking with Bruno Latour in Rhetoric and Composition*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Marres, N., and D. Stark. 2020. "Put to the Test: For a New Sociology of Testing." *The British Journal of Sociology* 71 (3): 423–443.
- Mol, A. 2002. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Napreyenko, I. V. 2013. "Semioticheskiy povorot v STS [Semiotic Turn in STS]: teoriya referenta Bruno Latura [The Theory of Reference of Bruno Latour]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, nos. 1/2: 75–98.
- Popper, K. R. 2004. *Predpolozheniya i opроверzheniya [Conjectures and Refutations]: Rost nauchnogo znaniya [The Growth of Scientific Knowledge]* [in Russian]. Trans. from the English by A. L. Nikiforov and G. A. Novichkova. Moskva [Moscow]: ACT / Yermak.
- Schütz, A. 2003. "O mnozhestvennosti real'nostey [On Multiple Realities]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 3 (2): 3–34.
- Serres, M. 2016–2017. "Parazit [The Parasite]" [in Russian], trans. from the French by A. Lobanova. *Nosorog [Nosorog]*, no. 5.
- Shapin, S. 1984. "Pump and Circumstance: Robert Boyle's Literary Technology." *Social Studies of Science* 14 (4): 481–520.
- Shapin, S., and S. Schaffer. 2011. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Shirokov, A. A. 2019. "Politika ob'yasneniya i strategiya opisaniya Bruno Latura [The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bruno Latour]: kak pisat' infrefleksivnyye teksty [How to Write Infra-Reflexive Texts]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 18 (1): 186–217.
- Strathern, M. 2005. *Partial Connections*. Oxford: Rowman Altamira.
- Titkov, A. S. 2019. "Zachem vspominat' staroye? [Why Recall the Past?]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 31 (4): 8–11.
- Vakhshstayn, V. S. 2003. "Dramaturgicheskaya teoriya Irvinga Gofmana [Drama Theory of Erving Goffman]: dva prochteniya [Two Approaches]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [The Sociological Review]* 3 (4): 104–118.
- . 2005. "Vozvrashcheniye material'nogo. 'Prostranstva', 'seti', 'potoki' v aktorno-setevoy teorii [The Re-Turn of the Materiality. 'Spaces', 'Networks' and 'Fluids' and Actor-Network Theory]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [The Sociological Review]* 4 (1): 94–115.
- . 2011. "Freymy klassichnosti. Irving Goffman kak 'neudobnyy klassik' sotsiologii [Frames of Classicality. Erving Goffman as 'Uneasy Classic' of Sociology]" [in Russian]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]* 14 (2): 59–84.
- . 2014. "Fenomenologicheskaya interventsia v sotsiologiyu nauki [Phenomenological Intervention in the Sociology of Science]: Simvolicheskaya apprezentatsiya, kognitivnyy

- stil' i post-sotsiologizm [Symbolic Appresentation, Cognitive Style And Post-Sociology]" [in Russian]. In *Natsional'noye svoyeobraziye v filosofii : Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moskva, 10–11 dekabrya 2014 g.* Ed. by T. A. Shiyan, 237–253. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Wagner, G. 2013. "The Imitation of Science: On the Problem of the Classics in Sociology." In *Transnationale Vergesellschaftungen. Verhandlungen des 35. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Frankfurt am Main 2010*, ed. by H.-G. Soeffner, 1:111–123. Wiesbaden: Springer.
- Walsh, L., N. A. Rivers, and J. Rice. 2017. "Bruno Latour on Rhetoric." *Rhetoric Society Quarterly* 47 (5): 403–462.

Полина Колозариди, Лёня Юлдашев*

КАНОН ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАНИЙ**

СООБЩЕСТВО БЕЗ ДИСЦИПЛИНЫ

Получено: 12.04.2022. Рецензировано: 07.05.2022. Принято: 30.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена тому, как понятие канона позволяет составить описание исследовательской области. Авторы обозначают проблему изучения исследовательских областей, studies, не являющихся классическими дисциплинами. Из-за междисциплинарного характера производимого знания в studies не формируется классика, то есть набор авторов и текстов, влияющий на развитие дискуссий и выбор направлений теоретических и практических изысканий. Для картографирования основных подходов и изучения интеллектуальных оснований предлагается понятие канона. Канон определяется как сочетание и взаимодействие ключевых авторских отношений в контексте организационных особенностей академических центров и университетов с текстами и понятиями, наиболее значимыми для исследовательской области. Канон дает возможность очертить границы междисциплинарной области, отличая ее от других и одновременно от дисциплин, которым она наследует. В дополнение к этому авторы задействуют арсенал традиционных подходов, использующихся для описания исследовательских областей: социологии знания, самоописания области — и обращаются к способу осуществления исследований, принятое в той или иной сфере. Во второй части статьи предпринята реконструкция трех историй ученых, значимых для интернет-исследований, прояснен характер дискуссий, в которых они участвовали, и показано, как формировался канон в интернет-исследованиях. Утверждается, что теоретические ресурсы, примененные авторами, определяют направления дальнейших разработок в интернет-исследованиях. Анализ канонических подходов позволяет, таким образом, отделить интернет-исследования от смежных областей, таких как digital humanities или цифровая экономика. Канон оказывается своего рода инфраструктурой, направляющей исследователей интернета к одним сюжетам и усложняющей обращение к другим.

Ключевые слова: канон, классика, интернет-исследования, социальные науки, дисциплины, интернет.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-81-113.

*Полина Колозариди, к. с. н., преподавательница, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Клуб любителей интернета и общества, polina.kolozaridi@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5213-0235; Лёня Юлдашев, исследователь истории интернета (Москва); Клуб любителей интернета и общества, tov.dinast@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3709-4720.

**© Колозариди П.; Юлдашев Л. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ВВЕДЕНИЕ

Пик авторефлексии интернет-исследований как субдисциплины (studies) пришелся на короткий период 2003–2005 гг. (Markham, 2005, Livingstone, 2005). Несколько исследователей, причастных к этой области, описали, как видят основание и структуру своего направления. Но после этого, вот уже около пятнадцати лет, об этом нет больших разговоров, исследований и публикаций. В 2010-х годах вышли сборники, посвященные тому, как устроены и из чего состоят интернет-исследования (The Oxford Handbook of Internet Studies, 2013, International Handbook..., 2010, The Handbook of Internet Studies, 2011). С тех пор они не переиздавались. Несколько текстов о направлении выходили в 2010-е годы (Ess, Dutton, 2013, Tsatsou, 2016).

В таком не вполне саморефлексивном статусе это направление продолжает существовать по сей день. Ассоциация интернет-исследователей ежегодно проводит конференцию. Образовательных программ, посвященных непосредственно интернет-исследованиям, в университетах почти нет, однако назвать себя интернет-исследователями могут многие — от сетевых аналитиков до составителей энциклопедии мемов. Расстаются со статусом интернет-исследователя так же легко, как принимают его. Поработав с темой интернета пару десятков лет, к концу 2010-х годов люди порой меняют область интереса: они обращаются к критическому анализу больших данных, изучению социальных сетей или сужают интересы до исследований инстаграма.

Дело выглядит так, что интернет-исследования как субдисциплина еще существуют, но их разработка постепенно перебирается в музей истории науки. В такой ситуации эта исследовательская область выглядит особенно интересной, ведь, возможно, ее биография завершается, а автобиография — так и не написана. Новые исследовательские центры не появляются каждый год, как это было в 2000–2010-е, а в рассылке ассоциации люди обмениваются готовыми силлабусами, а не спорят о понятии интернета. Интернет-исследования оказываются удобным объектом для изучения канона. Понятие канона в исследовательских областях не разработано концептуально, поэтому нам нужно будет самостоятельно определить, что именно может быть названо так и какое место проблема канона занимает в определении границ исследовательской области и динамики ее изменения. Так мы формулируем задачу данного текста.

Авторы этого текста — интернет-исследователи. Для того чтобы описать происходящее в нашей области, мы в первую очередь представим ключевые понятия, которые будут проблематизированы в этом тексте: дисциплины, междисциплинарной области. Затем мы постараемся понять, каким образом с ними соотносятся понятия классики и канона. Их место, или ситуация — что осуществляет себя в качестве канона и кто занимается этим осуществлением — и является центральным вопросом статьи.

Задачи этого исследования дополняют друг друга: мы пытаемся понять, как устроены интернет-исследования, и одновременно изучаем то, насколько эвристично понятие канона. Результатом будет и описание исследовательской области, и примерка канона как понятия к этому материалу.

Дальше мы продемонстрируем три сюжета из истории интернет-исследований, чтобы понять, как ситуация канона возникает и оказывается связанной с границами, формированием и существованием исследовательской области. Это не эмпирическая работа, а эссе, однако для составления обзора интернет-исследований мы обращаемся к работам Полины Колозариди (Колозариди, 2020), чтобы рассмотреть проанализированные ею исследовательские центры и направления. В финальной части текста мы полемизируем на тему того, как возможно понимать канон в исследовательской области.

ЧАСТЬ 1. ОТВАЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В ПОИСКАХ ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ

ТРИ ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Чтобы обратиться к столь аморфному объекту, как исследовательская область, нам нужно понять, какие есть традиции работы с подобными явлениями. Мы выделяем три типа исследований научных направлений, дисциплин и междисциплинарных областей. Конечно, это идеальные типы — на деле все они сосуществуют даже в рамках текста одних и тех же авторов. Нам нужно определить и свой способ обращения к исследованию, и сам объект, поэтому необходимо картографировать методы, обратив внимание на их ограничения.

Во-первых, это философия или социология знания. В этом случае исследователи подходят к изучаемому направлению с метарамкой, в которой рассматривают или динамику и перемещения, или структуру, а иногда и все вместе. Примеры таких подходов: Кун, Налетов и др., 2020, Фейерабенд, Никифоров, 2007, Галисон и Дастон, Вархотов, 2018,

Мол, Гусейнова и др., 2018. За каждым таким автором, часто не брезгующим эмпирической работой, стоит теоретический интерес к знанию и формам его бытования.

Следующее направление исследований — *нарративы и автонарративы, самоописания области*. Это тоже заслуженный жанр; он обычно существует в рамках истории или философии. Социологи пишут историю социологии, философы — историю философии; кто-то — как завершающий труд, кто-то — для начала деятельности и поиска позиции, кто-то — как оформление своих вводных лекций. Это Бертран Рассел (Рассел, Целищев, 2016), Пиама Гайденко (Гайденко, 2000) и так далее. В таких случаях речь идет о попытке утверждения собственной дисциплины или дисциплинарной области как ведущей и более значимой, чем остальные.

Наконец, третий подход — *обращение к способу осуществления исследований, предполагающее эмпирическое изучение*. Он принят в наукометрии, исходя из институциональных условий и событий: университетов, библиотек, публикаций, журналов, книгоиздания и т. д. Так устроены тексты, повествующие об академических баталиях, наукометрических показателях, а также нарративах статей и т. д. (напр., Жэнгра, Гашков, 2020, *The Literary Structure...*, 2011). Во многих исследованиях третьего вида проблемы формирования канона являются центром и проблемой сами по себе, но существующий корпус работ и показателей, которые их объективируют, становится данным, а сами его границы и происхождение не оспариваются.

На первый взгляд, третий путь — ориентация на условия, события и вообще то, что схватывается «эмпирически», — позволяет достаточно легко подойти к определению исследовательских областей (*studies*). Но на деле такой подход имеет свои недостатки: разбираясь с количеством публикаций, мы не можем твердо сказать, на основе чего мы описываем границы. Ведь само по себе слово «интернет» ни на что не указывает, появляясь в публикации. Возможно, авторы имели в виду рукописи, оцифрованные и опубликованные в интернете. Относить ли такие тексты к области изучения интернета или цифровой гуманитаристики? Ответы на подобные вопросы дают как раз описания первого (и отчасти второго) типов.

В отношении наук все три подхода работают относительно ясно. При помощи них можно изучать и классику, и современность, делая акцент на разных аспектах наук, не вынимая их из научного обихода. Если мы говорим о базовых текстах и авторах, формирующих дисциплину,

обычно используется понятие «классики» (Классика и классики..., 2009; Савельева, Полетаев, 2010).

Классика соответствует всем трем подходам, о которых мы написали выше. Это понятие позволяет описать ситуацию и сущность науки, во многом ориентируясь на труды предшественников или основоположников (отделяя их от современности). Изучение классики — это нередко тема самой науки, но нередко и классика понимается через учебники, где история объекта и история дисциплины переплетены. Прерогативой метаязыка долго обладали история и философия наук, так как они посягали на то, что могут представлять из себя условия (история) и сущность (философия) наук без участия их самих. В XX веке к ним добавилась социология и разнообразие методов на стыке исторических, социологических, антропологических, философских подходов, а также анализ количественных метрик, который использует, например, статистический аппарат.

Но когда дело доходит до междисциплинарных областей, понятия классики оказывается недостаточно. Дело в том, что знания, необходимые для междисциплинарного исследования, не проходят «в классах», по ним не сдают экзамены. Учебники нередко заменяются хрестоматиями или пособиями с неисторичной структурой, где границы темы очерчивает лишь вводная статья. Строго говоря, из оптики исследователей науки междисциплинарные области вообще могли бы ускользнуть, поэтому мы обращаемся к понятию канона. Канон, как что-то, что схватывает одновременно «правила и праотцов», может не подходить для описания наук (Классика и классики..., 2009), но работает функционально — задает язык, на котором общаются люди, работающие с одними и теми же проблемами, и способ его оформления в тексте (The Literary Structure..., 2011). Кроме того, он может быть оспорен и уточнен с разных позиций (Waisbord, 2019; Corner, 2019). Мы предполагаем, что канон работает по иным принципам, нежели классика, для научных сообществ; но исследований, которые бы это показывали, очень мало.

Ситуация осложняется тем, что в нашем случае невозможно говорить о каноне или «ядре», опираясь только на историзацию и понимание преемственности. Это не позволяет нам заимствовать ход проблематизации, например, литературного канона (Блум, Харитонов, 2017). Ведь процессы, о которых мы здесь говорим, наблюдаются с середины 1990-х по сей день или, если иметь в виду основные материалы нашего рассказа, — в конце 2010-х годов. Вместе с тем нельзя сказать, будто центр и ядро исследовательской области нужно искать только

в наши дни. Понятие «канон», которое заимствуется из литературы, предполагает нечто передаваемое из прошлого в будущее. Для описания канона интернет-исследований нам будет нужна комбинация из всех трех направлений изучения дисциплин и областей знания. Мы будем обращаться к их институциональному существованию, анализировать нарратив и выходить к метакатегориям.

Итак, мы обращаемся к понятию канона, отличая его от понятия классики. Канон не всегда преподают в университетах, он скрепляет подвижные границы областей знания. При этом канон полагает образец для действия и задает язык и определения, которые признаются в сообществе. Таким образом, мы предлагаем *понимать канон как совокупность авторских действий и текстов, которые становятся основаниями для институционализации или оспаривания области знания*. Под действиями мы понимаем и включенность в институциональные контексты (журналы, конференции, исследовательские центры), и взаимодействие с другими авторами в текстах. Это определение отчасти основано на понимании литературного канона¹, отчасти — на том, что канон может быть аналогом классики для недисциплинарных областей знания. Мы предполагаем, что канон позволяет очертить границы междисциплинарной области и отличить ее от других, а также одновременно и от дисциплин, которым она наследует. Это эссе посвящено институциям, конкретным исследователям и понятиям как наиболее прямому способу «дотянуться» до канона. Тем не менее мы считаем, что эмпирические исследования других составляющих канона необходимы: это может быть изучение связей между конкретными текстами и авторами, устройства конференций и журналов, факультетов и исследовательских центров.

дисциплины, субдисциплины, интердисциплинарность,
междисциплинарность, недисциплинарность,
и почему мы запутались

Предмет нашего интереса в этом тексте — это интернет-исследования. Они не являются дисциплиной. Это первое определение от противного предполагает, что мы полагаем дисциплину некоторой нормой,

¹Мы обращаемся к литературному канону по двум причинам. Во-первых, основанием областей знания являются хоть и не художественные, но тексты. Во-вторых, понятие литературного канона обрело подвижность: мы видим, что канон оспариваем, критикуем, подвижен и что он может быть объектом разносторонней рефлексии, чего нельзя сказать о классике.

а ее отсутствие — ситуацией, требующей прояснения и предупреждения. Почему это так?

Мы пишем текст в дисциплинарный журнал, чем обрекаем его на существование в поле академии, сформированном именно дисциплинами. Дисциплины существуют в образовательных программах, книжных каталогах, журналах, на конференциях, они регулярно повторяются в разных странах и городах, и, даже несмотря на колоссальные разрывы в позициях и интеллектуальных программах, авторы, вроде Гирца и Гидденса, могут соседствовать на одной полке. Существуют исследования, связанные с конкретными условиями образовательных институций, но дисциплина невозможна без сообщества (McCulloch, 2002). Авторы исследований дисциплин не поясняют, возможны ли сообщества без дисциплин. При этом междисциплинарные исследования и исследовательские сообщества возникают как раз как коллективные сущности вокруг дробления дисциплин и фокусировки на предмете и объекте. Выделяют следующие их основания: тенденции специализации (когнитивной и социальной), территориальные перестройки (дифференциация, продвижение, междисциплинарная гибридизация и т. д.), способы и факторы институционализации (в частности, важность политики высшего образования, университетских программ и факультетов), логику, связанную с самим содержанием знания и инструментами исследования (Monteil & Romerio, 2017).

Но помимо фиксации studies как результата дробления, есть и сторонники studies как основы для устройства коллективной познавательной работы. Стоит посмотреть на работы Розы Брайдогги: она выстраивает утопический горизонт канона, основанного на необходимости его основания как тотальной инклюзивности и демократичности, исключающей все неинклюзивное и недемократичное (Braidotti, 2019). Есть и более мягкие версии тезиса о том, что ученым может быть каждый: от «Социологического воображения» Миллса (Миллс, Оберемко, 1998) до инструментального отношения к теории Аннмари Мол (Мол, Гусейнова и др., 2018).

В любом случае все эти исследователи предполагают, что дисциплины — базовый способ существования знания в ситуации современности, они в ней возникли и ее воспроизводят. Также они неизбежны в классическом университете, который появился как нечто единое в XVIII–XIX веках, впитав черты немецких, английских, французских учебных заведений, и распространился по миру. В университете есть кафедры,

факультеты, учебники и в конечном счете дисциплины. И в этом смысле интернет-исследования — не дисциплина.

Большинство исследователей *studies* сходится в том, что это явление появилось в ходе двух процессов: фрагментации, измельчения дисциплин и трансформации университетов, перехода производства знания ко все более разнообразным акторам. Фрагментация означает, что отдельные дисциплины дробились внутри себя на конфликтующие или сосуществующие подразделы, возникающие на самых разных основаниях (например, микросоциология, конверс-анализ (Lauren & Derin, 2020), аналитическая философия, цифровая этнография (Gajjala, 2002)). Часть из них остается в рамках дисциплин (например, потому что связана в первую очередь с разработкой метода), а часть — сосредотачивается на объекте, предмете или особенности своего способа отделения. Так оформились гендерные исследования, урбанистика, медиаисследования, исследования коммуникации и так далее (например, Laughey, 2007, Лукке, 2011). У них был разный путь возникновения, сейчас они существуют неоднородно и представляют собой контекст, в котором возникают и интернет-исследования.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ВСТРЕЧАЮТСЯ СО СВОИМИ ОБЪЕКТАМИ

Итак, исследовательские области образуются двумя способами. Первый способ — фрагментация наук и дисциплин, вторая — концентрация на объектах и предметах исследования. Науки и дисциплины, которые в первую очередь необходимо учитывать для понимания интернет-исследований, — это социология, филология, философия, антропология и история. Также к ним могут относиться политические науки, науки о культуре и широкая область исследований коммуникации, информации и медиа. На уровне интереса к объекту интернет-исследования находятся на стыке наук о городе, об искусстве, а также методологических подходов в духе цифровой гуманитаристики и сетевого анализа. Наконец, каждому из направлений наследуют и области знания, связанные с появлением новых видов действия в условиях цифровых медиа и опосредованных интернетом способов коммуникации — от изучения инфлюэнсеров и селебрити до рассмотрения цифровой памяти и смерти, веб-истории или критики способов анализа онлайн-данных.

Все это многообразие реализует свою сложную подвижность через статьи, исследования, дискуссии, образовательные программы. Оно обретается не только в стенах университетов, так как нередко исследова-

тельские инициативы возникают на границе с политическими проектами (например, изучение данных граждан Евросоюза), прикладными исследованиями (например, центры при корпорациях, таких как Microsoft или Google). Наконец, направления становятся частью давно существующих способов исследований, таких как, например, опросные фабрики.

Объединение многообразия происходит на конференциях, в академических журналах, в рамках грантовых проектов, а также на образовательных программах. Мы рассмотрим процесс и обособления, и объединения исследовательских сфер далее. В этой части важно понять особенности отдельных концептуальных оснований интернет-исследований: социально-гуманитарных наук и наук об информации и коммуникации (information / communication studies) (Song & Eberl & Eisele, 2020), — а также что вошло, а что не вошло в канон интернет-исследований, хотя более подробное описание самой области следует в следующей части.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И КОНСТРУКЦИЯ НАШЕГО ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ,
КОТОРЫЙ НАДО БЫЛО НЕ НАЙТИ, А СОБРАТЬ

Итак, подведем итог первой части. Мы описали в ней основные способы формирования высказываний о становлении и существовании дисциплины и области знания. Это философский/исторический, нарративный и эмпирический подходы. Мы предлагаем рассматривать канон как то, что представляется как укорененным в последовательности от настоящего к прошлому и оспаривается как движение от будущего к настоящему (и сформировавшему его прошлому). Эмпирический подход обращается к настоящему, изучаемому с помощью конкретных методов. Нарративный подход связан с тем, как помещается собственное знание и существование по отношению к описываемому материалу. В этом тексте будут использоваться все три подхода: от обзора и нарративной истории мы перейдем к историко-философскому анализу.

Также мы определили исследовательскую область как результат одновременно дробления дисциплин и объединения вокруг объектов и проблем «реального мира». Академическая часть исследовательских областей представляет собой ситуативное объединение, включающее как дисциплинарные каноны, так и теоретико-методологические ходы, возникающие в результате их применения конкретными субъектами (организациями и индивидами) к проблемам и сюжетам объектов исследования. Кроме того, часть исследовательских областей является своего рода приближением к объекту — например, исследования медиа

или искусства, которые уже внутри себя дробятся на киноведение, театроведение и так далее. Определение объекта исследования в некотором смысле замораживается в исследовательских областях и с известным трудом претерпевает изменения в дальнейшем. Этот «замороженный» канон при этом укоренен не столько в классических текстах и концептуальных проблемах, исходящих из прошлого, сколько в настоящем и будущем, так как исследования направлены на прояснение и краткосрочное прогнозирование. Так устроены исследовательские области.

Мы предполагаем, что для их описания понятие канона окажется более подходящим, чем понятие классики, так как первое позволяет обращаться к практикам и понятиям, не связанным с производством знания в рамках сложившихся в академических мирах сообществах. При этом канон задает образцы и общий язык, которым дисциплинарная область описывает свои объекты, различая их среди сходных явлений, сливающихся или бесконечно далеких друг от друга в ситуации здравого смысла.

В следующей части мы рассмотрим интернет-исследования как отдельный случай, а затем перейдем к дискуссии, в которой проанализируем формирование различий и формирование/оспаривание ядра исследовательской области.

ЧАСТЬ 2. ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРНЕТ И ПОЧЕМУ ЕГО ИССЛЕДУЮТ

ИНТЕРНЕТ КАК ПОНЯТИЕ: ИСТОРИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Интернет сложно зафиксировать как нечто начавшее быть объектом исследования. Сейчас слово «интернет» ретроспективно используется для обозначения большого количества сетевых инфраструктур, социальных практик и культурных артефактов, возникающих с середины XX века. Дебаты о том, что можно считать началом интернета, происходят в ближайшее к написанию этой статьи время. Дело в том, что на протяжении двух десятилетий основной историей интернета было его происхождение от американской сети «Арпанет» (Haigh & Russell & Dutton, 2015), но со второй половины 2000-х годов возникает все больше текстов, журналов, конференций, утверждающих, что эта история не является ни единственной, ни основной (Abbate, 2017). В качестве других «прародителей» появляются французская сеть «Минитель» (Mailland & Driscoll, 2017), советский ОГАС (Герович, 2011), чилийский Cybersyn (Medina, 2011). В каждом случае возникает вопрос, сохраняется ли при таком разнообразии предков единство названия

«интернет» или, например, заменяется на «неты», как в проекте историка медиа Кевина Дрисколла (Дрисколл и Палок-Берже, Юлдашев, 2020). Этот пересмотр исторического канона еще далек от завершения, и мы фиксируем скорее его начало, но он уже сейчас влияет на институциональную организацию поля, соотносясь с тем его дроблением и затиханием внутренних дискуссий.

Для нашего текста это означает, что описать «начало интернет-исследований» едва ли возможно, так как фиксация этого начала будет подобна запискам с поля сражения, которые не отражают всей картины, так как горизонт занят пушками и задымлен пашками. Тем не менее если мы отойдем от этой сложной ситуации генезиса объекта, судьба истории исследовательской области выглядит более ясной.

В первую очередь это судьба вопроса об интерпретации и понимании того, как интернет влияет на общество. Он осмысливается через существующие смежные субдисциплинарные определения, такие как медиа, технология или способ коммуникации (The Oxford Handbook of Internet Studies, 2013, Livingstone, 2005). Эти рамки задают определение его трактовки, и, например, интернет не оказывается среди инфраструктур (такое определение возникнет позже) или научных изобретений.

Важно, что сами участники производства интернета — за редким исключением наиболее известных фигур (обычно рассматриваемых как отцы-основатели или визионеры) — не являются тем «обществом», которое меняется с появлением интернета. Напротив, они отделены от производимого объекта. Несмотря на растущее количество IT-специалистов, инженеров, дизайнеров, сами эти группы изучают интернет как технологическое явление, и между языками информатики и социально-гуманитарных наук не так много «мостов».

Но понятие «общества» как объекта, принимающего технологии и требующего изучения, остается: оно есть и в названиях исследовательских центров и журналов, и в хэндбуках. Более внимательного исследования заслуживает связь этого общества с информационным (Theories of the Information Society, 2014), или сетевым (Benkler, 2008), или далее — алгоритмическим обществом (Schuilenburg & Peeters, 2020).

Итак, история интернета как объекта пересматривается, поэтому мы предлагаем оставлять ее в жанре «предыстории». В таком случае история исследований начинается в 1990-е годы и развивается сразу в нескольких направлениях: все они заняты интерпретацией влияния интернета на общество и через это — пониманием его как явления. К концу 1990-х годов оформляется направление интернет-исследований

через регулярную конференцию, первые исследовательские центры, а также публикации в научных журналах.

Следующая часть посвящена структуре интернет-исследований. В ней мы постараемся описать и условия производства ядра субдисциплины, и основные его свойства.

КАК ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОПИСЫВАЮТ ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискуссия о существовании интернет-исследований состоялась в 2003–2005 годах и затем дополнялась размышлениями и систематизациями более поздних лет. Какая ситуация была в эти годы, в начале 2000-х?

Уже существовала конференция ассоциации интернет-исследователей (AoIR), ее первая встреча прошла в 2000 году. На ней обсуждались междисциплинарность, сети, сообщества, критические подходы, сопротивление и так далее². Повестка во многом определялась и внутринаучными методологическими дебатами, и тем, какие они имеют политические преломления. Исследования интернета и его социально-политическая действительность обсуждались вместе, и сама рамка исследовательской области этому не противоречила. В отличие от других ассоциаций (например, социологической), ассоциация интернет-исследователей не подразделяется на рабочие группы, связанные, например, с теорией, методами и политической повесткой.

В начале 2000-х годов публикации об интернете выходили в новых для того времени журналах: *The Journal of Communication* (первая дискуссия об интернете в 1996), *The Journal of Computer-Mediated Communication* (появился в 1996 году), *Information, Communication and Society* (возник в 1998 году), *New Media and Society* (выходит с 1999 года). Эти четыре издания остаются крупнейшими и наиболее высокими в рейтингах международных изданий, где выходят статьи об интернете. Журнал *First Monday* также был создан в 1996 году, но достаточно долго не был таким рейтинговым, как остальные из перечисленных, поскольку не принадлежал ни к одному из крупных издательских домов.

Тогда же, на рубеже девяностых и нулевых годов, начинают создаваться исследовательские центры, сосредоточенные на теме интернета. Они возникают при университетах, корпорациях, отчасти к ним можно отнести подразделения крупных исследовательских фабрик. Такие центры и производят научные публикации, и осуществляют прикладные исследования. Немалое количество других исследовательских лабораторий

²См. материалы конференций: https://aoir.org/aoirarchive/aoirarchive_conferences/.

сосредотачивается только на прикладных разработках или работает с интернетом как с одним из объектов своего исследования. Крупнейшие центры находятся при Оксфордском университете, Гарварде, Массачусетском технологическом институте, университете Гумбольдта в Берлине. Помимо научной и прикладной повестки они также включены в политические взаимодействия и представляют интернет как нечто положительно влияющее на общество. Исследовательские программы часто укоренены в этой повестке, и ученые работают над тем, как интернет укрепляет (или разобщает) сообщества, участвует в изменении правовой системы, государственного управления, процессах демократизации или трансформации информационных и коммуникационных процессов. Эти же темы остаются в сфере внимания в журналах и на конференциях, хотя там к ним добавляются и другие сюжеты. Нередко повестка исследовательских центров обусловлена существующими партнерами и спонсорами, среди которых обычно есть глобальные организации, НКО, а также крупные коммерческие компании, занятые разработкой интернет-продуктов (например, Google и берлинский Гумбольдтовский центр изучения интернета).

В дальнейшем, в течение следующего десятилетия, количество таких центров убывает, а количество более узких тем возрастает. Возникают центры, посвященные отдельно темам интернета и детства, интернета и права и так далее. Кроме того, все большую роль начинает играть разработка методов: сетевого анализа, изучения онлайн-данных, а в дальнейшем — и критическое исследование таких методов.

Внутри дисциплин интернет также остается предметом разработки и рефлексии. Он имеет большое значение для социологии и представляет собой вызов разделению между действием, и его фиксацией в высказывании (неясно, что такое пост в социальной сети, насколько он отделен от своего офлайн-варианта) и структурами взаимодействия (см. Selwyn, 2019, Digital Confidential, 2020). Так «сетевое общество» как термин могло быть базовым, но недостаточно концептуальным ответом, и для объяснения коллективности в интернете возникают понятия, вроде «connected action», а для обозначения идентичности групп — «networked individuals» (Wellman & Rainie, 2013). И конечно, для социологии и антропологии интернет представляет собой важный объект для осмысления, так как он может трансформировать методы наблюдения (чему посвящено обширное поле рефлексии цифровой этнографии), опроса (как с помощью электронных анкет, так и с помощью обращения к уже

сделанным высказываниям в социальных сетях) (Selwyn, 2019, Miller & Horst, 2020, Meyer & Schroeder & Cows, 2016) и т. д.

Политические науки также пытаются рассмотреть интернет как внутреннюю задачу, так как обсуждения на онлайн-площадках могут соотноситься с электоральной активностью, например с созданием людьми в интернете политических объединений. Утопический горизонт предполагает, что изменения могут вести в однозначном направлении, например, к росту политических свобод. Его оспаривание или уточнение также представляет собой важную часть общественных и научных дискуссий об интернете как явлении (см. *The Oxford Handbook of Internet Studies*, 2013).

При этом ядро интернет-исследований достаточно долго оставалось и отчасти по сей день остается (если в целом возможно говорить о ядре в таком случае) сосредоточенным на осмыслении того, что люди делают в интернете/с интернетом и как это влияет на человека и общество. Мы наблюдаем это и по темам конференций, которые предлагают конкретные фокусы общего интереса, но полевые исследования остаются связанными с тем, что происходит в отдельных сообществах, в рамках отдельных теоретических и методологических подходов.

Интернет и как инструмент (имеется в виду, что он может разрабатываться не теми же, кем используется; создание платформ, проводов, устройств для взаимодействия), и как пространство общения (имеются в виду изображения, тексты, правила и способы общения), и как явление в рамках других (регулирование государствами, создание сервисов банками, образовательными структурами и пр.) изменяется. Мы не можем приписать изменение интернет-исследований только интеллектуальной или социальной динамике внутри самих исследовательских полей.

В этом смысле вопрос об интернет-исследованиях — не только в том, как они существуют в качестве структуры, но и в том, как они «дисциплинируются», как возникает канон. В дискуссиях 2003–2005 годов, от которых мы все не уходим, есть три версии того, как это происходит.

Аннетт Маркхэм обращается к фукольдьянской традиции понимания дисциплин как набора определений и предполагает, что интернет-исследования достаточно долго не прибегают именно к этому способу формирования себя как области (Markham, 2005). Соня Ливингстон показывает на конкретных примерах, как интернет-исследования позволяют прояснять существующие способы объяснять онлайн-явления и менять понимание политиков или здравого смысла, добавляя в них сложный контекст условий интернета как такового (Livingstone, 2005).

Барри Веллман говорит о смене эпох, связанных с объектом и способом его фиксации: от изучения некоторой глобальной сети через учет действий к исследованию человека и пользователя, который как бы воплощается в Интернете (Wellman, 2004).

Позже, в 2010–2013 гг., появляются хэндбуки. Это можно считать завершением этого периода институционализации (до сих пор нет ни одного конкурирующего или дополняющего их издания). Хэндбуки отличаются по своей структуре и идее: оксфордский предлагает видеть интернет как часть других социальных миров, европейский — как часть способа понимания мира и метода. Но в каждом хэндбукке — эмпирические и теоретические исследования, где речь идет не об интернете вообще, а о чем-то относящемся к интернету, будь то цифровая этнография, неравенство в мире компьютерных игр или рынки в Юго-Восточной Азии.

Панайоти Цацу в 2016 году описала область интернет-исследований, разделяя ее на *studies* — большие изучаемые явления (кибербезопасность, теоретизацию интернета, его роль в применении понятий разных теорий) — и *research* — непосредственно исследования, то есть то, что становится частью изучения, не требующего перформулирования повестки (Tsatsou, 2016). Юрий Рыков и Олег Нагорный в 2017 году предложили определить интернет-исследования как то, что в контексте социальных наук обращается к критической или сетевой теории общества (Рыков, Нагорный, 2017). Эти дискуссии показывают, что фокус внимания интернет-исследований достаточно легко перемещается из них самих в те области, которые обращаются к интернету как части своего метода или проблемы. В этом смысле их собственный канон не вполне ясен. Чтобы рассмотреть его, выходя за общие слова о том, что это комплексное явление, обязывающее изучать социальную, материальную, технологическую и другие «реальности», мы обратимся к трем историям исследователей, которые повлияли или влияют на интернет-исследования. Мы постараемся понять, с какими напряжениями, взятыми из дисциплин, они работают, какие проблемы это выявляет в интернет-исследованиях и какие решения предлагаются.

ТРИ ИСТОРИИ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНТЕРНЕТА

Три истории авторов, оказавшихся в разных отношениях с канонем интернет-исследований, показывают, как работает и многообразие подходов к канону, и усвоение, и оспаривание канонов других дисциплин.

Мы расскажем о них коротко как об историях людей. Все рассматриваемые персонажи живы, продолжают публиковать статьи и книги. Мы не можем наблюдать завершенность их проектов, но можем понять ее динамику. Каждая история начинается с того, как русскоязычные читатели и исследователи могут или могли бы встретиться с работами этих авторов. Это делается для того, чтобы в финальном обсуждении мы могли вернуться к ситуации канона.

ДАНА БОЙД

Книга даны бойд³ «Все сложно» переведена на русский язык. Ее публикация в России осталась незамеченной: книга появилась в книжных магазинах, на сегодняшний день вышли всего две рецензии, ссылок на текст очень мало (бойд, Каптуревский, 2020). Исследовательница важна для интернет-исследований, так как она стала адаптировать терминологию социолога Ирвинга Гофмана к интернету, ввела определение интернета как приватно-публичного пространства, изучала подростков, составила один из ключевых сборников о социальных сетях, а затем стала заниматься проблемой данных. Но обо всем по порядку.

Взрослея, дана бойд уже активно пользовалась интернетом: она много общалась в чатах и на сайтах в юности; впоследствии она описала этот опыт как важный для становления своей исследовательской самости. Работая в нескольких проектах при крупных университетах и корпорациях, бойд изучала, как взаимодействуют с интернетом другие люди. Вместе с Элис Марвик они исследовали подростков (Marwick & boyd, 2011), с Николь Эллисон — социальные сети как явление (Elison & boyd, 2013), с Кейт Кроуфорд же написали цитируемую для этого поля статью про большие данные (boyd & Crawford, 2012). Все три основные соавторки бойд — сейчас тоже весомые фигуры в американских академических мирах, и каждая занимается своей темой: знаменитостями, социальностью в интернете или данными. В этом смысле «центральность» бойд может быть объяснима ее расположением в социальной сети. Это объяснение легко согласуется с пространственной метафорой, усвоенной в изображениях социальности интернета: организации, люди, явления — все располагается как узлы в сети, и плотность связей подтверждает значимость узла (человека, темы, явления).

³Исследовательница интернета дана бойд (или дэна бойд) пишет свое имя в нижнем регистре, чтобы удовлетворить собственное политическое раздражение по поводу важности капитализации.

Но особенность работы даны бойд объяснима не только таким социологически упрощенным способом, ведь он схватывает только то, что происходит в настоящем, а один из основных сюжетов работы бойд — обращение к классике социологической теории, Ирвингу Гофману. Гофман создавал часть своих теорий, изучая, как люди регулируют свое поведение в публичных местах. Бойд показала, что в интернете они делают то же самое. Но разные части интернета обладают разной публичностью, и, значит, первая задача — реконструировать то, как они ею наделяются и что в них исполняется как частное/публичное. Инструменты для этой реконструкции заимствуются в символическом интеракционизме, и, хотя методология — не ключевая проблема для бойд, она отсылает к уже сделанным (не только на материалах онлайн-практик) исследованиям (Marwick & boyd, 2011), и за ней следуют новые.

Интересно и движение самой даны бойд как субъекта. Она начала, как мы описали, с изучения онлайн-практик. В 2010-е годы вышли самые популярные ее статьи, посвященные этой теме (например, *ibid.*). В то же время вместе с Кейт Кроуфорд они написали текст о больших данных в первую очередь с точки зрения проблематизации этого понятия как социального явления (2012). После этого бойд перешла к теме данных и стала основательницей и руководителем *data and society* центра в Нью-Йорке. Это внешне не самое очевидное движение вполне объяснимо, если обращаться к ее текстам на границе этих тем и к небольшим публикациям о фейковых новостях. В них утверждается:

- (а) несопоставимость смысла, который люди вкладывают в свои практики в интернете, и данных о них, которые появляются в отчетах и исследованиях;
- (б) непонимание сотрудниками IT-компаний и разработчиками этой несопоставимости;
- (в) происходящие из этого политические проблемы: алгоритмическое неравенство, социальная сегрегация, моральная паника и так далее (boyd d., 2017).

Рассматривая интернет и как то, что состоит из практик людей, и как истории изменения интерфейсов, бойд приходит к необходимости усиления той философской и социальной критики, которую она воплощала в своих ранних работах. При этом для своих исследований она не обращается к самим проблемам философии или предпосылкам, вписанным в устройство институций, а рассматривает конфликты и сложные методологические вопросы исходя из ситуации, в которую канон (например, необходимость понимания другого с помощью качественных методов)

уже вписан. Это показывает, что интернет-исследования в исполнении бойд хотя и работают с классическими для социальных наук подходами, обращаются к ним инструментально, а ключевой задачей для нее является работа с современностью.

БАРРИ ВЕЛЛМАН

О Барри Веллмане одна из авторов этого текста услышала от исследователей социальных сетей в России. Несмотря на то что ни один его текст не переведен на русский язык, Веллман в меру известен среди социологов, занятых количественными методами, ведь он вместе с Ли Рэйни написал книгу «Связанные: социальная операционная система» (2012), в которой ввел важные для понимания социальности интернета понятия: от «тройной революции» до «сетевого индивидуализма». Последнее претендует на решение одной из главных проблем социальных наук в контексте интернета — выяснить, какие социальные отношения возникают между людьми в интернете и в чем заключается их специфика.

Веллман работает не в одиночку: он опирается на труды предшественников и в течение всей своей жизни, как и бойд, окружен коллективами. Упомянутая книга написана в соавторстве с Ли Рэйни, директором американского Pew Internet Research — крупнейшей опросной фабрики, делающей комплексные исследования об интернете в жизни американцев (и не только). Кроме того, Веллман работал в Канаде с городскими исследователями, математиками, психологами, обращаясь к самым разным темам. Но это разнообразие — связанное.

Первое крупное исследование Веллмана — это изучение района города, в котором появился интернет. Вместе со своими коллегами исследователь выяснил, а потом много раз убедительно описал, что социальные связи между людьми не исчезают. Наоборот, они укрепляются, так как люди общаются с соседями и не только в том числе в интернете. Но это соседство не так сильно влияет на принадлежность человека к группе: люди остаются индивидами, будучи связанными в сети (Hampton & Wellman, 2003). Эта мысль не нова для социологии, но Веллман и Рэйни утверждают, что дело не только в социальных ролях, которые мы берем на себя. В небольшой и яркой статье о том, что было бы, если бы у Ромео и Джульетты были мобильные телефоны, Веллман показывает: социальные отношения перестают быть похожими на прежние, когда

в руках смартфон. Более того, изменение смартфона определяет социальные отношения в целом, хотя и не меняет сути социальной жизни (Н. Rainie, Wellman, 2012).

Когда интернет стал трансформироваться, Веллман начал описывать изменения и вывел вместе с Рэйни понятие «тройной революции». Согласно ему, радикальные изменения происходят, когда появляются дешевые смартфоны, доступные тарифы и сайты социальных сетей, где уже не анонимно, но действуя вместе с офлайн-идентичностью, регулярно общается человек. Эти изменения — как раз индивидуализация и трансформация социальных связей (*ibid.*).

Исследования Веллмана соотносятся с областью знания и практики, известной как сетевой анализ (Garton & Haythornthwaite & Wellman, 1997). Он не только соосновал конференцию и сеть исследователей, занятых этим, но и дал им легитимность на уровне социологического описания. Если индивидов можно изучать как сеть, где узлы сети перемещаются между разными отношениями, значит, именно подходы математиков и социологов, давно занятых этой темой, идеально работают для интернета. Веллман интеллектуально обустроил возможность переключения с количественного измерения мнений (с социологических опросов) к изучению действий (к сетевому анализу), которые показывают правдивую картину социального мира. Это же утверждение лежит в основе изучения «больших данных» и «датаизма» (Van Dijck, 2014). Но для нашего обращения к интернет-исследованиям примечательно, что тот подход к данным, который критикует бойд, происходит не извне, не создан лишь математиками, а в том числе является частью канона интернет-исследований. Если возвращаться к основаниям, то, хотя Веллман менее консистентен в описании своих интеллектуальных предшественников, его работы обращаются к структурному функционализму. В том числе даже оспариваемое им утверждение о сетевых индивидах продолжает представлять общество как структуру, а индивидов — как детерминированных своим местом элементов. Даже перераспределяя в сети, они действуют согласно правилам структуры или системы. Их собственная интерпретация оказывается вторичной по отношению к описанию больших систем, а интернет позволяет изучать эту меняющуюся структуру. Это радикально отличается от подхода бойд, которая, так же инструментально относясь к классикам социальных наук, использует их тезисы для противоположного утверждения: необходимо изучать, какие смыслы вкладывают в свои взаимодействия сами люди.

ДЭНИЕЛ МИЛЛЕР

Авторы этого текста познакомились с Дэниелом Миллером в Москве. Он единственный из персонажей этой статьи, кто не раз был в России и не исключает возможности делать исследования в компании российских коллег, обращаясь к местным материалам и интеллектуальным наработкам. Правда, Дэниел Миллер — вне канона интернет-исследований, хотя и покусается на их максимы, описанные в двух историях выше. В течение многих десятилетий он работает антропологом в Университетском колледже Лондона (UCL London). Он делал исследования в Карибском бассейне, на Тринидаде, Ямаике, в Индии и Великобритании, в торговых центрах, хосписах и интернете.

Первые исследования Миллера касались двух тем: материальности и Георга Фридриха Вильгельма Гегеля. Проводя антропологические исследования, Миллер показал, как работает субъективация и объективация: люди не становятся пассивными потребителями, а обретают субъектность, окружая себя вещами и совершая социальные ритуалы. Это сближает Миллера с символическими интеракционистами: в книге «Штуки» (Miller, 2010) он напрямую обращается к тому, чтобы работать с представлением себя другим (в терминологии Ирвинга Гофмана).

Между трактовками бойд и Миллера есть серьезные противоречия, например вопрос об аффордансах. Согласно бойд, материальность разработанных интерфейсов и других цифровых продуктов давит на пользователя, заставляя его совершать конкретные действия. Миллер спорит с этим, показывая, как люди приспособливают вещи, цифровые и аналоговые, к социальным ситуациям. Этому посвящен его масштабный проект «Почему мы постим» («Why We Post»), который и стал поводом для встречи, описанной в начале этого рассказа. В течение 15 месяцев Миллер и его коллеги жили в восьми странах мира (Италии, Великобритании, Чили, Китае (городском и сельском), Турции, Тринидаде, Индии и Бразилии) и изучали, как люди взаимодействуют с социальными медиа. По результатам проекта было написано 11 книг, множество статей, а также создан онлайн-курс, переведенный в том числе на русский язык. Эти материалы предназначены не только и не столько для исследователей, но для всех, кто интересуется социальными сетями и жизнью с интернетом (Miller, 2016). В этом смысле внеканоничность Миллера связана и с его дисциплинарностью и с ориентацией его текстов на широкую публику.

Тезисом о том, что все люди и социальные ситуации разные, а технологии их не объединяют и не создают загадочных онтогносеологических разрывов в духе описанных Веллманом, Миллер не ограничивается. Его совместная с Хизер Хорст книга о цифровой антропологии показывает необходимость диалектического понимания цифрового (Miller & Horst, 2020), а статья о теории теорий постулирует, что теории фетишизированы и задача исследователей — создавать своего рода рабочие метафоры (например, смартфона как переносимого дома) (Miller, 2021).

Пример Дэниела Миллера показывает, что в канон интернет-исследований лишь отчасти могут войти как дисциплинарные или научные подходы, так и максимально широкое знание в виде свободно распространяемой литературы, не связанной с институциями «об интернете». Сама специфика ориентации studies на объект не предполагает, что любой, кто его касается, автоматически становится соответствующим исследователем.

Миллер обращается к тем же темам, что и бойд и Веллман, и спорит с ними. Спор этот происходит не на территории антропологии, а в отношении понятий, которые антропологи могут трактовать иначе (например, понятие аффордансов, см. Madianou & Miller, 2013).

Но само обращение и даже большая популярность и институциональная значимость не всегда определяют включенность в язык studies. Последние в этом смысле наследуют не наследуют дисциплинам как таковым, а преемственны к истории их дробления: часть исследовательской области восходит к одной спорящей стороне во фрагментирующейся социологии (понимающей или структурно-функционалистской парадигмам). Антропологические исследования традиции Миллера игнорируют этот спор, в их интерпретации позиция людей, структур и материальности организованы иначе. Этот пример демонстрирует границы общности, их связность с теориями прошлого и одновременно подвижность и несвязность с другими иерархиями. Более того, исследования Миллера появляются и в интернет-исследованиях. Но также они привлекают в свои поля исследований другие страны, оказываются влиятельными для субдисциплин, которые приходят вслед за интернет-исследованиями (например, исследования онлайн-знаменитостей или мемов)⁴.

⁴Это сложно определить, исходя из того синхронного анализа, который мы можем провести, находясь в одном контексте и времени с изучаемым материалом. Впоследствии исследовательские области могут измениться в том числе под влиянием других областей

ЧТО МЫ УЗНАЕМ ИЗ ТРЕХ ИСТОРИЙ

Эти почти биографические очерки о трех исследователях, обращающихся к интернету, отчасти произвольны. Мы не изучали все упоминания интернета во всех статьях, написанных в мире, да и вряд ли это возможно, учитывая, что неловко было бы ограничиваться только английским языком поиска. Выбор этих сюжетов скорее иллюстративен, чем аналитичен, хотя едва ли мы получили бы радикально иной результат, обратившись к другим весомым фигурам, если не касаться специфических тем, вроде интернет-регулирования или адаптации концептов 1990-х годов к интернету в духе Мануэля Кастельса. Наконец, мы не стали включать в эти сюжеты рассказы об исследованиях культуры интернета, вполне влиятельные, вроде написанных Генри Дженкинсом, поскольку они идут скорее путем изобретения собственных подходов и соседства с междисциплинарными областями, такими как исследования культуры.

Но при всех ограничениях самого материала мы показали интеллектуальные и институциональные особенности этих сюжетов. Когда мы говорим об интернет-исследованиях и даже их маргиналиях, речь идет об англоязычном глобальном академическом мире, о дискуссиях, в ходе которых продолжается постановка вопросов об обществе и технологиях, социальном и техническом детерминизме, агентности людей. Часть этих дискуссий принимает политический оборот, часть — касается устройства знания и его свойств. Основная задача, которую реализуют исследователи, — это формирование языка и метода описания на основе некоторых теорий из социальных наук, их приложения к современным сюжетам.

Поверхностный взгляд может считать это как сами собой разумеющиеся и почти безальтернативные направления исследований. Но взгляд в окружающие Internet studies поля показывает, что неподалеку находятся области разработки методов (например, цифровая антропология и онлайн-опросы), исследования трансформаций наук (цифровая гуманитаристика, цифровая экономика), исследования инфраструктур и организаций. Ни одно из этих направлений не находится внутри дискуссий об интернет-исследованиях, о которых мы писали выше.

Знания, поэтому наши выводы здесь скорее являются предположениями, основанными на наблюдении изнутри ситуации.

Дискуссии возникали скорее как часть проблематизации сообщества, которое формирует канон *ad hoc*.

ЧАСТЬ 3. ДИСКУССИЯ О ТОМ, КАК ВОЗМОЖНО ИССЛЕДОВАНИЕ

В ходе написания этого текста авторы обнаружили несколько противоречий и в собственных позициях, и в том, как устроены описания *studies* у разных авторов. Дисциплины противопоставляются исследовательским областям из-за разного способа и периода согласований и утверждений о ключевых проблемах. Даже самые сложные и противоречивые дисциплины уживаются за счет единства языка, институциональных форм и канона как согласованного с классикой и соединенного с образами науки. К каждой из этих составляющих существуют десятки вопросов, им посвящены сотни книг, даже если мы говорим о социально-гуманитарных дисциплинах. Но этот «твердый» образ дисциплин возможен отчасти благодаря существованию буферной зоны междисциплинарности и исследовательских областей.

Последние оказываются скорее менее конфликтными внутри себя. На примере интернет-исследований мы видим, что их разноречивость почти не обозначена в дискуссиях. Тот факт, что разные исследования могут иметь в виду принципиально разное отношение к детерминизму, человеку, технике, не оказывается *casus belli* — исследования продолжаются, порой в одной статье встречаются цитаты авторов, которые объединены в совершенно несопоставимых для внутридисциплинарных теорий контекстах. Это особенно видно по разноречивости Барри Веллмана и тем дебатам, которые весьма подспудно идут между разными подходами к тому, что такое аффорданс. Это и позволяет всем указанным подходам сосуществовать в одном времени в разных местах. Кроме того, локальные контексты оказываются все более значимыми: хотя «глобальные» интернет-исследования имеют ощутимый центр, они не являются законодателями даже для публичного знания и других околоисследовательских инициатив (см. хотя бы противостояние даны бойд одновременно с теорией поколений и исследователями больших данных).

Получается парадокс: хотя дисциплины на деле куда более противоречивы, они претерпевают изменения, где новшество исходит из фактически более бесконфликтных исследовательских областей. В них канон не пересматривается, но не может не учитываться; в этом смысле они как будто ближе к «знанию как», чем к «знанию что» в терминах Полани (Полани, Гнедовский, 1985). Исследования повторяются за счет использования тех же приемов приращения эмпирических работ о явлениях,

которые маркируются как принадлежащие реальности-с-интернетом. В этом смысле, по крайней мере на примере интернет-исследований, приращение знания происходит не столько к некоторой области или «полю», существующему в мире университета и науки, сколько к самим по себе объектам познания. Возможно, мы таким образом обнаруживаем сообщество без дисциплины, которое тем не менее воспроизводит себя.

При этом трансфер академического знания (а исследовательские области заняты его производством, хотя и не только им) в публичную сферу или производство не происходит напрямую. Но «социализуя» производство знания, при этом исследовательская область пронесит и публичные принципы в то, как устроено производство знания. Инициативы и бойд, и Миллера носят ярко выраженный, хотя и совершенно разный социальный смысл: они способствуют тому, чтобы либо, как в случае Миллера, больше людей получили доступ к тому знанию, которое производят антропологи, либо, как в случае бойд, исследователи помогали устранять непонимания между обществом и производителями технологий. В этом смысле исследовательские области наследуют статусу «моральных наук», преодолевая различия между конкретными направлениями (Hacking, 1991). Ян Хакинг изучал историю статистики, показывая, что она связана в своих основаниях с вопросами о том, как возможно сделать жизнь общества лучше. Во многих случаях эта отдельная роль наук для общества воспринимается как должная без отдельной рефлексии. Мы полагаем, что для дальнейшего изучения темы канонов в исследовательских областях необходимо уделять внимание и самим предпосылкам моральных и социальных задач познания.

Пересмотр канона, если он и предлагается, исходит не из внутринаучных дебатов, а из сложной социально-политической повестки. Само устройство такого пересмотра также медленно переосмыляется. Это происходит уже из следующих поколений *studies* и еще более узких областей, таких как история интернета или управление интернетом. Там проблематизация исходит из тех же оснований, что и в основных исследовательских областях — в первую очередь деколонизационных проектах (см. конференции AOIR).

Чтобы соотнести каноны с философскими напряжениями, нам пришлось предпринять скорее спекулятивные ходы. Находя их вполне спорными и во многом основанными на анализе биографий и институций, мы, однако, предлагаем к следующему этапу обсуждения те вопросы, которые касаются определения канона, классики, науки и дисциплины.

В исследованиях наук можно встретить и подходы к тому, чтобы разграничивать процессы изучения, и их репрезентацию (Holmes, 1987); канон обнаруживается в первую очередь в создании описания. Мы полагаем, что это требует дополнительного изучения, которое может последовать за более широким описанием поля, представленным в этом тексте. Основным направлением тут можно назвать совместное производство социального порядка вместе с его описаниями (см. Jasanoff, 2004). Опровержение или подтверждение того, что в случае интернет-исследований происходит именно оно, возможно уже с анализом дискуссий вокруг ключевых положений канона. Его более твердое определение, вероятно, может возникнуть тогда, когда и социальный порядок, и языки описания будут изменяться. Мы предполагаем, что канон тогда может обозначить себя более отчетливо, но фиксация ситуации к 2022 году может пригодиться для оснований такой дискуссии. Завершая эту статью весной 2022 года, мы предполагаем, что одной из линий напряжения может быть как раз столкновение локальных глобальных сообществ и канонов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта статья начинается с того, что интернет-исследования пока не пишут автобиографию. Нас на протяжении всего текста удивляла небольшая саморефлексивность поля при колоссальной рефлексивности насчет исследовательской этики и вообще места исследований и технологий «в мире». Само по себе это не является проблемой, но делает исследовательскую область уязвимой по отношению к новым направлениям. Богатая эмпирическими исследованиями и теоретическими экспериментами область знаний может оказаться через некоторое время еще одним кирпичиком в стене между информационным и алгоритмическим обществом.

Поскольку исследовательские области институционализированы и описаны иначе, чем дисциплины, то понятие классики для них не подходит. Мы предложили понятие канона как возможное решение, позволяющее описать и авторские действия, и некоторые элементы текстов, хотя и не переходя к деталям и не проблематизируя генеалогии.

Канон исследовательских направлений не оспаривается изнутри. Организованы они в высшей степени централизованно и опираются на те институции и способы устройства коллективности, которые были во время их появления: крупные международные журналы, исследовательские центры на стыке академических и предпринимательских

миров, европейских НКО и институционализированных активистских движений. Оппонентами в *studies* оказываются не столько ученые из дисциплин, сколько популяризаторы знаний о том, что есть цифровые аборигены или что интернет меняет жизнь людей некоторым определенным образом.

Мы не включали в этот текст ситуации в дисциплинах, а также исследовательских областях, которые проблематизируют свои дисциплинарные и/или философские основания (как АНТ/СТС, см. статью Н. Волковой в этом же номере), предлагая канон устройства текста и тезисы, связанные со способом познания.

Канон в интернет-исследованиях оказывается ситуативным: как само устройство дисциплинарной области, так и его основные положения наследуют и дисциплинам в их спорах конца XX века, и устройству исследовательской жизни. Часть из них обращается к философским основаниям (от Фуко до теорий демократии), но сугубо инструментально — для подтверждения собственных оснований.

Каноны, вероятно, сохранят свою ситуативность, меняясь под воздействием конкретных условий. Но течение этих изменений уже находится под влиянием столь большого количества факторов, что мы не можем его предусмотреть. Что остается возможным? Историзировать и понимать место *studies* в том виде, в котором они существовали в конце XX и начале XXI века, и не упускать их оснований, описанных как канон или в ином структурированном виде.

ЛИТЕРАТУРА

- Блум Г.* Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Хари-тонова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- бойд д.* Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях / пер. с англ. Ю. Каптуревского. — М. : ИД НИУ ВШЭ, 2020.
- Гайденко П. П.* История греческой философии в ее связи с наукой. — СПб. : Университетская книга, 2000.
- Галисон П., Дастон Л.* Объективность / пер. с англ. Т. Вархотова. — М. : Новое Литературное Обозрение, 2018.
- Герович В.* Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. — 2011. — Т. 75, № 1. — С. 508–527.
- Дрисколл К., Палок-Берже К.* В поиске недостающих историй сетей / пер. с англ. Л. Юлдашева // Неприкосновенный запас. — 2020. — Т. 138, № 2. — С. 55–71.
- Жэнгра Л.* Социология науки / пер. с фр. С. Гашкова. — М. : ИД ВШЭ, 2020.

- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
- Колозариди П. В.* Интернет-исследования : исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. — 2020. — Т. 30, № 3. — С. 69–92.
- Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова, В. Поруса, А. Никифорова. — М. : Прогресс, 2020.
- Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко. — М. : Стратегия, 1998.
- Мол А.* Множественное тело. Онтология в медицинской практике / пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. — Пермь : Hyle Press, 2018.
- Полани М.* Личностное знание / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. — М. : Прогресс, 1985.
- Рассел М.* История западной философии / пер. с англ. В. Целищева. — М. : АСТ, 2016.
- Рыков Ю., Нагорный О.* Область Интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 366–394.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Классическое наследие. — М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. А. Никифорова. — М. : АСТ, 2007.
- Abbate J.* What and Where is the Internet? (Re)Defining Internet Histories // Internet Histories. — 2017. — Vol. 1, no. 1/2. — P. 8–14.
- Benkler Y.* The Wealth of Networks : How Social Production Transforms Markets and Freedom. — London : Yale University Press, 2008.
- boyd d.* Did Media Literacy Backfire? // Journal of Applied Youth Studies. — 2017. — Vol. 1, no. 4. — P. 83–89.
- boyd d., Crawford K.* Critical Questions for Big Data : Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // Information, Communication & Society. — 2012. — Vol. 15, no. 5. — P. 662–679.
- Braidotti R.* A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities // Theory, Culture & Society. — 2019. — Vol. 36, no. 6. — P. 31–61.
- Corner J.* Origins and Transformations : Histories of Communication Study // Media, Culture & Society. — 2019. — Vol. 41, no. 5. — P. 727–737.
- Digital Confidential : The Secrets of Studying Online Behavior / ed. by E. Hargittai, C. Sandvig. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2020.
- Ellison N. B., boyd d.* Sociality Through Social Network Sites // The Oxford Handbook of Internet Studies / ed. by W. H. Dutton. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — P. 151–172.
- Ess C. M., Dutton W. H.* Internet Studies : Perspectives on a Rapidly Developing Field // New Media & Society. — 2013. — Vol. 15, no. 5. — P. 633–643.
- Gajjala R.* An Interrupted Postcolonial/Feminist Cyberethnography : Complicity and Resistance in the “Cyberfield” // Feminist Media Studies. — 2002. — Vol. 2, no. 2. — P. 177–193.

- Garton L., Haythornthwaite C., Wellman B.* Studying Online Social Networks // Journal of Computer-Mediated Communication. — 1997. — Vol. 3, no. 1.
- Hacking I.* How Should We Do the History of Statistics? // The Foucault Effect : Studies in Governmentality: With Two Lectures by and an Interview With Michel Foucault / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. — Chicago : University of Chicago Press, 1991. — P. 181–196.
- Haigh T., Russell A. L., Dutton W. H.* Histories of the Internet : Introducing a Special Issue of Information & Culture // Information & Culture. — 2015. — Vol. 50, no. 2. — P. 143–159.
- Hampton K., Wellman B.* Neighboring in Netville : How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburbe // City & Community. — 2003. — Vol. 2, no. 4. — P. 277–311.
- Holmes F. L.* Scientific Writing and Scientific Discovery // Isis. — 1987. — Vol. 78, no. 2. — P. 220–235.
- International Handbook of Internet Research / ed. by J. Hunsinger, L. Klastrup, M. Allen. — Dordrecht : Springer Science & Business Media, 2010.
- Jasanoff S.* Ordering Knowledge, Ordering Society // States of Knowledge : The Co-production of Science and Social Order. — 2004. — P. 13–45.
- Laughy D.* Key Themes in Media Theory. — Berkshire : McGraw-Hill Education, 2007.
- Lauren C., Derin T.* Systematic Review : Where is Current Research on Conversational Analysis? // ELSYA : Journal of English Language Studies. — 2020. — Vol. 2, no. 2. — P. 48–53.
- Livingstone S.* Critical Debates in Internet Studies : Reflections on an Emerging Field / London: LSE Research Online. — 2005. — URL: <http://eprints.lse.ac.uk/1011> (visited on June 26, 2022).
- Lykke N.* This Discipline Which Is Not One : Feminist Studies as a Post-Discipline. Theories and Methodologies in Postgraduate Feminist Research: Researching Differently. — New York : Routledge, 2011.
- Madianou M., Miller D.* Polymedia : Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication // International Journal of Cultural Studies. — 2013. — Vol. 16, no. 2. — P. 169–187.
- Mailland J., Driscoll K.* Minitel : Welcome to the Internet. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2017.
- Markham A. N.* Disciplining the Future : A Critical Organizational Analysis of Internet Studies // The Information Society. — 2005. — Vol. 21, no. 4. — P. 257–267.
- Marwick A. E., d. boyd d.* I Tweet Honestly, I Tweet Passionately : Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience // New Media & Society. — 2011. — Vol. 13, no. 1. — P. 114–133.
- McCulloch G.* “Disciplines Contributing to Education?” Educational Studies and the Disciplines // British Journal of Educational Studies. — 2002. — Vol. 50, no. 1. — P. 100–119.

- Medina E.* Cybernetic Revolutionaries : Technology and Politics in Allende's Chile. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2011.
- Meyer E. T., Schroeder R., Cows J.* The Net as a Knowledge Machine : How The Internet Became Embedded in Research // *New Media & Society*. — 2016. — Vol. 18, no. 7. — P. 1159–1189.
- Miller D.* Stuff. — Cambridge : Polity Press, 2010.
- Miller D.* How the World Changed Social Media. — London : UCL Press, 2016.
- Miller D.* A Theory of a Theory of the Smartphone // *International Journal of Cultural Studies*. — 2021. — P. 860–877.
- Miller D., Horst H. A.* The Digital and the Human : A Prospectus for Digital Anthropology // *Digital Anthropology* / ed. by H. Knox, H. Geismar. — London, New York : Routledge, 2020. — P. 3–35.
- Monteil L., Romero A.* From Disciplines to “Studies”. Knowledge, Trajectories, Policies // *Revue d'anthropologie Des Connaissances*. — 2017. — Vol. 11, no. 11.
- Rainie H., Wellman B.* Networked : The New Social Operating System. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2012.
- Selwyn N.* What is Digital Sociology? — Cambridge : John Wiley & Sons, 2019.
- Song H., Eberl J. M., Eisele O.* Less Fragmented than We Thought? Toward Clarification of a Subdisciplinary Linkage in Communication Science, 2010–2019 // *Journal of Communication*. — 2020. — Vol. 70, no. 3. — P. 310–334.
- The Algorithmic Society : Technology, Power, and Knowledge* / ed. by M. Schuilenburg, R. Peeters. — London, New York : Routledge, 2020.
- The Handbook of Internet Studies* / ed. by M. Consalvo, C. Ess. — Chichester, West Sussex : John Wiley & Sons, 2011.
- The Literary Structure of Scientific Argument : Historical Studies* / ed. by P. Dear. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011.
- The Oxford Handbook of Internet Studies* / ed. by W.H. Dutton. — Oxford : Oxford University Press, 2013.
- Theories of the Information Society* / ed. by F. Webster. — London, New York : Routledge, 2014.
- Tsatsou P.* Internet Studies : Past, Present and Future Directions. — London, New York : Routledge, 2016.
- Van Dijck J.* Datafication, Dataism and Dataveillance : Big Data between Scientific Paradigm and Ideology // *Surveillance & Society*. — 2014. — Vol. 12, no. 2. — P. 197–208.
- Waisbord D.* Communication : A Post-Discipline. — Cambridge : John Wiley & Sons, 2019.
- Wellman B.* The Three Ages of Internet Studies : Ten, Five and Zero Years Ago // *New Media & Society*. — 2004. — Vol. 6, no. 1. — P. 123–129.
- Wellman B., Rainie L.* If Romeo and Juliet Had Mobile Phones // *Mobile Media & Communication*. — 2013. — Vol. 1, no. 1. — P. 166–171.

Kolozaridi, P., and L. Yuldashev. 2022. "Kanon internet-issledovaniy [Researching Internet Studies Canon]: soobshchestvo bez distsipliny [The Community Without a Discipline]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 81–113.

POLINA KOLOZARIDI

PHD IN SOCIOLOGY, ASSISTANT PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY — HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA)

COORDINATOR OF THE CLUB FOR THE INTERNET AND SOCIETY ENTHUSIASTS;

ORCID: 0000-0001-5213-0235

LEONID YULDASHEV

INTERNET HISTORIES RESEARCHER (MOSCOW, RUSSIA)

COORDINATOR OF THE CLUB FOR THE INTERNET AND SOCIETY ENTHUSIASTS;

ORCID: 0000-0002-3709-4720

RESEARCHING INTERNET STUDIES CANON

THE COMMUNITY WITHOUT A DISCIPLINE

Submitted: Apr. 12, 2022. Reviewed: May 07, 2022. Accepted: May 30, 2022.

Abstract: The article focuses on how the notion of canon enables the description of a research field. The authors outline the problem of studying studies, i. e., research fields that are not classical disciplines. Because of the interdisciplinary nature of the knowledge produced in studies, it does not form the corpus of classical texts, basically considered classics, but a set of authors and texts that influence the development of discussions and the choice of directions of theoretical and practical research. In order to map key approaches and explore intellectual foundations, we propose the canon as a term. It can be understood as a set of authors' actions, relations, and circumstances (like institutions) that result in texts and concepts accepted in a particular research field. Moreover, vice versa, the texts and concepts circulate in the organizations and influence them. The canon makes it possible to map the boundaries of an interdisciplinary field, distinguishing it from others and, at the same time, from the disciplines it inherits. The authors draw attention to the traditional approaches used to describe research fields: sociology of knowledge, self-descriptions of the field, and an appeal to the way research is carried out in a particular field. The second part of the paper attempts to reconstruct three histories of scholars significant in Internet Studies, clarifying the discussions in which they participated and demonstrating how the canon in internet studies was formed. Institutional factors and the theoretical resources contribute here to understanding the boundaries of Internet Studies. The analysis of canon authors thus makes it possible to separate internet studies from the other fields, such as digital humanities or digital economics. The canon turns out to be a kind of infrastructure, directing internet studies researchers to some subjects and making it more challenging to address others.

Keywords: Canon, Classics, Internet Studies, Social Sciences, Disciplines, Internet.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-81-113.

REFERENCES

Abbate, J. 2017. "What and Where is the Internet? (Re)Defining Internet Histories." *Internet Histories* 1 (1/2): 8–14.

- Benkler, Y. 2008. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. London: Yale University Press.
- Bloom, H. 2017. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen [The Western Canon. The Books and School of the Ages]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Kharitonov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- boyd, d. 2017. "Did Media Literacy Backfire?" *Journal of Applied Youth Studies* 1 (4): 83–89.
- . 2020. *Vse slozhno. Zhizn' podrostkov v sotsial'nykh setyakh [It's Complicated. The Social Lives of Networked Teens]* [in Russian]. Trans. from the English by Yu. Kapturevskiy. Moskva [Moscow]: ID NIU VSh-E.
- boyd, d., and K. Crawford. 2012. "Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon." *Information, Communication & Society* 15 (5): 662–679.
- Braidotti, R. 2019. "A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities." *Theory, Culture & Society* 36 (6): 31–61.
- Consalvo, M., and C. Ess, eds. 2011. *The Handbook of Internet Studies*. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons.
- Corner, J. 2019. "Origins and Transformations: Histories of Communication Study." *Media, Culture & Society* 41 (5): 727–737.
- Dear, P., ed. 2011. *The Literary Structure of Scientific Argument: Historical Studies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Driscoll, K., and C. Paloque-Berges. 2020. "V poiske nedostayushchikh istoriy setey [Searching for Missing 'Net Histories']" [in Russian], trans. from the English by L. Yuldashev. *Neprikosnovennyy zapas [An Inviolable Reserve]* 138 (2): 55–71.
- Dutton, W. H., ed. 2013. *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press.
- Ellison, N. B., and d. boyd. 2013. "Sociality Through Social Network Sites." In Dutton 2013, 151–172.
- Ess, C. M., and W. H. Dutton. 2013. "Internet Studies: Perspectives on a Rapidly Developing Field." *New Media & Society* 15 (5): 633–643.
- Feyerabend, P. 2007. *Izbrannyye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Nikiforov. Moskva [Moscow]: AST.
- Gaydenko, P. P. 2000. *Istoriya grecheskoy filosofii v yeye svyazi s naukoy [The History of Greek Philosophy in Its Connection with Science]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Universitet-skaya kniga.
- Gajjala, R. 2002. "An Interrupted Postcolonial/Feminist Cyberethnography: Complicity and Resistance in the 'Cyberfield'." *Feminist Media Studies* 2 (2): 177–193.
- Galison, P., and L. Daston. 2018. *Ob'yektivnost' [Objectivity]* [in Russian]. Trans. from the English by T. Varkhotov. Moskva [Moscow]: Novoye Literaturnoye Obozreniye.
- Garton, L., C. Haythornthwaite, and B. Wellman. 1997. "Studying Online Social Networks." *Journal of Computer-Mediated Communication* 3 (1).
- Gerovich, V. 2011. "Inter-Net! Pochemu v Sovet-skoy Soyuz ne byla sozdana obshchenatsional'naya komp'yuternaya set' [Internet-No! Why Wasn't a Nationwide Computer Network Created in the Soviet Union]" [in Russian]. *Neprikosnovennyy zapas [An Inviolable Reserve]* 75 (1): 508–527.
- Gingras, Y. 2020. *Sotsiologiya nauki [Sociologie des sciences]* [in Russian]. Trans. from the French by S. [Gashkov, S.] Gashkova. Moskva [Moscow]: ID VSh-E.
- Hacking, I. 1991. "How Should We Do the History of Statistics?" In *The Foucault Effect: Studies in Governmentality: With Two Lectures by and an Interview With Michel*

- Foucault*, ed. by G. Burchell, C. Gordon, and P. Miller, 181–196. Chicago: University of Chicago Press.
- Haigh, T., A. L. Russell, and W. H. Dutton. 2015. “Histories of the Internet: Introducing a Special Issue of Information & Culture.” *Information & Culture* 50 (2): 143–159.
- Hampton, K., and B. Wellman. 2003. “Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburbe.” *City & Community* 2 (4): 277–311.
- Hargittai, E., and Ch. Sandvig, eds. 2020. *Digital Confidential: The Secrets of Studying Online Behavior*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Holmes, F. L. 1987. “Scientific Writing and Scientific Discovery.” *Isis* 78 (2): 220–235.
- Hunsinger, J., L. Klastруп, and M. Allen, eds. 2010. *International Handbook of Internet Research*. Dordrecht: Springer Science & Business Media.
- Jasanoff, S. 2004. “Ordering Knowledge, Ordering Society.” *States of Knowledge: The Co-production of Science and Social Order*: 13–45.
- Kolozaridi, P. V. 2020. “Internet-issledovaniya [Internet Research]: istoricheskiy obzor i analiz proizvodstva znaniya [Historical Overview and Analysis of Knowledge Production]” [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 30 (3): 69–92.
- Kuhn, T. 2020. *Struktura nauchnykh revolyutsiy [The Structure of Scientific Revolutions]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Naletov, V. Porus, and A. Nikiforov. Moskva [Moscow]: Progress.
- Laughey, D. 2007. *Key Themes in Media Theory*. Berkshire: McGraw-Hill Education.
- Lauren, C., and T. Derin. 2020. “Systematic Review: Where is Current Research on Conversational Analysis?” *ELSYA: Journal of English Language Studies* 2 (2): 48–53.
- Livingstone, S. 2005. “Critical Debates in Internet Studies: Reflections on an Emerging Field.” London: LSE Research Online. Accessed June 26, 2022. <http://eprints.lse.ac.uk/1011>.
- Lykke, N. 2011. *This Discipline Which Is Not One: Feminist Studies as a Post-Discipline. Theories and Methodologies in Postgraduate Feminist Research: Researching Differently*. New York: Routledge.
- Madianou, M., and D. Miller. 2013. “Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication.” *International Journal of Cultural Studies* 16 (2): 169–187.
- Mailland, J., and K. Driscoll. 2017. *Minitel: Welcome to the Internet*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Markham, A. N. 2005. “Disciplining the Future: A Critical Organizational Analysis of Internet Studies.” *The Information Society* 21 (4): 257–267.
- Marwick, A. E., and d. boyd d. 2011. “I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience.” *New Media & Society* 13 (1): 114–133.
- McCulloch, G. 2002. “‘Disciplines Contributing to Education?’ Educational Studies and the Disciplines.” *British Journal of Educational Studies* 50 (1): 100–119.
- Medina, E. 2011. *Cybernetic Revolutionaries: Technology and Politics in Allende’s Chile*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Meyer, E. T., R. Schroeder, and J. Cowsls. 2016. “The Net as a Knowledge Machine: How The Internet Became Embedded in Research.” *New Media & Society* 18 (7): 1159–1189.
- Miller, D. 2010. *Stuff*. Cambridge: Polity Press.
- . 2016. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.
- . 2021. “A Theory of a Theory of the Smartphone.” *International Journal of Cultural Studies*: 860–877.
- Miller, D., and H. A. Horst. 2020. “The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology.” In *Digital Anthropology*, ed. by H. Knox and H. Geismar, 3–35. London, New York: Routledge.

- Mills, C. R. 1998. *Sotsiologicheskoye vobrazheniye [The Sociological Imagination]* [in Russian]. Trans. from the English by O. A. [Oberemko, O. A.] Oberemko. Moskva [Moscow]: Strategiya.
- Monteil, L., and A. Romerio. 2017. "From Disciplines to 'Studies'. Knowledge, Trajectories, Policies." *Revue d'anthropologie Des Connaissances* 11 (11).
- Polanyi, M. 1985. *Lichnostnoye znaniye [Personal Knowledge]* [in Russian]. Trans. from the English by M. B. Gnedovskiy. Moskva [Moscow]: Progress.
- Rainie, H., and B. Wellman. 2012. *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Russell, B. 2016. *Istoriya zapadnoy filosofii [History Of Western Philosophy]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Tselishchev. Moskva [Moscow]: AST.
- Rykov, Yu., and O. Nagornyy. 2017. "Oblast' Internet-issledovaniy v sotsial'nykh nauках [Internet Studies in Social Sciences]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]* 16 (3): 366–394.
- Savel'yeva, I. M., and A. V. Poletayev, eds. 2009. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znaniy [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2010. *Klassicheskoye naslediyе [Classical Heritage]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: GU-VSh.E.
- Schuilenburg, M., and R. Peeters, eds. 2020. *The Algorithmic Society: Technology, Power, and Knowledge*. London, New York: Routledge.
- Selwyn, N. 2019. *What is Digital Sociology?*. Cambridge: John Wiley & Sons.
- Song, H., J. M. Eberl, and O. Eisele. 2020. "Less Fragmented than We Thought? Toward Clarification of a Subdisciplinary Linkage in Communication Science, 2010–2019." *Journal of Communication* 70 (3): 310–334.
- Tsatsou, P. 2016. *Internet Studies: Past, Present and Future Directions*. London and New York: Routledge.
- Van Dijck, J. 2014. "Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data between Scientific Paradigm and Ideology." *Surveillance & Society* 12 (2): 197–208.
- Waisbord, D. 2019. *Communication: A Post-Discipline*. Cambridge: John Wiley & Sons.
- Webster, F., ed. 2014. *Theories of the Information Society*. London and New York: Routledge.
- Wellman, B. 2004. "The Three Ages of Internet Studies: Ten, Five and Zero Years Ago." *New Media & Society* 6 (1): 123–129.
- Wellman, B., and L. Rainie. 2013. "If Romeo and Juliet Had Mobile Phones." *Mobile Media & Communication* 1 (1): 166–171.

ИВАН КУЗИН*

КОНЦЕПЦИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ**

Получено: 02.05.2022. Рецензировано: 21.05.2022. Принято: 30.05.2022.

Аннотация: Концепция информации в молекулярной биологии и генетике обладает двойственностью, присущей всякому канону: с одной стороны, сейчас она выглядит универсальной, трудно помыслить выход за ее пределы, с другой — историки науки показывают, что ее возникновение культурно контингентно и связано с «информатизацией» науки и общества во время Второй мировой и холодной войны. Такого рода двойственность является предметом анализа исторической эпистемологии (критического презентизма), которая пытается понять науку, с одной стороны, как рациональную (истина универсальна), с другой — как контингентную (возможны другие миры научного знания). В данной статье на примере концепции генетической информации показано, как первая цель исторической эпистемологии достигается критикой науки прошлого при помощи современного научного и философско-научного знания, а вторая цель — критикой современной науки с позиции науки прошлого. Стремительный взлет концепции информации в биологии в середине XX века и быстрый переход от количественной математической теории информации к информационно-лингвистическим метафорам может быть рационально понят в рамках телеосемантической интерпретации информации, разрабатываемой в современной философии биологии. С другой стороны, углубляясь в прошлое биологии, мы обнаруживаем все более радикальные альтернативы господствующей концепции информации и сопряженным с ней информационно-лингвистическими метафорам: от математической теории информации к «химической» концепции абсолютной специфичности как стереоспецифичности до «физической» концепции относительной специфичности как следствия коллективных эффектов. Эта историческая перспектива позволяет различить возможные альтернативы концепции информации и в современной биологии.

Ключевые слова: биологическая специфичность, возможные миры, генетическая информация, историческая контингентность, историческая эпистемология, история биологии, презентизм, философия биологии.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-114-147.

*Кузин Иван Александрович, к. филос. н.; преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ, Москва), ikuzin@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3073-4120.

**© Кузин, И. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья поддержана грантом РНФ № 22-18-00450 «Концепции множества миров как инструмент научного поиска и междисциплинарного синтеза знания»: <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

Информация — флогистон XX века.

Научный фольклор

ВВЕДЕНИЕ

Расшифровка генетического кода в 1950–1960-х годах способствовала оформлению молекулярной биологии как самостоятельной дисциплины, стала символом проникновения концепции информации в биологию. В то же время перспективы развития геной и биологической инженерии, синтетической биологии заставляют задуматься о границах применимости этой концепции. Например, стандартное описание технологии генетической модификации CRISPR¹ при помощи информационно-лингвистической метафоры «редактирования» генов может приводить к переоценке точности этой технологии, применяемой в том числе для модификации ДНК человеческих эмбрионов (O’Keefe et al., 2015). Можно ли представить выход за пределы информационного дискурса в молекулярной биологии? Как в этом могут помочь история и философия науки? Для ответа на эти вопросы в данной статье будут рассмотрены место концепции генетической информации в современной биологии, споры вокруг этой концепции в современной философии биологии, история концепции биологической информации и ее предшественника — концепции биологической специфичности — и, наконец, возможный синтез научного, философско-научного и историко-научного знания трех точек зрения в рамках исторической эпистемологии. Задача такого синтеза — критически отнестись к научному знанию (в том числе современному), это установка критического презентизма.

КОНЦЕПЦИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ

Непосредственным поводом для написания этой статьи является книга Лили Кей «Кто написал „Книгу Жизни“? История генетического кода»² (Кау, 2000). Лили Кей — ныне покойный историк молекулярной

¹CRISPR — от англ. clustered regularly interspaced short palindromic repeats — короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами. Здесь и далее мы не будем указывать источники, использованные для пояснения стандартной молекулярно-биологической терминологии.

²Мы подробно обсуждаем книгу Кей и ее значение в другом месте (Кузин, 2021). В настоящей работе мы представляем концепцию генетической информации в более широком контексте с привлечением новых источников.

биологии³ — утверждает, что господство информационного дискурса⁴ в биологии, к которому все привыкли, на самом деле является исторически и культурно контингентным, возможны и другие способы познания.

На первый взгляд, этот тезис удивителен. Я приведу несколько примеров, иллюстрирующих роль концепции генетической информации⁵ в биологии. Наверное, самый важный пример — это центральная догма молекулярной биологии, описывающая перенос информации между главными носителями наследственности — нуклеиновыми кислотами⁶ — и главными функциональными молекулами клетки — белками⁷. Что означает слово «информация» в данном контексте? В первоисточнике, статье 1958 года, Френсис Крик поясняет (Crick, 1958):

Под информацией здесь подразумевается точное определение последовательности оснований в нуклеиновой кислоте либо аминокислотных остатков в белке.

³Молекулярная биология занимается изучением структуры и функций биологических макромолекул, в первую очередь белков и нуклеиновых кислот.

⁴Кей понимает дискурс в смысле М. Фуко — как совокупность правил производства высказываний и сопряженных с ними социальных практик, одновременно ограничивающую и продуктивную. Мы сохраним термин «дискурс» при изложении взглядов Кей, но в целом данной работе мы используем термин «концепция», исследуем концепцию информации в биологии (точнее, в молекулярной биологии, молекулярной генетике). Мы предполагаем, однако, что эта концепция неразрывно связана с информационным дискурсом в молекулярной биологии, описанным Кей. Понятие концепции является очень гибким, но при этом позволяет выделить предметную область. Под концепцией мы понимаем либо нечто промежуточное между понятием и теорией (концепция как определенная интерпретация ключевого понятия, недостаточно систематичная, чтобы называться теорией), либо нечто промежуточное между метафорой и теорией, в духе названия статьи «Генетическая информация: метафора в поисках теории» (Griffiths, 2001).

⁵В биологии, если не учитывать нейронауки, науки о поведении и области, граничащие с психологией, информационные метафоры применяются в первую очередь к нуклеиновым кислотам и белкам, которые изучает молекулярная биология. Таким образом, в данной статье под биологической информацией в соответствии со сложившейся практикой словоупотребления мы будем подразумевать именно информацию в молекулярно-биологическом смысле — генетическую информацию (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016).

⁶Нуклеиновые кислоты — полимеры, синтезируемые клеткой из мономеров-нуклеотидов. Специфичность нуклеотида определяется входящим в его состав азотистым основанием. Приводимые в данной статье базовые сведения из области молекулярной биологии можно почерпнуть, например, из классического учебника «Молекулярная биология гена» (Watson et al., 2014).

⁷Белки — полимеры, синтезируемые клеткой из мономеров-аминокислот.

Согласно центральной догме, возможен перенос информации от нуклеиновой кислоты (ДНК⁸ или РНК⁹) к другой нуклеиновой кислоте (ДНК или РНК) или к белку, но перенос информации от белка к нуклеиновой кислоте невозможен¹⁰ (Crick, 1958: 153).

В качестве второго примера рассмотрим генетический код. В научно-популярной литературе генетическим кодом часто называют последовательность нуклеотидов или оснований в нуклеиновых кислотах, но это неграмотно. С точки зрения математической и молекулярно-биологической терминологии правильно под кодом понимать соответствие между тройками (триплетами) нуклеотидов в нуклеиновых кислотах и аминокислотами в белках. Генетический код описывает один из элементов центральной догмы — перенос информации от РНК к белкам. Так как такая РНК служит матрицей для синтеза белка, то по-русски ее называют матричной (мРНК), а по-английски — messenger RNA (mRNA). Генетический код представляют в виде таблицы $4 \times 4 \times 4$, чтобы наглядно изобразить соответствие шестидесяти четырех возможных триплетов из четырех типов нуклеотидов двадцати типам аминокислот. Для оправдания информационного дискурса в молекулярной биологии важно, что генетический код «произволен». Под произвольностью подразумевают, что соответствие между аминокислотами и тройками нуклеотидов могло бы быть и другим, нет каких-то фундаментальных химических или физических причин, которые бы объясняли наблюдаемое соответствие¹¹. С химической точки зрения эта произвольность генетического кода обеспечивается тем, что определенная тройка нуклеотидов (кодон) и соответствующая ей аминокислота взаимодействуют лишь опосредованно — через соответствующую адаптерную молекулу (транспортную РНК, тРНК). В результате присоединение аминокислоты к тРНК и узнавание антикодона тРНК кодоном матричной / информационной РНК оказываются независимыми. Экспериментально показано, что за счет модификации транспортных РНК можно произвольно изменять генетический код и даже расширять его, добавляя новые аминокислоты

⁸ ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота.

⁹ РНК — рибонуклеиновая кислота.

¹⁰ Центральная догма является важным обобщением потому, в частности, что накладывает ограничение на возможность наследования приобретенных признаков (ламарковское наследование), так как в общем случае такое наследование предполагало бы перенос информации от белка к нуклеиновым кислотам.

¹¹ В отличие, например, от стереохимического соответствия между расположенными друг напротив друга нуклеотидами в двойной спирали ДНК (см. раздел 3).

(Malyshev et al., 2014). Эта произвольность генетического кода является источником лингвистических метафор в соответствии с тезисом лингвиста Фердинанда де Соссюра о произвольности связи между словом и тем, что это слово обозначает (Barbieri, 2009).

Суммировать статус концепции генетической информации можно словами эволюциониста Джона Мейнарда Смита¹²: «Идея информации является центральной в современной биологии»¹³ (Maynard Smith, 2000).

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ БИОЛОГИИ

Какое значение концепция информации имеет для науки? Ответы на этот вопрос включают в себя прямо противоположные варианты. Норберт Винер, основатель кибернетики, утверждал, что на смену эпохе вещества приходит эпоха энергии, на смену эпохе энергии приходит эпоха информации, в которую мы живем. То есть информация, по Винеру, — это такое же фундаментальное научное и техническое понятие, как вещество и энергия (Винер, Соловьев, 1958: 57). Противоположная позиция отражена во фразе из научного фольклора, авторство которой нам не удалось установить: «Информация — флогистон XX века». Это значит, что концепция информации привлекательна, позволяет решать определенные задачи, но со временем она исчезнет из науки и о ней забудут так же, как химики забыли о флогистоне¹⁴.

Так кто же прав? Дадим предварительное определение понятия информации, обратившись к одноименной статье в Стэнфордской философской энциклопедии. Современные представления об информации так или иначе связаны с математической теорией информации, в рамках которой информация рассматривается как запомненный выбор одной (или нескольких) из некоторого числа альтернатив. Обычно исходят

¹²Мейнард Смит является, в частности, соавтором концепции главных эволюционных переходов — ключевых изменений способов хранения, передачи и реализации биологической (в первую очередь генетической) информации, позволяющей обозреть всю биологическую эволюцию «с высоты птичьего полета» (The Major Transitions in Evolution, 2001). Это еще один важный пример использования концепции информации в современной биологии.

¹³В качестве иллюстрации можно привести и более современные работы. Например, нобелевский лауреат по физиологии и медицине Пол Нерс в недавно вышедшей книге «Что такое жизнь? Пять великих идей в биологии» включает в этот список идею жизни как информации (Nurse, 2021).

¹⁴Любопытно, что и флогистон, и информация в некотором смысле невещественны (в частности, невесомы).

из того, что, во-первых, информация (или получение информации) уменьшает неопределенность и, во-вторых, информация экстенсивна (мера информации аддитивна). Этим двум требованиям удовлетворяет мера информации, которую предложил Клод Шеннон в 1948 году, — отрицательный логарифм вероятности события (Adriaans, 2020).

Мы не будем подробно рассматривать общее представление об информации, так как есть много разных интерпретаций этой концепции, а сразу перейдем к информации в биологии. В философии биологии по крайней мере начиная с 1990-х годов идет спор между сторонниками синтаксической (чисто синтаксической) и семантической интерпретации информации (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016). Сам Шеннон утверждал, что его концепция информации является только синтаксической (ничего не говорит о семантике и прагматике), ее также называют корреляционной концепцией информации. Она предполагает, что любая переменная (ее называют сигналом) содержит информацию относительно другой переменной (ее называют источником), если значения (состояния) этих переменных систематически коррелируют (условие систематической корреляции называют каналом)¹⁵. Такую концепцию информации можно применять к любым корреляциям, не обязательно к причинным связям. Чем лучше состояние сигнала позволяет предсказывать состояние источника, тем больше информации об источнике содержит сигнал. В семиотических терминах это означает, что синтаксическая концепция информации лишь описывает отношения между переменными-знаками (синтаксис), не приписывая им какого-то значения (семантики) и смысла (прагматики).

Использование синтаксической концепции информации в биологии приводит к парадоксу (Griffiths, 2001). Как известно, фенотип (совокупность признаков организма) определяется взаимодействием между генотипом (генетической наследственностью) и средой. Обычно при

¹⁵Под переменной здесь подразумевается любая измеримая величина, дискретная или непрерывная. Например, наличие или отсутствие дыма в помещении коррелирует с наличием или отсутствием открытого огня и, соответственно, содержит информацию о наличии открытого огня в помещении («нет дыма без огня»). Или, если интерпретировать эти величины как непрерывные, степень задымления помещения коррелирует с площадью открытого огня и, соответственно, содержит информацию об этой площади. В качестве канала передачи информации в этих примерах выступает целый комплекс факторов (закрытость помещения, перемешивание воздуха внутри помещения и т. д.), каждый из которых может находиться в различных состояниях (помещение может быть менее или более закрытым, части помещения могут в большей или в меньшей степени сообщаться друг с другом и т. д.).

исследовании формирования фенотипа генотип рассматривается как источник, а условия среды — как состояние канала передачи информации. Однако с точки зрения минимальной, корреляционной концепции информации источник и состояние канала (*channel condition*) обладают паритетом (*parity*): их роли всегда можно поменять местами¹⁶. Это означает, что в одних ситуациях среду можно рассматривать как источник информации, а генотип — как состояние канала передачи этой информации, а в других — наоборот. Для молекулярного биолога это утверждение выглядит парадоксальным, так как генетическая информация является для него информацией *par excellence*: неслучайно в биологии нет общепринятого термина, обозначающего «средовую» информацию. Тем не менее паритет генотипа и среды используется в биологии, например, в близнецовом методе. Рассмотрим в упрощенном виде этот метод, используемый в генетике для определения относительного вклада генотипа и среды в формирование различных признаков (например, интеллектуальных способностей) (Downes & Matthews, 2020). Если среда, в которой воспитывались два человека, одинаковая, но генотип у них разный (семья усыновила двух неродственных детей), то различия (точнее, дисперсия) между признаками этих двух людей во взрослом возрасте (например, в уровне умственных способностей) интерпретируется как следствие различий в генотипе. Это привычная ситуация, когда генотип является источником информации о фенотипе, а условия среды — состоянием канала. Однако если генотип одинаковый, но окружение разное (однойцевые — то есть генетически идентичные — близнецы усыновлены разными семьями), то различия между однойцевыми близнецами интерпретируется как следствие разницы в условиях среды. В таком случае среда рассматривается как источник информации, а фиксированный генотип рассматривается как состояние канала (Griffiths, 2001).

Многие философы предполагают, что данный парадокс разрешается в рамках возникшей в 1990-е годы семантической концепции генетической информации, приписывающей значение (*meaning*) генетической,

¹⁶Например, при тестировании монитора компьютера при помощи тестового изображения происходит, по сравнению с нормальным функционированием монитора, следующая перемена ролей: состояния монитора из состояний канала передачи превращаются в источник информации, а подаваемое на вход изображение из источника информации превращается в одно из возможных состояний канала. Роль сигнала по-прежнему выполняет реальное (возможно, дефектное по сравнению с тестовым) изображение на экране монитора.

но не средовой информации (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016). Например, в качестве значения генов рассматриваются белки или признаки организма, а среда расценивается лишь как условие реализации этой генетической информации. В результате восстанавливается привычная асимметрия между генотипом и средой. Как обосновывают семантическую концепцию¹⁷? Можно рассматривать семантическую интерпретацию просто как удобную фикцию (Levy, 2011), но это скорее уход от ответа на вопрос. Можно проводить детальную аналогию между механизмом наследственности и искусственными механизмами передачи информации, и сама детальность этой аналогии должна указывать на то, что мы можем приписывать генетической информации семантический аспект¹⁸ (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016). На наш взгляд, такая аналогия может увести в сторону. Молекулярный биолог Ф. Жакоб в шутку сравнивал генетический код с китайской «Книгой Перемен» (Кау, 2000: 315–319). Их структуры можно представить в виде таблицы 4×4×4, отражающей все возможные варианты объединения в тройки четырех базовых элементов (в случае генетического кода базовыми элементами являются четыре типа нуклеотидов, объединяемые в тройки, каждая из которых соответствует либо определенной аминокислоте, либо сигналу окончания синтеза белка). Если детальность аналогии сама по себе является аргументом, то должна быть какая-то глубокая связь между генетическим кодом и «Книгой перемен» и нужно каким-то образом эту связь объяснять, интерпретировать, что в рамках натуралистического подхода выглядит абсурдным.

Альтернативный подход связан с так называемой телеосемантикой (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016). Телеосемантическая концепция информации возникла в 1980-е годы в рамках философии сознания, она претендует на объяснение основного свойства семантики — направленности знака на некоторый объект (это свойство также можно назвать телеологичностью или интенциональностью). Интенциональность генетической информации в рамках этого подхода рассматривается как производная от телеологичности соответствующей функции организма,

¹⁷Статус семантической концепции генетической информации важен также потому, что с ним напрямую связан статус лингвистических, биосемиотических метафор «языка» нуклеиновых кислот и «языка» белков (так как не может быть языка без семантики).

¹⁸На наш взгляд, аналогичным является подход биосемиотики, в рамках которой проводится детальная аналогия между, например, генетическим кодом и языковыми системами (Золян, 2018).

а телеологичность функции — как кажущаяся, возникающая механистически под действием естественного отбора на эту функцию. Например, глаз возникает в результате естественного отбора на функцию зрения, в ходе этого отбора формируются соответствующие гены; семантика этих генов, их направленность на создание глаза в ходе онтогенеза (индивидуального развития организма) является производной от филогенеза (эволюционной истории)¹⁹. В рамках семантической концепции генетической информации возникает вопрос, что является отправителем сообщения и что является получателем²⁰. В качестве отправителя сообщения рассматривают, например, естественный отбор, который «фильтрует» генофонд популяции, изменяет частоты аллелей (вариантов генов) в популяции. В качестве получателя сообщений тогда рассматривают систему онтогенеза организма, которая интерпретирует последовательность нуклеотидов в гене, «сообщение» от естественного отбора. Такую схему предлагал, в частности, Мейнард Смит (Maynard Smith, 2000).

Критики телеосемантической интерпретации указывают на ряд связанных с ней трудностей (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016). Во-первых, бросается в глаза размытость понятий отправителя и получателя информации. В частности, онтогенез распадается на разные блоки, на разные стадии (более того, само подразделение на стадии можно считать условным), поэтому онтогенетическая система — довольно абстрактное, отдаленное от опыта понятие. Естественный отбор — это тоже естественным образом абстракция или даже идеализация. Неясно, можно ли рассматривать эти теоретические объекты в качестве отправителя и получателя информации²¹. Кроме того, в зависимости от контекста бу-

¹⁹Мы предполагаем, что позднее привлечение теории эволюции к спорам о биологической информации (как для обоснования телеосемантики, так и для ее критики, что будет показано в разделе 4) связано с тем, что в середине XX века, когда концепция информации начала проникать в биологию, теория эволюции еще не обладала достаточным весом. А на границе XIX и XX века дарвинизм вообще ассоциировался с беспочвенными спекуляциями относительно происхождения различных видов и таксонов (Gilbert & Greenberg, 1984: 30).

²⁰В рамках синтаксической концепции информации отправитель и получатель необязательны, несмотря на то что в известную схему К. Шеннона они входят. Достаточно наличия источника, канала, сигнала и корреляции между состояниями источника и сигнала.

²¹Заметим, однако, что важная с точки зрения критики телеосемантики теория систем развития, которая будет рассмотрена ниже, также опирается на концепцию системы развития (включающую не только онтогенез организма, но и взаимодействующую с ним среду).

дет меняться отправитель и получатель информации. Так, если изучать передачу генетической информации от родителей потомкам (например, точность ее передачи) не в масштабе популяции, а в масштабе одной семьи, то в таком случае отправителями информации будут родители, а получателями — их потомки.

Во-вторых, неопределенным является понятие произвольности соответствия (Godfrey-Smith & Sterelny, 2016; Stotz & Griffiths, 2017). Кроме произвольности соответствия между тройками нуклеотидов и аминокислотами в генетическом коде, также говорят о произвольности соответствия между активаторами/ингибиторами и субстратами ферментов в случае аллостерической регуляции²², о произвольности соответствия между генами и их выражением в фенотипе (функция гена может радикально изменяться в ходе эволюции²³). Однако произвольность соответствия не является абсолютной, она определяется количеством и «качеством» опосредующих звеньев между причиной и следствием, источником и сигналом. Соответственно, как утверждают критики телеосемантики, непонятно, в каких случаях можно использовать аргумент от произвольности в пользу семантической концепции, а в каких — нет.

Мы выделим еще одну, третью трудность: телеосемантика заранее принимает адаптационизм — тезис об исключительной роли естественного отбора и адаптации в эволюции. Ряд современных биологов и философов подвергает этот тезис критике как недостаточно плюралистический взгляд на эволюцию (Gould & Lewontin, 1979; Кузин, 2015). По нашему мнению, телеосемантика хорошо иллюстрирует, как адаптационизм сочетается с геноцентризмом (тезисом об исключительной роли генов в наследовании, онтогенезе и эволюции), который также подвергается критике. Сочетание адаптационизма и геноцентризма палеонтолог Стивен Джей Гулд называл ультрадарвинизмом, подчеркивая тем самым, что эта позиция не является мейнстримом. Для философии и теории эволюции важен спор Гулда (тоже, впрочем, неортодоксального эволюциониста) с «ультрадарвинистом» Р. Докинзом (Sterelny, 2001; Кузин, 2018).

²²Ферменты — макромолекулы (обычно белки), катализирующие (специфически ускоряющие) реакции между соответствующими молекулами-субстратами в организме. При аллостерической регуляции фермента молекула-эффе́ктор (активатор или ингибитор) связывается не в активном сайте (участке фермента, ответственном за катализ), а в удаленном от него аллостерическом сайте белка.

²³Например, структурные белки хрусталика глаза — кристаллины — одновременно в других тканях являются ферментами метаболизма.

Итак, в современной философии биологии не обсуждается отказ от концепции генетической (биологической) информации, но имеет место спор между сторонниками корреляционной и телеосемантической интерпретации генетической информации: первые указывают на парадокс симметрии между генотипом и средой, вторые — на трудности телеосемантической интерпретации генетической информации.

КОНТИНГЕНТНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В русском языке, в том числе философском, слова «контингентность» и «контингентный» все еще являются редкостью. Понятие контингентности не эквивалентно понятию возможности или понятию случайности, хотя и связано с ними. В английском языке слово «contingency» имеет два основных значения: (1) событие, которое может произойти, но не обязательно произойдет, (2) событие, которое может произойти как дополнение или следствие другого события (Contingency, n. d.). В данной статье речь идет о контингентности концепции генетической информации в обоих значениях (но главным образом в первом). Первое значение часто эксплицируют при помощи семантики возможных миров: пропозиция *контингентна*, когда она в некоторых возможных мирах истинна, а в некоторых — ложна (в отличие, например, от *возможной* пропозиции, от которой требуется лишь истинность в некоторых мирах) (Kment, 2021). Если рассматривать не пропозиции, а свойства индивидов, то контингентности соответствуют, как мы полагаем, акцидентальные свойства: некоторое свойство индивида является *акцидентальным*, если он обладает им в «нашем» мире, но не обладает им в некоторых возможных мирах (в отличие от *существенных* свойств, которыми индивид должен обладать во всех возможных мирах, в которых он существует) (Meizel, 2021). Второе значение термина «контингентность»²⁴ мы предлагаем концептуализировать по аналогии с цепью Маркова. Цепь Маркова — это дискретный случайный процесс без последействия: случайный процесс, состояние которого в данный момент времени зависит от состояния в непосредственно предшествовавший момент, но не от более ранних состояний (Markov Chains, 2016). Таким образом, тезис о контингентности концепции генетической / биологической информации в нашей интерпретации означает, что: (1) представим мир, в котором функцию этой концепции в биологии выполняет какая-то другая теоретическая

²⁴Нам не удалось обнаружить письменных источников с такой интерпретацией контингентности, мы познакомились с ней в ходе устного общения с биологами.

конструкция (если биология в этом мире вообще существует), (2) взлет концепции генетической / биологической информации нельзя полностью объяснить внутренней, естественной логикой развития науки, он частично детерминирован предыдущим этапом развития биологии (когда господствовала какая-то другая концепция), но переход к концепции генетической информации был скачкообразным и вероятностным, то есть имел место эпистемический разрыв.

Почему Лили Кей утверждает, что информационный дискурс биологии исторически и культурно контингентен? Она указывает на культурные обстоятельства, в которых он возник и существует. С диахронической точки зрения это метафора «Книги Жизни» или «Книги Природы», а с синхронической точки зрения важно, что информационный дискурс параллельно распространяется в биологии, в других науках и в обществе в целом в период Второй мировой и особенно холодной войны.

Кей приводит следующие более конкретные аргументы в пользу контингентности. Во-первых, из-за того, что важнейшей разновидностью биологической информации является генетическая информация, традиционно считается, что информационный дискурс проникает в биологию лишь в связи с открытием роли ДНК в наследственности и последующей формулировкой центральной догмы молекулярной биологии. Однако это представление ошибочно. Проникновение информационного дискурса в биологию начинается еще до публикации статьи Джеймса Уотсона и Френсиса Крика, в которой была описана структура ДНК в виде двойной спирали и был дан намек на механизм копирования последовательности нуклеотидов в ДНК (Watson & Crick, 1953). До 1953 года господствовала белковая парадигма наследственности: предполагали, что белки не только являются основными носителями функций живого организма, но каким-то образом катализируют свой собственный синтез. Таким образом, проникновение информационного дискурса в молекулярную биологию не является естественным следствием открытия роли ДНК в наследственности (Кау, 2000: 73–127).

Во-вторых, на контингентность информационного дискурса в биологии указывает громкая неудача первой — теоретической, генетико-математической — фазы расшифровки генетического кода, продолжавшейся с 1953 по 1961 год. В этой фазе участвовали блестящие теоретики, такие как физик Г. Гамов. Было предложено около двухсот вариантов генетического кода, и все они оказались далеки от реальности. Лишь в рамках биохимической фазы (1961–1967) в ходе прямых

экспериментов над бесклеточной системой синтеза белка удалось осуществить расшифровку генетического кода. Кей пишет, что одна из причин неудачи теоретической фазы — в том, что генетический «код» поспешно объявили кодом, в то время как с точки зрения криптографии он является шифром. Кодированы семантические единицы, а шифруются синтаксические единицы. Соответственно, код работает с единицами произвольной длины (состоящими из произвольного количества символов), а шифр работает с единицами одинаковой длины. Генетический «код» — это соответствие между нуклеиновыми кислотами и белками, соответствие между тройками нуклеотидов и аминокислотами, в этом соответствии число нуклеотидов фиксировано (три). Это как раз соответствует шифру и, добавим от себя, синтаксической концепции генетической информации, о которой шла речь в предыдущем разделе²⁵. Также оказалось, что между соседними аминокислотами в белках нет корреляции, аналогичной корреляции между соседними буквами в языке. Например, в английском языке буквы t и h часто встречаются вместе из-за того, что с их помощью обозначают звуки [ð] и [θ]. Поиск таких корреляций между буквами — это стандартный способ расшифровки закодированных посланий (Кей, 2000: 128–293). Добавим, что в белке такой корреляции нет, потому что специфически взаимодействуют друг с другом не соседние, а отдаленные (иногда сильно отдаленные) друг от друга аминокислоты.

Таким образом, распространение информационного дискурса в молекулярной биологии нельзя объяснить успешностью его применения. Однако понятие контингентности также предполагает возможность выбора из нескольких альтернатив. Кей указывает на предшественника концепции информации в биологии — на концепцию специфичности. Нельзя сказать, что введение концепции информации было результатом внутреннего развития концепции специфичности. Согласно Кей, это был эпистемический разрыв²⁶.

²⁵Сама Кей не обращается в своей работе к обсуждению синтаксической и семантической концепции информации современными философами биологии. В какой-то степени это невнимание является взаимным: философы биологии обращаются к книге Кей, но лишь как к историко-научному источнику, игнорируя философские аспекты этой работы (например, Griffiths & Stotz, 2013: 180).

²⁶Этот разрыв проиллюстрируем тем, что в современном трехтомном немецком историческом словаре биологических понятий (Toepfer, 2011) слова Spezifität и Spezifizität отсутствуют в предметном указателе, несмотря на то что в первой половине XX века специфичность объявляли главной биологической концепцией такие известные ученые, как, например, А. Вассерман (Van Den Bel & Gremmen, 1990: 468) и Л. Полинг (Linus Pauling...,

Что подразумевается под специфичностью²⁷? Современные исследователи в области биологии и медицины обычно понимают ее как стереоспецифичность. Последнее понятие обычно иллюстрируют предложенной в 1894 году органическим химиком Эмилем Фишером гипотезой «ключ-замок»: субстрат²⁸ подходит к ферменту (в первую очередь с точки зрения пространственной конфигурации), как ключ к замку. В дальнейшем эта гипотеза была расширена на все специфические взаимодействия биологических молекул. Разницу между концепцией специфичности и концепцией информации проиллюстрируем на примере центральной догмы молекулярной биологии. Для описания самокопирования (репликации) ДНК и синтеза РНК на матрице ДНК (транскрипции) достаточно понятия специфичности, так как взаимодействие между двумя цепями ДНК или цепью ДНК и цепью РНК является стереоспецифичным (комплементарным). В то же время в ходе синтеза белка на матричной РНК (трансляции) эти две молекулы взаимодействуют лишь опосредовано, через цепочку промежуточных стереоспецифических взаимодействий с участием транспортной РНК и других молекул, поэтому появляется больше оснований для использования понятия информации²⁹. Кей обобщает разницу между концепцией специфичности и концепцией информации следующим образом: первая характеризует статику, структуру и материю, вторая — динамику, взаимодействие и форму (Кау, 2000: 38–72).

Для ответа на вопрос, рассматриваемый в следующем разделе статьи, может ли концепция биологической специфичности служить альтернативой концепции биологической информации, необходимо обратиться к более общему контексту, как синхроническому, так и диахроническому. Лили Кей пишет, что концепция специфичности была вписана в понимание жизни как организации. Здесь Кей следует за историком и философом наук о жизни Жоржем Кангиломом, который выделял четыре исторически сменявших друг друга варианта понимания жизни:

1995: 96), и их позицию разделяют некоторые историки науки (Gilbert & Greenberg, 1984: 18; Judson, 2013: XXXIII–XXXIV, 579–586).

²⁷Ниже будет развернута более полная характеристика специфичности. Предварительно ее можно определить словами Лайнуса Полинга: «Биологическая специфичность — это набор характеристик живых организмов или их составляющих, делающих их особенными [special] или выполняющих что-то особенное» (Linus Pauling..., 1995: 96).

²⁸Субстрат фермента — молекула, специфическую реакцию с участием которой катализирует (ускоряет) данный фермент.

²⁹Согласно описанной в предыдущем разделе связи опосредованности и произвольности соответствия с семантической концепцией информации.

жизнь как одушевленность, механизм, организация и информация³⁰. Отталкиваясь от представлений ученика Кангилема Мишеля Фуко (Фуко, Визгин и Автономова, 1977), историк Карло Филио утверждает, что метафора организации была центральной для биологии и медицины XIX и начала XX века (Figlio, 1976). Л. Кей понимает организацию как гармоничное взаимодействие иерархически координированных частей, определяющее целостность и упорядоченность биологических объектов (например, организмов). Единство, стабильность и специфичность организмов при таком подходе являются следствием организации частей (Кау, 2000: 46).

Как соотносятся организация и специфичность? На наш взгляд, наиболее лаконично это соотношение выражено в известном из научного фольклора афоризме российского эмбриолога первой половины XIX века Карла фон Бэра: «Чем более организм дифференцирован, тем более он интегрирован» (и наоборот) (ср. Северцов, 2005: 289, 332). Другими словами, чем выше степень специфичности частей организма, тем выше степень его организованности (интегрированности, целостности). Специфичность (или специфику) можно приписывать объектам разных уровней биологической иерархии, включая виды, что ярко отражено в названии книги историка Паулины Мазумдар «Species and specificity»³¹. Соотношение организации и специфичности мы предлагаем суммировать следующим образом: *организация* объекта на каком-либо уровне биологической иерархии (например, организма) предполагает *специфичность* составляющих его объектов более низкого уровня (например, систем органов) и в свою очередь является основой специфичности с точки зрения более высокого уровня иерархии (например, с точки зрения популяционного уровня *организация* организмов придает им *специфику*, необходимую для действия естественного отбора).

Интерпретация специфичности как стереоспецифичности (пространственного и химического соответствия) была заимствована науками о жизни из химии. Зачатки идеи стереоспецифичности появились у Луи Пастера, который на примере виноградной кислоты открыл явление энантиомерии и оптической активности: он обнаружил, что при одной

³⁰Кангилем, однако, не противопоставляет концепции организации и информации. Он утверждает, что информационная теория придала современным теориям организации строгость, сопоставимую со строгостью физики (Canguilhem, 1994: 87).

³¹Подробнее об этой книге речь пойдет в следующем разделе.

и той же молекулярной формуле возможны два варианта кристаллов виноградной кислоты, относящиеся друг к другу как зеркальные отражения — вращающий поляризованный свет вправо и вращающий поляризованный свет влево. Изучение оптически активных веществ приводит Э. Фишера к гипотезе «ключ-замок». В биологию интерпретация специфичности как стереоспецифичности приходит через иммунологию, через теорию боковых цепей Пауля Эрлиха. Эрлих предположил, что образование антител в ответ на бактериальную инфекцию и действие бактериального токсина связано с тем, что токсины узнают некие боковые цепи на поверхности клеток организма и тем самым мешают клеткам питаться (боковые цепи, согласно Эрлиху, нужны для питания). Чтобы нейтрализовать действие токсинов (шире — антигенов), клетки увеличивают выработку соответствующих боковых цепей. Боковые цепи могут отрываться и превращаться в растворимые антитела. Эта схема во многом предвосхитила современные иммунологические представления. Из иммунологии концепция стереоспецифичности проникла в медицину, физиологию, эмбриологию и клеточную биологию, затем и в другие области биологии (Gilbert & Greenberg, 1984).

Итак, история генетического кода показывает, каким образом концепция информации в биологии стала интерпретироваться качественным, метафорическим образом (в терминах философии науки — в рамках семантической концепции информации), хотя была импортирована из математической теории коммуникации (основанной на синтаксической концепции). Место концепции информации в науках о жизни занимала концепция специфичности, тесно связанная с представлением о жизни как об организации. В конце XIX века из химии в науки о жизни переходит и до сих пор занимает в них важное место интерпретация специфичности как стереоспецифичности (комплементарности). История наук о жизни показывает, что концепция информации не вытекает естественным образом из предшествовавшей ей концепции специфичности, а стремительное распространение концепции генетической информации в начале холодной войны не пропорционально успехам ее применения в молекулярной биологии. Таким образом, концепция генетической информации является контингентной в смысле неполной детерминации предыдущим этапом развития науки и наличия эпистемического разрыва. В следующем разделе эта контингентность будет конкретизирована

за счет обсуждения возможных альтернатив концепции генетической информации.

СОВРЕМЕННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ КОНЦЕПЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НАУКИ

В предыдущем разделе была намечена критика современного научного знания при помощи истории науки. Насколько это корректно? Если обобщить, насколько корректно использовать презентистский подход к истории науки, то есть изучать прошлое ради настоящего? Критика презентизма в историографии науки возникла, на наш взгляд, на основе упрощения — отождествления презентизма с виговской историографией³² — и была сопряжена с профессионализацией истории науки в 1960–1970-е годы. В 1980-е годы начинается частичная реабилитация презентизма. По нашему мнению, в рамках историографии науки наиболее полной и систематичной является классификация форм презентизма, предложенная современным историком и философом биологии Лораном Луазоном (Loison, 2016), хотя и ее можно уточнить и дополнить (Кузин, 2020).

Луазон выделяет следующие формы презентизма, располагая их в порядке от менее спорных к более спорным: эмпирический, дескриптивный, каузально-нарративный и нормативный презентизм. В рамках поиска альтернатив концепции генетической информации имеют значение две последние формы. Каузально-нарративный презентизм — это использование событий, которые произошли после рассматриваемого исторического периода, для установления каузальных исторических связей и придания целостности (перспективы) историческому нарративу. Самая радикальная форма каузально-нарративного презентизма — контрфактическая (альтернативная, виртуальная) история, которой рискуют заниматься даже некоторые уважаемые историки науки (Bowler, 2013). Нормативный презентизм — это использование современных научных концепций и объяснений для обнаружения и акцентирования трудностей, с которыми сталкивались научные концепции прошлого (при применении к тем же явлениям, которые изучает современная наука), и присущих концепциям прошлого ограничений.

³²Этот термин был заимствован из политической истории. Согласно автору термина Гербергу Баттерфилду, вигизм — тенденция многих историков писать с точки зрения протестантов и вигов, превозносить революции в том случае, если они были успешными, выделять в прошлом ростки прогресса и создавать историю, служащую одобрению, если не прославлению настоящего (Butterfield, 1963).

Злоупотребление каузально-нарративным и нормативным презентизмом, то есть замена каузальности и нормативности на телеологию, и приводит к вигизму — к написанию истории с точки зрения тех, кто в настоящее время кажется победителем. Однако изучение каузальных связей можно использовать не для прославления настоящего, а для его критики; нормативный подход может служить не превращению истории науки в «кладбище гипотез», а ее рациональной реконструкции (ср. Lakatos, 1971). Корректное использование каузально-нарративного презентизма должно показать, что современное научное знание контингентно, а корректный нормативный презентизм должен продемонстрировать значение современной науки для рационального понимания науки прошлого. Для обозначения этих двух добросовестных форм презентизма Луазон вводит термин «критический презентизм». Эпистемологический коррелят критического презентизма — историческая эпистемология в интерпретации Ж. Кангилема. Для ответа на вопрос исторической эпистемологии «Как истина может быть историчной?» нужно рассматривать науку (научное знание) одновременно как контингентную и рациональную (Loison, 2016).

Если применить эту идею взаимной критики к концепции генетической информации, то можно увидеть, каким образом современная наука (здесь мы дополним Луазона: не только современная наука, но и современная философия науки) может быть использована для критики истории науки, как она изложена в книге Лили Кей. Кей утверждает, что переход к информационному дискурсу представлял собой эпистемический разрыв, что слишком поспешно были заимствованы семантическая интерпретация информации и связанные с ней лингвистические аналогии. Во втором разделе статьи фактически было показано, как эту поспешность можно рационализировать с современной точки зрения, опираясь на телеосемантическую концепцию генетической информации — в той степени, насколько эта концепция убедительна.

На наш взгляд, более интересен другой вопрос: каким образом история науки может быть использована для критики современного научного знания? Мы предлагаем способ «откатить» современную биологическую теорию все дальше и дальше в прошлое в поисках все более и более радикальных альтернатив семантической концепции генетической информации: (1) ограничить телеосемантическую интерпретацию информации, (2) вернуться к синтаксической концепции информации,

(3) отказаться от концепции информации в пользу концепции специфичности как стереоспецифичности, (4) обратиться к исторически проигравшей концепции «относительной» специфичности, основанной на коллективных свойствах молекул, клеток и т. п. Рассмотрим эти возможности подробнее.

Во-первых, можно попытаться ограничить семантическую концепцию и наиболее популярную ее интерпретацию — телеосемантику. Для этого можно перейти от распространенных инженерных метафор организма и его частей к метафорам химическим. В рамках телеосемантики организм рассматривается как набор функций — это инженерный взгляд. Однако если обратиться к современной синтетической биологии, то выясняется, что в ней сосуществуют два стиля мышления. Один действительно ориентирован на инженерию (информационные технологии, компьютерную инженерию), на синтез продукта с заданными свойствами из стандартных модулей, на машинно-информационные метафоры. Другой берет в качестве образца химию. Химический синтез не предполагает полное знание химических принципов. Химический синтез — это не только способ получения заранее заданного продукта, но и способ открытия³³. При этом носители химического стиля мышления в синтетической биологии не отказываются от семантической концепции информации: они рассматривают молекулы ДНК как кодирующие различные операции, функции и в целом мыслят скорее в терминах функций, нежели структур (Bensaude-Vincent, 2013).

Инженерная метафора связана не только с синтетической биологией, но и с теорией эволюции — с метафорой эволюции как инженера. Такое понимание эволюции критиковал, в частности, Ф. Жакоб. Ему принадлежит известная метафора: эволюция — это не инженер, а ремесленник (*tinkerer*)³⁴, режим ее работы — бриколаж³⁵⁻³⁶ (Jacob, 1977). Любопытно,

³³Физико-химик Марселен Берто в 1876 году сформулировал этот принцип в виде ставшего знаменитым девиза «Химия сама создает свой объект» (цит. по Bensaude-Vincent, 2009: 371).

³⁴Другой вариант перевода: «халтурщик».

³⁵Бриколаж — создание продукта труда из подручных материалов.

³⁶Метафору Жакоба используют также при ревизии концепции специфичности. В современной биохимии происходит отказ от классической схемы «один фермент — один субстрат — одна реакция». Давно известны ферменты с широкой специфичностью (катализирующие одну и ту же реакцию для множества субстратов), но работы двух последних десятилетий показывают, что для многих — если не для большинства — ферментов характерна «неразборчивость» (*promiscuity*, *promiscuity*) — катализ случайных побочных реакций вдобавок к основной (то есть вдобавок к реакции, на катализ которой шел есте-

что если обратиться к этнометодологическому анализу лабораторных практик синтетической биологии, то выясняется, что ключевая метафора для сотрудников таких лабораторий — это винегрет (*hodgerpodge*), ее можно рассматривать как химическую или ремесленную (Kearnes et al., 2018).

Таким образом, телеосемантическая концепция генетической информации может быть ограничена, смягчена переходом от инженерного стиля мышления к химическому или ремесленному. Однако такой переход основан на философско-научных или практических соображениях, нам не удалось увидеть его оснований в истории науки, предшествовавшей взлету концепции генетической информации.

Во-вторых, можно отказаться от телеосемантической интерпретации генетической информации за счет возврата к синтаксической концепции, к математической теории информации. Критики телеосемантической интерпретации утверждают, что тезис симметрии (паритета) между генотипом и средой — это на самом деле не парадокс, а сильная сторона синтаксической интерпретации, так как она служит аргументом против геноцентризма. Эта симметрия используется, например, в рамках близнецового метода (см. второй раздел статьи). Тезис о паритете является одним из основных для теории систем развития (*developmental systems theory, DST*), которая не рассматривает онтогенез как реализацию генетической информации, не интерпретирует какую-то стадию онтогенеза (например, стадию половозрелого организма) как выделенную, рассматривает в качестве единой системы развития жизненные циклы организмов и взаимодействующую с ними среду (Griffiths, 2001; Griffiths & Stotz, 2013).

В-третьих, можно попытаться отказаться от ведущей роли информации и вернуть эту роль узкой специфичности (например, стереоспецифичности). На наш взгляд, шагом именно в этом направлении является предложенная в рамках *DST* концепция каузальной специфичности, хотя авторами она позиционируется лишь как способ уточнения концепции синтаксической информации. В соответствии с популярной

ственный отбор в ходе эволюции, к «физиологичной» реакции). Именно неразборчивость, в соответствии с метафорой Жакоба, оказывается ключевым фактором в эволюции новых функций ферментов (Khersonsky & Tawfik, 2010). Более того, так как концепция специфичности необходимо связана с концепцией организации, учет вероятностного аспекта специфичности ферментов и, шире, белков может привести к новой теории биологической организации (Kuriec, 2010). Про широкую специфичность см. также ниже — в связи с четвертой альтернативой концепции генетической/биологической информации.

в современной философии биологии интерпретацией каузальности как потенциальной манипулируемости (Woodward, 2010) биологическую информацию можно определить как меру каузальной специфичности (а не меру корреляции) в биологических системах, то есть как детальность возможного вмешательства и контроля, основанного на знании каузальных связей. Специфичность независимой (причинной, манипулируемой) переменной в таком случае определяется взаимной информацией независимой и зависимой переменной. Тогда «криковская информация» (определение последовательности аминокислот в белке последовательностью нуклеотидов в нуклеиновой кислоте; см. раздел (1)) оказывается примером узкой, но не абсолютной³⁷ специфичности, так, с точки зрения молекулярной эпигенетики на определение последовательности аминокислот в белке влияет множество других факторов, кроме гена, непосредственно «кодирующего» белок (Stotz & Griffiths, 2017).

Четвертый вариант, самый радикальный из рассматриваемых, — это отказ от представления об узкой (дискретной, редукционистской) специфичности и переход к концепции широкой (непрерывной, холистической) специфичности, основанной на коллективных свойствах молекул, клеток, организмов и других биологических систем³⁸. Именно таким образом можно интерпретировать последние работы молекулярного биолога и микробиолога Карла Везе и продолжателя его дела биофизика Найджела Голденфелда. Они призывают к революции в биологии, к превращению биологии в предсказательную науку за счет рассмотрения жизни как потоков энергии, химических веществ, информации и генов, за счет моделирования коллективных свойств биологических систем в духе статистической механики и теории динамических систем. Везе и Голденфелд поясняют свой тезис на примере размывания концепции вида у микробов и вирусов. Открытие «чувства кворума» (изменения регуляции генов в ответ на изменение плотности популяции микробов), разнообразных экологических взаимодействий и распространенности

³⁷А именно абсолютная специфичность подразумевается концепций генетической информации.

³⁸Мы рассматриваем концепцию непрерывной специфичности как более радикальную по сравнению с концепцией дискретной специфичности, так как последняя все еще тесно связана с концепцией генетической информации: хотя в центральной догме молекулярной биологии информация, как говорят, «переносится» между разными химическими структурами, но тип этих структур фиксирован (ДНК, РНК и белки) и информационные взаимодействия между ними описываются как дискретные, что и делает возможным представление структуры этих молекул в виде последовательности символов (например, последовательности символов из алфавита А, G, C, T в случае ДНК).

горизонтального переноса генов среди микробов и вирусов (переноса генов не от родителей к потомкам, а между другими особями, в том числе разных видов) приводят к необходимости одновременного учета множества относительно слабых взаимодействий. Специфичность, порождаемая такими взаимодействиями (например, специфика конкретного вида), оказывается широкой (размытой)³⁹, непрерывной и холистической. Такой характер взаимодействий также облегчает математическое моделирование⁴⁰ и повышает точность основанных на нем предсказаний (Woese, 2004; Goldenfeld & Woese, 2007; Goldenfeld et al., 2017).

Историк наук о жизни Уте Дайхманн посвятила несколько статей (Deichmann, 2007a,b; 2017) прямой или косвенной критике подхода Везе и Голденфелда с позиции истории науки. Она сравнивает призывы к созданию холистической биологии с чрезвычайно популярным в первой трети XX века коллоидным⁴¹ подходом к биологической специфичности, который также был основан на коллективных свойствах. Коллоидный подход объяснял биологическую специфичность не «химическими» свойствами больших молекул с фиксированной химической структурой⁴², а «физическими»⁴³ свойствами коллоидов переменного химического состава (коллоидных растворов, коллоидных систем). Большинство историков науки считают, что концепция биокolloидов затормозила развитие биохимии и биологии, была их «темным веком», так как препятствовала развитию концепции макромолекул, без которой невозможно современное представление о стереоспецифичности^{44,45}

³⁹Про широкую специфичность на примере ферментов см. также сноску 37.

⁴⁰Материал для математического моделирования в огромных количествах поставляют различные высокопроизводительные технологии получения биологических данных (секвенирования ДНК и т. п.), разработанные в последние годы.

⁴¹Коллоидными растворами называли «псевдорастворы», характеризующиеся низкой скоростью диффузии через мембраны, плохой кристаллизруемостью и осаждаемостью, диаметром растворенных частиц от 1 нанометра до 1 микрометра (Deichmann, 2007b: 106). По размеру частиц коллоидные системы занимают промежуточное положение между истинными растворами и взвесьями и обладают различными аномальными свойствами.

⁴²То есть в современной терминологии не стереоспецифичностью макромолекул (белков и нуклеиновых кислот).

⁴³С современной точки зрения противопоставление химических и физических свойств молекул в контексте спора о природе специфичности в первой трети XX века не имеет смысла, так как и те, и другие во многом обусловлены слабыми химическими связями (водородная связь, связи Ван-дер-Ваальса) (Parascandola, 1974: 60; Silverstein, 2009: 100–101).

⁴⁴Это пример виговской историографии науки.

⁴⁵Для стереоспецифического взаимодействия необходимо не только соответствие «ключ-замок», но и стабильность конфигурации «замка», которая в случае белков и нук-

(Deichmann, 2007b: 105–106). Объяснения коллоидистов даже рассматриваются как псевдонаучные: по словам одного из участников событий, достаточно было назвать протоплазму (содержимое клетки без учета ядра) коллоидом, чтобы создать впечатление, что ты что-то понимаешь о ней (ibid.: 113). Коллоидная химия противостояла не только структурной химии (на которой основана концепция стереоспецифичности), но и физической химии растворов: предполагалось, что для коллоидов не выполняется ключевое для настоящих растворов условие физико-химического равновесия. В конечном счете именно успехи физической химии (в особенности доказательство макромолекулярной природы белков, а затем — их строго специфичной (не выводимой из общих закономерностей⁴⁶) структуры (Judson, 2013: 585)) привели к отказу от коллоидного подхода (Deichmann, 2007b).

На наш взгляд, однако, из признания «исторической правоты» критиков коллоидного подхода еще не следует порочность объяснения специфичности коллективными эффектами, то есть порочность концепции широкой (непрерывной, холистической) специфичности. Покажем это на материале истории науки. В качестве альтернативы концепции специфичности как стереоспецифичности «одиозная» коллоидная химия вытеснила в конце XIX – начале XX века физико-химическую теорию растворов, так же оперирующую коллективными эффектами молекул, но респектабельную и поныне. Различие и сходство между этими альтернативами стереоспецифичности мы проиллюстрируем на примере двух споров в иммунологии: между П. Эрлихом и Ж. Борде, между П. Эрлихом и С. Аррениусом⁴⁷. Оба спора были относительно механизма взаимодействия антигена (чужеродного вещества, попавшего в организм) с антителом (защитным веществом, вырабатываемым организмом в ответ на антиген). Согласно теории боковых цепей Эрлиха, это взаимодействие, стереоспецифическое (по Эрлиху — даже абсолютно специфическое) и необратимое («химическое»), может осуществляться

леиновых кислот достигается в первую очередь за счет сильных (ковалентных) связей, соединяющих аминокислоты в белке или нуклеотиды в нуклеиновой кислоте в единую макромолекулу.

⁴⁶ Например, последовательности нуклеотидов в ДНК или РНК, как и последовательности аминокислот в белках, не являются (за отдельными исключениями) периодическими, как предполагалось на ранних этапах изучения этих макромолекул. В теоретико-информационных терминах это означает, что ДНК, РНК и белки обладают гораздо большим информационным содержанием, чем предполагалось изначально.

⁴⁷ В описании этих споров мы будем опираться в первую очередь на изложение А. Силверштейна (Silverstein, 2009: 100–101).

как между антигеном (например, бактериальным токсином) и боковой цепью на поверхности клетки (в современной терминологии — нерастворимым рецептором), так и между антигеном и антителом (боковой цепью, отделившейся от клетки). Жюль Борде рассматривал взаимодействие между антителом и антигеном как происходящее на поверхности коллоидной частицы за счет множества слабых, по отдельности не специфических «физических» взаимодействий. Сванте Аррениус, один из создателей физической химии, предполагал, что все вещества могут реагировать только в растворенном состоянии. На этом основании он отвергал возможность взаимодействия антигена с «боковой цепью» на поверхности клетки (такая боковая цепь не находится в растворе), считал возможным только массовое и обратимое (соответственно, лишь относительно специфичное) взаимодействие растворенного антитела и растворенного антигена (Gilbert & Greenberg, 1984: 30). Таким образом, хотя в деталях критика со стороны Ж. Борде и со стороны С. Аррениуса отличается, что обусловлено различиями в представлении о внутренней среде организма (как о коллоидном растворе и как о «классическом» растворе соответственно), оба ученых рассматривают взаимодействие антигена и антитела не как абсолютную, а как относительную (обусловленную коллективными эффектами молекул переменного химического состава).

Вслед за спором Эрлиха и Аррениуса в начале XX аналогичные споры сторонников «морфологического» (с современной точки зрения — стереоспецифического) и физико-химического подходов возникли в генетике относительно хромосомного определения пола (Э. Уилсон против Т. Моргана⁴⁸) и в эмбриологии относительно оплодотворения (Ф. Лилли против известного популяризатора механицизма Ж. Леба) (*ibid.*). По нашему мнению, взгляд на жизнь как на коллективный феномен, который предлагают Везе и Голденфелд, наследует не столько коллоидной химии, сколько физико-химической линии Аррениуса и Леба, правда, отличаясь от последней важным акцентом на неравновесности, нелинейности и самоорганизации. Такой ракурс позволяет использовать представление о биологической специфичности как относительной, количественной (непрерывной) характеристике для критики научного

⁴⁸Т. Морган до начала работы с дрозофилой оспаривал роль хромосом в наследственности и рассматривал определение пола как результат «скорее химического, чем морфологического» процесса (цит. по Gilbert & Greenberg, 1984: 30).

мейнстрима, в котором все еще преобладает концепция стереоспецифичности как дискретной и узкой (если не абсолютной) специфичности.

Мы предполагаем, что взгляд на жизнь как на коллективный феномен в пределе приводит к процессуальной онтологии биологии вместо традиционной вещной онтологии (рассматривающей в качестве вещей организмы, клетки, гены и т. д.) (Everything Flows, 2018). Мы планируем в отдельной работе рассмотреть процессуальную онтологию биологии в качестве современной альтернативы концепции информации и концепции специфичности в биологии. Для развития этой альтернативы в соответствии с позицией критического презентизма может быть полезен поиск исторически забытых возможностей. Неясно, были ли в истории биологии предшественники элиминативной процессуальной онтологии (полностью заменяющей вещи на процессы), но в качестве представителей умеренного процессуализма рассматривают западных биологов-органицистов (Nicholson & Gawne, 2015), и, как мы предполагаем, можно рассматривать некоторых советских биологов-диалектиков (например, И. И. Шмальгаузена). Также мы планируем рассмотреть в качестве предшественника процессуальной онтологии концепцию непрерывности природы (живой природы), взятую в контексте проблемы биологической специфичности. Историк наук о жизни Паулина Мазумдар проследила противостояние сторонников непрерывности и дискретности с 1838 по 1968 год⁴⁹, одним из защитников дискретности в этом нарративе оказывается П. Эрлих в бактериологии (абсолютная дискретность и специфичность бактериальных видов) и иммунологии (абсолютная специфичность антител) (Mazumdar, 2002). Соответственно, противников дискретности, включая оппонентов П. Эрлиха, Ж. Борде и С. Аррениуса, можно рассматривать как предшественников умеренного процессуализма.

Таким образом, подход исторической эпистемологии (точнее — каузально-нарративного презентизма как составляющей критического презентизма по Л. Луазону) позволил нам конкретизировать выдвинутый

⁴⁹На наш взгляд, генеалогию процессуальной онтологии в биологии и медицине можно продлить и до античности, если рассматривать «негатив» истории специфичности в изложении Артура Силверстайна (Silverstein, 2009): проследить не историю идеи специфичности, а историю альтернативных ей концепций — например, онтологическую концепцию болезни (у каждой болезни свой специфический возбудитель), восходящую к Парацельсу, а альтернативную ей концепцию баланса жидкостей, восходящую к Гиппократу.

на материале истории генетического кода тезис Л. Кей о контингентности концепции информации (информационного дискурса) в современной биологии. Для этого мы выявили возможные альтернативы концепции генетической информации и расположили их в порядке от более умеренных к более радикальным. Большинство из них обнаруживаются как в истории науки, так и в современной философии науки или в современных научных теориях. (1) Господствующую семантическую концепцию биологической информации можно ограничить за счет перехода от инженерных к ремесленным или химическим метафорам. (2) Можно вернуться к синтаксической концепции информации, интерпретируя информационную симметрию (паритет) между генотипом и средой не как парадокс, а как достоинство синтаксической концепции. (3) Можно попытаться вернуть ведущую роль концепции узкой специфичности, интерпретируя ее как каузальную специфичность — потенциальную возможность детального вмешательства в биологические процессы на основе знания каузальных связей. (4) Наконец, можно перейти к концепции широкой (непрерывной, холистической) специфичности, основанной на коллективных свойствах молекул и клеток. Сейчас этот подход выглядит настолько радикальным, что К. Везе и Н. Голденфелд, работы которых мы помещаем в контекст проблемы биологической специфичности, называют его революцией в биологии. Еще более радикальным, но, на наш взгляд, логичным был бы переход к процессуальной онтологии биологии, подробное обсуждение которой уже выходит за рамки статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция генетической (биологической) информации часто рассматривается как центральная в современной биологии, однако она недостаточно прояснена: в современной философии биологии спорят сторонники синтаксической и семантической интерпретации генетической информации. Мы показали, как в рамках исторической эпистемологии (критического презентизма по Л. Луазону) современное знание и знание прошлого могут быть использованы для критики друг друга. С одной стороны, эпистемический разрыв в науках о жизни середины XX века — стремительный переход от концепции специфичности к информационно-лингвистическим метафорам — может быть отчасти рационализирован при помощи современной телеосемантической концепции информации. С другой стороны, углубление в прошлое биологии демонстрирует все более и более радикальные альтернативы концепции генетической / биологической информации. Семантическая концепция

информации, выполняющая в молекулярной биологии роль канона, может быть смягчена за счет отказа от инженерных метафор (связанных в том числе с возникновением синтетической биологии), сужена до синтаксической концепции (восходящей к математической теории информации К. Шеннона), заменена концепцией узкой специфичности как каузальной специфичности (восходящей к структурно-химической концепции стереоспецифичности) или даже концепцией широкой специфичности как коллективного эффекта молекул, клеток и других биологических объектов (восходящей к коллоидной или физической химии). В рамках подхода исторической эпистемологии мы показали контингентность канона генетической информации не только в смысле его неполной детерминации внутренней логикой развития наук о жизни, но и в смысле представимости возможных миров, в которых этот канон менее выражен или его место занимают другие концепции.

ЛИТЕРАТУРА

- Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / под ред. Г. Я. Поварова ; пер. с англ. И. Я. Соловьева. — М. : Советское радио, 1958.
- Золян С. Т.* Генетический код : Грамматика, семантика, эволюция // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Т. 8 / под ред. М. В. Ильина. — М. : ФГУБН ИНИОН РАН, 2018. — С. 130–184.
- Кузин И. А.* «Sprengels...» Гулда и Левонтина и критика адапционизма // Вестник Московского Университета : Серия 7: Философия. — 2015. — № 3. — С. 3–18.
- Кузин И. А.* Судьба спора об адапционизме и геноцентризме в XXI веке // Второй Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» / под ред. И. Т. Касавина, Л. В. Шиповаловой. — М. : РОИФН, 2018. — С. 35–45.
- Кузин И. А.* Классификация форм презентизма и антипрезентизма в историографии науки // Второй Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» / под ред. И. Т. Касавина, Л. В. Шиповаловой. — М. : РОИФН, 2020. — С. 74–77.
- Кузин И. А.* История генетического кода как генеалогия будущего // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Т. 11 / под ред. М. В. Ильина. — М. : б.и., 2021. — С. 406–421.
- Северцов А. С.* Теория эволюции : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 510600 «Биология». — М. : Гуманитар, Владос, 2005.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — М. : Прогресс, 1977.

- Adriaans P.* Information / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2020. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/information/> (visited on Apr. 1, 2022).
- Barbieri M.* A Short History of Biosemiotics // Biosemiotics. — 2009. — Vol. 2, no. 2. — P. 221–245.
- Bensaude-Vincent B.* The Chemists' Style of Thinking // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. — 2009. — Vol. 32, no. 4. — P. 365–378.
- Bensaude-Vincent B.* Discipline-building in Synthetic Biology // Studies in History and Philosophy of Science. Part C : Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. — 2013. — Vol. 44, no. 2. — P. 122–129.
- Bowler P.* Darwin Deleted : Imagining a World without Darwin. — Chicago : University of Chicago Press, 2013.
- Butterfield H.* The Whig Interpretation of History : Imagining a World without Darwin. — London : G. Bell, Sons, 1963.
- Canguilhem G.* A Vital Rationalist : Selected Writings from Georges Canguilhem / ed. by F. Delaporte ; trans. from the French by A. Goldhammer. — New York : Zone Books, 1994.
- Contingency / Merriam-Webster.com Dictionary. — N. d. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/contingency> (visited on May 24, 2022).
- Crick F. H. C.* On Protein Synthesis // Symposia of the Society for Experimental Biology. — 1958. — Vol. 12. — P. 138–163.
- Deichmann U.* Collective Phenomena and the Neglect of Molecules : A Historical Outlook on Biology // History and Philosophy of the Life Sciences. — 2007a. — Vol. 29, no. 1. — P. 83–86.
- Deichmann U.* “Molecular” Versus “Colloidal” : Controversies in Biology and Biochemistry, 1900–1940 // Bulletin for the History of Chemistry. — 2007b. — Vol. 32, no. 2. — P. 105–118.
- Deichmann U.* Hierarchy, Determinism, and Specificity in Theories of Development and Evolution // History and Philosophy of the Life Sciences. — 2017. — Vol. 39, no. 4. — P. 1–16.
- Downes S. M., Matthews L. J.* Heritability / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2020. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/heredity/> (visited on Apr. 1, 2022).
- Everything Flows : Toward a Processual Philosophy of Biology / ed. by D. J. Nicholson, J. Dupré. — Oxford : Oxford University Press, 2018.
- Figlio K. M.* The Metaphor of Organization : An Historiographical Perspective on the Bio-Medical Sciences of the Early Nineteenth Century // History of Science. — 1976. — Vol. 14, no. 1. — P. 17–53.
- Gilbert S. F., Greenberg J. P.* Intellectual Traditions in the Life Sciences. II. Stereocomplementarity // Perspectives in Biology and Medicine. — 1984. — Vol. 28, no. 1. — P. 18–34.

- Godfrey-Smith P., Sterelny K.* Biological Information / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2016. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/information-biological> (visited on Apr. 1, 2022).
- Goldenfeld N., Biancalani T., Jafarpour F.* Universal Biology and the Statistical Mechanics of Early Life : An Historiographical Perspective on the Bio-Medical Sciences of the Early Nineteenth Century // *Philosophical Transactions of the Royal Society A : Mathematical, Physical and Engineering Sciences.* — 2017. — Vol. 375, no. 2109. — P. 20160341.
- Goldenfeld N., Woese C.* Biology's Next Revolution // *Nature.* — 2007. — Vol. 445, no. 7126. — P. 369.
- Gould S. J., Lewontin R. C.* The Spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm : A Critique of the Adaptationist Programme // *Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences.* — 1979. — Vol. 205, no. 1161. — P. 581–598.
- Griffiths P.* Genetic Information : A Metaphor in Search of a Theory // *Philosophy of Science.* — 2001. — Vol. 68, no. 3. — P. 394–412.
- Griffiths P., Stotz K.* *Genetics and Philosophy : An Introduction.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
- Jacob F.* Evolution and Tinkering // *Science.* — 1977. — Vol. 196, no. 4295. — P. 1161–1166.
- Judson H. F.* *The Eighth Day of Creation : Makers of the Revolution in Biology.* — New York : Cold Spring Harbor Laboratory Press, 2013.
- Kay L. E.* *Who Wrote the Book of Life? : A History of the Genetic Code.* — Redwood City : Stanford University Press, 2000.
- Kearnes M., Kuch D., Johnston A.* How to Do Things With Metaphors : Engineering Life as Hodgepodge // *Life Sciences, Society and Policy.* — 2018. — Vol. 14, no. 1. — P. 1–17.
- Khersonsky O., Tawfik D. S.* Enzyme Promiscuity : A Mechanistic and Evolutionary Perspective // *Annual Review of Biochemistry.* — 2010. — Vol. 79. — P. 471–505.
- Kment B.* Varieties of Modality / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2021. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/modality-varietie> (visited on May 25, 2022).
- Kupiec J. N.* On the Lack of Specificity of Proteins and Its Consequences for a Theory of Biological Organization // *Progress in Biophysics and Molecular Biology.* — 2010. — Vol. 102, no. 1. — P. 45–52.
- Lakatos I.* History of Science and Its Rational Reconstruction // *PSA 1970 : In Memory of Rudolf Carnap. Boston Studies in the Philosophy of Science.* Vol. 10 / ed. by R. Buck, R. Cohen. — Dordrecht, Holland : D. Reidel, 1971. — P. 91–139.
- Levy A.* Information in Biology : A Fictionalist Account // *Noûs.* — 2011. — Vol. 45, no. 4. — P. 640–657.
- Linus Pauling in His Own Words : Selections from His Writings, Speeches and Interviews / ed. by B. Marinacci. — New York : Simon, Schuster, 1995.

- Loison L.* Forms of Presentism in the History of Science. Rethinking the Project of Historical Epistemology // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. — 2016. — Vol. 60. — P. 29–37.
- Malyshev D. A., Dhami K., Lavergne T.* A Semi-Synthetic Organism with an Expanded Genetic Alphabet // Nature. — 2014. — Vol. 509, no. 7500. — P. 385–388.
- Markov Chains / Encyclopedia of Mathematics. — 2016. — URL: https://encyclopediaofmath.org/wiki/Markov_chains (visited on May 25, 2022).
- Maynard Smith J.* The Concept of Information in Biology // Philosophy of Science. — 2000. — Vol. 67, no. 2. — P. 177–194.
- Mazumdar P. M. H.* Species and Specificity : An Interpretation of the History of Immunology. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- Menzel C.* Possible Worlds / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2021. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall12021/entries/possible-worlds/> (visited on May 24, 2022).
- Nicholson D. J., Gawne R.* Neither Logical Empiricism nor Vitalism, but Organicism : What the Philosophy of Biology Was // History and Philosophy of the Life Sciences. — 2015. — Vol. 37, no. 4. — P. 345–381.
- Nurse P.* What is Life? : Five Great Ideas in Biology. — New York : W. W. Norton & Company, 2021.
- O’Keefe M., Perrault S., Halpern J.* “Editing” Genes : A Case Study About How Language Matters in Bioethics // The American Journal of Bioethics. — 2015. — Vol. 15, no. 12. — P. 3–10.
- Parascandola J.* The Controversy Over Structure-Activity Relationships in the Early Twentieth Century // Pharmacy in History. — 1974. — Vol. 16, no. 2. — P. 54–63.
- Silverstein A. M.* A History of Immunology. — Amsterdam : Elsevier, 2009.
- Sterelny K.* Dawkins vs. Gould : Survival of the Fittest. — Cambridge : Icon Books, 2001.
- Stotz K., Griffiths P.* Biological Information, Causality and Specificity—an Intimate Relationship // From Matter to Life : Information and Causality. Vol. 10 / ed. by S. I. Walker, P. C. W. Davies, G. F. R. Ellis. — Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2017. — P. 366–390.
- The Major Transitions in Evolution / ed. by J. Maynard Smith, E. Szathmáry. — Oxford : Oxford University Press, 2001.
- Toepfer G.* Historisches Wörterbuch der Biologie. Geschichte und Theorie der Biologischen Grundbegriffe : In 3 Bde. — Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler, 2011.
- Van Den Belt H., Gremmen B.* Specificity in the Era of Koch and Ehrlich : A Generalized Interpretation of Ludwik Fleck’s “Serological” Thought Style // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. — 1990. — Vol. 21, no. 3. — P. 463–479.
- Watson J. D., Baker T. A., Bell S. P.* Molecular Biology of the Gene. — London : Pearson, 2014.
- Watson J. D., Crick F. H. C.* Molecular Structure of Nucleic Acids : A Structure for Deoxyribose Nucleic Acid // Nature. — 1953. — Vol. 171, no. 4356. — P. 737–738.

Woese C. A New Biology for a New Century // Microbiology and Molecular Biology Reviews. — 2004. — Vol. 68, no. 2. — P. 173–186.

Woodward J. Causation in Biology : Stability, Specificity, and the Choice of Levels of Explanation // Biology & Philosophy. — 2010. — Vol. 25, no. 3. — P. 287–318.

Kuzin, I. A. 2022. “Kontseptsiya geneticheskoy informatsii i istoricheskaya epistemologiya [The Concept of Genetic Information and Historical Epistemology]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 114–147.

IVAN KUZIN

PHD IN PHILOSOPHY; LECTURER

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY — HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA)

RESEARCH FELLOW

POLETAYEV INSTITUTE FOR THEORETICAL AND HISTORICAL STUDIES IN THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-3073-4120

THE CONCEPT OF GENETIC INFORMATION AND HISTORICAL EPISTEMOLOGY

Submitted: May 02, 2022. Reviewed: May 21, 2022. Accepted: May 30, 2022.

Abstract: The information concept in molecular biology and genetics has a duality inherent in any canon: on the one hand, now it looks universal, and it is difficult to think of transcending this discourse; on the other hand, historians of science show that one’s emergence is culturally contingent and is associated with the “informatization” of science and society during WWII and the Cold War. This kind of duality is analyzed by historical epistemology (critical presentism), trying to understand science, on the one hand, as rational (truth is universal), on the other, as contingent (other possible worlds of scientific knowledge are conceivable). In this article, using the concept of genetic information as an example, it is shown how the first goal of historical epistemology is achieved by criticizing the science of the past with the help of modern science and philosophy of science. The second goal is achieved by criticizing modern science from the point of view of past science. Namely, the rapid rise of the concept of information in biology in the middle of the 20th century and the fast transition from quantitative mathematical information theory to information-linguistic metaphors can be rationally understood within the framework of the teleosemantic concept of information developed in the modern philosophy of biology. On the other hand, delving into the past of biology, we find all the more radical alternatives to the information concept and informational and linguistic metaphors: from the mathematical theory of information to the “chemical” concept of “absolute” specificity as stereospecificity to the “physical” concept of relative specificity as a consequence of collective effects. This historical perspective makes it possible to discern feasible alternatives to the information concept in modern biology.

Keywords: Biological Specificity, Genetic Information, Historical Contingency, Historical Epistemology, History of Biology, Philosophy of Biology, Possible Worlds, Presentism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-114-147.

REFERENCES

- Adriaans, P. 2020. "Information." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Apr. 1, 2022. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/information/>.
- Barbieri, M. 2009. "A Short History of Biosemiotics." *Biosemiotics* 2 (2): 221–245.
- Bensaude-Vincent, B. 2009. "The Chemists' Style of Thinking." *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte* 32 (4): 365–378.
- . 2013. "Discipline-building in Synthetic Biology." *Studies in History and Philosophy of Science. Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences* 44 (2): 122–129.
- Bowler, P. 2013. *Darwin Deleted: Imagining a World without Darwin*. Chicago: University of Chicago Press.
- Butterfield, H. 1963. *The Whig Interpretation of History: Imagining a World without Darwin*. London: G. Bell / Sons.
- Canguilhem, G. 1994. *A Vital Rationalist: Selected Writings from Georges Canguilhem*. Ed. by F. Delaporte. Trans. from the French by A. Goldhammer. New York: Zone Books.
- "Contingency." N. d. Merriam-Webster.com Dictionary. Accessed May 24, 2022. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/contingency>.
- Crick, F. H. C. 1958. "On Protein Synthesis." *Symposia of the Society for Experimental Biology* 12:138–163.
- Deichmann, U. 2007a. "Collective Phenomena and the Neglect of Molecules: A Historical Outlook on Biology." *History and Philosophy of the Life Sciences* 29 (1): 83–86.
- . 2007b. "'Molecular' Versus 'Colloidal': Controversies in Biology and Biochemistry, 1900–1940." *Bulletin for the History of Chemistry* 32 (2): 105–118.
- . 2017. "Hierarchy, Determinism, and Specificity in Theories of Development and Evolution." *History and Philosophy of the Life Sciences* 39 (4): 1–16.
- Downes, S. M., and L. J. Matthews. 2020. "Heritability." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Apr. 1, 2022. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/heredity/>.
- Figlio, K. M. 1976. "The Metaphor of Organization: An Historiographical Perspective on the Bio-Medical Sciences of the Early Nineteenth Century." *History of Science* 14 (1): 17–53.
- Foucault, M. 1977. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines]* [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Vizgin and N. S. Avtonomova. Moskva [Moscow]: Progress.
- Gilbert, S. F., and J. P. Greenberg. 1984. "Intellectual Traditions in the Life Sciences. II. Stereocomplementarity." *Perspectives in Biology and Medicine* 28 (1): 18–34.
- Godfrey-Smith, P., and K. Sterelny. 2016. "Biological Information." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Apr. 1, 2022. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/information-biological>.
- Goldenfeld, N., T. Biancalani, and F. Jafarpour. 2017. "Universal Biology and the Statistical Mechanics of Early Life: An Historiographical Perspective on the Bio-Medical Sciences of the Early Nineteenth Century." *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences* 375 (2109): 20160341.
- Goldenfeld, N., and C. Woese. 2007. "Biology's Next Revolution." *Nature* 445 (7126): 369.
- Gould, S. J., and R. C. Lewontin. 1979. "The Spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: A Critique of the Adaptationist Programme." *Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences* 205 (1161): 581–598.
- Griffiths, P. 2001. "Genetic Information: A Metaphor in Search of a Theory." *Philosophy of Science* 68 (3): 394–412.

- Griffiths, P., and K. Stotz. 2013. *Genetics and Philosophy: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jacob, F. 1977. "Evolution and Tinkering." *Science* 196 (4295): 1161–1166.
- Judson, H. F. 2013. *The Eighth Day of Creation: Makers of the Revolution in Biology*. New York: Cold Spring Harbor Laboratory Press.
- Kay, L. E. 2000. *Who Wrote the Book of Life?: A History of the Genetic Code*. Redwood City: Stanford University Press.
- Kearnes, M., D. Kuch, and A. Johnston. 2018. "How to Do Things With Metaphors: Engineering Life as Hodgepodge." *Life Sciences, Society and Policy* 14 (1): 1–17.
- Khersonsky, O., and D. S. Tawfik. 2010. "Enzyme Promiscuity: A Mechanistic and Evolutionary Perspective." *Annual Review of Biochemistry* 79:471–505.
- Kment, B. 2021. "Varieties of Modality." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed May 25, 2022. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/modality-varieties/>
- Kupiec, J. N. 2010. "On the Lack of Specificity of Proteins and Its Consequences for a Theory of Biological Organization." *Progress in Biophysics and Molecular Biology* 102 (1): 45–52.
- Kuzin, I. A. 2015. "'Spandrels...' Gulda i Levontina i kritika adaptatsionizma ['Spandrels' by Gould and Lewontin and Critique of Adaptationism]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta [Moscow University Bulletin]: Seriya 7: Filosofiya [Series 7: Philosophy]*, no. 3: 3–18.
- . 2018. "Sud'ba spora ob adaptatsionizme i genotsentrizme v XXI veke [What Became of Adaptationism and Genocentrism Debates in 21st Century]" [in Russian]. In Kasavin and Shipovalova 2020, 35–45.
- . 2020. "Klassifikatsiya form prezentizma i antiprezentizma v istoriografii nauki [Classification of Types of Presentism and Anti-presentism in Historiography of Science]" [in Russian]. In Kasavin and Shipovalova 2020, 74–77.
- . 2021. "Istoriya geneticheskogo koda kak genealogiya budushchego [A History of the Genetic Code as a Genealogy of the Future]" [in Russian]. In *METOD [METHOD] : Moskovskiy yezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin [Moscow Yearbook of Social Studies]*, ed. by M. V. Il'in, 11:406–421. Moskva [Moscow]: b.i.
- Lakatos, I. 1971. "History of Science and Its Rational Reconstruction." In *PSA 1970 : In Memory of Rudolf Carnap. Boston Studies in the Philosophy of Science*, ed. by R. Buck and R. Cohen, 10:91–139. Dordrecht, Holland: D. Reidel.
- Levy, A. 2011. "Information in Biology: A Fictionalist Account." *Noûs* 45 (4): 640–657.
- Loison, L. 2016. "Forms of Presentism in the History of Science. Rethinking the Project of Historical Epistemology." *Studies in History and Philosophy of Science. Part A* 60:29–37.
- Malyshev, D. A., K. Dhami, and T. Lavergne. 2014. "A Semi-Synthetic Organism with an Expanded Genetic Alphabet." *Nature* 509 (7500): 385–388.
- Marinacci, B., ed. 1995. *Linus Pauling in His Own Words: Selections from His Writings, Speeches and Interviews*. New York: Simon / Schuster.
- "Markov Chains." 2016. Encyclopedia of Mathematics. Accessed May 25, 2022. https://encyclopediaofmath.org/wiki/Markov_chains.
- Maynard Smith, J. 2000. "The Concept of Information in Biology." *Philosophy of Science* 67 (2): 177–194.
- Maynard Smith, J., and E. Szathmáry, eds. 2001. *The Major Transitions in Evolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Mazumdar, P. M. H. 2002. *Species and Specificity: An Interpretation of the History of Immunology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Menzel, C. 2021. "Possible Worlds." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed May 24, 2022. <https://plato.stanford.edu/archives/fall12021/entries/possible-worlds/>

- Nicholson, D. J., and J. Dupré, eds. 2018. *Everything Flows: Toward a Processual Philosophy of Biology*. Oxford: Oxford University Press.
- Nicholson, D. J., and R. Gawne. 2015. "Neither Logical Empiricism nor Vitalism, but Organicism: What the Philosophy of Biology Was." *History and Philosophy of the Life Sciences* 37 (4): 345–381.
- Nurse, P. 2021. *What is Life?: Five Great Ideas in Biology*. New York: W. W. Norton & Company.
- O'Keefe, M., S. Perrault, and J. Halpern. 2015. "'Editing' Genes: A Case Study About How Language Matters in Bioethics." *The American Journal of Bioethics* 15 (12): 3–10.
- Parascandola, J. 1974. "The Controversy Over Structure-Activity Relationships in the Early Twentieth Century." *Pharmacy in History* 16 (2): 54–63.
- Severtsov, A. S. 2005. *Teoriya evolyutsii [The Theory of Evolution]: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu 510600 "Biologiya" [The Textbook for Biology Specialty High-School Students]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gumanitar / Vados.
- Silverstein, A. M. 2009. *A History of Immunology*. Amsterdam: Elsevier.
- Sterelny, K. 2001. *Dawkins vs. Gould: Survival of the Fittest*. Cambridge: Icon Books.
- Stotz, K., and P. Griffiths. 2017. "Biological Information, Causality and Specificity — an Intimate Relationship." In *From Matter to Life: Information and Causality*, ed. by S. I. Walker, P. C. W. Davies, and G. F. R. Ellis, 10:366–390. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Toepfer, G. 2011. *Historisches Wörterbuch der Biologie. Geschichte und Theorie der Biologischen Grundbegriffe* [in German]. 3 vols. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler.
- Van Den Belt, H., and B. Gremmen. 1990. "Specificity in the Era of Koch and Ehrlich: A Generalized Interpretation of Ludwik Fleck's 'Serological' Thought Style." *Studies in History and Philosophy of Science. Part A* 21 (3): 463–479.
- Viner, N. 1958. *Kibernetika, ili upravleniye i svyaz' v zhiivotnom i mashine [Cybernetics]* [in Russian]. Ed. by G. Ya. Povarov. Trans. from the English by I. Ya. Solov'yev. Moskva [Moscow]: Sovet-skoye radio.
- Watson, J. D., T. A. Baker, and S. P. Bell. 2014. *Molecular Biology of the Gene*. London: Pearson.
- Watson, J. D., and F. H. C. Crick. 1953. "Molecular Structure of Nucleic Acids: A Structure for Deoxyribose Nucleic Acid." *Nature* 171 (4356): 737–738.
- Woese, C. 2004. "A New Biology for a New Century." *Microbiology and Molecular Biology Reviews* 68 (2): 173–186.
- Woodward, J. 2010. "Causation in Biology: Stability, Specificity, and the Choice of Levels of Explanation." *Biology & Philosophy* 25 (3): 287–318.
- Zolyan, S. T. 2018. "Geneticheskii kod [On the Grammar and Semantics of the Genetic Code]: Grammatika, semantika, evolyutsiya" [in Russian]. In *METOD [METHOD]: Moskovskiy yezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin [Moscow Yearbook of Social Studies]*, ed. by M. V. Il'in, 8:130–184. Moskva [Moscow]: FGUBN INION RAN.

МАРИЯ МАРЕЙ*

МАНЬЯК ИЗ СОСЕДНЕГО КАНОНА**

КАК НАУКА НОРМАЛИЗУЕТ КУЛЬТОВОЕ ЗЛО

Получено: 15.04.2022. Рецензировано: 26.04.2022. Принято: 22.05.2022.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию кинематографических образов серийных преступников в сериалах соответствующей тематики — таких, где для их вычисления и поимки используются научные и научнообразные методы, называемые профилированием на русском языке. Предполагая, что кино и телевидение могут менять (и формировать) представления человека о жизни, о нормах, о правильном и неправильном, должном и недолжном поведении, автор обращается к сравнению романа и сериала как художественных феноменов со схожей спецификой функционирования и воздействия на публику. Далее автор обращается к встречающемуся в исследовательской литературе сопоставлению трикстера и маньяка (психопата или социопата) и показывает, почему это сравнение некорректно. Используя теорию дискурсов Мишеля Фуко и его исследования, посвященные становлению концепта «ненормальности», автор напоминает читателю, как он исторически формировался в науке и философии, а также каким образом фигура эксперта (криминолога, психиатра, врача) возникает и концептуализируется вместе с уточнением характеристик того, кого он исследует. Анализируя работы Джона Дугласа, автор делает вывод, что исследователей, называемых сейчас профайлерами, можно считать «экспертами» в том смысле, в котором об этом писал Фуко: фактически профайлеры описали характеристики маньяка — серийного убийцы, хорошо знакомого нам по фильмам и сериалам, и в дальнейшем образы серийных преступников выстраивались с учетом данных современной науки.

Ключевые слова: сериалы, маньяки, Мишель Фуко, «ненормальные», канон, наука, профилирование, трикстер.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-148-167.

Почему мы не только смотрим сериалы, но и считаем возможным писать научные статьи, используя их как полноценный источник исследовательского материала, а не лишь как дополняющие нашу мысль примеры? Ответы на этот вопрос можно предложить самые разные, и, к счастью, сейчас он задается уже не столько чтобы выразить возмущение вопрошающего, вызванное подбором материала, сколько чтобы получить содержательный ответ.

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н.; ответственный секретарь журнала «Философия. Журнал Высшей школы экономики», mdyurlova@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9251-4399.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Как пишет в книге «Престижное удовольствие: социально-философские интерпретации „сериального взрыва“» Александр Павлов, настали такие времена, когда нам не нужно больше оправдываться, что мы смотрим сериалы (Павлов, 2019: 7). Сейчас это и вполне легитимная часть популярной культуры, претендующая даже на то, чтобы считаться «высоким» искусством (или, по крайней мере, могущая быть оценена таким образом), и уж точно не просто средство развлечения в часы скуки, способ заполнения пустого или свободного времени. Они стали предметом исследования социологов, культурологов, и философов, которые прямо или завуалированно признают, что многие современные сериалы — это сложные нарративные системы, что они репрезентируют социальную реальность и отношения в обществе¹, что, изучая, как они устроены и почему мы так их любим, мы можем многое узнать о нас самих.

Эту статью можно считать попыткой начать разговор о совершенно конкретном типе сериалов — таком, в котором описываются научные или наукообразные способы вычисления и поимки серийных убийц и делаются попытки «заглянуть к ним в голову». В последнее десятилетие они стали очень популярны и, на мой взгляд, должны быть исследованы отдельно от традиционных фильмов ужасов, потому что если они нас и пугают, то делают это не очень привычным способом. «Если» — потому что некоторые из них совсем не «страшные»: там нет ничего намеренно пугающего, кроме ужасающей нормальности, обыденности (хочется написать — банальности) зла, которое там показано. К этой самой нормальности и к тому, чем она производится, я и хочу обратиться. Александр Павлов в уже упомянутом «Престижном удовольствии» пишет, что тот подход, который он использует для исследования сериалов, «в большинстве случаев можно было бы охарактеризовать вполне традиционно — как „социально-философский анализ“» (там же: 20). Мне очень близко это определение, потому что я собираюсь делать примерно то же самое. Я буду говорить о сериалах не с точки зрения качества съемки или подбора актеров, а с точки зрения того, как в них функционируют некоторые философские идеи или концепты — в данном случае концепт «ненормального». Кроме того, теория дискурсов Мишеля Фуко

¹В качестве относительно недавних примеров отечественных исследований можно привести целые блоки статей в отечественных журналах, посвященные сериалам: «Теория большого сериального взрыва» (Логос, 2013, № 3), «„Игра престолов“ в социологической перспективе» (Социологическое обозрение, 2020, № 1), а также работы Натальи Самутиной, Арсения Хитрова, уже упомянутого Александра Павлова и т. д.

служит мне не только материалом для исследования, но и методологией, сквозь призму которой лучше видно все остальное.

Сразу оговорюсь, что не буду пересказывать сюжеты сериалов, которые упоминаю в качестве примеров, предполагая, что те, кто прочтет эту статью и заинтересуется, смогут сами посмотреть их и проверить, увидят ли они там то же, что и я.

Современные исследователи кино и медиа Томас Эльзессер и Мальте Хагенер в книге «Теория кино: глаз, эмоции и тело» задаются вопросами: где разворачивается действие фильма — в сознании зрителя или вне него? Кто или что рассказывает историю? Чью точку зрения мы в итоге разделяем? (Эльзессер и Хагенер, Афонин и др., 2016: 297) И шире — как связано кино с сознанием и мозгом?

Фильм — это в любом случае погружение в иллюзию, безобидное или не очень. Кино и телевидение могут менять (и формировать) представления человека о жизни, о нормах, о правильном и неправильном. Кино может быть вписано «в различные публичные дискурсы и идеологии с целью подчинить себе, трансформировать и исказить восприятие зрителей» (там же: 298). И интересно, что в эту категорию попадают не только откровенно пропагандистские или идеологизированные фильмы, но и те, которые принято называть культовыми.

Культовые фильмы знакомы нам, даже если мы их никогда не смотрели, в виде цитат или мемов, обитающих в массовой культуре, в других ее продуктах, которые отсылают к тому, что стало культовым. Их воздействие на зрителя не заканчивается после просмотра титров (там же: 299):

Эти объекты не исчезают, образно выражаясь, после просмотра, но продолжают существовать уже внутри нас, преследовать нас и оказывать влияние уже на равных с воспоминаниями о прошлом и личным опытом. Не являющиеся ни полностью внешними, ни творениями «взгляда разума» зрителя, фильмы оказываются сложнейшим образом вплетены во время, сознание и «я».

Если мы их смотрим, они оказываются не просто частью массовой культуры, с которой мы сталкиваемся, но элементом нашей идентичности.

В этой статье я не буду отдельно обращаться к анализу соотношения терминов «культовое»², «классическое» и «каноническое» применитель-

²О культовом (и *клевом*) кино и культовых сериалах совершенно замечательно пишет Александр Павлов во введениях к книгам, см.: Павлов, 2018; 2019; 2020.

но к современному кинематографу и сериалам. О каноне и классическом в кинематографе на русском языке есть прекрасная глава Натальи Самутиной «„Cult camp classics“: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе» в книге «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании» (Самутина, 2009). Она обратила особое внимание на то, что ключевое слово для кино как для средства решения различных адаптационных задач (о чем в моей статье речь пойдет ниже) — это «современность», и «все значения и ценности этой конструкции, та антропологическая модель, на которую кино ориентировано, те функции, которые оно в целом как культурный институт выполняет, изначально прямо противоположны конструкциям и значениям классического или даже шире, „традиции“, как они сложились к тому времени в литературе и изобразительном искусстве» (там же: 498). Кроме того, функционирование кинопродукции в качестве «национальной» классики также проблематично. Кино само по себе — массово, поэтому и оппозиция «классическое-массовое» здесь также не работает (там же: 505).

В случае же с канонем в кино сложность заключается в том, что в этой ситуации конструкции канонен предполагают высокую ценность образцов (имен), но подражание им порицается и отнюдь не приближает подражателя к классику. Те режиссеры, чьи фильмы составляют канон, должны быть уникальными творцами, создающими каждый раз нечто неповторимое и именно потому могущее стать культовым.

Таким образом, классика в кино, по мнению Самутиной, — «изобретенная классика» в смысле Хобсбаума, функционирующая благодаря системе внутренних норм, например жанровой специфике, в которой есть свои нормативные образцы («классика жанра») и современное состояние жанра, предполагающее возможность как следовать классическим образцам, так и их трансформировать.

Сегодня культовыми называют многие фильмы и сериалы, даже совсем новые, только что вышедшие, уже заранее предполагая по трейлерам, тематике, съемочной команде, что они таковыми будут. Гарольд Блум в «Западном каноне» отмечает, что формирование светского канона в литературе совершается

не критиками, не профессорами и уж точно не политиками. Писатели, художники и композиторы сами определяют каноны, наводя мосты между сильными предшественниками и сильными последователями (Блум, Харитонов, 2019: 599).

Если это и в самом деле так, то здесь скрывается одно из главных отличий между культовым кино в массовой культуре и культовыми романами: в случае с кино выбор невозможно сделать без участия зрителя, хотя не все фильмы, которые исследователи называют культовыми, любимыми публикой, остаются известными и популярными сколько-нибудь долгое время. Это известный факт, это печально, но пока нет мастеров, способных всегда безошибочно предугадывать вкусы зрителей. Также «культовый фильм» может быть легко сконструирован (Павлов, 2020: 28), и вообще культовым фильм может стать на самых разных основаниях: для определенной группы людей, в расчете на которую он был снят или которая его себе присвоила; из-за конкретного автора или ситуации, в которой фильм был снят и т. д. Критериев много, и они множатся — не существует сколько-нибудь устойчивого перечня культовых фильмов. Исследователи должны учитывать подвижность канона, и если мы понимаем его как некий устоявшийся перечень, то это будет все время пересматриваемый перечень, в который что-то постоянно добавляется и из которого что-то уходит (фильмы, считавшиеся тридцать-сорок лет назад культовыми, теперь могут быть известны только знатокам, любителям жанра и исследователям). Впрочем, для «изобретенной классики» это, видимо, нормально.

С сериалами дело обстоит еще сложнее, особенно учитывая, что та их часть, о которой я планирую говорить, снята меньше тридцати лет назад. Мне кажется интересным обратиться к сравнению романа и сериала как художественных феноменов со схожей спецификой функционирования и воздействия на публику.

Ева Рапопорт в замечательной статье «Логика сериала» задается интересным вопросом (Рапопорт, 2013: 22):

Является ли западный драматический сериал, каким он стал к середине нулевых, принципиально новым явлением на стыке телевидения и кино или же для его описания можно прибегнуть к некоторым аналогиям? Если, открыв «Эпос и роман» Бахтина, мысленно подставить на место романа сериал, при этом под эпосом подразумевая классический голливудский блокбастер, то можно поразиться точности и актуальности даваемых роману-сериалу характеристик³.

³Говоря о «романах-сериалах», невозможно не упомянуть интересное исследование Ирины Каспэ «Классика и коллективный опыт: литература и телесериалы» (Каспэ, 2009),

Далее исследовательница пишет, что на заре своего существования роман не считался достойным литературным жанром, а наш век, хоть и называется сейчас «веком сериалов», все еще оставляет их в контексте массовой культуры. В период же расцвета романной культуры, пришедшийся на XIX век, романы служили важным источником знания о мире и средством социализации, особенно для аристократической части молодежи. Современные сериалы так называемого «горизонтального» типа (когда сюжет развивается от эпизода к эпизоду, в отличие от «вертикального», когда каждый эпизод представляет собой законченное повествование) походят на классический роман воспитания, когда не только герой (персонаж) развивается, но и читатель (а сейчас — зритель) воспитывается и усваивает новое благодаря тому, что ему демонстрируют образцы должного и недолжного морального поведения. Разумеется, зло должно быть наказано. И к этому мы еще вернемся.

В XX веке основным средством «познания жизни» для очень многих людей стало телевидение: оно давало им знание о той части жизни, с которой они вряд ли когда-нибудь соприкоснулись бы в своей повседневности. Кроме того, телевидение транслирует определенные ценности, нормы, образ жизни и идеологию. Еще Герберт Маркузе в «Одномерном человеке», критикуя общество потребления, писал, что современное ему общество неспособно защитить частную жизнь человека от этого вторжения даже в стенах его собственного дома — и потому не является свободным. Маркузе писал (Маркузе, Юдин, 1994: 294):

Отключение телевидения и подобных ему средств информации могло бы, таким образом, дать толчок к началу того, к чему не смогли привести коренные противоречия капитализма, — к полному разрушению системы.

И, разумеется, такая ситуация стала бы невыносимым кошмаром, «катастрофой», потому что сформированным с помощью рекламы и телевидения убеждениям сложно найти замену — для этого необходимо самостоятельное мышление, которому современному человеку неоткуда научиться.

Впрочем, нас интересует не марксистская критика телевидения (и сериалов), а то, что сериальная культура имеет дело со «ставящейся современностью, незавершенным настоящим» (Рапопорт, 2013: 23). Важно, что в сериалах стало возможным демонстрировать не только героику,

посвященное тому, как произведения отечественной литературы адаптируются в теле- и киноверсиях, транслируя коллективный читательский опыт.

постоянное действие, но и повседневную жизнь персонажей, размышления и остановки сюжета, которые прежде были возможны только в артхаусном кино. В сериалах для этого достаточно экранного времени, в них можно выдержать соответствующий темп повествования и есть все возможности для раскрытия характеров персонажей со всех возможных сторон. И значимо, что героем подобного повествования часто бывает не «герой», то есть не великий человек, а не однозначно хороший в этическом смысле персонаж, с которым зритель может легко себя ассоциировать.

Одним из интереснейших примеров того, кого мы можем встретить в сериале, Рапопорт называет трикстера (Рапопорт, 2013: 25). Она пишет, что трикстер отличается от просто эксцентричного персонажа тем, что его история начинается с непонимания (и, добавлю от себя, неприятия) принципов и норм общественной жизни. Безусловно, такой персонаж, сама природа которого предполагает, что он взламывает социальные нормы, полезен, привлекателен и удобен для демонстрации самого разного рода социальных идей, которые хотят донести до нас авторы сериалов.

И здесь мы вплотную подбираемся к интересующей нас теме — к сериалам, в которых показан научный процесс распознавания и поимки «маньяков», то есть людей, совершающих серийные преступления насильственного характера, и к тому, чем они отличаются от других фильмов и сериалов такого типа.

Рапопорт пишет, что «остроумным примером истории социализации» является Декстер (там же: 26):

Психопат тоже может служить метафорой трикстера, так как он не живет по законам общества, попросту их не понимает, не имея возможности, что называется, их прочувствовать. Полноценным трикстером и источником информации о правильных образцах делает его безусловное желание в это общество все же вписаться. На примере Декстера можно говорить о приеме отстранения, позволяющем в рамках сериала обсудить вопросы, всем вроде бы известные и очевидные.

Среди сериальных маньяков-убийц действительно можно найти достаточное количество персонажей такого типа — Декстер, Джокер, Джек-Потрошитель, Ганнибал Лектор, Норман Бейтс, Джо Кэрл и т. д., — что делает их интересными, а не просто пугающими.

Осторожно предположу, что в сериалах, где основное место отводится научной стороне вопроса и размышлениям о природе тех психических

отклонений, которые меняют человеческую природу и тем самым делают человека убийцей и маньяком, оставляя его при этом вменяемым, (например, в сериалах «Мыслить как преступник», «Дес», «Крах», «Охотник за разумом», «Алиенист», «Бесит быть нормальным») условный психопат или социопат, маньяк и потенциально опасный человек не подобен трикстеру. Вся логика повествования ведет к тому, чтобы «нормализовать» его существование и присутствие в обществе, которое вообще-то не может считаться нормальным. Маньяк — это не тот, кто не понимает социальные нормы, это тот, кто осознанно преступает их. Трикстер может разрушать стереотипы, социальные и культурные нормы, его поведение может быть экстремальным выражением эксцентричности, однако его сущность, основная часть его натуры — не преступные наклонности. Трикстер отличается от других людей, он, вероятно, и хотел бы быть обычным, но не может. Маньяк же, в отличие от него, во всем остальном ведет нормальную жизнь и может быть вполне успешно социализирован, имитируя поведение и привычки обычного человека. Кроме того, его невозможно использовать в качестве назидательного примера.

Поэтому я считаю, что психопаты и серийные убийцы в сериалах — это не трикстеры. И когда в кино или сериале на месте трикстера мы видим маньяка, это происходит благодаря науке, которая «нормализовала» их присутствие. В определенном смысле трикстер — это персонаж из другой вселенной, из мифологии, а не из научного (психиатрического, медицинского) дискурса.

Чтобы пояснить сказанное, необходимо обратиться к тому, каким образом в науке и философии исторически сформировалось понятие «ненормального», и здесь нам пригодятся работы Мишеля Фуко, в частности курс лекций, опубликованный под общим названием «Ненормальные». В них он рассказывает о генезисе современных структур власти, в рамках которых психиатрия становится одним из важнейших властных институтов — идеологических аппаратов государства по Альтюссеру.

Фуко анализирует так называемого «ненормального» — персонажа, появившегося на стыке медицинского, правового, полицейского и властного дискурсов к концу XIX века, — отличая его от безумца. Ненормальный — это социальный конструкт, это новый Другой, потенциально опасный, требующий не просто изоляции, но некоего корректирующего воздействия. Его необходимо отличать от безумца и уroda, которых

знали и античность, и средневековье, и от так называемого «неисправимого индивида», о котором Фуко писал в «Истории безумия в классическую эпоху».

Если безумец, сумасшедший, известный предшествующим эпохам, мог быть назван трикстером, который взламывает социальные нормы, не подпадает под них и может быть исключен из общества (или существует легитимная часть его в виде шута или объекта насмешек), то ненормальный — это тот, кто должен быть принудительным образом «нормализован» за счет постановки диагноза и применения последующих полицейских и медицинских процедур и исправительных практик. Он Другой, не изгой, его нужно не уничтожить с помощью кровавой и зрелищной казни, не изгнать, а изучать и контролировать, наблюдая и фиксируя различные духовные (душевные) и телесные проявления его искаженной природы. Власть знания — это искусство, которое и создает этого персонажа в социально-правовом поле, находя, фиксируя, определяя, классифицируя и по возможности — нормализуя. Ненормальный — это тривиальный, банализированный монстр, как говорит Фуко (Фуко, Шестаков, 2005: 81), и поле его возникновения — это юридическо-биологическая область. Монстра необходимо отличать и от уроды, который также представляет собой то, что попирает естественный порядок (там же: 88). Однако он остается частью этого порядка, его существование — это отклонение от природы, в то время как монстр, который конструируется в рамках нового медицинского и психиатрического дискурсов, — это то, что обладает собственной природой, которую необходимо исследовать, чтобы понять и что с ним делать, и почему он возникает. «Неисправимый индивид» — это тоже не ненормальный (там же: 81–82):

Референтное поле исправимого индивида имеет гораздо более узкие границы: это семья в регламенте ее внутренней власти или в ее экономическом распорядке или, самое большее, семья во взаимоотношении с институтами, которые соседствуют с нею или подпирают ее. Исправимый индивид возникает в той игре, в том конфликте, в той опорной системе, которая существует между семьей и школой, мастерской, улицей, кварталом, церковным приходом, полицией и т. д. Это обрамление и формирует то поле, в котором появляется исправимый индивид. [...] Прежде всего важно следующее: поскольку исправимый индивид очень распространен, поскольку он совсем рядом с правилом, его всегда очень трудно определить. С одной стороны, это своего рода семейная, повседневная данность, в результате которой такого индивида легко распознать сразу, и чтобы распознать его, не требуется улик —

настолько он обычен. Поскольку же улик нет, никак невозможно на деле продемонстрировать, что индивид неисправим. Он ровнехонько на границе некалфицируемой. На него нет нужды собирать улики, и его невозможно изобличить. Такова первая двусмысленность. Вторая двусмысленность исправимого заключается в том, что подлежащий исправлению оказывается подлежащим исправлению постольку, поскольку все техники, все процедуры, все обиходные и внутрисемейные укротительные меры, с помощью которых его пытались исправить, не возымели действия. Выходит, что исправимый индивид определяется тем, что он неисправим.

Это тот человек, которого семья, не могущая с ним справиться, отправляла в исправительное учреждение, где он оказывался как бы «вне закона».

«Ненормальный» же — это преступник, совершающий общественно опасное деяние, нарушающий общественный договор и моральные нормы. Но для того, чтобы опознать его в качестве такового, необходима экспертиза — судебно-медицинская, психиатрическая. И в этот момент для судопроизводства становится очень важным научный дискурс. Экспертиза, отмечает Фуко, способна «прямо или косвенно влиять на решение суда» (Фуко, Шестаков, 2005: 26), а значит, она имеет власть над жизнью и смертью человека. Власть эту медицинский и психиатрический дискурсы получают благодаря тому, что в дискурсе правосудия они функционируют как дискурсы истины (власть знания), и в настоящее время они стали частью повседневной рутины уголовного права.

Фуко говорит (там же: 37):

Экспертиза позволяет совершить переход от поступка к поведению, от преступления к образу жизни и представить образ жизни как нечто тождественное самому преступлению, только, так сказать, обобщенно выраженное в поведении индивида.

Она позволяет сформировать

этико-психологический дубликат преступления. То есть делегалить правонарушение в том виде, в каком оно предусматривается законом, и выявить за ним его двойника, который похож на него как брат — или сестра, уж я не знаю, — и который, собственно говоря, представляет собой уже не правонарушение в юридическом смысле этого термина, а несоответствие некоторому числу физиологических, психологических, моральных и тому подобных правил (там же: 38).

И тем самым — определить то, *чем* является преступление, сделать его видимым. Без эксперта правосудие не знало бы, что имеет дело с ненормальным.

Повторюсь, экспертиза создает его, и игнорировать его существование дальше невозможно, с этого момента с ним обращаются как с реально существующим. Появляется «криминальность» как характеристика, преступный субъект как личность, а не просто как человек, в какой-то момент совершивший правонарушение, а также врач-психиатр, который становится судьей, определяющим, подпадает ли тот или иной преступник под определение «ненормального». Он изучает умственные отклонения, то, насколько индивид опасен, будет ли он восприимчив к наказанию, а также исправим ли он и может ли он быть реабилитирован (Фуко, Шестаков, 2005: 47).

Иными словами, заботу о преступном индивиде отныне берет на себя техника нормализации. Этому-то замещению юридически ответственного индивида элементом, коррелятивным технике нормализации, этой-то трансформации и способствовала, наряду с многими другими средствами, психиатрическая экспертиза (там же: 48).

Определяя безумие, говорит Фуко, мы определяем и разум. Становление психиатрического дискурса формирует и пациента, и врача-эксперта.

С обоими этими персонажами мы встречаемся в тех сериалах про маньяков, которые построены с использованием данных современной науки — той ее части, которая занимается изучением преступников с различными психическими отклонениями. И я предлагаю посмотреть, что любопытного мы там можем увидеть.

Во многом интерес к безумию, маниям и маниакальному связан с феноменом так называемого «эмоционального туризма» — желанием посмотреть, как все может быть ужасно, и вернуться обратно к привычной и спокойной жизни. Это развлечение (вероятно, это слово лучше было бы взять в кавычки) того же рода, что и посещение публичных казней, гладиаторских боев или экскурсий в старые тюрьмы или лечебницы для душевнобольных, так красочно описанные Фуко, — безопасное удовольствие, позволяющее пощекотать нервы, но не таящее в себе реальной опасности. Зритель понимает: все это «только кино», и даже если сюжеты «основаны на реальных событиях», то знание жанровой специфики

помогает помнить, что злодей будет пойман и наказан, а если не этот конкретный и не в этот раз, то в следующий точно (в следующей серии).

Однако в европейском и американском кино за последние двадцать – двадцать пять лет появилось достаточное количество сериалов, в которых нет привычного противопоставления протагониста и антагониста: персонажа — носителя власти (детектива, сыщика, полицейского, журналиста, «неравнодушного гражданина за правду») и преследуемого им маньяка — некоего абсолютного зла, воплощенного в ужасной, вызывающей омерзение фигуре, не вполне человеческой. Очень популярной стала идея «банальности зла»: злодей стал изображаться как обычный человек, который в промежутках между совершениями своих ужасных преступлений может вести обычную жизнь, вызывать симпатию у друзей, семьи и знакомых и вообще ничем не отличаться от обычных людей. Он даже может иметь собственную развитую систему моральных норм, в которую вполне впишется то, что он совершает. И мы не всегда сможем сходу найти пробелы в его логике.

В качестве только самых ярких примеров можно привести:

- ◇ бесконечную череду маньяков, которые незаметны среди обычных жителей больших и маленьких городов США и с которыми сталкиваются следователи-профайлеры из сериала «Мыслить как преступник», — его сюжеты основаны на реальных событиях;
- ◇ обычного работника бюро по трудоустройству, героя книги Брайена Мастерса «Убийство за компанию» и сериала «Дес» Денниса Нильсена — реального человека;
- ◇ судмедэксперта из Майами Декстера Моргана («Декстер») — вымышленного персонажа;
- ◇ психолога и работника кризисного центра в Белфасте Пола Спектора («Крах») — вымышленного персонажа;
- ◇ многочисленных убийц и серийных насильников, которых изучал специальный агент ФБР Джон Дуглас, автор книги «Mindhunter» (она легла в основу одноименного сериала) и десятка других, придумавший то, что в сериалах называется «профилированием» — profiling (к нему мы еще вернемся);
- ◇ одного из самых известных и пугающих персонажей среди американских злодеев-интеллектуалов, героя романов Томаса Харриса, фильма «Молчание ягнят» и сериала «Ганнибал» знаменитого доктора Лектера — вымышленного персонажа, прототипами которого были Тед Банди и Гэри Хейдник.

Этих персонажей (не только их, конечно, подобных сериалов и фильмов становится больше с каждым годом) и их истории объединяет то, что их характеры, поступки, а также способы их распознавания и поимки предполагают не только чисто полицейские методики, но и привлечение данных психологии и психиатрии, а также относительно новой науки, которую один из ее основателей Джон Дуглас, упомянутый выше, называл *профилированием*. Сейчас этот термин встречается во многих американских и европейских популярных сериалах (самые удачные примеры — «Мыслить как преступник» и «Mindhunter»), но придуман он был в конце семидесятых годов прошлого века в качестве нового метода поимки серийных преступников, совершавших насильственные преступления.

Профилирование (*profiling*) — это составление психологического портрета человека, исходя из совершенного им преступления. Это набор достаточно общих характеристик, которые описывают возможные прошлые травмы субъекта анализа, особенности воспитания, характера, пол (гендер), расу, возраст, сексуальные предпочтения, возможные места работы и т. д. На их основании полиция и ФБР (Дуглас работал и с теми, и с другими) могут сузить круг возможных подозреваемых в совершении преступления. Кроме того, и это не менее интересно, профилирование может помочь объяснить причины совершения преступлений — не просто мотив, а те особенности личности преступника, которые сделали его убийцей.

Джон Дуглас работал в отделе поведенческого анализа ФБР с 1977 года и разрабатывал методики исследования людей, совершивших «громкие» серийные преступления: изнасилования, убийства, сопровождающиеся различными манипуляциями, описание которых не входит в задачи моей работы. Основными методами исследования были сбор всей известной информации о субъекте (в основном из полицейских и судебных отчетов, но не только), а также длинные интервью по предварительно разработанным опросникам, которые менялись и совершенствовались в ходе исследования. Его интересовало, почему они это делают, как воспринимают содеянное, как формулируют воспоминания, возвращаются ли к этим событиям в своих воспоминаниях, почему вообще пошли на это и что происходило в их головах в эти моменты (Дуглас и Олшейкер, Богданов, 2021: 17), а также могло ли что-то повлиять на выбор жертвы, изменить решение или вызвать раскаяние. Дуглас писал, что это были первые попытки использовать источник информации, на который раньше не обращали внимания, — самих преступников (там же: 21). Это

требовало долгих часов глубинных интервью, установления личного контакта, иногда — выражения сочувствия, демонстрации понимания, искреннего, поскольку ложь и фальшь его собеседники сразу бы почувствовали:

«Вот, что вы получаете, проводя огромное количество времени в тюрьмах и исправительных учреждениях, сидя напротив заключенных и слушая их реальные истории. Затем вы приступаете к собиранию частей головоломки воедино. Само преступление начинает говорить с вами. И как бы это ужасно ни звучало — это то, что вам нужно сделать, чтобы добиться успеха.» (*Перевод мой — М. М.*)⁴.

После этого приходит не столько интеллектуальное, сколько интуитивное понимание, «прочувствование», переживание произошедшего так, как будто аналитик сам находился на месте преступника. Дуглас часто упоминает, что «это было ужасно», «это было невыносимо трудно сделать»: «Я рассказываю вам не голливудскую версию, приукрашенную и дезинфицированную, и на самом деле это хуже, чем я это описываю»⁵. Это было жутким и мучительным опытом для психически здорового человека, не склонного к совершению подобных преступлений. Однако это было необходимо не только для научных изысканий, но и для того, чтобы составлять классификации и руководства для поимки новых преступников. Обычно, пишет Дуглас, для успешного процесса и вынесения приговора в деле об убийстве нужны были либо неопровержимые улики (судебно-медицинской экспертизы), либо показания свидетелей или признания обвиняемого, либо очень веские косвенные улики. Теперь же благодаря их работе у полиции и прокуроров появилась «еще одна стрела в колчане». Роль экспертов-профайлеров становилась все более важной на всех этапах полицейской работы. Все лучшее понимание психологии маньяков способствовало тому, чтобы более эффективно ловить их⁶.

⁴ «This is what you get from spending hours in the prisons and penitentiaries, sitting across the table, listening to the actual stories. After you've heard from them, you begin to put the pieces together. The crime itself begins to talk to you. As horrible as it sounds, this is what you have to do to be effective» (Douglas, Olshaker, 1995: 301).

⁵ «This isn't the Hollywood version. It isn't sanitized or prettied up or rendered into 'art'. This is the way it really happens. If anything, it's worse than the way I describe it» (ibid.: 298)

⁶ «Traditionally, to get a successful prosecution and conviction in a murder case, you've needed conclusive forensic evidence, eyewitness accounts or a confession, or good, strong circumstantial evidence. Now, from our work in behavioral profiling from crime scenes and signature analysis, there is another arrow in the police's and prosecution's quiver. In and of

Я так подробно останавливаюсь на этом процессе, потому что, на мой взгляд, здесь мы видим примерно то, что описывал Фуко в «Ненормальных», — реконструкцию личности преступника (и одновременно — опознавание его, конструирование, выделение из общей массы людей, совершивших тяжелые насильственные преступления) вместе с появлением фигуры эксперта. Дуглас и его коллеги не были специалистами в профайлинге, когда начинали им заниматься, — даже термина такого еще не было. Они на ходу, в процессе работы (интервью с преступниками, общения с коллегами-агентами, полицейскими и психологами) придумывали методики исследования, правила проведения интервью, обобщали результаты, писали книги, получали фидбэк, использовали результаты для поимки других преступников, которых затем также исследовали, и т. д.

На момент начала их работы не было ни экспертов, ни, собственно, маньяков. Вернее, физически они, конечно, существовали, но не в качестве объектов специального исследования, выделяясь разве что своей жестокостью и отчаянной, вызывающей нелогичностью своих злодеяний, которая не была понята и зачастую мешала их поимке. В процессе изучения обе стороны обретали дискурсивную определенность, обрастали характеристиками, уточнялись их природа, специфические черты, привычные практики и т. д.

Дуглас писал, что необходимость в их работе была обусловлена тем, что во второй половине XX века в США менялась сама природа насильственных преступлений: их становилось больше, и некоторую их часть сотрудники правоохранительных органов просто не могли понять. В них не было подозреваемых, а те, кого потом ловили, никак не были связаны с жертвами, в их действиях не было явного мотива, а жестокость и странность пугали и не давали возможности разобраться в них. Никто просто не понимал, что это было, зачем. В тех случаях, когда виновные были явно психически больны, дело было несколько проще, можно было списать все на расстройство психики. Но многие из них были ужасающе нормальны во всем остальном — ну или, по крайней мере, не были более странными, чем остальные люди. В итоге на вопрос «почему» ответа так и не находилось. А значит, и возможности предотвратить что-то

itself, it's not usually enough to convict. But taken together with one or more of the other elements, it can often link various crimes together and be just what is needed to put a case over the top. Serial killers play a most dangerous game. The more we understand the way they play, the more we can stack the odds against them» (Douglas, Olshaker, 1995: 209).

подобное или увидеть схожие черты в других преступлениях и раскрыть их не было тоже. Язык, который мы не различаем за общим шумом, мы не узнаем, услышав снова. Это различие необходимо было произвести.

И, разумеется, сказанное не означает, что серийных убийц не было в прежние времена — но мы знаем о них намного меньше, чем могли и хотели бы, ведь у нас не было таких прекрасных методов исследования.

Дуглас несколько раз упоминал, что работа профайлеров позволяет раскрыть истинную личность преступника. Это предполагает, что, во-первых, она может быть скрыта от глаз наблюдателя, который не знает, на что именно нужно смотреть, во-вторых, что сам преступник может не быть в полной мере осведомлен о своих мотивах и желаниях (не хотя признаваться себе в них или не имея слов, чтобы их выразить), а в-третьих, что эксперты, проведя исследование, получают знание о ней. И не только знание, но и власть эксперта, классификатора, того, кто участвует в определении меры и наказания. Это происходит абсолютно в логике Фуко.

Но Дуглас говорит и о другой власти — того, кто действительно понимает, «что и почему тогда произошло». Заключение, писал он, иногда начинали слушать его с особенным вниманием, и он понимал, что наткнулся на что-то действительно важное, понял что-то, что они до того не рассказывали никому. Иногда это оказывалось что-то, что мешало им совершить очередное убийство, иногда — то, что заставляло чувствовать неловкость и раскаяние, часто — что-то болезненное или травмирующее. Это был тот ключевой кусочек пазла, который позволял составить истинную картину произошедшего, но для его получения аналитику необходимо было на некоторое время стать тем, кто совершил множественные убийства или другие ужасные вещи. В этом был большой элемент риска, потому что не все могли справиться с подобной нагрузкой. Дуглас писал, что единственный способ поймать маньяков — это научиться думать как они. Стать ими на какое-то время. Пройти вместе с ними весь путь от осознания желания или потребности до их реализации.

То же самое необходимо проделать и с жертвой. Только когда у нас есть твердое представление о том, как конкретная жертва отреагировала бы на ужасные вещи, которые с ней или с ним происходили, мы можем по-настоящему понять поведение и реакцию преступника.

За годы своей работы Дуглас (один или в соавторстве) написал приличное количество книг (многие из них переведены на русский язык), выступал на радио и телевидении, участвовал в разработке образовательных программ. Собственно, он был одним из тех экспертов в понимании Фуко, кто «создал» маньяка-серийного убийцу, хорошо знакомого нам по фильмам и сериалам: увидев некие повторяющиеся особенности в некоторых преступлениях («способ» или «почерк»), он смог выделить их из общей массы людей, совершающих тяжелые насильственные преступления, а в дальнейшем изучать их и классифицировать.

Сейчас, спустя сорок лет после начала их с коллегами работы, словосочетание «отдел поведенческого анализа ФБР» знакомо, наверное, каждому, кто любит смотреть полицейские сериалы и сериалы про маньяков. Идеи первых специалистов по профайлингу прочно вошли в популярную культуру, использовались при написании романов, серий книг, разработке сценариев для фильмов и сериалов, и в конце концов по самой книге «Mindhunter» сняли сериал о том, как в ФБР создавался отдел по исследованию и поимке серийных убийц, где прототипом главного героя стал сам Дуглас. Он же, кстати, был основным прототипом детектива Джека Кроуфорда из «Молчания ягнят», Уилла Грэма из сериала «Ганнибал», а также для агентов Джейсона Гидеона и Дэвида Росси из «Мыслить как преступник». Экспертное знание прочно проникло в массовую культуру и оказалось там востребовано.

Образы, которые мы встречаем на страницах книг Дугласа и его постоянного соавтора Марка Олшейкера, описания работы профайлеров, маркеры поведения, характеристики и типология серийных убийц воспроизводятся в сериалах практически дословно — с поправкой на жанровую специфику, не предполагающую долгих монологов-пояснений. Я думаю, что любители сериалов этого типа в описаниях работы профайлеров увидели много знакомого.

Кроме того, необходимо отметить еще кое-что очень важное. Возвращаясь после всего сказанного о Фуко, дискурсах, профайлинге и сериалах к сравнению трикстера и психопата, мы видим еще одно очень значимое различие, которое очевидно именно при анализе сериалов про серийных преступников. Как уже было сказано ранее, трикстер в сериалах — это наследие мифологии (или вполне сознательное обращение к ней, как, например, во вселенной Marvel). Мифология описывает законы его существования, развития и возможные варианты завершения его истории.

Серийный убийца, маньяк — это продукт научного дискурса, перенесенный в массовую культуру — в кино, а затем в сериалы. И чем больше в них науки, тем меньше он похож на трикстера. Надеюсь, я смогла продемонстрировать, что у этого персонажа другие истоки происхождения, что он «из другого канона». За саму возможность его появления в массовой культуре ответственна не мифология, а наука и философия. Его присутствие там нормально — вернее, нормализовано.

И зрителям, которые просто любят сериалы про маньяков, теперь можно не только смотреть на ужасное, но и наблюдать за тем, как его разбирают на составные элементы, классифицируют, как вешают на него ярлыки и помещают его на отведенное ему место. Это делает мир понятнее и немного успокаивает. Маньяки, серийные убийцы, другие люди, совершающие жестокие и ужасные преступления, — теперь это не просто проявление чего-то монструозного, не поддающегося описанию и поимке. Даже если мир полон ужасных людей, это понятный ужас, поименованный и потому кажущийся более безобидным. Терапевтическая функция массовой культуры, а также ее задача по оформлению картины мира снова выполнены.

ЛИТЕРАТУРА

- Блум Г.* Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонов. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Дуглас Д., Олшейкер М.* Убийца сидит напротив : как в ФБР разоблачают серийных убийц и маньяков / пер. с англ. С. Богданова. — М. : Эксмо, 2021.
- Каспэ И. М.* Классика и коллективный опыт : литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 452–489.
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
- Маркузе Г.* Одномерный человек / пер. с англ. А. Юдина. — М. : «REFL-book», 1994.
- Павлов А. В.* Бесславные ублюдки, бешеные псы. Вселенная Квентина Тарантино. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Павлов А. В.* Престижное удовольствие. Социально-философские интерпретации «сериального взрыва». — М. : Рипол Классик, 2019.
- Павлов А. В.* Расскажите вашим детям : сто двадцать три опыта о культовом кинематографе. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Рапопорт Е.* Логика сериала // Логос. — 2013. — Т. 93, № 3. — С. 21–36.

- Самутина Н. В. «Cult Camp Classics» : специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 490–536.
- Фуко М. Ненормальные : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. — СПб. : Наука, 2005.
- Эльзессер Т., Хагенер М. Теория кино. Глаз, эмоции, тело / пер. с англ. С. Афонина, И. Кушнаревой, В. Лукина. — СПб. : Сеанс, 2016.
- Douglas J. E., Olshaker M. Mindhunter : Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit. — New York, London : Scribner, 1995.

Marey, M. D. 2022. “Man'yak iz sosednego kanona [Maniac From the Adjacent Canon]: kak nauka normalizuyet kul'tovoye zlo [How Science Normalizes Cult Evil]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 148–167.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY; EXECUTIVE SECRETARY

“PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS” (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9251-4399

MANIAC FROM THE ADJACENT CANON HOW SCIENCE NORMALIZES CULT EVIL

Submitted: Apr. 15, 2022. Reviewed: Apr. 26, 2022. Accepted: May 22, 2022.

Abstract: This article is devoted to studying cinematic images of serial criminals in a series of relevant topics: those where scientific and quasi-scientific methods, which are in Russian called “profiling”, are used to calculate and catch them. Assuming that cinema and television can change (and shape) a person’s ideas about life, norms, about right or wrong, and proper and improper behaviour, the author refers to the comparison of the novel and the series as artistic phenomena with similar specifics of functioning and impact on the public. Further, the author compares the trickster and the maniac (psychopath or sociopath) found in the research literature and shows why this comparison is incorrect. Based on Foucault’s discourse theory and his research of the concept of “abnormality”, the author focuses on the history of this concept in science and philosophy. Also, she stresses how the figure of an expert (criminologist, psychiatrist, doctor) arises and is conceptualized along with clarification of characteristics he is researching. Analyzing John Douglas’ works, the author concludes that researchers who are now called profilers can be considered “experts” in the sense that Foucault wrote about it. They described the characteristics of a serial killer maniac, well known to us from films and TV shows. In the future, the images of serial criminals were built into account the data of modern science.

Keywords: Serials, Maniacs, Foucault, Abnormality, Canon, Science, Profiling, Trickster.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-148-167.

REFERENCES

- Bloom, H. 2019. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen [The Western Canon. The Books and School of the Ages]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Kharitonov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Douglas, J. E., and M. Olshaker. 1995. *Mindhunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit*. New York, London: Scribner.
- . 2021. *Ubiytca sidit naprotiv [The Killer Across the Table]: kak v FBR razob-lachayut seriynykh ubiyts i man'yakov [Unlocking the Secrets of Serial Killers and Predators with the FBI's Original Mindhunter]* [in Russian]. Trans. from the English by S. Bogdanov. Moskva [Moscow]: Eksmo.
- Elsaesser, Th., and M. Hagen. 2016. *Teoriya kino. Glaz, emotsii, telo [Film Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by S. Afonin, I. Kushnareva, and V. Lukin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Seans.
- Foucault, M. 2005. *Nenormal'nyye [Les Anormaux]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu [(1974–1975)]* [in Russian]. Trans. from the French by A. V. Shestakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Kaspe, I. M. 2009. “Klassika i kollektivnyy opyt [Classics and Collective Experience]: literatura i teleserialy [Literature and Television Series]” [in Russian]. In Savel'yeva and Poletayev 2009, 452–489.
- Marcuse, H. 1994. *Odnomernyy chelovek [One-Dimensional Man]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Yudin. Moskva [Moscow]: “REFL-book”.
- Pavlov, A. V. 2018. *Besslavnyye ublyudki, beshenyye psy. Vselennaya Kventina Tarantino [Inglourious Basterds, Reservoir Dogs. Quentin Tarantino's Universe]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom “Delo” RANKhiGS.
- . 2019. *Prestizhnoye udovol'stviye. Sotsial'no-filosofskiy interpretatsii “serial'nogo vzryva” [Prestigious Pleasure. Socio-Philosophical Interpretations of the “Series Boom”]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ripol Klassik.
- . 2020. *Rasskazhite vashim detyam [Tell Your Children]: sto dvadtsat' tri opyta o kul'tovom kinematografe [One Hundred and Twenty-Three Essays on the Cult Cinema]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Rapoport, Ye. 2013. “Logika seriala [The Logic of TV Series]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 93 (3): 21–36.
- Samutina, N. V. 2009. ““Cult Camp Classics’: spetsifika normativnosti i strategii zritel'skogo vospriyatiya v kinematografe [Specifics of Normativity and Strategy of Spectator Perception in Cinematography]” [in Russian]. In Savel'yeva and Poletayev 2009, 490–536.
- Savel'yeva, I. M., and A. V. Poletayev, eds. 2009. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

Ксения Романенко*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНОНА, ВОРЬБА С КАНОНОМ, ПЕРЕСОЗДАНИЕ КАНОНА КАК ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ФАНФИКШНА**

Получено: 18.02.2022. Рецензировано: 12.04.2022. Принято: 21.05.2022.

Аннотация: Для понимания трансформации канонов, борьбы с канонами, обсуждения канонов продуктивно исследовать фанфикшн — особую читательскую, зрительскую и авторскую практику, в рамках которой активно создаются непрофессиональные и некоммерческие тексты, основанные на сюжетах и героях чужих произведений. Фанфикшн устроен парадоксально: он зиждется на специфичном каноне — коллективно отобранных кино- и литературных текстах, — движется поклонением, эмоциональной привязанностью и вниманием, при этом изначально работает как борьба с каноном, критика канонов и изменение канонов. Канон — не только исследовательское понятие, но и внутрикультурное обозначение авторами фанфикшна исходного произведения, на основе которого будет написан фанатский текст. Фанаты создают и собственный канон — фанон, совокупность характерных сюжетных решений и способов изменения персонажей, устоявшихся в фанфикшне. В статье рассматриваются пересечения канона высокой и массовой культуры, национального литературного канона, а также канона и фанона в понимании фанатов с разными типами отношения к канонам: распадом, трансформацией, борьбой, пересозданием. Аргументация выстраивается на основе критического анализа исследовательской литературы о фанфикшне с акцентом на метафорах, помогающих авторам описать отношения авторов фанфикшна — фикрайтеров — с канонами, и на опыте эмпирических исследований фанфикшна по произведениям массовой культуры (книжной и киносерию о Гарри Поттере, сериалу «Доктор Кто», сериалу «Шерлок» и другим), фанфикшну и сиквелам к романам британской писательницы XIX века Джейн Остен и фанфикшну по русской классической литературе.

Ключевые слова: фанфикшн, фанатские практики, культурные иерархии, культурные сообщества, литературный канон, школьный литературный канон.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-168-188.

ВВЕДЕНИЕ: ФАНФИКШН И РАСПАД КАНОНА

В финале сериала «Локи» (англ. «Loki», 2021, Disney+), входящего в так называемую вселенную Marvel, главный герой Локи, бог-трикстер,

*Романенко Ксения Романовна, магистр культурологии, кандидат наук об образовании, доцент, Институт образования НИУ ВШЭ (Москва), kromanenko@hse.ru, ORCID: 0000-0001-8037-9142.

**© Романенко, К. Р. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

достигает сюжетного хода, «канонического» или соответствующего формуле приключенческой истории по Джону Кавелти и узнаваемого хоть по структуре компьютерной игры, хоть по морфологии волшебной сказки Владимира Проппа. В финале истории герой должен встретиться с главным злодеем, победить его и вернуться домой изменившимся. То ли побеждая злодея, то ли, наоборот, поддаваясь на его хитрость (о значении события авторы расскажут в следующих сезонах, а во время их ожидания зрителям остается лишь фантазировать и предлагать свои варианты), герой запускает мультивселенные, альтернативные реальности, отклонения от единой временной линии. Визуально это ветвящиеся и переплетающиеся цветные потоки, которые означают, что теперь в пространстве Marvel — одном из самых популярных объектов фанатской любви — нет единого правильного объяснения какого-либо события или каноничного образа персонажа.

Все действие сериала могущественная организация, заложником которой оказался Локи, пыталась сохранить единственно верную временную линию и правильный ход вещей, а нарушителей — «вариантов» — жестоко уничтожала. Однако под конец истории желаемый канон распался. На мой взгляд, это отличная метафора как распада канона — дисциплинарного ли, литературного, — так и фанфикшна (англ. fan fiction — фанатская литература), бесконечных фанатских продолжений и альтернатив к сюжетам известных фильмов, сериалов, книг и игр. Отношениям этих двух феноменов — меняющегося канона и фанфикшна — посвящена эта статья.

В дискуссиях о каноне я прежде всего буду иметь в виду литературный канон. Однако в условиях современной конвергентной культуры и трансмедийного сторителлинга (термины Генри Дженкинса, введенные в работе 2006 года «Convergence Culture: Where Old and New Media Collide»), при которых происходит взаимопроникновение разных жанров и средств коммуникации, может быть трудно разделить закрепленное в каноне литературное произведение, его адаптацию, дальнейшую критику и рецепцию, воплощенные в новых литературных образцах и так далее, поэтому в ряде случаев я буду употреблять понятие «культурный канон» расширительно к литературному. Я не буду принципиально касаться вопросов вкуса, культурной ценности и литературного новаторства. Литературный канон в этой работе я рассматриваю как институциональный феномен, как вопрос коллективной договоренности и «инструмент социального контроля» по Джону Гиллори (Guillory, 1993), закрепленный через системы образования.

Для понимания трансформации канонов, борьбы с каноном, обсуждения канонов я предлагаю рассмотреть феномен фанфикшна в силу специфического положения этой практики в пространстве культурных иерархий. Под фанфикшном, фанатской литературой, понимается особая читательская, зрительская и авторская практика, благодаря которой создаются непрофессиональные и некоммерческие тексты, фильмы и рисунки, основанные на сюжетах и образах героев из книг, фильмов, комиксов, сериалов, биографий знаменитостей. Одновременно фанфикшн стоит понимать как корпус текстов, написанных в рамках этой практики, и дополнительно как сообщество участников, вовлеченных в их производство и потребление. Авторы фанфикшна принято называть фикрайтерами, фанатские сообщества и тексты вокруг одного произведения или автора — фандомами, а отдельные письменные произведения — фанфикшном, так как есть еще фанарт, фанвидео и фанфики.

Примечательно, что понятие «канон» используется в среде фанфикшна самостоятельно как внутрикультурное обозначение исходного произведения, на основе которого будет создан фанатский текст. Например, каноном в этой модели будет конкретная серия книг, сериал, графический роман, фильм, в противоположность сюжету которых будет написана серия текстов с альтернативными концовками или измененными образами героев. Дополнительно существует понятие «фанон» (англ. fanon, от fanfiction и canon — «фанатский канон» или «канон фанатов»), обозначающее совокупность характерных сюжетных решений или способов изменения персонажей, противопоставленных канону, но устоявшихся в фанфикшне. Венчает это разнообразное и индивидуализированное отношение к культурным канонам фанатское понятие «хэдканон» (англ. headcanon — «канон в голове»), где важны уже конкретные идеи отдельных фанатов о событиях или персонажах, которые не присутствуют в каноне, но считаются каноном для фаната лично.

Эта рефлексивность и самонаблюдение фанатского сообщества, подробный собственный лексикон для самоописания заставляют меня, как исследователя, занимать особую позицию, аккуратно разделяя язык наблюдаемого сообщества, своих информантов в эмпирических исследованиях фанатских практик и собственную речь исследователя. Таким образом, я хочу сфокусироваться на понятии канона относительно фанфикшна и на ситуациях, которые делают это понятие и явление важным и проблематичным для понимания современного культурного процесса.

В моем исследовательском словаре феномен фанфикшна будет поставлен рядом с понятиями канона (как в исследовательском, так и в фанатском, сленговом смысле), классики, культурных иерархий и институтов, а также жанровой формулы, сиквелов и адаптаций — официальных продолжений и обработок исходных произведений. Отношения между фанфикшном и канонам я описываю как игру, борьбу, подрыв, зависимость, следование, трансформацию, высвечивание, возвращение, обживание, пересоздание.

Это значит, что в разговоре о каноне и фанфикшне я выделяю несколько переходящих друг в друга уровней. Первый касается канона как сложившихся институтов и иерархий в области производства и потребления культуры, зоны авторства не только высокой, но и массовой культуры, читателей и зрителей. Соответственно, фанфикшн противопоставлен этому канону своей демократичностью и смешанной позицией автора и потребителя. Второй уровень касается канона в понимании авторов фанфикшна, то есть внутреннего обозначения исходных произведений, к которым строятся альтернативные сюжеты. Третий касается фанона и хэдканона — общих договоренностей и индивидуальных решений, имеющих отношение к сюжетам и жанрам внутри фанфикшна, в которых уже работают авторы-фикрайтеры. Замкнуть круг отношений между фанфикшном и канонам я предлагаю разговором о национальном литературном каноне, к произведениям которого также пишутся фанфики, высвечивающие заново их проблематику и героев.

Свои аргументы я выстраиваю на основе критического анализа исследовательской литературы о фанфикшне с фокусом на метафоры, помогающие авторам описать отношения фикрайтеров с любимыми культурными продуктами, и на опыте собственных эмпирических исследований фанфикшна. Упоминаемые в тексте высказывания фикрайтеров или примеры сюжетных решений фанфикшна взяты из серии эмпирических исследований, которые я провожу с 2013 года методами интервью и цифровой этнографии. Я занималась фанфикшном по произведениям массовой культуры (по кино- и книжной серии о Гарри Поттере, сериалу «Доктор Кто» (англ. «Doctor Who», 1963–, BBC), сериалу «Шерлок» (англ. «Sherlock», 2010–2017, BBC One) и другим), фанфикшном и сиквелами к романам британской писательницы XIX века Джейн Остен и фанфикшном по русской классической литературе, где герои Толстого и Достоевского становятся в один ряд с профессором Снейпом из саги о Гарри Поттере, сериальным Шерлоком Холмсом

или богом-трикстером Локи в версии Marvel. Эти обожаемые в фанфикшн персонажи раз за разом проявляются в фанатских историях и то максимально далеко отходят от своих канонических литературных или кинообразов, то становятся неразличимо слитыми, одинаковыми и каноничными уже для фанфикшна.

ФАНФИКШН И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КАНОНОВ

В фанфикшне со свойственной этой культуре эмоциональной интенсификацией и эротизацией (Jenkins, 1992: 178–179) такой тип отношений между фанфикшном и канонem описали бы как «лавхейт» (англ. love-hate — «любовь-ненависть»). В фанфиках герои, являющиеся врагами в каноне, регулярно притягиваются друг к другу взаимной страстью, а друзья мучат друг друга, но друг без друга не могут справиться с трудностями. Такой метафорой отношений — «пейринга» в терминологии фанфикшна — можно описать и позицию фанфикшна практики, обращаемой к профессиональному производству высокой или массовой культуры (здесь не принципиально), и фанфиков с выбранными для работы канонами — исходными произведениями.

Остановившись пока на первом выделенном мной в этом рассуждении уровне взаимного напряжения канона и фанфикшна, я подчеркну вслед за исследователями данной темы, что сам факт существования фанфикшна как практики является определенным сопротивлением сложившимся нормам и институтам в области производства и потребления культуры. Г. Дженкинс еще в досетевую эпоху существования фандомов в своей работе «Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture», безусловно входящей в дисциплинарное ядро fan studies, исследований фанатства, пишет (ibid.: 18):

...сопротивление фанатов культурной иерархии [...] часто сводится к самой логике, с помощью которой фанаты осмысливают культурный опыт. Практика интерпретации фанатов отличается от той, которая поощряется системой образования и предпочитается буржуазной культурой не только в выборе объектов или степени интенсивности интерпретации, но и часто в типах навыков чтения, которые она использует, в том, как фанаты подходят к текстам. С точки зрения доминирующего вкуса фанаты кажутся пугающе неуправляемыми, недисциплинированными и нераскаявшимися читателями-мошенниками¹.

¹Здесь и далее переводы с английского языка выполнены автором статьи.

Несмотря на существование каноничных литературных приемов аллюзий и реминисценций, жанров пастиша и пародии, а также на художественные и маркетинговые ходы популярной культуры в создании сиквелов, приквелов и ремейков, сам факт свободного, игрового, присваивающего и слабо управляемого взаимодействия с образцами культуры является определенным подрывом канона или чуть мягче — его трансформацией. Важно, что этот подрыв раз за разом осуществляется за счет фанатской любви и исключительного внимания.

Фанфикшн одновременно и зависит от сложившегося культурного канона в нескольких полях — правовом, коммерческом, эстетически конвенциональном и в ряде случаев политическом, — и противостоит ему. Основанные на сюжетах, героях и «мирах» других произведений фанфики, фанарт и фанвидео попадают в юридически неоднозначную зону, поскольку посягают на законы об авторском праве. В связи с этим появилась практика «дисклеимеров» — предупреждений о некоммерческом характере фанфикшна, которые впоследствии стали характерным элементом фанатской литературы: они включают в себя описание будущего сюжета, историю создания и личное мнение автора-фикрайтера, а также важные нам в этой статье предупреждения о «триггерах» — эмоционально опасных или неприемлемых для потенциальных читателей элементах в тексте.

В связи с некоммерческим характером фанфикшн выпадает и из иерархий массовой культуры с ее фокусом на измерении аудиторий, рейтингах и заработке. Фанфикшн вырабатывает собственные нормы понимания популярности (например, внутренние конкурсы) и в ряде случаев собственные способы коммерциализации: через продажу сувениров или выпуск фанфиков по принципу «печати по требованию» (англ. *print on demand*) со сбором средств на краудфандинговых платформах. Тем не менее эти локальные инициативы, сходные с практиками любых других неформальных сообществ, несравнимы по своему масштабу с производством массовой культуры.

Показательно, что в ситуации, когда сходятся популярность и отсутствие ответственности в связи с авторским правом, фанатские практики вырастают в развитые индустрии развлечений и просвещения. Так, в моем исследовании «остиномании» (Романенко, 2017) показано, как популярность романов британской писательницы Джейн Остен в 1990–2000-е привела к появлению официальных туристических маршрутов, исторических балов, выпуску тематических предметов интерьера и, самое главное, написанию линейки романов-сиквелов. Эти сиквелы

в жанрах от романтической истории до детектива массово продаются и экранизируются, в том числе теми же кино- и телекомпаниями, в тех же локациях и с теми же актерами, что и изначальные, канонические тексты британской классики.

Другой институт производства культурных канонов, мир высокой литературы, противопоставит фанфикшну своей профессионализацией, эстетическими установками и, пользуясь терминами Пьера Бурдьё, монополией на литературную легитимность (Бурдьё, Гронас, 2000). Вход в культуру фанфикшна не требует ни специального образования, ни платы за участие. Литературные объединения и профсоюзы, премии и фестивали заменяются регистрацией на фанатских сайтах, соблюдением фандомных конвенций общения, организацией фанатских встреч («конвентов»), бескорыстной помощью в редактировании и созданием предназначенных для внутреннего использования статей с советами о написании фанфиков.

Фанфикшн трансформирует отношение к культурному канону и в своих иначе устроенных установках на эстетику, на работу с литературным или другими воображаемыми мирами «не как с текстами для чтения, а как с космологиями для вхождения» (Jones, 2002: 84). Принципиально и наивно-личностное отношение к героям кино и литературы (Jenkins, 1992: 18):

Фанаты стирают границы между фактом и вымыслом, говоря о персонажах так, как если бы они существовали отдельно от своих текстовых проявлений. Они входят в царство вымысла, как если бы это было осязаемое место, в котором они могут жить и которое могут исследовать.

В качестве примера я привожу фрагмент из своего интервью с участницей исследования фанфикшна по русской классической литературе:

«У главного треугольника Пьер/Наташа/Андрей очень много времени в „Войне и мире“. А моим любимым княжне Марье с Николаем Ростовым досталось только полтора тома и то на фоне 1812 года, когда всем не до них» (Romanenko, 2020).

Фикрайтер здесь описывает литературных героев как реальных людей и словно восстанавливает некую истинную линию событий, которой просто не успел уделить времени Лев Толстой. Аналогичное отношение демонстрирует и сюжет фанфика, также попавшего в мою выборку, в котором Софья Андреевна Толстая приходит к умирающему Андрею Болконскому, чтобы исправить то, что «натворил Левушка».

Исследовательница Абигайл Деричо называет фанфикшн «этической практикой», которая противостоит иерархиям современной культуры (Derecho, 2006). Для сегодняшнего русскоязычного фандома этические позиции и сложившиеся внутренние традиции становятся политическими: так, следование популярному в фанфикшне жанру «слэш», заимствующему название от знака косой черты и описывающему мужские гомосексуальные отношения (популярные примеры: Шерлок / Мориарти, Гарри Поттер / Драко Малфой, Онегин / Ленский), приводит к большей закрытости сообщества. Игра с культурным канонам становится подрывной позицией по отношению к официальной традиционалистской и гомофобной риторике.

Наконец, фанфикшн был и остается преимущественно женской практикой, где чтение и письмо становятся пространством эксперимента и освобождения «между патриархальным традиционализмом и потребительством массовой культуры» (Samutina, 2013: 34) и отсылают к дискуссии о поиске женских имен в истории литературы как пути трансформации канона.

Масштабное количественное исследование корпуса текстов фанфикшна (Milli, Vamman, 2016) показало, что в фанфиках наблюдается и деприоритизация главных героев в целом, и значительный перевес женских персонажей по сравнению с канонам. Вместе с особым эмоциональным отношением фикрайтеров к героям, вместе с изменением отношения к культурному канонам через коллективно используемые механизмы «трансформирующей рецепции» (термин Генри Дженкинса) это демонстрирует зависимость фанфикшна от канона, игру с ним и борьбу.

ФАНФИКШН И КАНОН ДЛЯ ФАНАТОВ

На сайтах и в онлайн-архивах, посвященных фанфикшн, есть не только непосредственно фанфики и фанарт, но и внутрифандомный юмор, и рефлексия над внутренними жанрами, и перепубликация научных исследований о фанфикшн, и, что принципиально, заметки с рекомендациями по написанию фанфиков. Одна из таких рекомендаций, подробно описывающая, как «правильно» совмещать собственную фантазию с исходным произведением — «канонам» в терминологии фанатов, — озаглавлена «Что такое канон и как именно его посылать?»². Просторечное «посылать» снова иллюстрирует эмоциональное напряжение

²Работа автора под никнеймом Efrauer. Находится в открытом доступе на портале FicBook.net. Дата доступа к сайту 04.05.2022.

между фанфикшном и канонном, но уже не в значении культурных иерархий, а в отношении того, что сами фанаты назначили канонном.

Без канона не может быть фанфикшна, но канон накладывает определенные ограничения на то, до какой степени исходный материал может быть преобразован. Канон «особенно важен для создателей фанатских текстов, потому что о них судят по тому, насколько хорошо они придерживаются канона или отходят от него» (Hellekson, Busse, 2006: 10). При этом «фанаты всегда игнорируют однозначно канонические аспекты книг, если они мешают историям, которые они хотят создать» (Tosenberger, 2008: 201).

Культура фанфикшна в этом смысле предельно противоречива. Это сообщество и его корпус текстов выстроены, с одной стороны, на основе любви, внимания к выделенным текстам, кино- и сериальным образцам, на основе подражания им, с другой стороны — на основе нескончаемого спора с ними. Поэтому у меня, как и у других исследователей фанфикшна и у самих фикрайтеров, в описании отношений фанфиков и их канонов присутствует метафорика войны (подрыва, партизанства), болезни (паразитизма), механической трансформации (расширения, распада, прокручивания), правонарушения (вандализма, осквернения, браконьерства), но и дома (возвращения, обживания).

«Слова о том, что своим творчеством я оскверняю классику, лишь больше меня подстегивали», — объясняла мне в интервью участница исследования фанфикшна по классической литературе, демонстрируя, как устроена ее мотивация к написанию фанфиков и как эта мотивация дополнительно усиливается при работе с канонном (в фанатской терминологии), который находится и в литературном канонном — национальном и школьном.

Генри Дженкинс описывал фанфикшн и фикрайтеров одновременно и как культуру соучастия (англ. *participatory culture*), и как браконьерство (англ. *textual poachers*), что показывает, как в фанатстве помимо восхищения, уважения и любви (да и сам термин «фанатство», как и «культовость», отсылает к религиозному поклонению) присутствуют сюжеты использования и сопротивления.

Исследователь Дерек Джонсон пишет статью о явлении «фантагонизма» (от «фанатство» + «антагонизм») для сборника «The Routledge Companion to Media Fandom», в которую включает как конфликтные ситуации внутри фандомов, так и обозначенные фикрайтерами желания поправить автора, агрессивные требования фанатов к авторам их любимых культурных продуктов, постулируемую ненависть к одним

героям и желание дать слово другим, в каноне условно отрицательным, что выражается в типичных сюжетах фанфикшна.

Эти типичные сюжеты и способы работы фанатов с каноном можно увидеть через жанровые характеристики, тщательно указываемые для каждого конкретного фанфика самими фикрайтерами. В фанфикшне разработан ряд внутренних классификаций (не по одному основанию), часть из которых просто копирует жанры кино и литературы — драму, приключения, детектив и так далее, — часть изобретается самостоятельно: например, «флафф» (англ. fluff — пушок), посвященный приятным событиям и нежным отношениям, или «ангст» (англ. angst — тревога, страх), раскрывающий страдания персонажей.

Существенная часть жанров как раз посвящена искусным способам трансформации канона как исходного произведения. Среди них — «пропущенная сцена», «фиксит» (англ. fix-it — исправить) — фанатское исправление найденной в каноне логической несостыковки или сюжетной неясности, «ООС» (аббр. от англ. Out of Character — вне характера) — существование персонажа, слишком сильно изменившегося по сравнению со своим канонным образом, AU (аббр. от англ. Alternative Universe — альтернативная вселенная) и кроссовер (англ. crossover — пересечение, скрещивание) — сочетание событий и персонажей разных канонов.

Исследовательница фанфикшна как литературной традиции Шина Пью замечает, что для фанатов канон — это «основа, чтобы писать вопреки» (Pugh, 2005: 40), и считает, что фанфики отвечают на два основных вопроса: «что если?» и «а что еще?» (ibid.: 2015). Описанные выше категории как раз и демонстрируют способы ответа на такие вопросы. Фанаты и дополняют канон, и играют с «пробелами в повествовании, его избыточными деталями, его незаконченными концами и противоречиями для того, чтобы найти возможности для разработки своего мира и размышлений о персонажах» (Jenkins, 1992: 76), а также создают альтернативы.

Альтернативы канону понимаются в фанфикшне довольно широко. AU-фанфиками могут считаться и истории, которые содержат альтернативные повороты сюжета (например, если какой-то персонаж, вопреки канону, не умирает, с этого момента начнется альтернативная вселенная), или истории, которые переносят повествование и героев в совершенно другой исторический либо вымышленный контекст. Одним из показательных примеров AU-фанфикшна, который уже вышел за пределы фанатского сообщества, является роман «Гарри Поттер и методы рационального мышления» Элизера Юджовского. В нем поворотным

моментом для создания альтернативной вселенной становится замужество тетушки Гарри Поттера. Главный герой — сирота, выросший уже в любящей и интеллектуальной семье, — по-другому смотрит на мир магии и действует в нем как ученый.

Фикрайтеры ведут не только борьбу или игру с канонами, но и постоянный критический анализ любимых канонов, который находит выражение в характерных сюжетных решениях. Показывается ли мир Гарри Поттера со стороны его врагов, «упивающихся смертью» («упсов» в фанатском сленге), рассказывается ли история Онегина и Татьяны Лариной через дневники мужа последней, в таких фанатских историях воображаемые миры исследуются, подвергаются сомнению, обживаются и становятся более полифоничными.

Наталья Самутина указывает не только на игровой или критический, но и на моральный характер такого обращения фикрайтеров с канонами (Самутина, 2013: 171):

Само желание посмотреть на ситуацию глазами проигравших, увидеть и осмыслить особенности их правды, предугадать последствия той или иной политики по отношению к потерпевшим поражение много говорит о ценностном наполнении русского фанфикшна.

Дженкинс ввел для описания подобных сюжетов термины «переориентация» (смещение интереса от главных героев к второстепенным, чаще всего женщинам) и «моральное преобразование» (переписывание историй через взгляд антагонистов). Такие сюжетные решения, находясь в сфере высокой литературы или массовой культуры, становятся очень заметны и обсуждаемы. Роман филолога-классика Мадлен Миллер «Цирцея» (англ. «Circe», 2018) о волшебнице, обратившей спутников Одиссея в свиней, или фильмы «Малифисента» (англ. «Maleficent», 2014, Walt Disney Pictures) и «Круэлла» (англ. «Cruella», 2021, Walt Disney Pictures) о главных злодейках сказки о Спящей красавице и истории о похищенных щенках-далматинцах разворачивают известные сюжеты в сторону героев (и что еще принципиальнее — героинь), непонятых и не в полной мере описанных. Однако в фанфикшне это повсеместный сюжетный ход, благодаря которому в пике канону раскрывается внутренний мир неловкого соученика Гарри Поттера Невилла Лонгботтома или нелюбимой как своим автором, так и своим мужем Элен Безуховой.

Фикрайтеры при своем по-особому неотстраненном отношении к литературным и киногероям в процессе работы над фанфиками обращаются

не только к конкретной книге или сериалу, но и к иллюстрациям, адаптациям, биографиям авторов, другим ролям актеров, высказываниям писателя, режиссера или актеров в СМИ, информации о других задуманных концовках в опубликованных черновых версиях сценария. Обсуждая высказывания Джоан Роулинг в Твиттере или сопоставляя факты биографии Пушкина и Гоголя (так делала одна из участниц моего исследования), фанаты расширяют границы канона для собственных историй.

Благодаря фанатам каноны оказываются и гораздо больше заявленного или задуманного авторами, и куда изученнее. В сериале «Убийства в одном здании» (англ. «Only murders in the building», 2021, Hulu) обыгрывается это свойство фанфикшна, когда фанаты помогают раскрыть дело авторам своего любимого детективного подкаста, поскольку внимательнее следят за деталями, чем те, кто непосредственно ведет следствие. Генри Дженкинс описывает такое свойство фанатов в категориях коллективного разума (Jenkins, 2006: 26), используя который сообщество фанатов совместно старается раскрыть для себя неясные подробности канона. Шина Пью сравнивает это плотное знание канона фанатами с тем, как уже исчезнувшая классически образованная аудитория знала Библейский канон (Pugh, 2005: 219). Абигайл Деричо в силу бесконечного расширения фанфикшна (Derecho, 2006) интерпретирует его как литературу архива (англ. archontic literature).

В этом смешении медиумов и медиа конвергентной культуры, объединяющей как разные источники информации, так и сообщества активных пользователей, в этом энергичном поиске знания внутри и вокруг канона есть, как в поиске уэллсовской двери в стене, желание раз за разом возвращаться к знакомым мирам и персонажам и получать от них все больше и больше. Это свойство роднит фанфикшн с практиками просмотра культового кино, где «культовое кино — это стратегия зрительского восприятия, а не какое-то свойство самих фильмов» (Самутина, 2008). Как герои ситкома «Как я встретил вашу маму» (англ. «How I met your mother», 2005–2014, CBS), каждый год пересматривающие старые эпизоды «Звездных войн» (англ. «Star Wars», 1977–1983, 20th Century Fox), чтобы Империя не победила, или зрители специальных показов «Шоу ужасов Рокки Хоррора» (англ. «The Rocky Horror Picture Show», 1975), повторяющие действия за киноперсонажами, фанаты получают возможность обживать, населять и поддерживать канон.

В отдельных случаях специфика произведений, вынесенных фанатами в канон, усиливает это желание уютной и затягивающей повторяемости. Кроссоверы по русской классической литературе, объединяющие «Героя нашего времени», «Евгения Онегина» и «Войну и мир» в воображаемый холистический мир XIX века, или сиквелы к роману Джейн Остин «Гордость и предубеждение», по кругу описывающие мир балов, садов и свиданий и словно вычеркивающие из романа всю социальную критику, предлагают

тип взаимодействия с воображаемыми мирами — нацеленный на комфорт, «терапию», умиление, ностальгическое переживание (Романенко, 2017: 157).

Так, через постоянное прокручивание канона, через фанатский палимпсест появляется уже не канон для фанатов, а канон от фанатов — фанон.

ФАНФИКШН И ВНУТРЕННИЙ КАНОН ОТ ФАНАТОВ

В третьем сезоне сериала «Шерлок» демонстрируется фанатский клуб знаменитого сыщика, участники которого строят свои версии о трагических событиях серии «Рейхенбахский водопад». Довольно иронично выведенные фанаты, по сути, работают и в жанре «фиксит», пытаясь объяснить то ли смерть, то ли исчезновение Шерлока Холмса, создают небольшие альтернативные вселенные, в которых их любимый герой выживает, и, конечно, фантазируют о роковой страсти между Шерлоком Холмсом и Мориарти. Комический эффект этой сцены для зрителей, знакомых с фанатскими практиками, заключается в моментальном узнавании.

Увиденное — характерный фанон, «второй канон» или внутренний канон фанатов,

совокупность историй и критических комментариев, написанных в фандоме, предлагающих постоянно растущую, постоянно расширяющуюся версию персонажей (Hellekson, Busse, 2006: 7).

Здесь и попытка найти способ выживания для героя, и сексуальные отношения между врагами (англ. *enemyslash*), и сама ситуация заполнения сюжетных пробелов между сезонами сериала для зрителя и периода исчезновения Шерлока Холмса для обитателей этой воображаемой вселенной.

Фикрайтеры со свойственной им рефлексивностью, самоиронией и изобретением терминов для самоописания называют фаноном всю

совокупность типичных сюжетов фанфиков, популярных фанатских историй, внутренних правил и типов преобразования исходных канонов, описанных выше. Пусть клишированные решения периодически высмеиваются (например, частые фанфики о героинях, внезапно ставших привлекательными, дали начало внутрифандомному мему «Гермиона сильно изменилась за лето»), фанон играет ключевую роль для создания новых фанфиков.

Каждая новая история внутри фанфикшна отсылает ко всем фанатским текстам и дискуссиям, которые ей предшествовали, а не только к канону. Зачастую фикрайтер выстраивает свой рассказ не с чистого листа, не от встречи с каноном как таковым, а в соотношении с коллективным фаноном. Фанфикшн дает как право играть с каноном и трансформировать его, так и своеобразные «линзы», способы восприятия канона и создания фанона. Роль фанона была особенно заметна в исследовании фанфикшна по русской классике, когда участники исследования рассказывали о том, что были вовлечены в различные фанатские практики, прежде чем столкнулись с каноническими текстами в школе. Романы «Отцы и дети» или «Герой нашего времени» в этом случае воспринимается через знание составляющих фанона, к примеру вокруг подростковой книжной серии о котках-воителях («Warriors», 2003–), поэтому и появляются фанфики о Печорине, возвращающемся из мира мертвых, или Базарове, ведущем детективные расследования.

Как в формульной литературе, где хорошая история должна и следовать формуле, и немного нарушать ее (Cawelti, 1977), каждый фанфик должен демонстрировать что-то новое и соотноситься как с исходным каноном, так и с фаноном. Такое сочетание канона, фанона и конкретного фанфика работает через

выстраивание из заимствованных и самостоятельных фрагментов, крупных и мелких кластеров общепринятой и новой информации уникальной конфигурации художественного мира (Самутина, 2013: 175).

Этот баланс оригинальности и повторяемости фанона, словно в структуре Лего, виден в еще одном специфичном поджанре фанфикшна — в «ориджиналах» (англ. *original*). Тексты в этом жанре не заимствуют сюжеты и героев канона, а предлагают собственные воображаемые вселенные и новых персонажей. При этом публикуются ориджиналы в онлайн-архивах фанфикшна, и даже если они выходят за их пределы, как, например, популярный роман «Лето в пионерском галстуке» (Елена Малисова, Катерина Сильванова, 2021), то все равно соблюдают

конвенции фанона: используют те же жанры, что и фанфики, особую эмоциональность текстов фанфикшна, типичные сюжетные решения.

Достигается этот баланс благодаря другой дихотомии фанфикшна — коллективного и индивидуального. Как объясняет Генри Дженкинс,

фанатское восприятие не может существовать и не существует изолированно, но всегда формируется за счет вклада других фанатов и мотивируется, по крайней мере частично, желанием дальнейшего взаимодействия с более широким социальным и культурным сообществом (Jenkins, 1992: 77).

Единый канон, выбранный фанатами и критикуемый ими, находится в связке со своим индивидуальным автором (или конкретным авторским коллективом), фанон преобразует его через серию хэдканонов (личных фанатских интерпретаций) и через множество отражений коллектива часто неназываемых авторов-читателей. Эта коллективность нужна не только для последующей коммуникации, но и для удовлетворения максимального числа читательских запросов (McCain, 2015: 19):

Один автор, каким бы талантливым он ни был, не способен написать историю, которая удовлетворяла бы ожиданиям, желаниям или стремлению каждого читателя к репрезентации. Однако целое сообщество — может.

Каждый фанфик — согласно внутренней этике фандомов и по правилам, выработанным в рамках фанона, — обязан быть подробно прокатегоризован. Должны быть указаны жанр, рейтинг, действующие герои и тип их отношений. Такую строгость Наталья Самутина объясняет тем, что

в основе фанфикшна как практики лежит уважение права читателя на выбор, которое влечет за собой также полную его ответственность как взрослого, конструирующего и осмысляющего себя субъекта за последствия этого выбора (Самутина, 2013: 168).

Эти фанонные ходы имеют аналоги в способах современного культурного потребления в целом и, возможно, являются одним из их двигателей. Я имею в виду и запрос на переосмысление классических авторов по нормам современного мира, и предупреждения о триггерах, которые могут ранить читателя (остроумный пример здесь — проект Школы современных литературных практик «Камон, канон»³, предваряющий

³Адрес проекта: <https://literatice.ru/disclaimer>. Дата доступа к сайту 10.10.2021.

дисклеймерами классические тексты), и, конечно, требования к запретам спойлеров, принципиальной информации о сюжетах книг и фильмов, запретам, которые я в самом начале этой статьи как раз нарушаю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ФАНФИКШН КАК ПЕРЕСОЗДАНИЕ КАНОНА

Фанфикшн в отношении канонов работает парадоксально. Во-первых, он полностью строится на специфичном каноне — коллективно отобранных кино- и литературных текстах, — во-вторых, изначально работает как борьба с каноном, в-третьих, создает собственный канон — фанон (Jenkins, 1992: 18):

не впечатленные институциональным авторитетом и опытом фанаты отстаивают свое собственное право формировать интерпретации, предлагать оценки и создавать культурные каноны.

Таким образом, соотношение фанфикшна и канонов можно описать и как симптом распада канона, и как борьбу с культурными канонами, и как трансформацию канонов — исходных произведений для фанатского творчества, — и как любовь, внимание к ним и поклонение им же. Наконец, фанфикшн — это пересоздание культурного канона и в отдельных аспектах возвращение к канону.

Равноправием альтернативных версий одного и того же сюжета или образов героя фанфикшн напоминает мифологические тексты, а плотностью образов и системой отсылок — поэтические. (О сравнимости фанатских историй с поэтическим символизмом пишет Мафальда Стази (Stasi, 2006). Я познакомилась с этим аргументом благодаря работе Натальи Самутиной.) Сложно устроенным сочетанием оригинального и нового, традиционного и устоявшегося фанфикшн может быть сравним с академическими текстами, где система ссылок, встраивание цитат в полотно нового исследования и понятие теоретической рамки несут в себе и этику, и логику создания нового научного знания.

Показательно, что фанфикшн по классической литературе, авторы которого характеризуют свой опыт через категории вины, ответственности и вызова (Romanenko, 2020), несет в себе больше, чем фанфикшн на другом материале, чем поиск авторской позиции или подражание авторскому стилю, то есть чем активная работа с каноном в фанатском понимании и в категориях национального литературного канона. Эта ответственность выражается в более тщательной проверке фактических деталей исторического периода, описанного в классических произведениях, в имитации некоего «старинного» языка (иногда и непосредственных

авторских приемов, например, онегинской строфы). Чувства ответственности и вины, которое испытывают фикрайтеры, проявляются в ситуациях, когда они сравнивают свои фанфики с актами вандализма и уничтожения «культурного наследия», «национального достояния» — то есть литературного канона. Наконец, некоторые фикрайтеры отказываются от характерных и принятых в фаноне — фанатском каноне — ходов, например от откровенных сексуальных сцен, из-за давления канона.

При этом, на мой взгляд, фанфикшн и сходные практики часто довольно тонко высвечивают заложенное в каноне, особенно фанатский жанр кроссовера, который позволяет сталкивать различные воображаемые миры или исторические периоды. Роман «Гордость и предубеждение и зомби» (англ. «Pride and Prejudice and Zombies», 2009, Сет Грэм-Смит) или пародийное онлайн-видео «Бойцовский клуб Джейн Остен»⁴ показывают женскую агентность и женскую агрессивность, неярко, но выписанные Джейн Остен у своих героинь. Встреча Раскольникова и сэллинджеровского Холдена Колфилда, путешествие Обломова в XXI век с его возможностями онлайн-доставок и дейтинговых приложений, активная деятельность Чацкого в антиутопических литературных вселенных — все эти примеры показывают фанфикшн как возвращение к канону.

Такие способы обращения с литературой и другими культурными продуктами, как фанфикшн, постепенно становятся повсеместными (The Janissary Collective, 2006: 78):

Практики, которые первоначально считались продуктом чрезмерного внимания и предметом локального интереса фанатов (включение медиатекстов в нарративы о личной идентичности, творческое переписывание и ремикширование текстов), становятся все менее и менее экстремальными и все более и более знакомыми для большей группы людей, которые ранее и не идентифицировали бы себя как фанатов.

В свою очередь, массовая культура сознательно включает в себя трансмедийные продукты и истории со множественными концовками или активной ролью зрителей в развитии сюжета кино или сериала. В произведениях с долгой, но непрекращающейся историей, например во франшизах Marvel или «Звездные войны», и вовсе стирается разница между канонным и фанонным. Создатели последних сезонов «Доктора

⁴Адрес проекта: <https://vimeo.com/19084266>. Дата доступа 03.05.2022.

Кто» признаются в СМИ, что в детстве были поклонниками сериала и теперь могут воплотить свои фанатские фантазии в жизнь, а значит, какое-либо произведение может становиться фанфиком на само себя.

Таким образом, я показываю, что рассмотрение фанфикшна и других практик фанатских сообществ позволяет навести резкость на современный культурный процесс, конструирование культурных иерархий, канонизацию и деканонизацию культурных явлений. С одной стороны, фанфикшн рифмуется с уже существующими культурными феноменами (от сиквелов популярных фильмов до жанра литературной пародии) и где-то пусть не напрямую наследует, но пересоздает некоторые домодерные формы культуры. С другой стороны, фанфикшн с его движением от индивидуального к коллективному, от закрепленного к размытому, от подчиненного воле автора-творца к управляемому авторами-и-читателями / зрителями, наконец, с особым вниманием к контролируемой эмоциональности становится самым ясным зеркалом для пересоздаваемого культурного канона сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдьё П.* Поле литературы / пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. — 2000. — Т. 5, № 45. — С. 22–87.
- Романенко К. А.* Ностальгия и самоирония : литературный культ Джейн Остен через фигуру ее фаната // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2109. — С. 153–172.
- Самутина Н. В.* За процветание Швеции! Культовое кино и его нестандартный зритель // Неприкосновенный запас. — 2008. — Т. 62, № 6. — С. 108–123.
- Самутина Н. В.* Великие читательницы : фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12, № 3. — С. 137–194.
- Cawelti J. G.* Adventure, Mystery, and Romance : Formula Stories as Art and Popular Culture. — Chicago : The University of Chicago Press, 1977.
- The Janissary Collective.* Fandom as Survival in Media Life // Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet : New Essays / ed. by K. Hellekson, K. Busse. — London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2006. — P. 77–89.
- Derecho A.* Archontic Literature : A Definition, a History, and Several Theories of Fan Fiction // Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet : New Essays / ed. by K. Hellekson, K. Busse. — London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2006. — P. 61–78.
- Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet : New Essays / ed. by K. Hellekson, K. Busse. — London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2006.
- Guillory J.* Cultural Capital : The Problem of Literary Canon Formation. — Chicago : The University of Chicago Press, 1993.

- Hellekson K., Busse K.* Introduction : Work in Progress // Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet : New Essays / ed. by K. Hellekson, K. Busse. — London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2006. — P. 5–32.
- Jenkins H.* Textual Poachers : Television Fans and Participatory Culture. — New York : Routledge, 1992.
- Jenkins H.* Convergence Culture : Where Old and New Media Collide. — New York : New York University Press, 2006.
- Jones S. G.* The Sex Lives of Cult Television Characters // Screen. — 2002. — Vol. 43, no. 1. — P. 79–90.
- McCain K. E.* Canon vs. “Fanon” : Genre Devices in Contemporary Fanfiction : PhD thesis / McCain K. E. — Washington, D. C. : Georgetown University, 2015.
- Milli S., Bamman D.* Beyond Canonical Texts : A Computational Analysis of Fanfiction // Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. — 2016. — P. 2048–2053.
- Pugh S.* The Democratic Genre : Fan Fiction in a Literary Context. — Bridgend : Seren, 2005.
- Romanenko K. R.* Bolkonskii Won’t Die : Fan Fiction Based on Russian Classical Literature // Russian Literature. — 2020. — Vol. 118. — P. 25–44.
- Samutina N.* The Care of the Self in the 21st Century : Sex, Love, and Family in Russian Harry Potter Fan Fiction // Digital Icons. — 2013. — Vol. 10. — P. 17–46.
- Stasi M.* The Toy Soldiers from Leeds : The Slash Palimpsest. Fiction // Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet : New Essays / ed. by K. Hellekson, K. Busse. — London : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2006. — P. 115–133.
- Tosenberger C.* “Oh my God, the Fanfiction!” : Dumbledore’s Outing and the Online Harry Potter Fandom // Children’s Literature Association Quarterly. — 2008. — Vol. 33, no. 2. — P. 200–206.

Romanenko, K. R. 2022. "Transformatsiya kanona, bor'ba s kanonom, peresozdaniye kanona kak osnovaniya kul'tury fanfikshna [The Transformation of the Canon, the Struggle With the Canon, the Re-creation of the Canon as the Basis of Fanfiction Culture]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 168–188.

KSENIYA ROMANENKO

MA IN CULTURAL STUDIES, PHD IN EDUCATION, ASSOCIATE PROFESSOR

THE INSTITUTE OF EDUCATION, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY—HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
(MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-8037-9142

THE TRANSFORMATION OF THE CANON, THE STRUGGLE WITH THE CANON, THE RE-CREATION OF THE CANON AS THE BASIS OF FANFICTION CULTURE

Submitted: Feb. 18, 2022. Reviewed: Apr. 12, 2022. Accepted: May 21, 2022.

Abstract: To understand the transformation of canons and the struggle with them, we may productively explore fanfiction, a particular reader's, viewer's, and author's practice, within non-professional and non-commercial texts based on the plots and heroes of other people's works. Fanfiction is a paradoxical phenomenon: it is wholly based on a specific canon—collectively selected film and literary texts, moves by worship, emotional attachment, and attention, while initially working as a criticism of the canons and changing the canons. Canon is not only a research concept but also an intra-cultural designation of the original work as the basis of a fan text. Fans also create their canon—"fanon", a set of characteristic plot solutions and ways to change characters established in fanfiction. The article examines the intersections of the cultural canon of high and popular culture, the national literary canon, and the canon and the fanon in the understanding of fans with different types of attitudes to the canons—disintegration, transformation, struggle, re-creation. The argument is based on a critical analysis of the research literature with a focus on metaphors that help authors describe the relationship of fiction writers with the canons and on the experience of empirical research about fanfiction devoted to samples of popular culture ("Harry Potter" franchise, "Doctor Who" series, "Sherlock" series, and others), fanfiction and sequels to novels by Jane Austen, the British writer of the 19th century, and fanfiction devoted to Russian classical literature.

Keywords: Fanfiction, Fan Practices, Cultural Hierarchies, Cultural Communities, Literary Canon, School Literary Canon.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-168-188.

REFERENCES

- Bourdieu, P. 2000. "Pole literary [Le champ littéraire. Actes de la recherche en sciences sociales]" [in Russian], trans. from the French by M. Gronas. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 5 (45): 22–87.
- Cawelti, J. G. 1977. *Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*. Chicago: The University of Chicago Press.
- The Janissary Collective. 2006. "Fandom as Survival in Media Life." In Hellekson and Busse 2006a, 77–89.
- Derecho, A. 2006. "Archontic Literature: A Definition, a History, and Several Theories of Fan Fiction." In Hellekson and Busse 2006a, 61–78.

- Guillory, J. 1993. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Hellekson, K., and K. Busse, eds. 2006a. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet: New Essays*. London: McFarland & Company, Inc., Publishers.
- . 2006b. "Introduction: Work in Progress." In Hellekson and Busse 2006a, 5–32.
- Jenkins, H. 1992. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. New York: Routledge.
- . 2006. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.
- Jones, S. G. 2002. "The Sex Lives of Cult Television Characters." *Screen* 43 (1): 79–90.
- McCain, K. E. 2015. "Canon vs. 'Fanon': Genre Devices in Contemporary Fanfiction." PhD diss., Georgetown University.
- Milli, S., and D. Bamman. 2016. "Beyond Canonical Texts: A Computational Analysis of Fanfiction." *Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*: 2048–2053.
- Pugh, S. 2005. *The Democratic Genre: Fan Fiction in a Literary Context*. Bridgend: Seren.
- Romanenko, K. A. 2017. "Nostal'giya i samoironiya [Nostalgia And Self-Deprecation]: literaturnyy kul't Dzheyn Osten cherez figuru yeye fanata [The Literary Cult Of Jane Austen Through The Figure Of Her Fan]" [in Russian]. *Logos [Logos]* 27 (2109): 153–172.
- Romanenko, K. R. 2020. "Bolkonskii Won't Die: Fan Fiction Based on Russian Classical Literature." *Russian Literature* 118:25–44.
- Samutina, N. 2013. "The Care of the Self in the 21st Century: Sex, Love, and Family in Russian Harry Potter Fan Fiction." *Digital Icons* 10:17–46.
- Samutina, N. V. 2008. "Za protsvetaniye Shvedii! Kul'tovoye kino i yego nestandartnyy zritel' [For the Prosperity of Swedia! Cult Sinema and Its Non-standard Audience]" [in Russian]. *Neprikosnovennyi zapas [Inviolable Reserve]* 62 (6): 108–123.
- . 2013. "Velikiye chitatel'nitsy [The Great Female Readers]: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [Fan Fiction as a Literary Experience]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 12 (3): 137–194.
- Stasi, M. 2006. "The Toy Soldiers from Leeds: The Slash Palimpsest. Fiction." In Hellekson and Busse 2006a, 115–133.
- Tosenberger, C. 2008. "'Oh my God, the Fanfiction!': Dumbledore's Outing and the Online Harry Potter Fandom." *Children's Literature Association Quarterly* 33 (2): 200–206.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
И ЗНАНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

STUDIES. PART 2

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

«ДЛЯ МЕНЯ САМЫЙ ВАЖНЫЙ ПИСАТЕЛЬ»**

ЛИДИЯ ГИНЗБУРГ О МАРСЕЛЕ ПРУСТЕ

Получено: 09.05.2022. Рецензировано: 20.05.2022. Принято: 27.05.2022.

Аннотация: Роман Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» имел очень большое и долговременное влияние как на размышления, так и на художественную практику Лидии Гинзбург. Неслучайно столь долговечным оказалось предание о ее собственной попытке написать «прустовский» роман. Не меньшее значение для нее имела и сама по себе проблема «большого текста» — длительности, которая создается самой длительностью повествования. Но основным выступает «снятие» Прустом проблемы «выдуманности», «фикции» романного повествования — возможность одновременно рассматривать роман Пруста в контексте художественной литературы и документального рассказа. Если в конце 1920-х реакция Гинзбург на роман Пруста во многом связана с вопросами применимости, ассимиляции прустовских приемов и принципов построения произведения, то уже с рубежа 20–30-х годов ее понимание оказывается сопряжено с переживанием прустовского романа не только как нового, но и как делающего возможным то, что уже невозможно в рамках предшествующей литературы, способа моделирования себя. В данном очерке мы ограничиваемся лишь одним из аспектов огромной темы «Пруст и Гинзбург», а именно ставим задачу определить, в чем виделось Гинзбург основное содержание и значение Пруста как писателя и чем определялось постоянное возвращение ее мысли к его роману. В художественной практике Пруста Гинзбург видит реализованным основное назначение литературы: интерпретацию «человеческого опыта, социального и душевного», в нахождении той сферы, где «сейчас» возможно соединение слов и вещей, т. е. где литература может обрести реальность, прорваться к ней.

Ключевые слова: документальная проза, психологическая проза, реальность, ревность, слова и вещи, кризис романа.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-191-208.

*Тесля Андрей Александрович, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: работа была выполнена в рамках гранта РФФ (№ 22-18-00591) «Прагматематика как интерфейс и операционная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Пруст обратил в творчество — астму.

Гинзбург, 2011а: 117¹

Марсель Пруст — или, точнее, прежде всего его роман «В поисках утраченного времени» — оказался одним из самых долговечных предметов размышления Лидии Гинзбург. Ей в целом было свойственно удивительное постоянство мысли: темы и сюжеты, возникающие в 1920-е — начале 1930-х годов, будут продолжаться в череде последующих десятилетий — новые не столько вытесняют прежние, сколько наслаиваются на них, оттеняя их, побуждая их переосмыслять. Ее основные книги, вышедшие в 1960–70-е годы, — «О лирике» (1964), «О психологической прозе» (1971), «О литературном герое» (1979) — включают отдельные записи, сделанные за три или четыре десятилетия до того, но при этом они помещаются в принципиально новый контекст, становятся зацепкой для новых рассуждений. В этом можно увидеть и своеобразное родство с литературной манерой Пруста, вставляющего в роман газетную заметку, опубликованную им задолго до его написания, фрагмент частного письма, обращающегося к давним черновикам и записным книжкам с пожелтевшими страницами, вклеивающего все новые и новые сюжеты в безразмерный роман. В написанных в конце 1930-х «Заметках о прозе»² говорится:

Пруст написал книгу в девяти томах и, дописав ее, сразу умер. Он считал: не имеет, собственно, смысла писать разные романы, когда тема одна — отношение писателя к миру (там же: 141).

В известном смысле и сама Гинзбург те книги, которые считала «своими»³ и которые выходили с 1960-х, писала как одну, начиная со

¹Запись при публикации датирована Гинзбург 1932 г. Об условной, а иногда и преднамеренно неверной датировке записей в «Записной книжке» см.: Ван Баскирк, Силакова, 2020: 172, 197–200.

²Помещенных Гинзбург при публикации «Записных книжек» в раздел «Фрагменты». Этот текст, согласно наблюдению Ван Баскирк, «весьма похож» на сохранившийся в архиве Гинзбург текст «Теоретического вступления» к «пяти повестям», литературному опыту 1930-х гг. «Дом и мир», из которого вырастут «Возвращение домой», «Мысль, опиравшаяся на круг» и «Заблуждение воли» (там же: 171–173), опубликованные, в свою очередь, Гинзбург в последней прижизненной книге «Человек за письменным столом» вместе с «Записками блокадного человека» под общим заглавием «Четыре повествования» (т. е. в итоге Гинзбург, уйдя от «повестей» и «новелл», как иногда их называют, но сохранив числительное в названии, остановится на нейтральном — «повествование»).

³В формальном смысле первой вполне «своей» большой книгой она могла бы считать «„Былое и думы“ Герцена» (1957), но она была для нее напоминанием о том, как «всеобщий язык проникает и располагает в нашем слове» (Гинзбург, 2011а: 294).

старомодной цепочки заглавий⁴ и вплоть до характерного переплетения теоретических, историко-литературных, мемуарных текстов и фрагментов из «Записной книжки», которое она осуществляет явно с начала 1980-х гг. (см.: Гинзбург, 1982) и что в менее эксплицитном виде пронизывает все ее «свои» книги.

Место Гинзбург в отечественной интеллектуальной истории поддается определению довольно сложно в том плане, что для нее нет простой и однозначной формулы. Во-первых, она филолог, теоретик литературы, одна из «младоформалистов» (понятие, которое она сама охотно использовала благодаря сочетанию выстраивания генеалогий, академической преемственности и ироничного взгляда). Но при этом вышедшие уже в 1960–70-х годах большие теоретические работы Гинзбург получают в литературоведческой среде ограниченное признание (см., в частности: Кумпан, 2005: 100–101). Она интересует как «интеллектуал» и «писатель»⁵; показательно стремление осмыслить ее «прозу», до некоторой степени включая в этот состав и большие теоретические работы, прежде всего как литературу: «Записные книжки» — как род «романа», «О психологической прозе» и «О литературном герое» — как форму прежде всего саморефлексии. Таким образом, вопрос о точности и плодотворности теоретических построений Гинзбург снимается или ослабляется, последние же считаются важными в качестве автокомментария.

Действительно, ее способ мыслить и писать далек от позитивистского идеала отчужденного знания. Мысль предстает не как направленная на внешний объект, а как способ самоосмысления, но при этом далекий от саморефлексии в смысле традиций как «психологической прозы», так и «исповедального» жанра. Точнее, идущий от него⁶, но через осознание невозможности повторения. «Традиция» здесь оказывается рефлексивной в особом смысле:

- ♦ хорошо известно, что «традиция» как таковая возникает именно как рефлексия, как вторичная сборка, когда сама традиция уже прервалась или находится в кризисе;

⁴Отметим стилистическое сходство с посмертными собраниями трудов учителя Гинзбург Б. М. Эйхенбаума: (1) «О прозе», 1969; (2) «О прозе. О поэзии», 1986; (3) «О литературе», 1987.

⁵См. репрезентативный подбор и анализ суждений в работе: (Ван Баскирк, Силакова, 2020: 204–211).

⁶Большая часть книги «О психологической прозе» посвящена анализу именно ключевых текстов этой традиции: от «Исповеди» Руссо и Толстого до «В поисках...» Пруста.

- ◇ традиция как то, к чему отсылают как к «традиции», означает, что она уже перестала быть тем, к чему желают отослать: сознательное помещение себя в традицию выступает как модернистский жест с подчеркиваемой историчностью (неважно — в рамках обращенности вперед, к некому другому или же в рамках контрхода, усилия реставрации);
- ◇ для Гинзбург отношение к традиции и самоотнесение с ней возникает через ее осознание, и в качестве уже данной — через невозможность ее повторения, которое оказывается неизбежно иным; и отсюда размышление теперь уже над сознательно «иным», именно для того чтобы осуществить то же самое.

Во вполне законченном виде это будет сформулировано Гинзбург уже на закате жизни — в последней большой книге «О литературном герое» (Гинзбург, 1979), а следом в статье «Литература в поисках реальности», суммирующей размышления 1960–80-х годов, она будет утверждать свое понимание сути литературы или, по крайней мере, того, что ее в ней интересовало в первую очередь и к чему она сама стремилась в своей прозе: «Литература, чем бы она ни занималась, неизбежно моделирует человека» (Гинзбург, 1987: 49).

Литература для Гинзбург — интерпретация «человеческого опыта, социального и душевного» (там же: 57), она диалектически — инструмент и познания, и претворения опыта.

Для Гинзбург конца 1920-х, когда она начинает серьезно интересоваться Прустом, стоят два основных теоретических и одновременно практических вопроса: во-первых, как писать, как возможна современная литература? И, во-вторых, тесно связанный с предыдущим вопросом или, быть может, даже выступающий другой формулировкой его же: как возможна («здесь и сейчас») литература как исследование? Принципиально важно, что для Гинзбург не существует в качестве актуального, адекватного ее мысли самодостаточного «эстетического» — литература имеет смысл как дающая доступ к реальности, как исследование, недостижимое иными средствами.

Первая развернутая реакция Гинзбург на роман Пруста сразу же оказывается в практической плоскости, в приложимости — точнее неприложимости — прустовского романа как формы, в которую можно облечь наличный опыт. Она рассматривает «В поисках утраченного времени» сразу же с позиций переноса и фиксирует, что как целое эта конструкция не может быть перенесена. В записи, отнесенной к 1927 г., она утверждает (Гинзбург, 2011а: 42–43):

Может быть, западная литература находится накануне прустизации. У нас только что начали появляться переводы. У нас для ассимиляции Пруста есть препятствия. Пруст, с его гегемонией единичного, внутреннего человека, неприемлем, в какой-то мере, для человека современного (я подразумеваю русского человека). Эротическая тема в своем чистом виде не может быть для нас в настоящее время достаточной. Характерно, что в «ЗОО» Шкловский все время подпирал любовь профессией. Аля шествует под прикрытием формального метода и автомобилей.

С. Савицкий, анализируя эту запись, утверждает (Савицкий, 2012: 42):

...Пруст с самого начала не был воспринят как единомышленник. Первая реакция Гинзбург на издание «В сторону Свана» — абсолютная неуместность такой литературы в современной России⁷.

Достаточно обратиться к приведенной выше цитате, часть которой следом приводит Савицкий как раз в подтверждение собственного суждения, чтобы увидеть, что утверждение об «абсолютной неуместности» избыточно радикально: сама Гинзбург пишет фразу «неприемлем, в какой-то мере» и буквально в следующем абзаце продолжает размышлять о путях «ассимиляции» Пруста «традициями русского психологического романа» (Гинзбург, 2011а: 43). Но важна в данном случае не эта частная деталь, а то, что позиция Гинзбург сохранится в существенных моментах и четверть века спустя: она уточнится и углубится — а сама Гинзбург обретет и переработает опыт в блокадную прозу (см.: Гинзбург, 2011b; Тесля, 2012)⁸.

Вообще-то сам этот вывод о невозможности прямолинейной ассимиляции практически самоочевиден и свидетельствует прежде всего о еще

⁷Об истории восприятия «В поисках утраченного времени» в России см.: Михайлов, 2012: гл. 2.

⁸Так, в записи 1954 г. Гинзбург размышляет: «На нашей памяти конфликт литературного персонажа стал опять внешним конфликтом, как во времена допсихологические. Внутренний конфликт психологической литературы XIX века и начала XX века был свободным конфликтом в том смысле, что интеллектуальный человек — не довольствуясь сопротивлением вещей и обстоятельств — сам создавал его и сам разрешал (по возможности). До крайности довел свободу конфликта Пруст. Но хэмигуэвский человек совсем уже отрешен от самозарождающегося конфликта, в частности от любовного. У Хэмигуэя двое, которые могут соединиться в пустом и враждебном пространстве, бросаются друг к другу с поспешностью, не позволяющей им терять ни минуты на проволочки психологического порядка. [...] Деятнадцатый век канонизировал несчастную любовь. Наши лучшие современники пишут о счастливой любви. Она оказалась катастрофичнее несчастной» (Гинзбург, 2011а: 198–199).

известной неопытности, молодости Гинзбург и вместе с тем о захваченности повествованием⁹. В дальнейшем с легкой руки Г. Гуковского (см.: Зорин, 2005: 45–46; Ван Баскирк, Силакова, 2020: 141) возникнет долго бытовавшая легенда о попытке самой Гинзбург написать «прустовский роман»¹⁰. И далее Гинзбург предпринимает усилие другого рода — попытку разобраться, в чем принципиальная новизна прустовского романа. От вопроса о возможности воспроизведения формы на другом материале и мгновенного вывода о несоразмерности, невозможности (выводе тем более очевидном, что и для самого французского контекста роман Пруста оказывается уникальным, не имеющим «повторения»¹¹) она приходит к вопросу о конструктивном принципе прустовского текста. В записи 1927 г., цитировать которую мы начали выше, Гинзбург кратко характеризует специфику автобиографического героя в «Анне Карениной» и следом отмечает (Гинзбург, 2011а: 43):

Явно автобиографический герой Пруста хотя и литератор, но никак не может быть воспринят в качестве большого писателя (это у него в будущем) (курсив наш — А. Т.). Психологизм, очевидно, требует некоторой

⁹Соблазн окажется столь сильным, что в неопубликованной статье о Прусте, над которой она будет работать целый год, в 1929–1930 (мы к ней обратимся ниже), Гинзбург предостерегает (прежде всего саму себя) от слишком рьяного подражания, поскольку «его литературная манера в целом немислима вне его личной гениальности» (цит. по: Ван Баскирк, Силакова, 2020: 289, прим. 2).

¹⁰К этому сюжету будут относиться многочисленные записи самой Гинзбург и свидетельства мемуаристов об ее опытах прозаического повествования в 1930-е, которые в итоге будут опубликованы ей самой в 1989 г. (Гинзбург, 1989: 402–516) В частности, сюда относится дневниковая запись Л. М. Андриевской, жены Б. М. Энгельгардта, близкого Гинзбург в 1930-е годы (см. о нем в «Записных книжках»), от 05.03.1939: «А Люся Гинзбург упорно, кропотливо, неизменно и неизбежно от своих остроумных записных книжек перешла к глубокомысленному роману. Каждый год она пишет по одной главе, и скоро у нее будет третья глава романа без начала и конца» (цит. по: Савицкий, 2012: 58, прим. 19). Е. А. Кумпан вспоминала: «Мы, разумеется, обращались к ней по имени и отчеству. Старые друзья, ровесники, родственники (впрочем, из родственников мы никого уже, можно сказать, не застали в живых, но Лидия Яковлевна часто рассказывала какие-нибудь новеллы о своем брате) звали ее „Люсенькой“. Когда звучало это обращение, становилось понятно, что знакомство корнями уходит или в петроградские 20-е годы, или еще глубже, в одесскую юность. „Люсенькой“ называли Л. Я. Борис Яковлевич Бухштаб, Александра Львовна Андрес, Рина Зелена, Ирина Валентиновна Шеголева (Альтман). Наташа Долинна называла Лидию Яковлевну „тетей Люсей“. И это понятно, она знала Лидию Яковлевну с детства» (Кумпан, 2005: 73).

¹¹Вне времени — своеобразие позиции. Здесь кратко о своеобразии прустовского литературного положения (выпадение из времени, создающее эстетическую новизну, — «в сторону», «вбок» от основных путей).

степени посредственности героя, которая особенно остро сочетается с парадоксальностью описания¹².

И далее (Гинзбург, 2011а: 43–44):

Пруст принадлежит к тем новаторам, которые не изобретают элементы, а проявляют потенции, заставляя элементы по-иному функционировать. «*A la recherche du temps perdu*» довело до абсурда французский адюльтерно-психологический роман. Поэтому новизна не в материале и не в отдельном приеме, — новизна отчасти даже в отрицательном качестве, в том, что впервые оказалось возможным построить роман без таких-то и таких-то конструктивных элементов. Количественный принцип пришел на помощь: девять томов, написанных без того-то и того-то, довели новизну до дерзновения.

У Пруста презрение к фактическому событию; психологическая фабула завязывается, движется, разрешается, а герой все еще один лежит на кровати. От времени до времени Пруст бывает вынужден сообщить факт — и он делает это не то пренебрежительно, не то застенчиво. На протяжении десятков страниц огромное напряжение развивается вокруг желания героини попасть в дом Сванов, но о моменте осуществления этого желания (которое поворачивает фабулу) Пруст сообщает без всякого перехода в двух-трех строках; их скользкая интонация как бы свидетельствует читателю от имени автора: я никогда не унижусь до того, чтобы подготавливать, разворачивать, педализировать материал физического события.

Пруст передает физиологические ощущения, которые герой испытывает вблизи своей возлюбленной, той же интонацией, которой он описывает, например, как герой любит пейзажем. Пруст не меняет голоса¹³.

¹²Ср., напр., с более поздними рассуждениями Г. Лукача об историческом романе В. Скотта как узловом моменте формирования европейского романа XIX века и значении главного героя как «посредственного», через которого (как род «объективности») созерцается мир (см.: Лукач, Андерсон, 2014).

¹³Со значением интонации, тона Гинзбург связывает своеобразие эротического у Пруста, свободное от порнографии: «Пруст — писатель с большим эротическим зарядом, притом совершенно преодолевший порнографию. Очень общо говоря, порнографией оказывается эротика, введенная со „специальной целью“» (Гинзбург, 2011а: 385). В начале 1930-х Гинзбург использует эти уроки Пруста в «Возвращении домой», где расставание, окончание любви, диалоги отдаляющихся даются отчужденно, без грана интонационного подъема, от чего меланхолия, взгляд на уходящее становятся пронзительными. Уже в 1970-е, приступая к анализу Пруста в рамках трактовки «психологической прозы» в одноименной книге, Гинзбург начнет именно с характеристики интонации, отмечая (Гинзбург, 1977: 369): «Гигантское, ставшее многотомным романом, размышление Пруста обладает чрезвычайным интонационным и стилевым единством, в котором обнаруживаются, однако, поглощенные, переработанные им разнородные пласты».

Кризис романа — неадекватность «классической» романной формы (при всей условности этого понятия с учетом многообразия и скорости эволюции жанра) современности или ее художественная истерпанность¹⁴ — «общее место» 1920-х; оно во многом останется таковым и для последующих десятилетий¹⁵ (слибо в напряженном поиске других больших форм за пределами романа, либо в стремлении радикально переосмыслить роман). Отсюда также особый интерес Гинзбург к Прусту — как примеру возможности романа в ситуации его кризиса¹⁶. Впрочем, довольно быстро «В поисках утраченного времени» перестает рассматриваться именно в романной рамке — жанровая природа как таковая далее интересует Гинзбург в связи с Прустом прежде всего в аспекте генеалогии: как он перерабатывает предшествующие романские формы, как вбирает и создает принципиально новое из генеалогии, где и Стендаль, и Достоевский, и Толстой, и множество других.

В опубликованных уже посмертно записях есть следующая, датированная 1928 г., имеющая принципиальное значение для понимания места Пруста в интеллектуальной биографии Гинзбург (Гинзбург, 2011а: 400):

Можно писать о себе прямо: я. Можно писать полукосвенно: подставное лицо. Можно писать совсем косвенно: о других людях, о вещах, таких, какими я их

¹⁴Что во многом — одно и то же, подчеркивающее разные принципы объяснения неадекватности: через изменение контекста, внешние факторы (когда, например, прежняя романная форма понимается как не схватывающая новую социальную реальность, несоизмеримость ее темпоральности тому, что она пытается схватить) или же через внутреннюю логику художественной формы, ее истощание в смысле реализации всех основных заложенных в ней ходов, в результате чего новое произведение неизбежно оказывается вторичным и, следовательно, вновь не способным ухватить изменившуюся реальность, поскольку отсылает к уже наличным образцам, связанным с другим содержанием.

¹⁵В русском случае ситуация будет существенно модифицирована утверждением «социалистического реализма», связанного (при всей неопределенности понятия) с тяготением к воспроизведению больших романских форм XIX века с новым содержанием, что, с одной стороны, еще более отчетливо демонстрирует истощанность, мертвенность этого хода, а с другой — искусственно консервирует ситуацию, задавая в качестве контекста литературного действия и осмысления «большую литературу» XIX века как остающуюся в актуальной современности.

¹⁶Возвращаясь к отмеченному ранее (невозможности трансфера), напомним, что для конца 1910–1920-х годов актуальной является тема произведения, создающего свой собственный жанр — жанр, существующий в единственном образце. Не в смысле «невоспроизводимости», а в значении полноты раскрытия потенций жанра: когда повторение оказывается лишенным художественного содержания, поскольку не реализует новых ходов. Так Шкловский интерпретирует, в частности, «листву» Розанова (Шкловский, 1990: 124), одновременно заимствуя и переосмысляя конструктивный принцип (т. е. повторяя ход — создавая собственную прозу во многом как отдельный жанр «Шкловский»).

вижу. Здесь начинается стихия *литературного размышления*, монологизированного взгляда на мир (Пруст), по-видимому, наиболее мне близкая.

Между прочим, я думаю, что Тынянов поступает неправильно. Не следует подменять исторического героя автобиографическим¹⁷. Вряд ли можно найти для моих тенденций форму более адекватную, чем эти записные книжки, — между тем я не могу на них успокоиться. Известно, что комические актеры хотят играть Гамлета, рисовальщики — писать батальные картины. Державин непременно хотел сочинить героическую поэму.

Кроме того, меня смущает ее непечатность. Не менее того меня смущает подозрение, что мне чересчур легко писать записную книжку.

Здесь примечательно, что Гинзбург непрямо, но сопоставляет «Записную книжку», которую начала вести за пару лет до того, вдохновившись «Старой записной книжкой» Вяземского, с предметом своего литературоведческого исследования¹⁸. В «Заметке о прозе», которая вберет в себя существенную часть материала из статьи о Прусте, над которой Гинзбург работает в 1929–1930 гг., сохраняется та же связанность с вопросом о собственном письме и неудовлетворенностью, сомнением в «Записных книжках». «Заметка...» начинается с рассуждения о дневнике, автор которого

¹⁷Гинзбург имеет в виду в первую очередь «Смерть Вазир-Мухтара» — роман Тынянова, опубликованный в 1927–1928 г. и намеренно полный анахронизмов и размышлений о себе и своем поколении. Напомним хотя бы известный фрагмент из предисловия: «Любям двадцатых годов досталась тяжелая смерть, потому что век умер раньше их. У них было в тридцатых годах верное чутье, когда человеку умереть. Они, как псы, выбирали для смерти угол поудобнее. И уже не требовали перед смертью ни любви, ни дружбы. Что дружба? Что любовь? Дружбу они обронили где-то в предыдущем десятилетии, и от нее осталась только привычка писать письма да ходатайствовать за виноватых друзей — кстати, тогда виноватых было много. Они писали друг другу длинные сентиментальные письма и обманывали друг друга, как раньше обманывали женщин. Над женщинами в двадцатых годах шутили и вовсе не делали тайн из любви. Иногда только дрались или умирали с таким видом, как будто говорили: „Завтра побывать у Истоминной“. Был такой термин у эпохи: „сердца раны“. Кстати, он вовсе не препятствовал бракам по расчету. В тридцатых годах поэты стали писать глупым красавицам. У женщин появились пышные подвязки. Разврат с девчонками двадцатых годов оказался добросовестным и ребяческим, тайные общества показались „сотней прапорщиков“. Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими собаками! Как страшна была жизнь *превращаемых*, жизнь тех из двадцатых годов, у которых перемещалась кровь!» (Тынянов, 1988: 4–5)

¹⁸Ей посвящена и первая статья Гинзбург, напечатанная в сборнике «Русская проза» (1926). Гинзбург подготовлено и издание извлечений из нее в сопровождении ее вступительной статьи и обстоятельных комментариев, которые увидели свет в 1929 г.

продвигается наугад, не зная еще ни своей судьбы, ни судьбы своих знакомых. Это поступательная динамика, исполненная случайностей и непроверенных событий (Гинзбург, 2011а: 141).

Дневник противопоставляется роману, строящемуся на закономерности и оценке, и следом Гинзбург переходит к Прусту, который

изображение жизни [...] заменил изображением размышления о жизни. *Получилось произведение новой реалистичности* (курсив наш — А. Т.). Потому что словами нельзя адекватно изобразить, скажем, стол (получится только словесный портрет стола), но мысль о столе, выраженная словами, более или менее равна себе самой. От многогомонности литературное время приближается к настоящему. Что нужды — девять лет или девять томов? — если достигнуто ощущение неделимой и естественной протяженности¹⁹ (там же).

А в записи 1930 г. (из опубликованных посмертно) Гинзбург говорит от первого лица, прямо формулируя, что именно выделенное ею — не только самое важное для нее в Прусте, но одновременно и то, что делает Пруста самым важным для нее писателем (там же: 413):

Мне дороги не вещи, а концепции вещей, процессы осознания (вот почему для меня самый важный писатель — Пруст). Все неосознанное для меня бессмысленно. Бессмысленно наслаждаться стихами, не понимая, чем и почему они хороши; бессмысленно лежать в траве, не осознавая траву, листву, солнце как некоторую символическую структуру... Отсюда прямой ход: от вещи к мысли, от мысли к слову, от слова внутреннего или устного к письменному, закреплённому, материализованному слову как крайней в этом ряду конкретности.

¹⁹В повествовании «Мысль, описавшая круг» (датированном автором концом 1930-х) Гинзбург анализировала последствия отсутствия внешней концептуальной рамки: «Творческая память для Пруста формообразующее начало не только искусства, но и жизни — потока, постоянно ускользающего в щель между прошлым и настоящим. У Бергсона бессознательная память объемлет всю полноту пережитого и включается в мировую связь. Достаточно было, сохранив гегемонию памяти, лишить ее этой связности, чтобы получилось катастрофическое жизнеощущение Пруста. В отличие от органической памяти — интеллектуальная память фрагментарна, и все ею не сбереженное, все невозстановимые куски жизни мучат тогда, как ноет колено целиком ампутированной ноги. В трудной борьбе с забвением человеческая память превращает прошедшее в настоящее, переживаемое вечно. Чтобы замкнуть, чтобы упрочить это переживание, — не лучше ли до конца создавать одно творение? Пруст, с его обостренным чувством пожизненного умирания, так и поступил» (Гинзбург, 2011а: 569–570). Сильно позже, уже в трактате «О психологической прозе», Гинзбург отмечала как характерную особенность Пруста его «многоплановость и склонность непрерывно теоретизировать и систематизировать при отсутствии действительно систематического мировоззрения» (Гинзбург, 1977: 369), что, как представляется, близко и самой Гинзбург.

А другой записи, датированной 20. 10. 1930 (из посмертно опубликованного), Гинзбург осмысляет неудачу чтения своей статьи о Прусте в кругу коллег и друзей (Гинзбург, 2011а: 414):

Интересна участь моей статьи о Прусте. Она очевидно провалилась; она никогда (sic! — А. Т.) ничему не научила и ничем не взволновала. Между тем у меня нет другой работы, на которую было бы потрачено столько труда, воли и личной заинтересованности. Ошибка и провал этой работы в том, что она не историческая, не критическая, не злободневная, никакая; она ни на что не ориентирована вовне; значение ее для меня в том, что она чрезвычайно плотно ориентирована внутрь меня; ориентирована на мои совершенно специальные, писательские (хоть я и не писатель) соображения о том, как надо сейчас писать роман, вообще на нечленораздельные для посторонних вещи.

В записи, озаглавленной «О старости и инфантильности» и помеченной 1954 г., размышляя над своим положением и утверждая, что «пишущий должен печататься», поскольку без этого недостижимы «формы выражения общественно значимые» и получается «литература для знакомых, в чье сознание она непосредственно вводит невыраженную жизненную материю» (там же: 188–189), Гинзбург замечает (там же: 188):

Удивительным aberrациям подвержен не только возраст людей, но и хронология книг. Французский роман двадцатилетней давности — новинка. Пруст — современный писатель; Джойс — до того современный, что мы все еще собираемся его прочесть.

Нерасчлененности поколений соответствует инфантильность человека.

Это та тема, которая — развернутая в абстракцию — станет одним из пластов понимания литературы для Гинзбург, она придет к нему в 1970–80-е: литература есть «интерпретация человеческого опыта», но, чтобы эта интерпретация состоялась, она должна состояться социально, публично. «Пишущий должен печататься», иначе не возникает литература — остаются какие-то тексты, остается архив, но это не просто не осмысленный опыт, а именно не состоявшийся (оставшийся в сфере «житейского», того, как жизнь моделирует человека (Гинзбург, 1987: 49–50)). В 1950–60-е это теоретическое переплетено с личным / лирическим — в записях тех лет есть следующий фрагмент (Гинзбург, 2011а: 216):

Творящему свойственно томительное ощущение ускользающего, даром утраченного времени, как ему свойственно мучиться тем, что сделал меньше,

чем мог сделать. Иначе расценивают достигнутое люди со стороны, особенно те, для кого данный человек стал уже фактом истории. [...] Не все ли нам равно, что Пруст начал писать в сорок лет, раз он успел написать все, что нам нужно от Пруста. Но како было великому писателю жить до сорока лет, не имея силы преодолеть душевную лень. Дарование — самая жестокая совесть.

Пруст для Гинзбург — не только автор, не имя, обозначающее текст, но и тот, с кем она себя соотносит, а делает она это очень редко. И совсем редко поднимается до неприкрытого пафоса, тем более по поводу искусства, но один из этих немногих случаев как раз вновь прямо связан с Прустом — в записи, относящейся ко 2-й половине 1960-х (Гинзбург, 1987: 293):

После Гегеля никто, кажется, не определял искусство с такой силой, как Пруст. В последнем томе он объяснил, зачем нужно искусство, и тем самым — почему оно было и будет. Искусство — найденное время, борьба с небытием, с ужасом бесследности. Обретенная предметность, ибо всякий предмет — остановка времени. Творческий дух одержал величайшую свою победу — остановил реку, в которую нельзя вступить дважды.

«Только мгновение прошлого? — Быть может, гораздо больше: нечто, что как бы одновременно принадлежит прошлому и настоящему, — гораздо существование того и другого». В щель между прошлым и будущим бессмысленно и неустанно ускользают настоящее, время, жизнь. Только искусство, по Прусту, снимает противоречия времени.

Уже в совсем поздних записях, относящихся к 1980-м — т. е. ведущимся одновременно с начавшейся публикацией «Из старых записей» (1982), — Гинзбург вновь и вновь обращается к Прусту, записывая, например, такой разговор (Гинзбург, 2011а: 306):

Х[арджиев] говорит, что из прозы сейчас можно читать Чехова, Пруста и отчасти Толстого. То есть «Анну Каренину», а насчет «Войны и мира» он уже не так уверен (я уверена).

Романы бесполезно читать, потому что этот вид условности перестал работать (условность стиха пока работает). Пруста можно читать, потому что это преодоление романа. И не нутром, как пытались это сделать авангардисты, а интеллектом. Вместо всегда условного словесного изображения жизни — высшая реальность размышления о жизни. Толстого можно читать, потому что он переступил через персонажа и писал о формах жизни, о типологии жизненного процесса. Самая принципиальная вещь у него — «Смерть Ивана Ильича» (типология умирания). Чехова можно читать потому, что печаль жизни он изобразил именно ту, которую мы в себе несем.

В записи, помещенной среди 1980-х гг., между датированными 1986 и 1988 гг., Гинзбург, не соглашаясь с «преувеличенностью» Набокова, попутно набрасывает перечень «гениев» (где «Сервантес и Шекспир, Толстой, Достоевский, Пруст, Чехов да и Кафка»), определяя в качестве критерия, отделяющего «большого писателя» от «гения», «открытие нового человека» (Гинзбург, 2011а: 317).

А в одной из последних записей говорит о том особом понимании жизни, которое присуще Прусту (там же: 345):

У Пруста ревность не только свойство характера рассказчика, но также идея ревности, объемлющая прустовское понимание жизни как непрерывного ускользания из человеческих рук.

Жизнь существует лишь в памяти. И не только прошедшая жизнь, но и так называемое настоящее — тоже производное памяти, недоступное для обладания. Отсюда бесплодная ревность к другому, в самом деле обладающему. Его даже нельзя настичь, потому что человек прустовского склада находится с ним в разных измерениях — в измерении памяти и в измерении побежденного настоящего²⁰.

В программной статье 198 г. «Литература в поисках реальности» Гинзбург намного более решительно, чем в книге «О литературном герое» (Гинзбург, 1979: 114), формулирует несогласие с находящимися у Пруста «поток сознания» (Гинзбург, 1987: 51):

...неправильно, например, называть потоком сознания рационалистически построенный монолог Пруста. Пруст не стремился к адекватности непосредственного изображения нерасчлененных душевных состояний. Он подвергал эти состояния переработке, стремясь, скорее, к адекватности потока размышления, — размышления как несомненной реальности психологического опыта. В стихию размышления, посредством связующего авторского комментария, погружены даже огромные диалоги действующих лиц. Детализация Пруста противоположна натуралистической, она интеллектуальна. Вещь у Пруста всегда концепция вещи — не иносказание, как у символистов, а именно концепция, — и он всегда ищет способы найти сверхзначение вещи, включая ее одновременно в разные познавательные ряды²¹.

Примечательно, что для самой Гинзбург Пруст оказывается с самого начала «в связке» с поздним Толстым и что эти два автора не

²⁰Запись датирована 04.11.1989.

²¹Ср. в книге «О психологической прозе»: «Анализ у Пруста — это не авторское вмешательство, как у Толстого, не фокус преломления объективного мира, как в „Былом и думах“ Герцена, — это размышление, безостановочное, всепоглощающее, замедленное, которое и стало предметом изображения» (Гинзбург, 1977: 370).

только постоянно присутствуют в ее рассуждениях, но и регулярно сопоставляются: Пруст выступает как реализующий интенцию позднего Толстого — делающий следующий ход не в некой абстрактной «истории романа», а в логике именно толстовского повествования, где возникают два вопроса:

(а) Зачем, собственно, описывать? Как понимает Толстой в самом начале пути, описание, детализация не имеют предела: чтобы описать один день, потребуется вся жизнь, нет никакого внутреннего предела взглядыванию, но сама по себе «душевная» жизнь — лишь бесконечное многообразие сменяющих друг друга чувств и мыслей.

(б) Зачем «придумывать»? Зачем нужна выдуманная история? Писатель здесь выступает «беллетристом» — тем, кто развлекает публику, рассказывая ей какие-то истории. Это занятие понятное с той точки зрения, что есть те, кому истории интересны, но это не ответ для самого автора: зачем ему это делать, если только это не род заработка, профессия²².

Пруст даст один из вариантов ухода от беллетристики — как возможна современная большая проза. В поздней работе «О литературном герое» Гинзбург напишет (Гинзбург, 1979: 14):

...«В поисках утраченного времени» не есть свободно текущий рассказ о собственной жизни. Но ведь иллюзия подобной спонтанности возникает недаром. Для Пруста речь идет о той высшей реальности перерабатывающего мир сознания, которой он хотел заменить условность объективного мира, вымышленного романистом.

Далее, в примечании к этой фразе, Гинзбург замечает (там же: 14, прим. 2):

²²Напомним, что Гинзбург написала роман «Агентство Пинкертона» как род «халтуры» и одновременно «ремесла», сожалея, что включила в него несколько реплик и формулировок, важных ей самой (см.: Савицкий, 2012: 96 и сл.). В воспоминаниях о Багрицком, датированных 1966 г., Гинзбург сохранит один момент из прошлого, столь запомнившийся ей еще и из-за близости собственным размышлениям к. 1920 – н. 1930-х: «В 1928 году Багрицкому материально приходилось туго. Он не жаловался, но попутно шутил на эту тему. Кто-то из присутствующих стал его убеждать написать между делом халтуру, для денег. Если жалко имени — можно под псевдонимом. Разговор весь шел в шуточном тоне. И вдруг, ломая его, Багрицкий сказал очень серьезно, как говорят о вещах, крепко продуманных: — Не в том дело. Я всегда боюсь, что в халтуру попадет строчка из настоящего стихотворения, из будущего, понимаете? И пропадет. Так нельзя...» (Гинзбург, 1989: 367)

Эта условность всегда мучила Толстого, хотя он и был величайшим создателем объективного художественного мира. В одном из незавершенных предисловий к «Войне и миру» Толстой писал: «...Необходимость выдумкою связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились во мне, так мне становилась противна, что я бросал начатое и отчаивался в возможности высказать все то, что мне хотелось и нужно высказать». А в самом конце своей жизни, 12 января 1909 года, Толстой записывает в дневнике: «...Художественная работа: „Был ясный вечер, пахло...“ — невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им... Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь».

В записи, относящейся к середине 1930-х годов, Гинзбург отмечает, противопоставляя литературу как интерпретацию жизни и «слова, слова, слова»:

Есть такая манера письма, при которой слово раскатывается словами и не может остановиться. Слова истекают из слов, и так до бесконечности, до каких-то первичных слов, давно потерявших связь с реальей. Это система смысловых производных, слишком ленивых для того, чтобы пробиться дальше ближайшего слоя понимания.

Между тем новое понимание действительности возможно, только когда каждая словесная формулировка добывается из нового опыта; не как разматывание неудержимого словесного клубка, но как очередное отношение к вещи. И о любой вещи спрашивают — что она, собственно, такое? Непрерывно возобновляемое в писательском опыте соизмерение слов и реалий (Гинзбург, 2011а: 126)²³.

Но предельно отчетливо, на наш взгляд, — и примечательно, что в мемуарном очерке, посвященном Николаю Олейникову, — Гинзбург формулирует свое ключевое понимание Пруста, включая фрагмент из записной книжки (Гинзбург, 1989: 381):

Мы говорили еще о том, что непонятно, как писать сейчас прозу. О том, что нас тяготит фиктивность существующих способов изображения человека. Я сказала, что еще Толстой в конце жизни утверждал — уже невозможно описывать, как вымышленный человек подошел к столу, сел на стул и проч., что интересен эксперимент Пруста. *Вместо изображения человека — у него изображение размышлений о человеке, то есть реальности, адекватно выраженной в слове* (курсив наш — А. Т.). Слово и есть материя размышления,

²³Запись при публикации датирована Гинзбург 1935 г.

тогда как по отношению к материи всякого предмета слово есть знак, речевой эквивалент. Прустовская действительность — это комментарий; люди и вещи вводятся по принципу примеров, а разговоры по принципу цитат.

Пруст для Гинзбург — тот, кто нашел способ вновь устранить зазор между словами и вещами, открыл ту область, тот предмет, где этого зазора не существует, прорвался к реальности и показал, что это возможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Баскирк Э.* Проза Лидии Гинзбург : Реальность в поисках литературы / пер. с англ. С. Силаковой. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.
- Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. — Л. : Художественная литература, 1977.
- Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. — Л. : Советский писатель, 1979.
- Гинзбург Л. Я.* О старом и новом : Статьи и очерки. — Л. : Советский писатель, 1982.
- Гинзбург Л. Я.* Литература в поисках реальности : Статьи, эссе, очерки. — Л. : Советский писатель, 1987.
- Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом : Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. — Л. : Советский писатель, 1989.
- Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. — СПб. : Искусство-СПб, 2011а.
- Гинзбург Л. Я.* Проходящие характеры : Проза военных лет. Записки блокадного человека / под ред. А. Л. Зориной, Э. Ван Баскирика. — М. : Новое издательство, 2011б.
- Зорин А. Л.* Проза Лидии Гинзбург и гуманитарная мысль XX века // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 76. — С. 45–67.
- Кумпан Е. А.* Ближний подступ к легенде. — СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2005.
- Лукач Г.* Исторический роман / пер. с нем. П. Андерсона. — М. : Common place, 2014.
- Михайлов А. Д.* Поэтика Пруста / под ред. Т. М. Николаевой. — М. : Языки славянской культуры, 2012.
- Савицкий С. А.* Частный человек. Л. Я. Гинзбург в конце 1920-х — начале 1930-х годов. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
- Тесля А. А.* Беспощадно зрячая : Рецензия на книгу: Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры. М., 2011 // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 114. — С. 354–362.

Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара : Роман. — М. : Художественная литература, 1988.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет : Статьи—воспоминания—эссе (1914–1933) / под ред. А. Ю. Галушкина, А. П. Чудакова. — М. : Советский писатель, 1990.

Teslya, A. A. 2022. “Dlya menya samyy vazhnyy pisatel” [“The Most Important Writer for Me”]: Lidiya Ginzburg o Marsele Pruste [Lydia Ginzburg on Marcel Proust] [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 191–208.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT
INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-2437-5002

“THE MOST IMPORTANT WRITER FOR ME”

LYDIA GINZBURG ON MARCEL PROUST

Submitted: May 09, 2022. Reviewed: May 20, 2022. Accepted: May 27, 2022.

Abstract: Marcel Proust’s “In Search of Lost Time” had a very significant and lasting influence on both the thinking and the artistic practice of Lydia Ginzburg. It is no coincidence that the legend of her attempt to write a “Proustian” novel proved so enduring. No less important to her was the very problem of the “big text,” the duration created by the narrative’s duration. However, Proust’s “removal” of the problem of the “fictitiousness” and “fiction” of the novel narrative—the possibility of viewing Proust’s novel simultaneously in the context of both fiction and the documentary narrative—is the main one. If in the late 1920s, her reaction to Proust’s novel was connected mainly with questions of applicability, assimilation of Proust’s techniques and principles of work construction. From the turn of the 20th–30th, her understanding is linked to the experience of the Proust novel not only as new but also as making possible what was already impossible in the framework of previous literature, a way of modelling the self. In this essay, we limit ourselves to one aspect of the enormous theme of Proust and Ginzburg, namely, to determine what Ginzburg saw as the main content and significance of Proust as a writer—what determined the constant return of her thought to his novel. In our view, in Proust’s artistic practice, Ginzburg sees realized the primary purpose of literature: the interpretation of “human experience, social and mental,” in finding that sphere where “now” the connection of words and things is possible, i. e. where literature can find reality.

Keywords: Documentary Prose, Psychological Prose, Reality, Jealousy, Words and Things, Novel in Crisis.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-191-208.

REFERENCES

Ginzburg, L. Ya. 1977. *O psikhologicheskoy proze [About the Psychological Prose]* [in Russian]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

- . 1979. *O literaturnom geroye [About the Literary Hero]* [in Russian]. Leningrad: Sovet-skiy pisatel'.
- . 1982. *O starom i novom [On the Old and the New]: Stat'i i ocherki [Articles, Essays]* [in Russian]. Leningrad: Sovet-skiy pisatel'.
- . 1987. *Literatura v poiskakh real'nosti [Literature in Search of Reality]: Stat'i, esse, ocherki [Articles, Essays]* [in Russian]. Leningrad: Sovet-skiy pisatel'.
- . 1989. *Chelovek za pis'mennym stolom [Man Behind the Desk]: Esse. Iz vospominaniy. Chetyre povestvovaniya [Essays. From Memoirs. Four Narratives]* [in Russian]. Leningrad: Sovet-skiy pisatel'.
- . 2011a. *Prokhodyashchiye kharaktery [Passing characters]: Proza voyennykh let. Zapiski blokadnogo cheloveka [Prose of the War Years. Notes of the Victim of Siege]* [in Russian]. Ed. by A. L. Zorina and E. Van Baskirik. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- . 2011b. *Zapisnyye knizhki. Vospominaniya. Esse [Notebooks. Memories. Essays]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Iskusstvo-SPb.
- Kumpan, Ye. A. 2005. *Blizhniy podstup k legende [A Close Approach to Legend]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda".
- Lukács, D. 2014. *Istoricheskiy roman [Der Historische Roman]* [in Russian]. Trans. from the German by P. Anderson. Moskva [Moscow]: Common place.
- Mikhaylov, A. D. 2012. *Poetika Prusta [Poetics of Proust]* [in Russian]. Ed. by T. M. Nikolayeva. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Savitskiy, S. A. 2012. *Chastnyy chelovek. L. Ya. Ginzburg v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh godov [The Private Human. L. Y. Ginzburg in the Late 1920s — Early 1930s]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Shklovskiy, V. B. 1990. *Gamburgskiy schet [Hamburg Account]: Stat'i — vospominaniya — esse (1914–1933) [Articles — Memoirs — Essays (1914–1933)]* [in Russian]. Ed. by A. Yu. Galushkin and A. P. Chudakov. Moskva [Moscow]: Sovet-skiy pisatel'.
- Teslya, A. A. 2012. "Besposhchadno zryachaya [Mercilessly Sighted]: Retsenziya na knigu: Ginzburg L. Ya. Prokhodyashchiye kharaktery. M., 2011" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, no. 114: 354–362.
- Tynyanov, Yu. N. 1988. *Smert' Vazir-Mukhtara [The Death of Wazir Mukhtar]: Roman [A Novel]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Van Basirk, E. 2020. *Proza Lidii Ginzburg [The Prose of Lydia Ginzburg]: Real'nost' v poiskakh literatury [Reality in Search of Literature]* [in Russian]. Trans. from the English by S. Silakova. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Zorin, A. L. 2005. "Proza Lidii Ginzburg i gumanitarnaya mysl' xx veka [Prose of Lidia Ginzburg and Humanitarian Thought of 20th Century]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, no. 76: 45–67.

АЛЕКСАНДР САНЖЕНАКОВ, ДЕНИС МАСЛОВ*
СТОИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ
И ЕЕ СКЕПТИЧЕСКАЯ КРИТИКА**

Получено: 20.08.2021. Рецензировано: 18.11.2021. Принято: 21.05.2022.

Аннотация: В статье рассматривается стоическая теория действия и ее критика скептиками. Стоики полагали, что агент получает автономию благодаря согласию, которое дается на представление, облеченное в виде высказывания. В этом месте теория действия соединяется с теорией познания, поскольку согласие может даваться как на ценностно нейтральные, так и на ценностно нагруженные высказывания. Возникает вопрос: требует ли правильное поведение наличия адекватных теоретических постигающих представлений или же достаточным залогом успеха деятельности являются правильность практических постигающих представлений? Скептики активно критиковали все разделы учения Стои и часто обращались к понятию «постигающего представления», доказывая, что его не существует. Указывая на недостатки стоической и других догматических теорий, скептики тем самым отрицали познавательную и моральную непогрешимость стоического мудреца. В качестве возможного ответа предлагается различать практический и теоретический уровни постигающего представления. На примере ошибочного согласия на ложное представление показано, что ошибка в теоретическом согласии не обязательно приводит к ошибке в практическом согласии. В ответ на критику со стороны оппонентов пирронизм вынужден был строить не только модель недогматической аргументации, но и собственную модель действия. Скептики приводят аргументы против возражения *апраксии*, которое заключается в том, что скептик не может действовать до тех пор, пока не даст согласие на то или иное представление. Однако *атараксия скептики* не предполагает тотального квиетизма и растительной жизни, поскольку оставляет пространство для действия, не привязанного к сфере истинностных высказываний. Дискуссия привела к тому, что стоики стали более сдержанно проводить линию взаимозависимости эпистемологии и этики, а также стали больше внимания уделять именно практическому компоненту своего учения. Скептики же были вынуждены разработать собственную модель действия, согласно которой скептик может действовать, но при этом избегать приверженности мнениям и воздерживаться от суждений.

Ключевые слова: стоики, скептики, Секст Эмпирик, теория действия, этика, знание, истина, апраксия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-209-237.

* Александр Афанасьевич Санжеников, к. филос. н., ст. н. сотр., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), sanzhenakov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5789-6632; Денис Константинович Маслов, мл. н. сотр., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), denn.maslov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5399-5732.

** © Санжеников А.; Маслов Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543001.

ВВЕДЕНИЕ

Античную философию отличает особый интерес к поиску высшего блага человеческой жизни. *A fortiori* это справедливо по отношению к стоикам, которые являются типичными представителями эллинистического периода, когда античная философия стала наиболее настойчиво искать ответы на практические вопросы. Эти поиски были фундированы предыдущей традицией: философскими идеями Сократа, Платона и Аристотеля. Так, с одной стороны, стоики стали продолжателями сократической идеи о тождестве знания и добродетели. С другой стороны, им был не чужд тезис Аристотеля о том, что всякий человек в своих действиях преследует благо (см.: Ar. Eth. Nic. 1094a1, 1094a22, 1097a23). Негативным образом учитывался и опыт философии Платона; например, стоики отказались от его учения о разделении души в пользу психологического монизма, в рамках которого душа делится на части лишь номинальным образом, по факту же постулируется единство всех функций под управлением разума. Но одним из главных залогов успеха на этом поприще, с нашей точки зрения, стала выработка более тонченной теории действия, призванной прояснить основания поступков и помочь выработать нормативные представления о нравственно правильных и порочных действиях.

В основе большинства представлений о действии лежит убеждение о связи истины и блага, то есть познания мира и этически правильного поведения. Такое понимание присуще и ведущим античным учениям; в частности, Платон отождествлял истину и благо, а также считал, что правильное действие вытекает из знания автоматически. Скептическая критика показывает, что стоическая теория блага находится в зависимости от познания, и ставит под сомнение оправданность этого убеждения (это же может быть применимо *в первом приближении* и к любой теории, основывающейся на связи блага и истины). Скептическая критика стоической модели действия гласит, что провал на пути постижения истины приведет к потере нравственного ориентира при выборе образа действия, а с точки зрения скептиков, истина как раскрытие природы вещей не может быть найдена. В свете пирронического воздержания от суждения возникло антискептическое возражение *апраксии*, которое в самой общей форме гласит, что скептик, если не будет иметь мнений, либо не сможет действовать и необходимо умрет, либо же отступит от своего воздержания (в частности, этот аргумент артикулировал Юм (Юм, Церетели, 1996: 139), также см. Burnyeat,

1980; Bett, 2019). В качестве альтернативы стоической теории действия и ответа на это возражение Секст Эмпирик предлагает истинностно нейтральный механизм действия, который не предполагает познания или претензии на познание истины в качестве необходимого условия для жизнедеятельности. Исходя из этой проблемы, мы реконструируем ответ на один из видов возражения *апраксии*.

В настоящей статье нам бы хотелось рассмотреть стоическую теорию действия, включающую представления о благе, ценностях и воле, а также скептическую критику стоиков и скептическую пирроническую модель действия, основанную на явлениях, а не на знании вещей по природе (т. е. истины). В результате мы увидим, каким образом трансформировалась стоическая философия, и также станет ясно, на какие уступки готовы были пойти стоики, а что они считали неизменным в своей теории.

I

Если Аристотель ставил созерцательную деятельность выше практической, то стоики искали третий путь между двумя этими альтернативами. Они полагали, что необходимо вести такой образ жизни, в котором сочеталось бы теоретическое и практическое совершенство¹. Такая позиция проистекает от того, что они унаследовали и развили в собственном ключе интеллектуализм Сократа. С одной стороны, мудрец стоиков является непогрешимым познавательным субъектом² (только он владеет знанием, удел остальных — мнение), с другой стороны, он ни в каком деле не погрешает (и даже, как утверждал Зенон Китийский, чечевичную похлебку готовит единственно верным способом). Также на протяжении всей истории школы стоики уделяли особое внимание практической части этики, поскольку им было недостаточно теоретических представлений о нравственно правильном, но они также заботились о том, чтобы их последователи и приверженцы могли в действиях осуществить эти нормативные представления.

Всестороннее совершенство стоического мудреца порождает вопрос: являются ли его успехи как в теоретической (эпистемологической) области, так и в практической (моральной) взаимообусловленными? Руководствуется ли мудрец стоиков каким-то определенным знанием в своих

¹ Стоики считали, что жить чистой «теорией» (то, что называется *συχλοστικὸς βίος*) ошибочно (Plut. St. rep. 2, 1033d; ФРС. I, 702).

² См.: ФРС. I, 52, 347; ФРС. II.1, 131–132; ФРС. III.1, 43, 196, 548 и сл.

действиях или же его поступки есть следствие некоторой интуиции? Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно реконструировать теорию действия стоиков и посмотреть, каким образом она вписана в их этику и эпистемологию. Если выражаться более пространно, то нас будет интересовать соотношение теоретического и практического разумов в стоической философии.

Прежде всего следует отметить, что согласно антропологии стоиков люди мыслят и действуют благодаря представлениям (φαντασίαι), которые сначала формируются нашими чувствами (в душе отпечатывается реальный объект восприятия), а после получают разумное оформление (иначе говоря, могут быть словесно выражены)³. По своей достоверности представления разделяются на постигающие⁴ и непостигающие. Согласно стоикам, результат образования того или другого вида представлений зависит от ряда характеристик познающего агента (прежде всего от силы напряжения пневмы ведущего начала)⁵. В некоторой степени можно сказать, что стоики были представителями аретического подхода в эпистемологии, согласно которому качества субъекта познания (его интеллектуальные добродетели) являются определяющими в процессе познания (Касавин, 2019)⁶. Мудрец стоиков никогда не ошибается по той причине, что не дает согласия на непостигающие представление и чужд ослабленному восприятию (ФРС. III.1, 548). Казалось бы, пока

³См. у Диогена Лаэртия: «Сначала бывает впечатление, а затем уже — „выговаривающая“ мысль (ἡ δίανοια ἐκκλητική), способная выразить в слове то, что испытывается впечатлением» (ФРС. II.1, 52).

⁴Цицерон так излагает учение о постигающем представлении: «Но Зенон считал достоверными не все впечатления, а лишь те, которые обладают особым свойством „обнаруживать“ те вещи, которые [в них] „представляются“. И поскольку такое впечатление само собой „распознается“ (per se cerneretur), он назвал его „постигаемым“ (comprehensibile)... [...] ...а когда оно уже принято и одобрено, он называл его „схватыванием“» (ФРС. I, 60).

⁵Стойей передает, что стоический «мудрец ничто не воспринимает в расслабленном состоянии [ведущего начала], но, напротив, [все воспринимает] прочно и устойчиво» (ФРС. III.1, 548).

⁶Уместно спросить у сторонников такого подхода: неужели внешние условия совсем не играют роли в получении достоверного знания? Известен случай, когда стоик Сфера Боспорского проверили на способность давать согласия исключительно на постигающие представления. На одном пиру были поданы гранаты (под другой версии — птицы), и, когда Сфер потянулся к ним, устроитель пира остановил его и сказал, что тот дал согласие на ложное представление. «Однако Сфер ловко отговорился, заявив, что он признает вовсе не то, что перед ним и впрямь настоящие птицы, а лишь вероятность того, что они настоящие. Но постигающее представление отлично от вероятности, ибо оно безошибочно, а вероятность может оказаться и не тем» (ФРС. I, 624).

мы ведем речь о достоинствах теоретического разума. Но стоики делают из этого далеко идущий вывод о том, что обладание знанием делает человека непогрешимым и в практической сфере (ФРС. III.1, 548):

А из людей благонравных никто не ошибается в выборе пути, жилища или [локальной] цели; более того, мудрец, как они считают, не ошибается ни в зрительном, ни в слуховом восприятии, да и вообще не подвержен ошибкам ни в каком органе ощущения, — поскольку, как они считают, в основе всякой подобной ошибки лежит ложное согласие.

Из этого свидетельства Стобея мы узнаем, что правильный выбор локальных практических целей для стоиков равнозначен правильному восприятию окружающей действительности. В слабой версии этот тезис звучит вполне правдоподобно, ибо невозможно быть успешным в достижении практических целей, если восприятие предоставляет ложные данные. Однако если усилить этот тезис (например, так: всякий, кто обладает всей полнотой знания, будет всегда успешен в любом практическом деле), то он станет сомнительным, ведь в ординарной жизни мы часто руководствуемся неточными или вовсе ложными представлениями, но это далеко не всегда приводит к провалу в достижении локальных целей. И как мы полагаем, стоики настаивали именно на сильной версии этого тезиса. Ключ к пониманию позиции стоиков находится в их концепции «согласия».

Согласие (*συγκατάθεσις*), является одним из важнейших понятий раннестоической философии, поскольку именно оно отвечает за отсутствие автоматизма в восприятии окружающего мира и адекватности ответных реакций на него. Следовательно, именно через согласие (точнее, через несогласие) мы корректируем свое отношение к сомнительным впечатлениям (миражам, неясным объектам и т. п.), а также регулируем степень своего стремления к внешним объектам.

Акты «согласия» бывают двух видов; различие между ними приблизительно напоминает различие между теоретическим и практическим умом у Аристотеля и зависит от свойства высказываний, подпадающих «согласию». Чисто теоретическое «согласие» имеет дело с высказываниями, индифферентно описывающими реальность и, следовательно, нейтральными с ценностной точки зрения. Другой вид имеет дело как раз с ценностными высказываниями и их выводами — императивами целеполагания, побуждающими к действию (Столяров, 1995: 52).

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о взаимовлиянии теоретического и практического разума, мы можем теперь сформулировать его более точно: обеспечиваются ли посредством верных и безошибочных теоретических «согласий» более правильные практические «согласия»? Или иным образом: могут ли ценностно нагруженные согласия при правильном восприятии превратиться в ценностно нейтральные и тем самым не вызвать порочного влечения? В поисках ответов на эти вопросы рассмотрим стоическую схему совершения действия.

Итак, самая общая схема действия, по стоикам, выглядит так: представление — согласие — влечение (стремление) — действие⁷. Здесь важно найти точку бифуркации, где происходит переход от свободы к необходимости. По всей вероятности, именно первая пара (представление–согласие) отвечает за свободу и автономию морального субъекта, а вторая пара (влечение–действие) погружает нас в область необходимых связей (ФРС. П.2, 979):

поскольку природа движений и действий, происходящих в мире под влиянием судьбы, такова, что одни из них, допустим, проявляются через землю, другие — через воздух, третьи — через огонь, а прочие — еще через что-нибудь, то некоторые проявляются и через живые существа (это и есть движения согласно влечению).

Движения разумных существ «зависят от нас» в той степени, в которой они связаны с согласием, но действия, обусловленные влечениями, уже не в нашей власти. Например, я волен выбирать, пить ли мне воду или не пить, но, когда я решил все же попить и у меня возникло стремление, оно уже не может преобразоваться в какое-то другое действие. Здесь хорошо просматривается интеллектуализм стоиков: автономия субъекта в виде произвольного вынесения суждений (ведь согласие есть не что иное, как вынесение суждений) предшествует детерминистической связке «влечение–действие». В этой связи неудивительно, что скептики избрали для своей атаки стоическое учение о постигающем представлении, ведь оно является средоточием не только теории познания, но и теории действия.

⁷О связи этих компонентов свидетельствует Александр Афродисийский: «Там, где располагается представление, должны находиться и согласия, а там, где согласия, — также влечения и стремления» (ФРС. П.2, 839).

II

Стоическая и прочие эллинистические философские теории и течения развивались в активном аргументативном противоборстве и взаимодействии; это верно и для пирронизма. Большую роль в разработке антистоических аргументов, позже использованных пирронистами (в частности, Секстом Эмпириком), сыграл академический скептицизм в лице Аркесилая и Карнеада⁸. Настоящая реконструкция не отражает всю сложность дискуссий в их последовательном развитии и излагает антистоические аргументы их в статическом виде как законченные. В нашей интерпретации возражений, представленных в текстах Секста Эмпирика, мы развиваем антистоические аргументы исходя из пирронической перспективы. Ввиду ответной критики со стороны оппонентов пирронизм вынужден был строить не только модель недогматической аргументации, но и образ жизни и действия. Мы сформулируем интерпретацию скептического ответа на возражение *απραξίαι*, которое указывает на животный, подверженный естественной необходимости характер скептического образа жизни; скептик приравнивается, согласно этому возражению, к влекомому инстинктами животному.

Стоики, бывшие главными оппонентами скептиков (Sext. Pyrr. I 65)⁹, исходили из связи теоретического и практического компонентов; представляется, что это верно в разных конфигурациях и для Платона с Аристотелем, равно как и для подавляющего большинства философов. Хотя Аристотель, в отличие от Платона, четко различает теоретический (эпистемический, т. е. строго научно-познавательный, доказательный) и практический аспекты, трудно представить себе их полное разделение, поскольку, как мы покажем ниже, для действия требуется знание

⁸Интересно, что скептическая линия Академии изначально разработала эпистемологическую критику стоической теории действия и при проблематичности стоической позиции предложила ориентацию на благоразумные (*to eulogon*) или правдоподобные представления (см. Vogt, 2010: 167f., Sext. Adv. m. VII 156–158, 166–169). Это решение также представляется проблематичным, что сформулировал Секст, поскольку это академическое понятие предполагает, что мы уже знаем истину и поэтому способны судить о правдоподобном или согласующемся с хорошим суждением, однако ввиду критики постигающего представления и прочного доступа к истине эта аргументация оказывается в тупике, так как, чтобы рассуждать правдоподобно, нужно уже располагать истиной. См. Sext. Adv. m. VII 436–439.

⁹Ссылки на Секста Эмпирика приводятся по изданию Секст Эмпирик, 1975–1976.

о предмете и о цели действия. Именно этот момент подвергся критике скептиков в эпистемологическом и этико-метафизическом аспектах¹⁰.

Всякое действие преследует определенную цель. Понятие цели действия именовалось в терминологии античной философии благом: так, Аристотель в первом предложении «Никомаховой этики» заявляет, что всякое действие направлено на благо. Разумеется, не всякая цель является этическим благом, однако более широко можно рассматривать цель как относительное благо, как то, ради чего совершается действие, в то время как этическое благо является высшей, абсолютной, подлинной целью, на достижение которой направлена человеческая жизнедеятельность (ср. гипотетический и категорический императивы по Канту). Рассмотрим коротко структуру действия. Действие h преследует цель z и основано на представлении y , так что я делаю h только в том случае, если y истинно, то есть отражает фактическое положение дел, и совершение h позволяет достичь цель z . При этом действие требует более

¹⁰Предварительно нужно сделать отступление и указать на центральное для понимания пирронизма различие вещей и явлений по природе и связанную с этим концепцию истины как высказывания о вещах по природе (Sext. Рутг. I 19–20). Вещи сами по себе, или вещи согласно их природе, являются неизменчивыми, инвариантными для любых ситуаций и конфигураций, иначе говоря, истинное суждение вида « g есть E » должно быть истинным при любых условиях. Однако вещи сами по себе являются неочевидными, они скрыты за явлениями, и поэтому их истинные характеристики подлежат поиску. Явления разнообразны и изменчивы, они зависят как от восприятия (тем самым некоторого рода трансформации) субъектом, так и от объективных обстоятельств, условий и т. д. Иначе говоря, подлинное познание вещей самих по себе должно исключать разногласие и разноречивость, тогда как явления, доступные нам (в т. ч. интеллектуальные), разноречивы и изменчивы в зависимости от условий и обстоятельств (Barnes, Annas, 1985). Скептики говорят, что до сих пор не было найдено достаточных доказательств для утверждения о природе какой-либо вещи, на основании чего они воздерживаются от истинностных суждений и ограничиваются высказываниями о явлениях вида «субъекту S кажется, что g есть E ». (Тем самым они воздерживаются от утверждений *de re* и ограничиваются контекстами *de dicto* как представленными в языке репрезентациями, феноменами.) Такой эпистемический оператор может быть дополнен указаниями на состояние самого высказывающегося, условиями и временем высказывания и т. д., поскольку для разных субъектов в разных состояниях и условиях содержание высказывания будет меняться. Это вступает в противоречие с требованием инвариантных утверждений о вещах самих по себе. Таким образом, скептики не претендуют на открытие истины, но лишь повествуют о том, как вещи *являются* скептику или другим людям (см. Sext. Рутг. 13–17). На основании этого предлагается различие догматиков и скептиков: первые выносят суждения о природе вещей, о том, что то или иное положение истинно, тогда как скептики воздерживаются от истинностного суждения и ориентируются на изменчивые явления (Sext. Рутг. I 1–4). Скептическая критика будет распространяться и на философов, которые исходят из определенной картины об устройстве вещей *на самом деле* и выносят суждения о них.

одного представления (в логическом смысле — более одной посылки). Так, например, я голоден и полагаю в качестве цели утоление голода, или сытость (z). Для достижения сытости мне нужно принять пищу, скажем, съесть яблоко (h). В этом отношении мне нужно знать, что преследуемая цель является благом, т. е. действительно желаемым и ценным (благо ли z ?), нужно знать, что приведет меня к цели (истинно ли, что, сделав h , я достигну z ?), и необходимо обладать знанием о том, что объект действия (яблоко) действительно передо мной (т. е. истинно, что y), что является необходимым условием для действия h . Итак, в такой модели действия для его совершения необходимо обладать истинным представлением (т. е. в случае стоиков дать *верное* согласие о том, что представление истинно) как минимум в трех смыслах: (1) истинно, что z — благо (этим будет обосновано стремление к z), (2) истинно, что действие h приведет меня к благу z (материальная импликация $h \rightarrow z$ должна быть истинной: если я съем яблоко, то буду сыт), поскольку не всякое действие приводит к ожидаемому результату, (3) истинно, что y , т. е. передо мной настоящее яблоко, а не, скажем, восковая копия яблока, поедание которой не принесет ожидаемого эффекта. Мне нужно знать, что сытость — это благо, нужно знать, что яблоко приносит сытость, и также нужно знать, что передо мной настоящее яблоко. Важным моментом является то, что именно акт одобрения практического представления вызывает действие к жизни, как было указано выше. В этот акт согласия, вызывающий действие к жизни, имплицитно встроены *эпистемические* условия для дачи согласия. В случае ошибочного согласия, т. е. такого, которое дано представлению y , которое при этом не соответствует действительности, мое действие окажется неудачным, а искомое благо или цель не будут достигнуты. Ошибочно приняв восковое яблоко за настоящее, я не утолю голод и получу проблемы с желудком. В этической сфере из неверных посылок следует этически порицаемое действие или неполноценное действие, которое нельзя назвать завершенным или выполненным.

Представленная модель действия оказывается уязвимой как минимум в двух моментах. Во-первых, содержание понятия блага по природе, то есть конечной цели этического стремления, оказывается проблематичным (метафизически-этический аспект). Всякое моральное действие должно направляться благом, то есть быть направленным на его достижение (здесь мы не берем в расчет безразличное как область внеморальных действий), в противном случае агент будет руководствоваться злом (аморальным принципом), т. е. совершать морально порицаемые

поступки и тем самым вредить своей душе. В случае стоиков благом полагаются добродетель, разум и познание, поскольку зло — это ошибка в суждении (Diog. Laert. VII 88–89, 94–96, 110, 126)¹¹. Однако, с точки зрения Секста Эмпирика, отсутствуют достаточные доказательства того, что добродетель и познание (истина) суть благо, и даже сложно говорить о существовании блага вообще (см. подробную аргументацию о разногласии и неопределенности того, что является благом в Sext. Adv. m. XI 21–41, 42–110, см. также Маслов, 2021). Итак, требуется достоверно знать, что благо — это z , а не что-либо иное. Если я считаю, что z — благо, но нет достаточного доказательства для моего убеждения, то я могу ошибаться и принимать зло за благо и наоборот. Если ложным образом считать, что богатство — это благо, то человек будет стремиться к нему и совершать любого рода поступки, и если богатство — это зло, то он будет подвержен злу по своему неведению. Более того, имеется одно усложнение данной проблемы. Сама истина для стоиков является благом, а незнание, соответственно, — злом. Отсюда следует, что в случае неудачного акта познания *по любому вопросу* они оказываются преследуемы моральным злом. Обладание ложными представлениями (даже внеморального толка) оказывается в случае стоиков само по себе моральным злом, если истина как таковая является благом. Скептики же выстраивают богатую аргументацию против понятия блага и понятия постигающего представления (Sext. Pyrr. I 31–164, тропы воздержания; Sext. Adv. m. VII 315–446, о критерии и постигающем представлении; Sext. Adv. m. VIII 1–140, об истине и истинном; Sext. Adv. m. XI 42–140, о благе), которая стремится показать провал попыток познания.

Это приводит нас ко второму пункту: для удачного совершения действия мне необходимо обладать истинным представлением о предмете моего действия (или, иначе говоря, знать, что p , где p относится к содержанию моего действия; в стоической версии речь идет о представлении, которое мы обозначили как y и которое может быть выражено в пропозиции «передо мной лежит яблоко»). Можно вспомнить знаменитый трагический пример про Геракла, убившего по ошибке своих детей (Sext. Adv. m. VII 405). Геракл, ставя перед собой цель отомстить своему врагу и желая убить его детей, в порыве безумия ошибается, принимает своих детей за детей врага и убивает их. Здесь, кроме ошибки в содержании представления «Это дети врага», по всей видимости, можно

¹¹ Ссылки на Диогена Лаэртского приводятся по изданию: Диоген Лаэртский, Гаспаров, 1986.

поставить под сомнение и посылку «Мщение — это благо», которая послужила целью действия.

Тем самым проблема истины и познания касается этической сферы как минимум в представленных аспектах, и стоическая теория оказываются под угрозой. Проблема среди прочего состоит в том, что напряженное стремление к благу не приемлет фаллибилистический и вероятностный характер познания и поэтому также действия, но требует *эпистемы* как необходимо истинного знания, которое теоретически обеспечивает и удостоверяет правильность действий. В такой парадигме в случае успешного познания становится возможным осознанное целенаправленное действие, тогда как при эпистемической неопределенности действие будет совершаться как бы впотымах, что сравнимо с попыткой попасть в мишень в неосвещенном помещении. Правильное действие будет случайным, то есть примером моральной и эпистемической удачи.

В этом отношении стоический эпистемический ригоризм работает против стоиков ввиду их нормативной картины неприятия ошибки и лжи, приравненных ко злу, и следующей отсюда фигуры непогрешимого мудреца, которая требует воздержания от суждения в том случае, если истина не может быть установлена. Мудрец никогда не ошибается, и поэтому он счастлив и благ; если же некто ошибается, то он является глупцом и оказывается подвержен злу. Поэтому стоики в попытках избегания зла принимают максимум воздержания от суждения (одобрения представления) в неясном случае для избегания возможного зла (Diog. Laert. VII 116–118, 123, 125; Sext. Pyrr. II 19, 253; Sext. Adv. m. VII 40–43, 417, 432–433). Мудрец в ситуации неопределенности, если точное неопровержимое знание не достигнуто, должен воздержаться от суждения, чтобы не запятнать себя ложью.

Для сильной интерпретации стоической теории эти возражения имеют радикальный характер и не могут быть обойдены, в результате чего вся стоическая этика оказывается лишенной основания. В рамках стоической теории это повлечет за собой осложнения в практической плоскости, в частности — невозможность действия, поскольку, как мы видели, действие у стоиков предполагает акт одобрения представления, который запускает действие и который должен быть подкреплён эпистемически. Если метафизическая истина не найдена, то мудрец не может действовать, поскольку акт суждения, в сущности, является актом согласия на практическое представление, которое должно быть, в свою очередь, истинным. Тем самым, если для действия необходимо согласие на практическое представление, которое должно быть, в свою

очередь, истинным, и если истина не установлена, то стоик либо рискует действовать и оказаться глупцом, подверженным злу, либо не может действовать и впадет в состояние паралича. Поэтому аргумент *апраксии*, который мы упомянули в начале, переадресуется стоикам и тем философам, которые исходят из связи истины и действия, требуя *эпистемы* в качестве достоверного основания для действия. В результате скептическая аргументация не только подрывает сильное — метафизическое — прочтение стоической теории действия, но и указывает на проблематичность связи познания и блага, характерную для классической метафизики в целом.

Скажем поэтому несколько слов о скептической модели действия Секста Эмпирика, которая не предполагает спонтанного акта согласия и полагания чего-либо истинным. Скептики проповедовали воздержание от суждения по всем вопросам (Sext. Pyrr. I 12, 25–30), что для нашей темы означает следующее: любая модель действия, основанная на признании представления (и соответствующего суждения) истинным, оказывается недоступна для скептика; в тот момент, когда скептик выносит суждение, он перестает быть скептиком и становится догматиком, полагающим, что неопровержимая истина найдена. Секст предлагает следующую модель, критерий скептического действия:

Таким образом, придерживаясь явлений, мы живем в соответствии с жизненным наблюдением, не высказывая решительного мнения потому, что не можем быть всецело бездейственными. Это жизненное наблюдение распадается, по-видимому, на четыре части: первая показывает, как вести себя при побуждениях природы [*ἐν ὑφῆγήσει φύσεως*, т. е. согласно руководству, наставлению природы — Д. М.]; вторая — под принуждением претерпеваний [*ἐν ἀνάγκῃ παθῶν*], третья — при воздействии законов и обычаев [*ἐν παραδόσει νόμων τε καὶ ἔθῶν*], четвертая — при обучении мастерству [*ἐν διδασκαλίᾳ τεχνῶν*] [а именно]: при природном побуждении, вследствие которого мы по природе и чувствуем и понимаем; под принуждением претерпеваний, вследствие чего голод указывает нам дорогу к пище, а жажда к питью; при воздействии законов и обычаев, вследствие чего мы в общегитии принимаем благочестие за добро, а нечестие за зло; при обучении мастерству, вследствие чего мы не бездейтельны в тех искусствах, которые берем на себя (Sext. Pyrr. I 22–24).

Ибо достаточно, думаю я, жить по опыту и без мнений, на основании общих наблюдений и предположений, воздерживаясь от суждения о том, что разбирают в излишнем усердии догматики, и особенно о том, что находится вне жизненной потребности (Sext. Pyrr. II 244–246).

Таким образом,

...скептик живет не согласно философскому рассуждению (ибо он в этом смысле бездеятелен), а по нефилософскому наблюдению может одного желать, а другого избегать (Sext. Adv. m. XI 165).

С точки зрения стоиков, скептик принципиально не способен к действию, поскольку в рамках стоической теории действия именно акт ментального согласия на практическое представление (т. е. признания его истинным) рождает действие. Из этого делается вывод, что скептический образ жизни невозможен, поскольку нельзя жить бездеятельным. Это полностью противоречит пирронической интенции, поскольку скептики намеревались *прожить* свой образ жизни, а не создавать еще одну теорию (Bett, 2019: 168).

Возражение *апраксии* может быть сформулировано несколькими отличающимися способами (мы следуем здесь Vogt, 2010: 165). (1) Возражение *эвдемонии*, согласно которому скептик не может вести счастливую, правильную жизнь; (2) Возражение паралича: без критерия действия скептик не сможет выбрать тот или иной образ действия среди нескольких несовместимых и окажется как бы парализован; (3) Возражение растения: без согласия скептик будет низведен к полной бездеятельности, подобно растению (это и предыдущее возражение сходно с возражением летаргического сна Юма, которое мы упомянули во введении; на эту тему см. Маслов, 2018); (4) Наконец, возражение животной жизни: действие без разумного согласия является действием не разумного существа, а животного (в современной терминологии это скорее поведение, а не действие). Возражение (1) мы отводим благодаря тому, что скептик может отличать правильные и неправильные поступки и поступать правильно с помощью критериев, принятых в его сообществе, а не универсально, что вкупе с душевным спокойствием можно назвать счастьем, разумеется, в определенном его понимании (см. Маслов, 2021: 253–258). К. Фогт указывает на то, что в изложении Секста скептический критерий действия как следования явлениям призван ответить на возражение (2), поскольку четверояким образом представленная сфера явлений направляет скептика по тому или иному пути действия в зависимости от сообщества, в котором вырос скептик; представляется, что с этим отпадает и возражение (3) (Vogt, 2012). *Атараксия* не предполагает тотального квиетизма и растительной жизни, поскольку оставляет пространство для действия, не привязанного к сфере догматической, метафизической истины.

Обратимся подробнее к возражению (4), которое определяет скептическую жизнь как жизнь животного. Как было показано, скептик следует явлениям и воздерживается от суждения о сокрытой за явлениями природе вещей, то есть от истинностных высказываний, что позволяет ему действовать без акта согласия на представление как на истинное. Скептическую модель действия можно представить следующим образом: действие h совершается с целью z в согласии с явлением y или на его основании, причем под y может пониматься феноменальное побуждение, техническое правило, которое говорит о связи двух явлений при определенных условиях (чтобы z , сделай h , или если h , то z), обычай или закон, а также личная склонность, обусловленная собственным мышлением или чувствами¹². Дж. Аннас полагает в этой связи, что скептический образ жизни максимально сужает сферу искусственного, зависящего от человека, что догматики именуют разумным, за счет отказа от спонтанного акта согласия на представления, тем самым уходя в сферу природного и естественного (Annas, 1993: 212, ср. McPherran, 1989: 164)¹³. Р. Бетт указывает на экстраординарную пассивность скептического образа жизни. Хотя скептик осведомлен о своих склонностях и может наблюдать их воздействие на свое поведение, он не вмешивается в этот процесс, как если бы это происходило не с ним. Бетт даже приравнивает это к отсутствию субъектности и самости (self) у скептика, если активное участие в формировании своих действий считать критерием субъектности. Скептическая установка по отношению к его склонностям задана теми диспозициями, которые он получил в ходе социализации, причем скептик как будто лишен привязанности (disentangled) к ним (Bett, 2019: 179). Этот консенсус среди исследователей подразумевает, что скептик, имея возможность жить, лишен подлинной агентности, поскольку он не озабочен своими

¹²К. Фогт отмечает, что «руководство природой» — это прежде всего догматический концепт, в частности имея в виду общие понятия, с помощью которых разумные существа освоили некоторое содержание, т. е. научились понимать и пользоваться разумом (Vogt, 2010: 175–177). Указывая на этот критерий, Секст, по мнению Фогта, отвечает на возражение поиска (скептик не способен искать истину) и мышления (скептик не способен мыслить недогматически, т. е. без согласия на представления).

¹³Стоит отметить, что догматики (так же, как и скептики) подвержены природной необходимости (голоду, жажде и другим телесным потребностям) вне зависимости от того, считают ли они эти естественные состояния благом или нет. Более того, стоики могут с помощью своих концепций бороться с такими навязанными состояниями, что для скептиков будет неестественным, поскольку эти состояния неизбежны и произвольны, тогда как догматические концепции ввиду необоснованности повисают в воздухе.

действиями и ведет себя в соответствии со склонностями и обычаями. За этим просматривается аргумент: догматическая установка, предполагающая серьезное умонастроение, вовлеченность и приверженность по отношению к собственным действиям, является критерием, по которому поведение может быть оценено как действие. При этом такая вовлеченность и серьезность порождается верой в истину и правильность соответствующего действия. Другой важный аспект — приписываемый автоматизм или реактивный характер действия скептика. Так, например, К. Фогт интерпретирует скептическое понимание догмы как ответ на возражение *апраксии* в том виде, в котором деятельность скептика предстает как побуждение к действию: чувствуя голод, скептик ест, а, чувствуя жажду — пьет и т. д., а не формирует мнение (см. Vogt, 2012; Маслов, 2017: 38–39). Такого рода догма является не суждением, а действием в ответ на определенного рода *pathos*. Эта модель действия близка к бихевиористской схеме стимул-реакция, которая, судя по всему, применима именно к животным.

Как минимум один из скептических критериев действия можно сопоставить с животной реакцией, однако из этого не следует автоматически, что и остальные критерии подпадают под такое описание¹⁴. Можно ли считать, что все четыре критерия являются инстинктивными видами поведения, а рациональный и спонтанный виды действия исключены?

Серьезное умонастроение, приверженность правильности действия и вера в нее не необходимы для совершения действия, как нам представляется, по следующим причинам. Согласно скептическому наблюдению, суждение, прямо или косвенно руководимое неким представлением о благе, рождает напряженное стремление, вызывающее беспокойство и поэтому несчастье к жизни (*Sext. Rurr. I 26–29*). Скептическая *атапраксия* основана на отказе от суждения во избежание напряженного стремления, рождающего беспокойство. Поэтому скептик, будучи скептиком, не может обладать серьезным умонастроением и приверженностью положениям. Как кажется, этот аргумент подразумевает конкретный класс действий, вроде самопожертвования, что-то, что можно назвать Поступком. Однако не все действия должны сопровождаться таким серьезным умонастроением, поскольку в таком случае лишь незначительная часть поведения могла бы считаться действием,

¹⁴Интересно, что класс вынужденных действий животного, телесного характера свойственен и догматикам в той мере, в которой они подчиняются телесным позывам и побуждениям.

например политический протест, акты самопожертвования, сопряженные с риском. Более того, можно представить, что такие действия не обязательно должны руководствоваться или сопровождаться серьезным отношением (commitment)¹⁵.

Представляется, что для действия необходимы следующие условия: (1) осознанность собственного действия, (2) желание достичь конкретный результат и (3) понимание агентом (в смысле «мне кажется» как феноменальная закономерность), что, сделав *h*, он достигнет желаемого результата *z*. По контрасту можно представить невольное/неосознанное поведение, как, скажем, храп или конвульсия: они не осознаны или не вызваны желанием сделать их, но компульсивны. Эти условия в их феноменальной плоскости могут быть удовлетворены скептиком, то есть для них не требуется признания истины или следующего из этого умонастроения, без приверженности этому действию. Например, скептик осознанно хочет убедить догматика в том, что догматик не смог познать истину, для чего ему нужно привести аргументы *a, b, c...*, и он на основании явлений полагает, что действие по приведению аргументов (такие аргументы) будет иметь успех в данном случае. Однако скептик не считает, что это действие правильно само по себе и должно быть совершено непременно, но поступает так исходя из своих частных представлений и склонностей, скажем, потому что он хочет помочь догматику избавиться от душевного страдания. Он не преследует эту цель с серьезностью, хотя и осознает, и желает свое действие. Скептик активен, хотя и не принимает явления за истинные («всерьез»).

Понимание приверженности и серьезного отношения как необходимых условий для действия приводит к странным следствиям. Можно с уверенностью предположить, что большинство действий большинства людей не сопровождаются серьезным умонастроением. Было бы странно предполагать, что большая часть людей не совершает никаких действий большую часть времени, соответственно, им должно быть отказано в статусе агента как минимум в это время. Они осознанно преследуют некоторые цели, знают об условиях для их достижения и т. д., не придавая им значения. Или, напротив, вообразим себе действие, которое в нашем представлении должно сопровождаться серьезным умонастроением, но тем не менее не обязательно таково. Представим

¹⁵Более того, скептик также может совершать подобные поступки в силу воспитания, если это считается правильным в его сообществе, например, участвовать в заговоре против тирана с риском для жизни (Sext. Adv. m. XI 165–66).

себе политика, который в целях улучшения собственного положения начинает войну с инструментальной целью («нам нужна маленькая победоносная война») без каких-либо особых чувств по этому поводу и без приверженности тому, что это правильный поступок, но следуя частным правилам и своим целям согласно политическим технологиям. Это определено действие, а не поведение в смысле животного и не простое созерцание явлений, которое будет иметь серьезные последствия и не может быть описано как невольное или неосознанное. Таким образом, осознанность (вкуче с другими указанными факторами) действия, а не серьезное умонастроение или отношение к нему представляется достаточным критерием для действия.

Обращаясь ко второму аспекту, нужно сказать, что критерии действия, за исключением *pathos*, не носят принудительного, неизбежного характера. Действие не всегда совершается автоматически и рефлекторно, в результате чего остается поле для размышления и поиска без догматического умонастроения (ср. Сёрль, Колодий и Румянцева, 2004). Скептик не отказывается от способности рассуждать и мыслить вообще, но только лишь ограничивает сферу рассуждения феноменами. Догматический разум нацелен на раскрытие некоей природы вещей, скрытой за явлениями и управляющей ими. Скептик, раскрывая недостаточные основания догматиков, может рассуждать о лучшем, более эффективном способе действия в рамках феноменов, в частности технических правил. Он открыт для экспериментирования в поле явлений, может проследивать закономерности и вероятности в явлениях (как правило, при определенных условиях после события *a* случается событие *b* и т. д.) и использовать их в своих частных целях без претензий на познание *универсальных* законов. (Например, скептику не требуется полагать, что закономерности в явлениях универсальны и установлены творцом мира и т. п.) Скептик подбирает подходящие аргументы в спорах против догматиков и может оценивать их силу и убедительность для догматика согласно недогматическому рассуждению, так же как врач может эмпирическим путем устанавливать силу лекарств в зависимости от конституции пациента и дозировки как феноменальную закономерность, без отсылки к природе вещей (Секст приводит пример, что для Сократа яд цикуты был смертельным, для некой женщины — нет, Sext. Pyrr. I 81). Скептик способен искать истину и строить аргументацию в силу персональной склонности к поиску истины, как мы утверждаем в другой работе (Maslov, 2020). В случае конфликта в явлениях у скептика имеются основания или материал для совершения того или иного

действия, однако эти основания не являются принудительными — это означает, что скептик может руководствоваться своим рассуждением для предпочтения того или иного действия с точки зрения явлений (своих желаний, относительных норм сообщества), а не догматической правильности, основанной на представлении об истинности. Например, при внутреннем конфликте в правилах сообщества, согласно которым живет скептик, он может рассуждать о целесообразности того или иного действия для достижения желанной цели и выдвигать основания, используя уже имеющиеся аргументы или опираясь на свой опыт / свою склонность или часть традиции, тем самым продолжая и видоизменяя традицию. (Можно сказать, что герменевтическая неопределенность является неотъемлемой частью *conditio humana*.) Решающий момент: скептик не руководствуется универсальным правилом, основанным на предполагаемой истине той или иной теории, но действует согласно частным правилам, свойственным для определенной области явлений. Для скептика характерны прагматические черты поведения (в пользу чего мы аргументировали в Маслов, 2021), поскольку он руководствуется представлением о полезном для каждого отдельного случая.

Таким образом, мы полагаем, что скептическое действие подвержено рассуждениям и выбору, благодаря чему подразумевается концепция естественного, основанного на феноменах разума (как естественной способности рассуждений) без утверждения скрытой за явлениями природы вещей. Скептический образ жизни близок к животному в том смысле, в котором скептик не сопротивляется феноменам, естественным представлениям и побуждениям, в отличие от стоиков, и следует природным побуждениям на основании явлений.

III

Рассмотрев скептическую критику, попробуем представить ответы стоиков, которые обнаруживаются в источниках, а также предложим свой вариант защиты за стоиков. Как мы видели, главное возражение скептиков заключается в том, что стоики опрометчиво, с точки зрения их оппонентов, связывают успешность в области практики с обладанием истинными представлениями о предметах окружающей реальности. Иначе говоря, практический разум зависит от теоретического разума. При этом указывается на несколько слабых мест стоической философии. Во-первых, это притязание стоиков на знание некоего блага по природе. Во-вторых, скептики не принимают тезис стоиков о тождестве знания и блага, а также незнания и зла, поскольку из этого тезиса, по

мнению скептиков, следует, что стоик не может быть моральным, ибо не способен отличить одно от другого доказательно. Оба этих положения суммируются в нападках скептиков на учение о постигающем представлении.

Что касается убеждения стоиков относительно обладания знанием того, что есть благо по природе, то здесь следует учесть следующее. Важно, что в поисках блага наряду с позитивной стратегией стоики используют также негативную: они устанавливают, чем благо *не* является, а именно всем тем, что находится вне души, то есть всей внешней предметностью. Поэтому стоики претендуют лишь на то, что интроспекция позволяет проникнуть нам в душу и со всей ясностью увидеть: порок всегда приносит вред, а добродетель — всегда пользу. Философы прошлого века нашли бы много слабых мест в этой позиции (достаточно вспомнить антипсихологизм Л. Витгенштейна и Э. Энском), но стоики и скептики являются представителями того этапа философии, когда очевидность данных самонаблюдения еще не была подвергнута критике.

Относительно скептической критики тезиса стоиков о том, что истина и познание сами по себе есть благо: здесь мы видим типичный пример гиперболизации чужой позиции с целью сделать противника более уязвимым. Поскольку для скептиков истина и догматическая приверженность таковой были самыми раздражающими триггерами, постольку они пытались усмотреть их в своих оппонентах, в первую очередь — в стоиках. Безусловно, Стоя была школой, ориентированной на интеллектуализм и склонной видеть корень всех проблем в отсутствии адекватного познания. Но при всем этом конечной целью учения была этика, и поэтому благо прежде всего ассоциировалось с добродетелью, о чем, в частности, Секст Эмпирик и свидетельствует (Sext. Adv. m. XI 22):

...стоики, придерживаясь, если можно так выразиться, общих понятий, следующим образом определяют благо: «Благо есть польза или то, что не отлично от пользы», причем «пользой» они называют добродетель, добросовестную деятельность, а «не отличным от пользы» — добросовестного человека и друга.

У Диогена Лаэртского мы можем найти различие на «смешанные» и «чистые»¹⁶ блага, к последним он относит знание: ἀπλοῦν δ' ἐστὶν ἀγαθὸν ἐπίστημῃ (Diog. Laert. VII 98). Однако знание начинает приносить пользу только в приложении к определенным вещам, поэтому стоики

¹⁶Отметим, что перевод греч. ἀπλοῦν ἀγαθόν как «чистое благо» можно заменить на «благо вообще» или «безотносительное благо», что, с нашей точки зрения, более правильно в данном случае.

полагали, что добродетели являются, помимо всего прочего, знаниями и искусствами *в некоторых вещах* (τὰς ἐπιστήμας τινῶν καὶ τέχνας) (ФРС. III.1, 95). Таким образом, попытки скептиков изобразить стоиков блюстителями истины ради нее самой не представляются убедительными.

Теперь обратимся к критике постигающего представления и постижения, которое возникает после того, как было дано согласие на постигающее представление. Аркесилай считает, что постижения как такового не существует, потому что «нельзя найти никакого такого представления, которое не могло бы стать ложным, как показывает множество разнообразных примеров» (Sext. Adv. m. VII 154). Постижения не существует еще и потому, что оно есть результат согласия, а согласие дается не на представление, а на смысл высказывания (λόγος). Также постижение является фиктивным понятием, по мнению скептиков, еще и потому, что оно в уме мудреца становится знанием, а в уме глупца — мнением. «Общего при этом между ними нет ничего, кроме названия» (Sext. Adv. m. VII 154).

В качестве контраргумента против нападок скептиков стоики использовали очевидность или же ясность (ἐνάργεια) постижения. Диоген Лаэртский рассказывает, что Аристон Хиосский спросил у академика, который уверял, что нет постигающих представлений: «Так и соседа твоего ты не видишь?» Как отмечают современные комментаторы, апеллируя к очевидности, стоики тем самым призывают своих оппонентов встать на позицию здравого смысла, о чем свидетельствует и только что приведенный рассказ Диогена. В этой связи, по свидетельству Цицерона и Нумения, стоики не особо активно выстраивали свою защиту. «Ни на школьных занятиях, ни во время прогулок он (Антипатр из Тарса — А. С.) ни словом, ни звуком о них (публичных критических выступления Карнеада — А. С.) не обмолвился, и никто, говорят, не слышал от него даже бурканья» (ФРС. III.2, Антипатр из Тарса. Фр. 6). Некоторые философы и вовсе считали, что со стороны стоиков излишне вести какую-либо полемику со скептиками, если те не признают очевидных вещей. Они «утверждали, что нет необходимости в определении того, что есть познание (cognitio), или восприятие (perceptio), или, если переводить буквально, постижение (схватывание) (comprehensio), то есть то, что греки называют κατάληψις. И они говорили, что стремящиеся доказать существование чего-то, что может быть постигнуто (схватено) (comprehendi) и постигнуто (percipi), поступают неразумно, потому что нет ничего яснее того, что греки называют ἐνάργεια, а мы, если угодно, будем называть ясностью (perspexitas) или очевидностью (evidentia)»

(Cic. Luc. VI 17; Цицерон, Федоров, 2004: 97). В то же время источники не дают нам права сказать, что стоики никак не реагировали на критику (Sext. Adv. m. VII 248). Так, Секст Эмпирик, приводя определение постигающего представления¹⁷, отмечает, что последнюю часть (о том, что данное представление «не могло бы возникнуть со стороны несуществующего реально») стоики добавили как раз в ответ на критику скептических академиков (Sext. Adv. m. VII 252), о чем также ранее свидетельствует Цицерон (Cic. Luc. XXIV 77). В равной мере можно с определенной долей уверенности сказать, что стоики отвечали на критику и в письменном виде. Диоген Лаэртский среди прочих книг Хрисиппа упоминает «Ответ на Аркесилаево учение» (Πρὸς τὸ Ἀρκεσίλαου μεθόδιον) (Diog. Laert. VII 198). Очевидно, что простого добавления к определению постигающего представления слов о том, что оно не может возникнуть от чего-то несуществующего, недостаточно, чтобы показать каким образом этот вид представления адекватно отражает реальность. Поэтому стоикам пришлось дополнительно разъяснить, каким именно образом постигающее представление отличается от ложных представлений. С этой целью они постулируют, что все вещи являются уникальными по своей природе и поэтому невозможно обнаружить двух неотличимых друг от друга вещей (Бирюков, 2008: 357). Заявляя, что «подобного рода сходство не существует в природе» (Cic. Luc. XXVI 84; Цицерон, Федоров, 2004: 153), стоики получают в ответ еще одно возражение: «Пусть не будет такого сходства, но представляться-то оно может» (там же). Этот справедливый довод стоики разрушают своей догмой о непогрешимости мудреца: всякий может спутать похожие вещи (например, два куриных яйца), но не мудрец. В итоге если сложить тезис об уникальности всех вещей с феноменальными способностями мудреца воспринимать предметы максимально отчетливо, мы увидим опорные позиции защиты стоиков. Однако возникает вопрос, где именно участвует в этом защитном механизме постигающее представление, которое стоики считали (наряду с другими вариантами — см.: Diog. Laert. VII 54) критерием истины. Г. Страйкер в связи с этим замечает, что

критерий стоиков — это не инструмент для суждения об истинности и ложности мнений, как критерий Эпикура, а скорее средство для установления того, что есть, а чего нет в пределах восприятия. Так, вместо κριτήριον τῆς

¹⁷ «Постигающим же представлением является то, которое вылепливается и запечатлевается с формы реально существующего и в соответствии с реально существующим, каковое представление не могло бы возникнуть со стороны несуществующего реально».

ἀληθείας Секст также часто говорит о κριτήριον τῆς ὑπάρξεως (ср. Sext. Adv. m. VII 27, 31 и Sext. Pyrr. I 21, II 14; Striker, 1996: 52).

Еще одной из стратегий защиты стоиков было нападение: если скептик отказывается от постигающего представления как критерия истины, то на что он тогда опирается, вынося суждения и действуя? Да и сам акт отрицания критерия требует опоры на что-то.

Но догматики, возражая, обычно спрашивают, как же скептик может говорить об отсутствии критерия. Именно, он говорит это или без критики, или пользуясь критерием. Если без критики — он будет недостоверен; если же при помощи критерия — то он запутается и, утверждая, что нет никакого критерия, согласится для доказательства своего положения принять критерий (Sext. Adv. m. VII 440).

В этом же направлении работает атакующая критика стоиков, которую мы уже обсудили выше (возражение апраксии).

Важно отметить, что скептиков прежде всего волнует эпистемический уровень проблемы достоверности, а не этические следствия из нее¹⁸, хотя в конечном счете они стремятся к аналогу стоической *απαμω* — к *атараксии*. В этой связи показательно, что дискуссия разворачивается под общим понятием «критерий истины» (ἀληθείας κριτήριον), а не «правильность действия». Очевидно, с точки зрения скептиков, дискредитация учения о постижении как критерия истины приведет к тому, что и учение о мудреце, как некоем совершенном моральном субъекте, будет уничтожено. Однако нам кажется, что скептики переоценили уровень взаимозависимости этики и эпистемологии в стоической философии. Чтобы это показать, обратимся еще раз к различию между теоретическим и практическим согласием.

Ранее мы выяснили, что согласие может состоять из дескриптивных и прескриптивных высказываний. В случае если высказывание правильно описывает реальность, оно приводит к появлению постигающего представления. Возникает вопрос, существует ли отдельно теоретическое постигающее представление и практическое постигающее

¹⁸В одном месте Секст Эмпирик опровергает стоическое понятие «искусство жизни» (Sext. Adv. m. XI 182–183), которое определяется стоиками как «система постижений». Опровержение состоит, в частности, из демонстрации несостоятельности концепции постигающего представления. Однако Секста в этом месте интересует совсем не негативные следствия для этики, которые вытекают из проблем с отдельной концепцией в эпистемологии, а критика отдельного стоического понятия.

представление, и если да, то как они соотносятся? Секст Эмпирик свидетельствует по этому вопросу так: «Представления являются постигающими постольку, поскольку побуждают нас к согласию и к тому, чтобы предпринять сообразные с ними действия» (ФРС. II.1, 67). Выходит, что постигающее представление задействовано не только в стоической теории познания, но и в теории действия, как мы выше и предположили. Если в теории познания оно играет роль критерия истины, то можем ли мы сказать, что в этике и теории действия ему отведена роль правила? И самый важный вопрос: требует ли правильное поведение наличия адекватных теоретических постигающих представлений или же достаточным залогом успеха деятельности являются практические постигающие представления?

Давайте ответим на эти вопросы, используя известный случай с гранатами из воска, которые были поданы стоику Сферу Боспорскому с целью показать, что человеческие чувства обманчивы и порой люди могут дать согласие на ложное впечатление (ФРС. I, 625)¹⁹. В изложении этой истории Диогеном Лаэртием царь Александрии Птолемей Филопатор приказывает подать к столу восковые гранты, но представим, что шутка была более изящной, а именно — под видом гранатов были поданы апельсины. Какие нюансы приобрела бы в таком случае оплошность Сфера? До того как розыгрыш открылся, ситуация развивается следующим образом: чувства доставляют в душу образ фруктов, которые распознаются как гранаты, и реципиент образа дает свое согласие на то, что перед ним гранаты. Допустим, речь идет о мудреце, и тогда согласие является непоколебимым, что говорит о наличии постигающего представления. Затем к этому представлению прибавляется оценочная характеристика: гранаты вкусные и сочные, а я голоден и хочу пить (мои природные стремления утолить голод и напиться могут быть удовлетворены). Тогда я даю согласие на то, что для моей природы было бы ценно съесть эти гранаты (по квалификации стоиков все, что согласуется с природой, является предпочитаемым безразличным). Однако, когда происходит переход к действию, выясняется, что под видом гранатов были скрыты апельсины. В таком случае перед нами ошибка на уровне теоретического постигающего представления (я дал согласие на то, что передо мной гранаты, хотя на самом деле это апельсины), но можем ли мы говорить об ошибке на уровне практического постигающего представления? Апельсины утоляют жажду ничуть не хуже гранатов, мои

¹⁹К этому случаю мы уже обращались в начале статьи.

природные потребности удовлетворены, я сделал это бесстрастно, без чрезмерного стремления, следовательно, хотя теоретическое согласие было ложным, практическое согласие было правильным.

Исходя из этого модифицированного примера, мы можем сделать вывод, что оплошность на уровне теории познания не всегда приводит к ошибкам на уровне действия. В связи с этим критикам стоической теории действия недостаточно дискредитировать учение о теоретическом постигающем представлении, но также следует провести атаку на концепцию практического постигающего представления, непосредственно за которым происходит действие. Очевидной причиной такого положения дел является разница между теоретической истиной и практической правильностью, которая, несмотря на весь интеллектуализм стоиков (то есть их попытки максимально сблизить теоретико-познавательные и практико-этические вопросы), присутствует в их философии. Согласились бы стоики взять на вооружение такой защитный инструмент? Вероятно, нет, поскольку для них важнее всего было доказать всестороннюю непогрешимость мудреца как на уровне познания, так и на уровне действия. Однако критикам стоической философии следует учесть, что развенчания концепции постигающего представления в теории познания недостаточно для преодоления стоической теорией действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из представленной выше полемики можно сделать следующие выводы: скептики относятся к стоической философии как к набору догм, которые удобно критиковать в раздельном виде, и ввиду того, что эта догматическая система внутри себя имеет жесткие взаимозависимые связи, ее критики полагали достаточным провести атаку центральных положений, чтобы вся система была скомпрометирована. Приписывая стоикам сильную метафизическую позицию, скептики ставят вопросы практического разума в жесткую зависимость от деятельности теоретического разума и полагают, что полный разгром теоретических положений приводит автоматически к дискредитации положений практических. Вместе с тем именно критика скептиков привела к тому, что стоики стали более сдержанно проводить линию взаимозависимости эпистемологии и этики, а также стали больше внимания уделять именно практическому компоненту своего учения, что в итоге привело к римской форме стоицизма, прославившейся своим чрезмерным вниманием к моралистике. Возражение *апраксии*, направленное против скептической модели действия, привело, в свою очередь, к тому,

что скептикам пришлось разработать модель действия, согласно которой скептик может действовать, но при этом избегать приверженности мнениям и воздерживаться от суждений.

СОКРАЩЕНИЯ

- ФРС Фрагменты ранних стоиков : в 3 т. / под ред., пер. с древнегреч. и коммент. А. А. Столярова. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998–2010.
Т. 1 : Зенон и его ученики. — 1998.
Т. 2. Ч. 1 : Хрисипп из Сол : логические и физические фрагменты. — 1999.
Т. 2. Ч. 2 : Хрисипп из Сол : физические фрагменты. — 2002.
Т. 3. Ч. 1 : Хрисипп из Сол : этические фрагменты. — 2008.
Т. 3. Ч. 2 : Ученики и преемники Хрисиппа. — 2010.
- Ar. Eth. Nic. *Aristoteles. Ethica Nicomachea* / ed. by J. Bywater. — Oxford : Clarendon Press, 1894.
- Cic. Luc. *Cicero. Academicorum reliquiae cum Lucullo* / hrsg. von O. Plasberg. — Leipzig : Teubner, 1922.
- Diog. Laert *Diogenis Laertii. Vitae philosophorum* : In 3 Bde. / hrsg. von M. Marcovich. — Stuttgart-Lipsia : Teubner, 1999–2002.
- Plut. St. rep. *Plutarchus. De Stoicorum repugnantibus // Plutarchi moralia*. In 7 Bde. Bd. 6.2 / hrsg. von R. Westman. — Leipzig : Teubner, 1971.
- Sext. Adv. m. *Sextus Empiricus. Sexti Empirici opera*. In 4 Bde. Bd. 3. *Adversus mathematicos* / hrsg. von H. Mutschmann, J. Mau. — Leipzig : Teubner, 1958.
- Sext. Pyrr. *Sextus Empiricus. Sexti Empirici opera*. In 4 Bde. Bd. 1. *Pyrrhoniae hypotyposes* / hrsg. von H. Mutschmann, J. Mau. — Leipzig : Teubner, 1912.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюков Д. С. Стоики и принцип идентичности индивида // Сочинения / Плутарх ; пер. с древнегреч. Т. Г. Сидаша. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — С. 351–381.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М. : Мысль, 1986.
- Касавин Т. И. Эпистемология добродетелей : к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. — 2019. — Т. 56, № 3. — С. 6–19.

- Маслов Д. К.* Дискуссия о наличии догмы в философии Секста Эмпирика // Идеи и идеалы. — 2017. — Т. 2, № 32. — С. 30–43.
- Маслов Д. К.* Атараксия в пирронизме // СХОЛН. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 561–568.
- Маслов Д. К.* Этика без теории? О преимуществе пирронического образа жизни перед догматическим // СХОЛН. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 238–264.
- Секст Эмпирик.* Сочинения : в 2 т. / под ред. А. Ф. Лосева ; пер. с древнегреч. Н. В. Брюлловой-Шаскольской, А. Ф. Лосева. — М. : Мысль, 1975–1976.
- Сёрль Д.* Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. — М. : Прогресс-Традиция, 2004.
- Столяров А. А.* Стоя и стоицизм. — М. : Ками груп, 1995.
- Цицерон Марк Туллий.* Учение академиков / пер. с лат. Н. А. Федорова. — М. : Индрик, 2004.
- Юм Д.* Исследование о человеческом познании / пер. с англ. С. И. Церетели // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — 2-е изд. — М. : Мысль, 1996. — С. 3–314.
- Annas J.* The Morality of Happiness. — New York & London : Oxford University Press, 1993.
- Barnes J., Annas J.* The Modes of Scepticism. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
- Bett R.* How to Be a Pyrrhonist : The Practice and Significance of Pyrrhonian Scepticism. — New York : Cambridge University Press, 2019.
- Burnyeat M.* Can the Sceptic live his Scepticism? // Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Philosophy / ed. by M. Schoefield. — Oxford : Clarendon Press, 1980. — P. 20–54.
- Maslov D. K.* Zum Verhältnis von Ataraxie und Wahrheitssuche bei Sextus Empiricus // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie. — 2020. — Nr. 67. — S. 125–145.
- McPherran M.* Ataraxia and Eudaimonia in Ancient Pyrrhonism : Is the Sceptic Really Happy? // Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy. — 1989. — No. 5. — P. 135–171.
- Striker G.* Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics. — New York : Cambridge University Press, 1996.
- Vogt K.* Scepticism and Action // The Cambridge Companion to Ancient Skepticism / ed. by R. Bett. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — P. 165–180.
- Vogt K.* Appearances and Assent: Sceptical Belief Reconsidered // The Classical Quarterly. — 2012. — Vol. 62, no. 2. — P. 660–663.

Sanzhenakov, A. A., and D. K. Maslov. 2022. "Stoicheskaya teoriya deystviya i yeye skepticheskaya kritika [Stoic Theory of Action and Sceptical Objections Against It]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 209–237.

ALEXANDER SANZHENAKOV

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
(NOVOSIBIRSK, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-5789-6632

DENIS MASLOV

JUNIOR RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
(NOVOSIBIRSK, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5399-5732

STOIC THEORY OF ACTION AND SCEPTICAL OBJECTIONS AGAINST IT

Submitted: Aug. 20, 2021. Reviewed: Nov. 18, 2021. Accepted: May 21, 2022.

Abstract: The article considers the Stoic theory of action and its critique by Sceptics. The Stoics believed that the agent is autonomous due to his ability to give the assent to a representation. The theory of action is interwoven with the theory of knowledge in the assent-giving since the assent can be given to both value-neutral and value-loaded statements. It is thus appropriate to ask whether an adequate theoretical comprehension is required for performing a morally correct action, or is a correct practical comprehension sufficient? Sceptics actively criticized all parts of Stoic philosophy and often turned to the concept of "comprehensible representation", dialectically arguing that such a thing does not exist. Revealing the deficiencies of Stoic views (which can be applied to other dogmatic theories), sceptics pointed out epistemic and moral flaws of the seemingly immaculate Stoic sage. A possible answer of the Stoics would be to distinguish between the practical and theoretical aspects of the comprehensible representation. Using the example of the assent given to a false representation, it is suggested that an error in the theoretical assent does not necessarily imply an error in the practical assent. In reaction to the Stoics' critique, Sceptics developed not only a non-dogmatic way of argumentation but also their model of action. Moreover, Sceptics should defend themselves from the *apraxia* charge. The charge, in general, argues that the Sceptic cannot be active because s/he would not give the assent to any representation. However, it is argued that having the *ataraxia* state does not imply a plant or animal-like life or the total quietism since it leaves room open for an undogmatic action, the action which avoids truth-valued statements or the assent to a representation. The discussion had the consequence that the Stoics loosened the connection between epistemology and ethics. In contrast, Sceptics had to develop a model of sceptical action, according to which one can act and live without adherence to beliefs.

Keywords: Stoics, Sceptics, Sextus Empiricus, Theory of Action, Ethics, Knowledge, Truth.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-209-237.

REFERENCES

- Annas, J. 1993. *The Morality of Happiness*. New York & London: Oxford University Press.
Aristoteles. 1894. *Ethica Nicomachea* [in Ancient Greek]. Ed. by J. Bywater. Oxford: Clarendon Press.

- Barnes, J., and J. Annas. 1985. *The Modes of Scepticism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bett, R. 2019. *How to Be a Pyrrhonist: The Practice and Significance of Pyrrhonian Scepticism*. New York: Cambridge University Press.
- Biryukov, D.S. 2008. "Stoiki i printsip identichnosti individa [Stoics and the Principle of Individual Identity]" [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, by Plutarch, trans. from the Ancient Greek by T. G. Sidash, 351–381. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Burnyeat, M. 1980. "Can the Sceptic live his Scepticism?" In *Doubt and Dogmatism. Studies in Hellenistic Philosophy*, ed. by M. Schofield, 20–54. Oxford: Clarendon Press.
- Cicero. 1922. *Academicorum reliquiae cum Lucullo* [in Latin]. Ed. by O. Plasberg. Leipzig: Teubner.
- Diogen Laert-skiy [Diogenes Laërtius]. 1986. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitkh filosofov [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by M. L. Gasparov. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Diogenis Laertii. 1999–2002. *Vitae philosophorum* [in Ancient Greek]. Ed. by M. Marcovich. 3 vols. Stuttgart-Lipsia: Teubner.
- Hume, D. "Issledovaniye o chelovecheskom poznanii [An Enquiry Concerning Human Understanding]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, 2nd ed., trans. from the English by S. I. Tsereteli, 3–314. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Kasavin, T. I. 2019. "Epistemologiya dobrodetey [Virtue epistemology]: k sorokaletiyu povorota v analiticheskoy filosofii [On the 40th Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 56 (3): 6–19.
- Maslov, D. K. 2017. "Diskussiya o nalichii dogmy v filosofii Seksta Empirika [Discussion about Dogma in Sextus Empiricus Reaching]" [in Russian]. *Idei i idealy [Ideas and Ideals]* 2 (32): 30–43.
- . 2018. "Ataraksiya v pirronizme [Ataraxia in Pyrrhonism]" [in Russian]. *ΣΧΟΛΗ [Schole]* 12 (2): 561–568.
- Maslov, D. K. 2020. "Zum Verhältnis von Ataraxie und Wahrheitssuche bei Sextus Empiricus" [in German]. *Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie*, no. 67: 125–145.
- Maslov, D. K. 2021. "Etika bez teorii? O preimushchestve pirronicheskogo obraza zhizni pered dogmaticheskim [Ethics without Theory]" [in Russian]. *ΣΧΟΛΗ [Schole]* 15 (1): 238–264.
- McPherran, M. 1989. "Ataraxia and Eudaimonia in Ancient Pyrrhonism: Is the Skeptic Really Happy?" *Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy*, no. 5: 135–171.
- Plutarchus. 1971. "De Stoicorum repugnantiiis" [in Ancient Greek and Latin]. In vol. 6.2 of *Plutarchi moralia*, ed. by R. Westman. 7 vols. Leipzig: Teubner.
- Searle, J. 2004. *Ratsional'nost' v deystvii [Rationality in Action]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Kolodiy and Ye. Rumyantseva. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- Sextus Empiricus. 1912. *Pyrrhoniae hypotyposes* [in Ancient Greek and Latin]. Vol. 1 of *Sexti Empirici opera*, ed. by H. Mutschmann and J. Mau. 4 vols. Leipzig: Teubner.
- . 1958. *Adversus mathematicos* [in Ancient Greek and Latin]. Vol. 3 of *Sexti Empirici opera*, ed. by H. Mutschmann and J. Mau. 4 vols. Leipzig: Teubner.
- . 1975–. 1976. *Sochineniya [Works]* [in Russian]. Ed. by A. F. Losev. Trans. from the Ancient Greek by N. V. Bryullova-Shaskol'skaya and A. F. Losev. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Stolyarov, A. A. 1995. *Stoya i stoitsizm [Stoa and Stoicism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kami grup.

- , ed. and trans. 1998–2010. *Fragmenty rannikh stoikov [Fragments of Early Stoics]* [in Ancient Greek and Russian]. With a comment. by A. A. Stolyarov. 3 vols. Moskva [Moscow]: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina.
- Striker, G. 1996. *Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics*. New York: Cambridge University Press.
- Tsitseron Mark Tulliy [Cicero Marcus Tullius]. 2004. *Ucheniye akademikov [Academici libri]* [in Russian]. Trans. from the Latin by N. A. Fedorov. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Vogt, K. 2010. "Scepticism and Action." In *The Cambridge Companion to Ancient Scepticism*, ed. by R. Bett, 165–180. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2012. "Appearances and Assent: Sceptical Belief Reconsidered." *The Classical Quarterly* 62 (2): 660–663.

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

STUDIES. PART 3

МАРИЯ РАХМАНИНОВА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР**

ПРОБЛЕМАТИКА СОВЕТСКОГО И ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛЕВЫЙ ПРОЕКТ

Получено: 27.01.2022. Рецензировано: 11.04.2022. Принято: 15.04.2022.

Аннотация: В статье исследуются траектории политической рефлексии французской экзистенциалистки и писательницы Симоны де Бовуар, незаслуженно часто выпадающие из поля зрения исследователей ее творчества и биографии. В фокус внимания вводится проблематика советского, как сквозная для ее произведений, и она рассматривается в динамике применительно к периоду 1920–1960-х гг. Предпринимается дискурсивный анализ сочинений разных лет и метаморфозы в принципах, языке и методах репрезентации советского в зависимости от исторического периода — в отношении как внутринеополитического, так и внешнеполитического уровня советской политики. Особое внимание уделяется свидетельствованию Симоны де Бовуар об опыте наблюдения за событиями в Испании 1930-х гг. и об этапах их осмысления — актуальном и ретроспективном. В свете этого проблематизируются выбранные С. де Бовуар и ее окружением методы оценки, а также философского и фактологического освоения заданной политической перспективы; высказывается критика относительно поверхностности источниковедческой части формирования политического консенсуса французского интеллектуального сообщества о советском проекте и событиях в СССР. Предпринимается попытка определить значение и вклад Симоны де Бовуар в репрезентацию этого консенсуса и пронизывающих его полемических линий, а также оценить ее собственное отношение к происходящему; высказывается мнение о роли этого консенсуса в дальнейшем становлении европейского понимания советского и постсоветского.

Ключевые слова: Симона де Бовуар, политическое, советское, СССР, социальная философия, политическая философия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-241-255.

Симона де Бовуар, пожалуй, одна из самых ярких фигур в европейской мысли XX в. Чаще всего — особенно на постсоветском пространстве — ее имя связывают с гендерной антропологией, второй волной феминизма и женскими освободительными движениями. В самом деле, книга

*Рахманинова Мария Дмитриевна, д. филос. н., независимый исследователь (Москва), RakhmaninovaMD@gup.ru, mariarakhmaninova@mail.com, ORCID: 0000-0002-4642-2626.

**© Рахманинова, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, РФФИ, проект N 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

«Второй пол» радикально переопределила гендерную оптику нескольких поколений европейцев, а вдохновленные ею инициативы сделали возможными важнейшие для женщин социально-политические завоевания как непосредственно в области права, так и в сфере репрезентации женщины в культуре. Не менее важную роль сыграло и литературное наследие мыслительницы: «Прелестные картинки», «Мандарины», «Гостья», автобиографическая трилогия «Воспоминания благовоспитанной девицы», «Зрелость», «Старость» и многие другие ее тексты стали впечатляющим продолжением традиции женской эмансипаторной прозы, восходящей к Мэри Уолстонкрафт, Жорж Санд и Вирджинии Вулф.

И все же философия С. де Бовуар далеко не исчерпывается перспективной рефлексии о женском: несомненный интерес представляют и ее социально-философские и историко-политические размышления. В этой статье мы подробно рассмотрим ее взгляды на феномен советского: на проект СССР и его связь с коммунистическим проектом в целом, на этапы его истории и на события, вести о которых доходили до Европы, на споры о советском в среде французских интеллектуалов и на перспективы европейских левых в свете происходящего в Советском Союзе.

Судя по воспоминаниям Симоны де Бовуар, первые политические размышления посетили ее довольно рано — вначале под воздействием впечатлений от Первой мировой войны, затем под влиянием патриотического воспитания в кругу семьи (де Бовуар, Аннинская и Леонова, 2004: 164–165):

Существование любой другой страны расценивалось как недоразумение, представляющее опасность для Франции. Наша страна была жертвой преступного идеализма Вильсона, ее будущему угрожал грубый реализм «бошей» и большевиков, а так как во главе страны не хватало лидера с крепким кулаком, то она шла к своей гибели. Впрочем, погибнуть предстояло всей культуре. Отец мой, проедавший собственный капитал, предрекал конец всего человечества; мама ему вторила. Повсюду нас подстерегала опасность: красная, желтая; со всех концов земли и со дна общества должно было прийти новое варварское племя; неизбежная революция повергнет мир в хаос.

Однако этот чрезмерно мрачный взгляд предсказуемо оказался плохо совместим с потребностью юности в оптимистичном предвкушении будущего, и жизнелюбивая Симона вскоре отвергла его (там же: 165):

В любом случае победят люди, я уже не понимала, почему интересы, которые называют моими, должны быть важнее, чем интересы Других. Я снова обрела способность дышать. Опасность, нависшая над землей, миновала.

Из этих сомнений в родительском мировосприятии постепенно развивалась чувствительность Симоны де Бовуар к проблематике класса: вначале простое сочувствие к трудящимся, затем сомнение в обоснованности собственных экономических привилегий, а также медленный отход от религиозности и рост интереса к современности неуклонно формировали в ней предпосылки для дальнейших политических взглядов. Немалую роль в этих метаморфозах сыграло впечатление, которое произвел на юную Симону ее преподаватель литературы Робер Гаррик: если по мнению ее отца «рабочие принадлежали к тому же чужеродному и опасному племени, что „боши“ и большевики» (де Бовуар, Аннинская и Леонова, 2004: 233–234), то «Гаррик смел эти границы: на земле существовало только одно-единственное огромное сообщество, все члены которого были моими братьями». «Отменить все барьеры и различия, выйти за пределы своего класса, за пределы себя самой — этот лозунг меня буквально наэлектризовал», — вспоминает С. де Бовуар причины, побудившие ее ступить на непростой путь отказа от ценностей, ритуалов и иерархий, которыми элиты пытаются отгородить себя от мира и его бед (там же: 234). Очень скоро она обнаружила, что просто так освободить элиту от этих странных «пережитков», как ей мечталось вначале, не удастся, ведь они-то и составляют самую ее сущность, а освобождение от них равносильно ее уничтожению. Это прозрение фактически означало разрыв со своим классом во имя воссоединения со всем остальным человечеством. Так в ее биографии начался «левый поворот», определивший как ее дальнейшие взгляды, так и ключевые траектории ее жизненного и творческого пути.

Студенчество С. де Бовуар приходится на период расцвета левых идей. Ее окружение — впоследствии видные французские интеллектуалы — сплошь левых взглядов. Фон, на котором формируются ее убеждения, — жаркие дискуссии вокруг расцветающего в Европе фашизма, а также вокруг и критики политических сил, демонстрирующих полную неспособность его остановить. Несмотря на это, свойственный студенчеству оптимизм настолько непоколебим, что никому не приходит в голову всерьез верить в возможность его торжества. По словам С. де Бовуар, именно это послужило причиной довольно вялого участия молодежи в антифашистских манифестациях рабочих. Так, вспоминая 1934 год, она пишет (де Бовуар, Световидова, 2018: 150):

«Сегодня меня поражает, что мы могли отмечать эти события с относительной безмятежностью; конечно же, мы возмущались; нацизм внушал французским

левым еще больший ужас, чем фашизм Муссолини; но мы отказывались признавать угрозу, нависшую из-за него над миром. Коммунисты тогда превосходили всех в своей готовности обманываться. С неизменным оптимизмом немецкая компартия продолжала недооценивать значение ослаблявших немецкий пролетариат глубоких разногласий, усилению которых способствовала ее политика; Тельман утверждал, что никогда четырнадцать миллионов немецких пролетариев не позволят фашизму окончательно закрепиться у них; никогда они не согласятся последовать за Гитлером в войну».

Вспоминая это время, де Бовуар часто корит себя за личное неучастие, называя его аполитичным (де Бовуар, Световидова, 2018: 115, 218, 270). Из сегодняшнего дня это представляется не вполне корректным, ведь политическое не только всегда находилось в горизонте ее внимания, но и составляло заметную часть ее повседневной рефлексии: с самого юного возраста для нее и ее круга политические темы были в центре обсуждения: будь то происходящее в Италии, усиление позиций НСДАП в Германии или Испанская революция 1936 года, приковавшая к себе взгляды всего прогрессивного человечества. Скорее, здесь следует усматривать проблему понимания политического как такового: возлагаемая надежды на «политические силы», в те годы многие не стремились участвовать в так называемой политике прямого действия. По всей видимости, с годами де Бовуар пересмотрела эту созерцательную позицию как опрометчивую в своей наивной надежде на представительную демократию и тем самым переосмыслила политическое.

Что же служило системообразующим фактором для ее философско-политической перспективы 1930-х гг.? Не в последнюю очередь советский опыт. С одной стороны, он явственно демонстрировал возможность другого (не вполне понятно какого, но точно не капиталистического) мира. Это означало, что борьба левых за социалистический проект по меньшей мере не обречена и уж точно не напрасна. Один из главных вопросов, волнующих Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар в 1930-е гг., — вопрос о том, является ли СССР скорее «цивилизацией инженеров» (там же: 36) или все же страной свободных художников и нового творческого гения. С любопытством изучая литературу, кинематограф и другие эстетические эксперименты СССР, Симона де Бовуар, Сартр и их ближайшее окружение обнаруживают множество вдохновляющих сюжетов и форм, позволяющих по крайней мере констатировать известную состоятельность советского проекта: его своеобразие и новаторство, его мощь и плодovitость. Судя по всему, не обладая теоретической чувствительностью к проблематике идеологии, власти, государства и их стратегий

репрезентации в культуре, они часто восторженно воспринимают советский нарратив как правдиво-живое свидетельство и полагают, что черпают из него подлинное понимание происходящего за железным занавесом. Так, Симона де Бовуар пишет (де Бовуар, Световидова, 2018: 145):

Некоторые романы открыли нам один неизвестный момент революции: отношения между городом и деревней, между коммунистами, занимавшимися реквизицией и коллективизацией, и крестьянами, упорствующими в своих правах собственников. Даже в произведениях, довольно примитивных с точки зрения мастерства, — «В стране поверженных» Панферова, «Барсуки» Леонида Леонова (который не побоялся в предисловии сослаться на Достоевского), — размах, новизна, сложность этого начинания увлекли нас. Об этом замечательно было рассказано в «Поднятой целине» Шолохова. [...] Своего «положительного героя», комиссара, он сумел сделать человечным и привлекательным, но вызвал у нас сочувствие к старикам-мракобесам, боровшимся за свое зерно.

Столь парадоксальное для философов не критичное доверие к большевистскому нарративу о «крестьянском вопросе» (особенно в те самые годы, когда в Париже находит прибежище весь цвет черной эмиграции¹ — живые свидетели событий советской истории, в том числе Нестор Махно, не понаслышке знавший и как обстояли дела с крестьянством, и что станет скрывать о себе советский режим) — красноречивое свидетельство флегматичной декоративности интереса французской интеллигенции к советскому проекту. Что мешало Симоне де Бовуар пожелать узнать третью версию событий — ту самую, о которой могли бы многое сообщить ее хорошо известные в Париже современники (в том числе публичные, а также издававшие собственную прессу): Петр Аршинов, Александр Скирда, Мария Гольдсмит или Александр Беркман? По всей видимости, отсутствие внутренней необходимости углубиться дальше тех очевидных поверхностей, которых, однако, казалось вполне достаточно для «общего представления» о судьбе далекого социалистического государства — представления, столь значимого для имиджа «настоящих левых».

Еще отчетливее, чем в случае с судьбой русского крестьянства, это предположение подтверждается записями Симоны де Бовуар о судьбах

¹В традиции исследований анархизма этот термин часто используется для обозначения многочисленных эмигрантов-анархистов и эсеров, вынужденных покинуть СССР. В данном контексте особенно важно то, что именно они занимались проблемами крестьянства.

крестьянства испанского и в целом о событиях в Испании. Учитывая то, что за ними не просто напряженно следили по всей Европе, в Америке и СССР, но зачастую и отпраплялись принимать в них активное участие (как, например, А. Мальро, А. де Сент-Экзюпери или Э. Хемингуэй), живо реагировать на них означало держать руку на пульсе эпохи, оставаться актуальным и пронизательным мыслителем, достойным своего круга и масштаба окружающих событий. По всей видимости, именно эта внешняя необходимость, с одной стороны, побуждала С. де Бовуар братья за перо (впрочем, парадоксально теряющее в эти моменты свою обычную силу) и, с другой стороны, становилась причиной спешки, поверхностности и неразборчивости в источниках.

Так, на соседних страницах Симона де Бовуар с одинаковым драматизмом и с не свойственной ей безликой невыразительностью стиля опирается то на сталинистскую, то на троцкистскую версию событий, забывая о том, что P. S. U. C.² и P. O. U. M.³ — силы, не просто изначально конкурентные, но и впоследствии открыто враждующие. Последовательность она сохраняет только в нападках на С. N. T.-F. A. I.⁴, впрочем предсказуемо и дословно совпадающих с риторикой популярной прессы (между тем именно С. N. T.-F. A. I. оказались единственной силой, в которой не разочаровался прошедший эту войну Дж. Оруэлл (Оруэлл, Воронин, 2016: 126)). Так, Симона де Бовуар пишет (де Бовуар, Световидова, 2018: 305):

Ситуация, однако, складывалась критическая. В начале мая анархо-синдикалистское восстание, залившее кровью Барселону, чуть было не отдало в руки фашистов Каталонию. Негрин сформировал новое правительство и попытался пресечь организованные анархистами и троцкистами беспорядки, наносившие вред борьбе против Франко; были арестованы лидеры ПОУМ, которую коммунисты разоблачали, как сборище предателей. Между тем анархисты и социалистическая фракция обвиняли Негрина и сталинистов в том, что, убивая движение масс, они убивают Республику. Эти разногласия не предвещали в будущем ничего хорошего.

Явно повторяя в этом фрагменте патетичную сталинистскую риторику — не слишком, впрочем, релевантную преимущественно троцкистско-

²P. S. U. C. — Partit Socialista Unificat de Catalunya — Объединенная социалистическая партия Каталонии.

³P. O. U. M. — Partido Obrero de Unificación Marxista — Рабочая партия марксистского единства.

⁴C. N. T. — Confederación Nacional del Trabajo — Национальная конфедерация труда; F. A. I. — Federación Anarquista Ibérica — Федерация анархистов Иберии.

му дискурсу ее собственного окружения, — она как бы спохватывается от возникшей неловкости и на всякий случай завершает фрагмент (тем не менее еще более компрометирующим) декоративно-утомленным сеговением на в целом досадные распри между политическими силами, столь характерным для всех, кто следил за Испанской войной из уютных кафе и не очень понимал, в чем исторически заключалась суть противостояния между сталинизмом, троцкизмом и анархизмом.

Фрагменты текстов Симоны де Бовуар об Испании стилистически нарочито неоднородны (что в остальном ей совершенно несвойственно) и, пожалуй, выглядят как склейки двух языковых регистров: узнаваемое живое литературно-дневниковое начало сюжета сменяется беспомощно сухой газетной сводкой, претендующей, однако, исчерпать фактический аспект события, но на деле, по обыкновению, скрывающей свой идеологический метатекст (де Бовуар, Световидова, 2018: 218):

Моя манера читать газеты оставалась все такой же легкомысленной. Как я уже говорила, я обходила проблемы, связанные с политикой Гитлера. [...] Взволновали меня лишь испанские события: в Каталонии и Астурии вспыхнули рабочие восстания, и правые, стоявшие тогда у власти, жестоко подавили их.

Коммунисты, радикалы, анархо-синдикалисты преследовали разные цели. Анархисты отказывались понимать, что сначала надо выиграть войну, а потом уже делать революцию; в некоторых провинциях, в том числе и в Каталонии, профсоюзы пытались создать советы, хотя им следовало бы обеспечить работу заводов. Колонны анархистов мешали правительственным действиям несвоевременными вылазками, они не подчинялись приказам, исходящим от центральной власти. Такое отсутствие единства представляло страшную опасность перед лицом крепкой армии Франко, которой все более широкую поддержку оказывали немецкие и итальянские экспедиционные корпуса (там же: 294).

«Отказывались понимать»; «мешали / не подчинялись»; «хотя им следовало» и, наконец, совсем уж неожиданный пиетет к решениям «центральной власти» — эти и другие грубо нарративные формулы (совершенно несвойственные обычно деликатной и склонной к рефлексии Симоне де Бовуар) явно несут на себе следы внешних политических нарративов (в данном случае — сталинистского и троцкистского), разбраться в которых совершенно невозможно лишь на основании прессы, тем более до такой степени, чтобы столь однозначно присоединиться

к их категоричному тону. И, как бы снова стесняясь этой внезапной категоричности, С. де Бовуар понижает градус высказывания привычным сетованием на отсутствие единства враждующих сил — столь закономерного в незатейливой картине мира абстрактно миролюбивых зрителей французских кафе.

Пожалуй, один из самых неприглядных эпизодов этой поистине легкомысленной риторики — фрагменты о Симоне Вейль. Грубость, с которой де Бовуар создает нарочито небрежный и насмешливый росчерк об одной из своих самых ярких, интересных и глубоких современниц, особенно парадоксальна на фоне декларативного восхищения аналогичным поступком А. Мальро (де Бовуар, Световидова, 2018: 282) (точно так же отправившегося на фронт) и может быть объяснена разве что не изжитой до конца внутренней мизогинией в совокупности с глубинным чувством вины за собственную хорошо скрываемую беззаботность (там же: 295):

Поехать в Испанию — об этом не было и речи; ничто в нашей жизни не располагало к столь безрассудному поступку. [...] Симона Вейль перешла границу, чтобы вступить в ополчение, и потребовала винтовку; ее определили на кухню, и она опрокинула себе на ноги миску с кипящим маслом.

Этой сомнительной карикатурой С. де Бовуар ограничивается, возвращаясь к С. Вейль лишь в двух местах, впрочем, не менее насмешливо-неприязненно (там же: 124, 130–131). Объяснение такой неприкрытой враждебности — парадоксальной при общем сочувствии Испании и в целом борьбе угнетенных — предположительно следует искать в собственном признании Симоны де Бовуар, брошенном вскользь и как бы между строк (там же: 321):

Из ревности, из зависти я совершала проступок, отдававший меня в его власть, и я обрела спасение, уничтожив это сознание. Я намеревалась противопоставить себе действующее лицо, похожее на Симону Вейль, поскольку в моих глазах она обладала неким престижем.

Помимо своего очевидного сообщения эти слова также позволяют предположить, что политическая рефлексия Симоны де Бовуар подчас уступает место скучающему взгляду литератора-коллекционера, ищущего оригинальные фактуры, характеры и сюжетные повороты. Вероятно, преобладание этой оптики не в последнюю очередь обусловлено общими гносеологическими настройками повседневности среднего класса в условиях капитализма (характерной чертой которого как раз является опустошенно-равнодушное коллекционирование).

Правдоподобным подтверждением этого предположения служит и собственное признание С. де Бовуар (де Бовуар, Световидова, 2018: 145):

...парадоксальным образом, нас привлекла Америка, режим которой мы осуждали, а СССР, где разворачивался опыт, восхищавший нас, не вызвал нашего интереса.

Перспектива классово́й теории — особенно в ее поздней, фрейдомарксистской версии — снимает кажущуюся парадоксальность этого обстоятельства: мировосприятие, сформированное в условиях практик и ритмов капитализма, настраивает протокол желания и удовольствия именно по присущим ему образцам. С этой точки зрения в приведенной С. де Бовуар рассинхронизации аффективных склонностей и преднамеренных умпостроений как раз, напротив, нет ничего странного. При этом она также сигнализирует о чем-то не менее важном — о чисто умственном, моральном характере внимания к советскому миру и его внешнеполитическим проявлениям (например, таким как требование Советского Союза подавить Испанскую революцию в обмен на запоздалое снабжение оружием (Оруэлл, Воронин, 2016: 265)). Если даже горе французских евреев (де Бовуар, Световидова, 2018: 528), по словам Симоны де Бовуар, оказалось сложно переживать как близкое, приходится ли говорить о событиях в далеком и призрачном СССР (там же: 287)? Так, она вспоминает (там же: 360):

«Можно ли работать, можно ли веселиться, можно ли жить, когда происходят подобные вещи?» — со слезами говорила мне Бьянка. И мне было стыдно за мой эгоизм, ведь я упорно стремилась к счастью.

И все же, несмотря на эту отстраненность, к теме советского Симона де Бовуар обращается с заметным постоянством на протяжении всей своей жизни. Так, в автобиографическом романе «Мандарины», повествующем о послевоенном времени, одной из центральных полемических линий она делает именно споры о советском, характерные для французских левых интеллектуалов тех лет. Погружаясь в них со впечатляющей степенью детализации (этим вопросам она отводит десятки страниц), она — пожалуй как мало кто — внимательно исследует и высвечивает основные этические и политические пласты конфликта, ставшего причиной расколов в левом движении, а также непримиримо разлучившего многих старых товарищей по Сопротивлению.

Одним из вызвавших его обстоятельств стала проблема репрезентации данных о ГУЛАГе, начавших впервые проникать во Францию:

стоило ли делать их видимыми для широкой аудитории? Одни находили это недопустимым, поскольку это могло дискредитировать нарратив левых и привести к окончательному разочарованию рабочего класса Франции в проекте социалистической альтернативы, а значит фактически предопределить окончательную победу США и нелиберального проекта. Ход мысли приверженцев этого взгляда С. де Бовуар описывает так: «Возбудить общественное мнение против СССР! [...] Это именно то, чего нам следует избегать, особенно теперь!» (де Бовуар, Световидова, 2005: 287);

Американское господство: это значит недоедание и бесконечное угнетение для всех стран Востока; единственный их шанс — СССР: единственный шанс для человечества избавиться от нужды, рабства и скудоумия — это СССР, и, стало быть, следует сделать все, чтобы помочь ему. Когда миллионы людей превращены нуждой в скотину, гуманизм — смешон, а индивидуализм — низок; как можно осмелиться требовать для себя высших прав: свободно обо всем судить, решать, обсуждать? (там же: 213)

Мы говорили о русских лагерях. Венсан полностью согласен со мной. Он считает это отвратительным, но если начать кампанию против, буржуи останутся очень довольны (там же: 342).

Также среди противников разглашения сведений о ГУЛАГе была распространена позиция оправдания «наименьшего зла», например, тем, что в отличие от ужасающих условий капитализма в трудовых лагерях нет безработицы. Один из героев «Мандаринов» размышляет (там же: 367):

По крайней мере, их повседневная жизнь обеспечена; и я убежден, что судьба их менее ужасна, чем это утверждает необъективная пропаганда; тем более что постоянно упускают из виду: мышление советского человека не такое, как у нас: он, например, считает нормальным, когда его переселяют в соответствии с потребностями производства. Никто не желает зла ради зла, — возразил Ленуар, — и СССР меньше, чем любой другой режим; если они принимают какие-то меры, значит, эти меры необходимы. — Ленуар раскраснелся еще больше. — Как вы осмеливаетесь осуждать институты страны, трудностей и нужд которой вы не знаете? Это недопустимое легкомыслие. [...] Лагерь могут быть необходимыми сегодня, но отнюдь не всегда.

Среди скептиков находилось немало и таких, кто вовсе отрицал правдоподобность сведений о советских лагерях (в качестве одной из стадий принятия происходящего эту позицию в той или иной мере проходили

все (де Бовуар, Световидова, 2005: 286, 320)). Так или иначе, все перечисленные позиции объединяло одно — решительный протест против разглашения страшных вестей из СССР.

Были у этого намеренного замалчивания и противники разной степени решительности: среди них встречались как убежденные в том, что горькая правда лучше любых иллюзий, а замалчивание масштаба советской катастрофы — этическое преступление как минимум против тех, кого она коснулась, так и сторонники полуправды и частичной, «осторожной» (там же: 288) огласки.

К какой из перечисленных позиций склоняется сама Симона де Бовуар? Для ответа на этот вопрос обратимся к возражениям Анны Дюбрей (камео Симоны де Бовуар в романе «Мандарины»), адресованным апологетам советской политики (там же: 321–322):

Что вам дает основание думать, будто задачи СССР все еще совпадают с задачами человечества? Мне кажется, что существование лагерей заставляет поставить под вопрос все дело СССР целиком.

При ближайшем рассмотрении эти слова звучат как прямой ответ на знаменитую критику, обращенную Сартром к свидетельствующим о лагерях, дискредитирующим своими свидетельствами социалистический проект (Applebaum, 2003). По всей видимости, в период своего предельного экзистенциального отдаления от Ж.-П. Сартра, пришедшегося именно на рассматриваемые годы, С. де Бовуар заметно освобождается от его влияния, отходя от него также и политически: похоже, это она скрывает за фигурой одного из скептиков и сторонников умолчания, над которыми с печалью иронизирует Анна Дюбрей (де Бовуар, Световидова, 2005: 53): «Лично мне всегда было трудно в наименьшем из зол усматривать благо. [...] Верно, потому, что я слишком долго верила в Бога». Нельзя не заметить ту горечь, с которой Анна выслушивает доводы в защиту сокрытия вестей из СССР. И хотя сама Симона де Бовуар не оставила сколь бы то ни было репрезентативных свидетельств о своих расхождениях с Сартром в политических позициях в 50-е и 60-е гг., взгляд Анны при прочих легко считываемых параллелях с мироощущением самой С. де Бовуар представляется вполне красноречивым для подобных выводов.

В некотором смысле тема советского и связанное с ней этическое испытание оказывается для Симоны де Бовуар неожиданным инструментом для самопознания и неочевидных маршрутов личностной рефлексии:

что для нее (и шире — для левых интеллектуалов Франции) левый проект? Как он соотносится с советским экспериментом? Что такое СССР? Последняя надежда среди океана человеческой скорби и угнетения? Далекая ширма от собственного малодушия и привязанности к богомному существованию при капитализме? Признать СССР диктатурой — значит решиться на предельную степень отчаяния? Или, наоборот, наконец необходимо найти достаточное основание больше не смотреть с чувством вины и долга в советское как возможное, с головой погрузившись в единственное, что доступно, — в привычный мир, определяемый капиталом и интересами США? (де Бовуар, Световидова, 2005: 289) Все эти вопросы призваны сканировать внутреннюю жизнь и скрытые побуждения как героев романов де Бовуар, так и ее собственные. В этом смысле она так до конца и не ступает на почву политической философии, но как бы увлекает ее саму в плоскость литературы и экзистенциальной перспективы. Тема советского открывает для этого новые возможности.

Подведем итоги. Тема советского составляет как один из устойчивых сюжетов в жизни французских левых интеллектуалов 1930–1960-х гг., так и один из заметных рефренов в творчестве самой де Бовуар: СССР возникает на горизонте ее внимания вначале как невероятное осуществление политической мечты (1920-е гг.), затем как поле угасших огней революции (начало 1930-х гг.), все еще озаряемое, однако, мощным творческим гением, затем — как противоречивое пространство, источающее одновременно силы разрушения и созидания (конец 1930-х — 1940-е гг.), затем — как далекий край, теряющийся в тумане вымыслов, домыслов и фрагментов пропаганды с разных сторон (послевоенные годы). Значимыми для С. де Бовуар предстают и события, так или иначе связанные с внешней политикой Советского Союза: например, события в Испании 1936 г. или политика СССР во время Второй мировой войны. В этом смысле не будет преувеличением заключить, что советское — по-настоящему недооцененный постоянный сюжет в работах С. де Бовуар, заслуживающий исследовательского внимания и по-своему репрезентативный для понимания того, каким виделось происходящее в СССР из Европы.

В высшей степени ценным представляется освещение Симоной де Бовуар полемических линий вокруг этих событий: мнений о том, как их воспринимать, интерпретировать, оценивать и как на них реагировать в практическом отношении. В период пика этих полемик сама Симона де Бовуар занимает наименее идеологически ангажированную позицию, оставаясь верной своей изначальной философской перспективе

кантовской этики: если политический проект требует того, чтобы ради него лгать или скрывать правду, он не может считаться настолько состоятельным, насколько претендует казаться; цель в этом случае не оправдывает средства, а советские репрессии отменяют изначальные смысл и суть советского проекта.

Кроме того, советское становится для Симоны де Бовуар ценным и продуктивным средством для рефлексии как в отношении самой себя, так и в отношении скрытых внутренних процессов внутри сообщества французских левых интеллектуалов. В этом смысле она хоть и не формирует собственной политико-философской концепции, но пользуется политической философией для решения экзистенциальных проблем (в формате литературного повествования). Ценность такого междисциплинарного жеста несомненна: повседневное обретает доступ к самому себе на новой глубине, а литература выходит за пределы чистой событийности и ее индивидуальных преломлений. Советское — один из важных мотивов политико-философского скитания Симоны де Бовуар по пространствам ее текстов.

И все же тема советского присутствует в ее прозе и публицистике парадоксально: несмотря на регулярность, она часто остается поверхностной и предвзятой, в особенности когда при формировании своих представлений о происходящем Симона де Бовуар ограничивает круг источников заведомо ангажированной сталинистской прессой (например, в случае суждений об Испании) или агитационно-идеологическим искусством (уже утратившим при этом органическую связь с изначальными творческими проектами, вызвавшими его к жизни). Пожалуй, самым поразительным остается то, что она так никогда и не воспользовалась возможностью обратиться к версии советских событий, которой придерживалась «третья сила» русской Революции — анархисты, тем более что существенная часть «черной» эмиграции нашла прибежище именно во Франции и как раз в годы наибольшей творческой продуктивности С. де Бовуар, а многие сочинения анархистов-эмигрантов подчас и во все становились всемирно известными (например, книга Э. Гольдман «Мое разочарование в России» (Goldman, 1923)). Парадоксальность эту отмечает и сама де Бовуар, осмысляя разрыв между искренностью влечений своего круга к культурным практикам, сложившимся на Западе, и своеобразной вынужденностью декларативной поддержки далекого и непонятого СССР. По всей видимости, названные парадоксы не в последнюю очередь связаны с проблемой самоопределения и саморепрезентации, а поверхностность в обращении с темой советского вполне

может быть обусловлена тем, что для левых интеллектуалов Европы сама тема советского исторически сложилась как вопрос скорее имиджа, чем экзистенциальной необходимости. Во всяком случае, этим вполне можно было бы объяснить то, с какой непринужденной легкостью, почти легкомысленностью, обсуждаются ими далекие лагеря Кольмы, а также тюрьмы и расстрельные полигоны. Проблема позиции в холодной войне для них теоретически абстрактна.

Увы, такое видение советского во многом определило глухость Европы по отношению к голосам из-за железного занавеса (и непредставленность их там до сих пор). Определило оно и понимание многими европейскими интеллектуалами происходящего на Востоке и по сей день — в особенности это касается трактовки внутри- и внешнеполитических событий в странах СНГ и Украине начиная с 2014 г. Быть левым (интеллектуалом) по-прежнему означает видеть мир биполярным и в свете этого быть однозначным противником США, даже если для этого требуется искусственно снизить в своем фокусе внимания детализированность того, что самим населением государств СНГ и Украины воспринимается как реальность авторитарных режимов. С этой точки зрения тексты С. де Бовуар также проливают свет как на генезис европейского интеллектуального консенсуса по вопросу советского и постсоветского, так и на перспективы новых волн эмиграции в европейском мире и в целом на принципы репрезентации Европой происходящего на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- Бовуар С. де.* Воспоминания благовоспитанной девицы / пер. с фр. М. Л. Аннинской, Е. Ю. Леоновой. — М. : Согласие, 2004.
- Бовуар С. де.* Мандарины / под ред. Н. И. Полторацкой, Н. Световидовой ; пер. с фр. Н. Световидовой. — М. : Ладомир, Наука, 2005.
- Бовуар С. де.* Зрелость / пер. с фр. Н. Световидовой. — М. : Издательство «Э», 2018.
- Оруэлл Д.* Памяти Каталонии / пер. с англ. В. Воронина. — М. : АСТ, 2016.
- Applebaum A.* Gulag / Gray City. — 2003. — URL: <https://graycity.net/anne-applebaum/page,2,110961-gulag.html> (visited on Jan. 22, 2022).
- Goldman E.* My Disillusionment in Russia. — New York : Thomas Y. Crowell Company, 1923.

Rakhmaninova, M. D. 2022. "Politicheskiye vzglyady Simony de Bovuar [Simone de Beauvoir's Political Views]: problematika sovet-skogo i yevropeyskiy levyy proyekt [The Problematics of the Soviet and the European Left Project]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 241–255.

MARIYA RAKHMANINOVA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

INDEPENDENT RESEARCHER (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-4642-2626

SIMONE DE BEAUVOIR'S POLITICAL VIEWS

THE PROBLEMATICS OF THE SOVIET AND THE EUROPEAN LEFT PROJECT

Submitted: Jan. 27, 2022. Reviewed: Apr. 11, 2022. Accepted: Apr. 15, 2022.

Abstract: The article examines the trajectories of political reflection of the French existentialist and writer Simone de Beauvoir, which are undeservedly often overlooked by researchers of her work and biography. The issue of the Soviet (as a cross-cutting issue in her works) is brought into focus and examined in its dynamics as applied to the period from the 1920s to the 1960s. We undertake a discursive analysis of the works of different years and the metamorphoses in the principles, language, and methods of representation of the Soviet, depending on the historical period, concerning both the domestic and foreign policy levels of Soviet politics. Particular attention is paid to Simone de Beauvoir's testimony about the experience of observing the events in Spain in the 1930s and about the stages of their comprehension—actual and retrospective. In this light, the methods of assessment chosen by Simone de Beauvoir and her entourage, as well as the philosophical and factual assimilation of a given political perspective, are problematized; criticism is made regarding the superficiality of the source part of the formation of the political consensus of the French intellectual community about the Soviet project and the events in the USSR. We attempt to identify the significance and contribution of Simone de Beauvoir to the representation of this consensus and the polemical lines that permeate it, as well as to assess her attitude to the events; we evaluate the role of this consensus in the further development of the European understanding of the Soviet and post-Soviet.

Keywords: Simone de Beauvoir, Political, Soviet, USSR, Social Philosophy, Political Philosophy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-241-255.

REFERENCES

- Applebaum, A. 2003. "Gulag." Gray City. Accessed Jan. 22, 2022. <https://graycity.net/ann-e-applebaum/page,2,110961-gulag.html>.
- Beauvoir, S. de. 2004. *Vospominaniya blagovospitannoy devitsy [Memories of a Well-Bred Girl]* [in Russian]. Trans. from the French by M. L. Anninskaya and Ye. Yu. Leonova. Moskva [Moscow]: Soglasie.
- . 2005. *Mandarin [Les Mandarins]* [in Russian]. Ed. by N. I. Poltoratskaya and N. Svetovidova. Trans. from the French by N. Svetovidova. Moskva [Moscow]: Ladimir / Nauka.
- . 2018. *Zrelost' [Maturity]* [in Russian]. Trans. from the French by N. Svetovidova. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo "E".
- Goldman, E. 1923. *My Disillusionment in Russia*. New York: Thomas Y. Crowell Company.
- Orwell, G. 2016. *Pamyati Katalonii [Homage to Catalonia]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Voronin. Moskva [Moscow]: AST.

ФЕДОР СТАНЖЕВСКИЙ*

ТЕОРИЯ ВСЕОБЩИХ ПРОЦЕССОВ ЙОХАННЫ ЗАЙБТ**

Получено: 09.01.2022. Рецензировано: 09.04.2022. Принято: 18.04.2022.

Аннотация: В статье рассматривается теория всеобщих процессов Йоханны Зайбт. Представлена критика субстанциализма, или «мифа о субстанции», как совокупности допущений, образующей парадигму. Показано, что субстанциалистские пресуппозиции препятствуют адекватному решению вопроса об устойчивости во времени, в частности потому, что в традиционной онтологии этот вопрос ошибочно относят только к объектам — людям или вещам. Показана апория изменения, зиждущаяся не только на противоречии между изменением свойств объекта и законом Лейбница о тождественности неразличимых вещей, но и на негласно принятых субстанциалистских допущениях. Показана проблематичность как традиционного эндурантизма, так и пердурантизма, по видимости отказывающегося от идеи субстанции. Пердурантизм выделяет в постоянном объекте различные темпоральные стадии; объект может пониматься как совокупность своих временных частей. Тем не менее в интерпретации темпоральных частей или стадий пердурантизм сохраняет некоторые субстанциалистские допущения, что ведет к противоречиям. Одной из опор субстанциализма является партикуляризм, исходящий из дихотомии универсалии/партикулярии. Однако партикуляризм сам основан на ряде допущений, ведущих к противоречиям, и он плохо справляется с решением проблемы индивидуации. В частности, следует отказаться от отождествления, с одной стороны, партикулярного с индивидуальным, с другой — абстрактного со всеобщим. Это позволит допустить существование индивидов, не являющихся партикуляриями. Представлена теория всеобщих процессов как непартикулярных индивидов, моделью которых являются бессубъектные действия. Наконец, кратко обрисовано решение проблемы постоянства во времени с точки зрения теории всеобщих процессов.

Ключевые слова: субстанциализм, партикулярия, пердурантизм, допущение, тождество, процесс, онтология, субъект.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-256-283.

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить теорию всеобщих процессов Йоханны Зайбт — наиболее полную версию онтологии процесса в русле современной аналитической философии, а также

*Станжевский Федор Алексеевич, старший преподаватель, Санкт-петербургский государственный технологический институт (Санкт-Петербург), stanzh@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0297-2930.

**© Станжевский, Ф. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

попытаться проинтерпретировать эту философию в контексте ряда онтологических проблем. Йоханна Зайбт¹ — представитель радикального направления в философии процесса. Согласно Николасу Реше-ру (Rescher, 1996: 3), одному из ведущих выразителей современной философии процесса, можно выделить четыре позиции относительно соотношения между процессом и вещью:

- (1) Процесс обладает (онтологическим) *первенством* по отношению к субстанциям (Гераклит).
- (2) Процесс обладает *приоритетом* по отношению к субстанциям (Эмпедокл).
- (3) Субстанция обладает *приоритетом* по отношению к процессам (Демокрит).
- (4) Субстанция обладает *первенством* по отношению к процессам (Парменид).

Следует, конечно же, обратить внимание на анахроничное использование термина «субстанция» применительно к данным философам, однако анахронизмы подобного рода допускал и сам Аристотель в своей реконструкции истории философии. Следуя указанной классификации, можно сказать, позиция Зайбт находится ближе всего к Гераклиту, то есть к сильной версии философии процесса. Согласно ей, категория процесса достаточна для онтологического объяснения всего сущего, а вещи можно назвать лишь своего рода «сгустками» динамической реальности процессов.

Йоханна Зайбт принимает традиционную в аналитической философии концепцию онтологии как теории категориального умозаключения (categorical inference). Онтология задает сферу допустимых и правомерных для данного языка умозаключений: так, высказывание «Это спокойная собака» допускает высказывание «Собака налево от первой собаки не тождественна с нею», тогда как высказывание «Цвет налево от этого цвета...» недопустимо (Seibt, 2010: 26). Согласно традиционной онтологии, в первом случае речь идет о субстанции, партикулярии, неспособной существовать одновременно в двух местах, а во втором — об атрибуте, универсалии, которая может иметь место в пространстве множественно. Одно из базовых понятий онтологии — «truthmaker», то есть «фактор истинности». Факторы истинности — это сущности внутри референциальной области языка *L*. Фактор истинности — это сущность,

¹Йоханна Зайбт (Johanna Seibt) — профессор философии в университете Орхуса, Дания.

в силу которой предложения или пропозиции являются истинными. В качестве факторов истинности могут также служить объекты, события, положения дел, тропы и т. д.; в качестве же носителя истины может выступать любая сущность, могущая быть истинной или ложной, например предложение или пропозиция. Факторы истинности являются онтологическими коррелятами высказываний на языке *L*.

Такая онтология призвана объяснять обоснованность ряда материальных умозаключений на языке *L*, которые задают значение базовых и предельно общих родовых терминов — категорий, таких как «вещь», «личность», «свойство» и т. д. Категории определяются при помощи ряда характеристик; умозаключения на языке *L* допустимы или обоснованны тогда, когда можно показать, что они следуют из категориальных характеристик факторов истинности некоего предложения на указанном языке. Онтологическая теория призвана объяснить, например, почему из высказывания «солнце яркое» можно заключить, что денотат термина «яркий» может иметь место многократно в пространстве и во времени, в отличие от денотата термина «солнце»: эти термины соответствуют факторам истинности, принадлежащим разным категориям — опять-таки универсалиям и партикуляриям. Таким образом, онтология — это теория, объясняющая допустимость ряда умозаключений внутри некоего языка или класса языков. Очень важно отметить, что онтологическое объяснение предполагает структурное описание интересующей нас области; ответ на вопрос «Что такое сущность *X*?» дается при помощи описания типа данной сущности (его категориальной принадлежности) посредством указания различных категориальных свойств: так, собака в классической онтологии принадлежит к категории субстанции, которая обладает следующими категориальными свойствами: «конкретная, индивидуальная, партикулярная, устойчивая во времени» и т. д. В своих работах Йоханна Зайбт доказывает, что совокупность категориальных свойств, описывающих категорию субстанции, приводит к существенным противоречиям. Хотя доказать ложность определенной онтологии почти невозможно, можно показать ее относительно большую или меньшую эвристическую ценность или, напротив, противоречивость.

Согласно Зайбт, большинство проблем в современной онтологии обсуждаются в русле парадигмы субстанциализма; это подчас относится и к тем авторам, которые на словах отвергают понятие субстанции. Зайбт показывает, что не существует единого интенционально-го, экстенционального или функционального определения субстанции:

понятие субстанции является семантически сверхдетерминированным (Seibt, 1990: 42). В связи с этим субстанциальная парадигма поддается анализу не столько через определение собственно субстанции, сколько посредством вычленения ряда принципов, которые руководят (зачастую подспудно) построением онтологических теорий. Эти принципы имеют характер глубинных допущений и зачастую принимаются либо неосознанно, либо в качестве очевидных положений. Пресуппозиции субстанциализма действуют исподволь и в тех онтологиях, которые основываются на таких базовых понятиях, казалось бы, несубстанциалистского толка, как события или положения дел.

Зайбт называет совокупность указанных принципов «мифом субстанции» по аналогии с «мифом музея» Куайна, «мифом данности» Селларса или мифом «духа в машине» Райла. Всего Зайбт указывает 20 принципов, или пресуппозиций, субстанциализма (ibid.: 500–502). Ограничимся следующими примерами: (1) принцип онтологической замкнутости, согласно которому существуют, самое большее, два типа сущностей — конкретные индивидуальные сущности (субстанции, вещи) и их атрибуты; (2) принцип категориального дуализма, в силу которого объекты принадлежат к партикуляриям, а атрибуты — к универсалиям; (3) принцип онтологической значимости языковых поверхностных структур, согласно которому языковая структура отражает онтологическую структуру; (4) принцип независимости онтологического субъекта, в силу которого онтологический субъект атрибутов независим от последних; (5) принцип партикулярности индивидов, согласно которому все объекты, и только они, имеют всецело специфичный и партикулярный характер; (6) принцип объектного изменения, по которому все изменения суть модификации объектов и зависят от существования последних.

В своих работах Зайбт показывает, каким образом совокупность всех двадцати принципов или же определенные сочетания нескольких из них порождают противоречия. Прежде всего, теория субстанциализма в силу противоречия между ее аксиомами не справляется с объяснением таких глобальных для аналитической философии вопросов, как проблема индивидуации, проблема универсалий и проблема существования во времени. Все эти проблемы превращаются в дилеммы в связи с апоретическим характером отношения между различными допущениями субстанциальной парадигмы; если устранить эти допущения, то указанные проблемы утратят характер апорий и превратятся в философские задачи с широким спектром возможных решений.

В данной статье мы попытаемся проиллюстрировать работу субстанциалистских допущений на примере проблем, возникающих при объяснении явления изменения или, напротив, устойчивости объектов во времени (*persistence in time*), а также апории индивидуации. В первой части мы покажем проблематичность субстанциализма в контексте проблемы изменений, во второй части мы попытаемся обозначить проблематичность партикуляризма (смыслового ядра субстанциализма), а в третьей — обозначим положительное содержание онтологии процесса Йоханны Зайбт.

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ОБЪЕКТОВ ВО ВРЕМЕНИ И АПОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

В современной онтологии считается, что основные субъекты изменений — люди и вещи. Все остальные типы существующих явлений, таких как Просвещение, взятие Берлина, ураган Катрина, путешествие Гончарова на фрегате «Паллада» и т. п., определяются как события или происшествия и не подлежат дальнейшей дифференциации. Однако если присмотреться к «самим вещам», то окажется, что вопреки указанному выше принципу объектного изменения люди и вещи — не единственные сущности, претерпевающие изменения. Сверх того, даже само различие изменения и «того, что меняется» не всегда является четким и ясным. Так, можно говорить о том, что процессы, события, совокупности, группы и даже ряд свойств возникают и исчезают, меняют свои характеристики, движутся и делятся во времени. Например, мы говорим: «Ветер усилился», «Снежная буря спадает», «Цвет моей машины потускнел», «Королевская свадьба длилась три дня», «Наша дружба окрепла», «Песчаные дюны сдвинулись на юг» и т. д. Иными словами, достаточно присмотреться к подобным высказываниям и к явлениям, на которые они ссылаются, чтобы убедиться в неверности принципа объектного изменения, по которому все изменения относятся только к объектам.

Однако в традиционной онтологии, в русле которой работают большинство философов, вопрос о временном существовании сводится исключительно к спору о том, каким образом *люди и вещи* существуют во времени (Seibt, 1997: 147); если в качестве предложений на нашем языке взять следующие примеры: «Дерево зеленое в августе и красное в ноябре», «Иван пошел бегать», «Береза перед моим окном стремительно растет» — то в контексте онтологической традиции проблема существования во времени будет сводиться к вопросу о том, какие

именно сущности делают истинными указанные предложения; как уже сказано, ответ обычно сводится к вещам и людям. Таким образом, подкласс логически выводимых данных о существовании во времени (а именно умозаключения, характеризующие постоянство во времени людей и вещей) ошибочно отождествляется со всем классом дедуктивных данных о сущностях, существующих во времени, то есть мы имеем дело со случаем ошибки *pars pro toto*. То, что дискуссия о существовании во времени ведется в основном в русле проблемы постоянства только людей и вещей во времени, связано с доминирующим положением метафизики субстанции в истории философии. Несмотря на невозможность свести к общему знаменателю все исторические концепции субстанции, большинство из них принимает положение о том, что субстанции продолжают существовать во времени посреди изменений, то есть сохраняют нумерическую идентичность во времени, невзирая на изменения.

Сведение дискуссии о существовании во времени к вопросу о постоянстве людей и вещей осуществляется негласно в виде некоего молчаливого допущения. Это допущение можно, вслед за Йоханной Зайбт, сформулировать следующим образом (Seibt, 2008: 134–135):

*P*₁ Задача онтологической теории существования во времени — объяснить постоянство людей и вещей.

Этот принцип, в свою очередь, опирается на другое имплицитное допущение, заключающееся в категориальном дуализме: только люди и вещи являются индивидами, а индивиды существуют во времени не таким же образом, как изменения, а как нечто, что остается постоянным посреди изменений:

*P*₂ Все сущее принадлежит к двум видам сущностей: индивидам, то есть конкретным исчисляемым партикулярным сущностям, или же к абстрактным общим сущностям. Индивиды существуют во времени и претерпевают изменения.

Это допущение является одним из центральных для онтологии субстанции. Оно связано с третьим допущением, которое отстаивает интуитивную очевидность и истинность утверждения о существовании самождественного субстрата изменений. При этом считается, что этот субстрат не является специально постулируемой теоретической сущностью или логическим конструктом, который можно оспорить или которому возможно найти альтернативы. Этот субстрат, как считается, является очевидным фактором истинности наших обыденных высказываний о вещах и предметах; то есть его существование подтверждается здравым

смыслом. Здесь имеет место отождествление доаналитического обыденного понятия вещи и высоко теоретического понятия субстанции. Третье допущение можно сформулировать следующим образом:

P_3 Сущность, постоянная во времени, не является теоретическим конструктом — сам по себе обыденный язык является языком, основанным на идее субстанции.

Субстанции существуют во времени, оставаясь нумерически самотождественными, идентичными во времени среди изменений; субстанции являются сущностями, продолжающими существовать во времени.

Эти утверждения приводят к противоречию или апории изменений. Онтологическая проблема изменений исходит из привычного факта перемены свойств объектом: A является F в момент времени t_1 и G в момент времени t_2 . Например, «Зимний Дворец 5 декабря 1856 года был цвета охры, а в настоящий момент он зелено-голубого цвета» или же «Зимний дворец, который мы видим, — тот же самый, который был показан в фильме Эйзенштейна». Таким образом, это утверждение предполагает, что Зимний Дворец (или любой другой объект) в настоящем отличается от того, каким он был в прошлом, и тем не менее речь идет об одном и том же объекте. Можно объяснить это противоречие в категориях двух разных типов идентичности: с точки зрения качественной идентичности имеет место различие, но нумерическая идентичность остается незатронутой. Однако нумерическая идентичность и качественная идентичность связаны между собой по закону Лейбница о неразличимости тождественных сущностей, согласно которому идентичные сущности должны обладать одинаковыми свойствами или удовлетворять тем же самым предикатам. По закону Лейбница, нумерическая идентичность предполагает качественную идентичность. Однако само по себе это еще не порождает апории. С точки зрения Зайбг, апория возникает в силу еще двух негласно принятых аксиом и в целом имеет следующую форму:

- (1) Принцип постоянства во времени: если утверждается, что объект A продолжает существовать во временном интервале от t_1 до t_2 , то A в момент t_1 нумерически тождествен A в момент t_2 ; то же самое относится ко всем промежуточным моментам времени. Другими словами, постоянство во времени — это *нумерическая идентичность*.

- (2) Закон Лейбница: если две сущности идентичны, то они обладают (или являются логическим субъектом) одинаковыми свойствами, или же удовлетворяют тем же самым предикатам.
- (3) Анализ изменения в категориях состояния: изменение предполагает качественное отличие партикулярий. Если объект A изменяется во временном интервале от t_1 до t_2 , то A в момент t_1 качественно отличается от A в момент t_2 . Другими словами, предикаты, применимые к A в момент t_1 , неприменимы к нему в момент t_2 , и наоборот.
- (4) Принцип субъектности: если объект A продолжает существовать в условиях изменения C , то субъект постоянства во времени (*persistence*) есть та же самая сущность, что и субъект изменений.
- (5) Принцип инвариантной идентичности: нумерическая идентичность — это отношение, применимое в определенный момент или же с течением времени (в разные промежутки времени), но сама она безотносительна ко времени и не подлежит временным изменениям (Seibt, 2008: 138).

Апория имеет место только в том случае, если принципы 1–3 сочетаются с принципами 4–5 (Seibt, 1997: 148–152). Так, принцип 4 позволяет утверждать о Зимнем Дворце, что он изменился, но вместе с тем продолжает существовать. Согласно принципу 5, нумерическую идентичность невозможно утратить или приобрести с течением времени. Более того, нумерическая идентичность в данный момент времени — это то же самое отношение, что и нумерическая идентичность с течением времени (объект тождествен себе как в данный момент времени, так и в два произвольных разных момента времени). Последнее обстоятельство исключает самое очевидное эссенциалистское решение апории: объект может сохранять свои существенные (субстанциальные) свойства, тогда как контингентные (акцидентальные) свойства могли бы изменяться. Однако если это решение применимо² к идентичности с течением времени, то недопустимо для идентичности в данный момент времени: в этом случае один и тот же объект мог бы обладать контрадикторными контингентными свойствами в данный момент времени, что невозможно. Принцип 5 исключает возможность дифференциации, с одной стороны, идентичности в данный момент времени и, с другой — идентичности с течением времени.

²С точки зрения философии процесса эссенциализм, вообще говоря, является несостоятельной теорией.

Для решения апории, по видимости, необходимо исключить одно из указанных выше допущений. Однако они настолько вошли в обиход и превратились в фоновое знание, что практически перестали обсуждаться в литературе. Именно таким образом подспудно осуществляет свою работу миф субстанции. С присущим ее теоретической позиции радикализмом Зайбт предлагает отвергнуть не одно, а *все* указанные допущения; лишь в этом случае возможно представить новые решения этой философской проблемы.

В самом деле, если устранять лишь некоторые допущения субстанциализма, то проблема не исчезнет, а будет возникать на новом уровне. Так и происходит в случае так называемой теории пердурантизма³, которая официально отвергает субстанциализм, но, по существу, остается верной ряду положений этой парадигмы. Пердурантисты действительно отвергают принцип, согласно которому то, что продолжает существовать, идентично тому, что изменяется (субъект постоянства во времени идентичен субъекту изменений). Рассмотрим несколько детальнее отличие пердурантизма от классического субстанциализма, который принято называть эндурантизмом (от слова *endurance*).

Эндурантисты постулируют, что нечто продолжает существовать во времени, если оно целиком присутствует в более чем один момент времени; длящийся объект в один момент времени идентичен самому себе в другой момент времени (Зимний Дворец 5 декабря 1856 г. идентичен Зимнему Дворцу 4 января 2021 г.). Поскольку субстанции продолжают существовать, оставаясь нумерически тождественными самим себе, то устойчивые во времени объекты отождествляются с субстанциями, а сама устойчивость во времени (*endurance*) — с нумерической идентичностью. В свою очередь, пердурантизм объясняет постоянство во времени при помощи понятия временной (темпоральной) части объекта: объекты подразделяются на свои временные части. Здесь уместно сравнение с дорогой: ни на одном участке дороги нельзя сказать, что она присутствует полностью; каждый участок — это лишь часть дороги. То же самое можно отнести к длящемуся во времени объекту: в любой момент или промежуток времени мы имеем дело лишь с временной частью объекта, а не с целым объектом. Иными словами, постоянство во

³Как будет показано ниже, в настоящем контексте пердурантизм — это группа теорий, постулирующих наличие временных частей у объектов, длящихся во времени. Таким образом, пердурантизм утверждает четырехмерный характер «объектов» (например, человека или животных), добавляя временное измерение к трем пространственным.

времени основано на отношении, соединяющем различные неизменные сущности, представляющие собой малые временные (темпоральные) части объекта, его последовательные состояния или стадии. Так, дерево, зеленое в определенный момент в августе и красное в определенный момент в ноябре, обладает разными временными частями, которые являются, соответственно, зеленой и красной. Пердурантизм понимает дерево как четырехмерную сущность, обладающую темпоральными частями l_1 и l_2 , находящимися в отношении временного отстояния между собой, причем l_1 является зеленой, а l_2 — красной. Существуют разные версии пердурантизма; для простоты изложения укажем, что можно понимать пердурантизм, исходя из отдельных стадий как базовых сущностей, а целокупные объекты определять просто как последовательности таких стадий. Вещь, таким образом, является не чем иным, как суммой своих временных частей или стадий. Проблема этой версии пердурантизма — в том, что предикаты, высказываемые о вещах, здесь выражают свойства фаз или стадий, а не вещей.

Хотя считается, что пердурантизм отвергает идею субстанции, тем не менее он подспудно принимает некоторые субстанциалистские принципы (Seibt, 2008: 143). Главным образом речь идет о принципе анализа изменений через состояния; этот принцип объединяет между собой следующие два положения: (1) высказывания об изменениях в объектах следует анализировать при помощи пар контрарных или контрадикторных свойств, которые проявляет (экземплифицирует) некая партикулярия, (2) то, что претерпевает изменения, есть логический субъект предикатов, через которые мы анализируем изменения. Иными словами, применительно к случаю Зимнего Дворца в начале изменения пердурантизм постулирует партикулярию, имеющую цвет охры, а в конце изменения — партикулярию, имеющую бирюзовый цвет. Пердурантизм вовсе не отказывается от партикулярий, имеющих, по существу, ряд характерных свойств субстанций, а следовательно, пердурантизм все еще остается версией субстанциализма.

Пердурантизм проблематичен, в частности потому, что он встает перед сложной альтернативой. В самом деле: либо темпоральные части сами обладают длительностью, и тогда о стадиях можно сказать, что они претерпевают изменения (например, «говорящая» или «идущая» стадии человека). Но тогда по отношению к стадиям возникает тот же вопрос об объяснении их изменения, который ранее ставился в отношении целых: каким образом стадии продолжают существовать в условиях изменений? Здесь имеет место предвосхищение основания, ведь вся

идея временных частей нужна как раз для объяснения устойчивости во времени. Однако если стадии моментальны и не имеют длительности, то практически никакие свойства, описывающие изменения, не будут к ним применимы. Стадии должны иметь ряд свойств тех вещей, которые из них состоят: так, стадия коня должна проявлять некоторые свойства коня, что невозможно, если стадия не имеет длительности (конь растет, движется, поедает и переваривает пищу и переживает эмоции — все это предполагает временную протяженность).

Если эндурантизм предлагает сильное прочтение анализа изменений через состояния: $\exists x$ (в $t_1 F(x)$ и в $t_2 \neg F(x)$), то пердурантизм основывается на более слабом его прочтении: в $t_1 \exists x F(x)$ и в $t_2 \exists x \neg F(x)$ (Seibt, 2008: 142). Однако в обоих случаях переменная обозначает некую партикулярию, служащую логическим субъектом предикатов или экземплифицирующую свойства, через которые объясняется изменение. Иными словами, как эндурантизм, так и пердурантизм принимают центральный принцип субстанциализма — принцип первенства партикулярий, согласно которому все конкретные индивиды — это партикулярии.

Считается, что в отличие от эндурантизма пердурантизм совершает дополнительную операцию, в силу которой постулируются особые теоретические конструкты — временные стадии, тогда как эндурантизм обходится отношением нумерической идентичности и не постулирует теоретических сущностей. Однако в действительности эндурантизм отождествляет обыденное понятие вещи с теоретическим конструктом субстанции (Seibt, 1997: 149). Отсюда ошибочное утверждение, будто пердурантизм представляет собой, говоря языком Стросона, ревизионную метафизику, тогда как эндурантизм является примером дескриптивной метафизики. В действительности эндурантизм основывается на целом ряде теоретических допущений, которые принадлежат парадигме субстанциализма. Противоречивость пердурантизма является еще одним аргументом в пользу того, чтобы отказаться не от некоторых, а от *всех* допущений субстанциализма.

ПРОБЛЕМА ПАРТИКУЛЯРИЗМА

В этом контексте следует обратиться к одной из центральных проблем субстанциализма, которая лежит в основании противоречивости как эндурантизма, так и пердурантизма. Речь идет о проблеме гипертрофированной идеи партикулярности, иными словами партикуляризма. С исторической точки зрения не все концепции субстанции исходят из утверждения о том, что субстанции являются партикуляриями

(очевидный контрпример — субстанция по Спинозе), и тем не менее партикуляризм очень сильно укоренился в западной онтологии. Принципы, составляющие ядро партикуляризма, руководят сбором и интерпретацией данных и ограничивают класс допустимых проблем и решений, то есть формируют своего рода философскую парадигму, служа фоном для онтологических дебатов и образуя «законы мышления», по видимости не нуждающиеся в критическом осмыслении. Партикуляризм основан на убеждении в том, что онтологическое первенство принадлежит партикулярным сущностям либо в качестве базовых единиц онтологии, либо как основным предметам онтологического исследования. Альтернативой партикуляризму является, конечно, не отрицание партикулярности, но «разгрузка» партикулярий, освобождение их от целого ряда объяснительных функций. Для этого следует постулировать другие способы существования, а именно процессы. Для начала введем определение партикулярности.

Партикулярность имеет две формы:

- (1) Нечто партикулярно, если с необходимостью оно имеет место только в одной пространственно-временной области.
- (2) Нечто партикулярно, если с необходимостью оно имеет место только в одной сущности, причем «имеет место в» может пониматься как пространственно-временная включенность, экземплификация, конституирование, отношение части к целому или содержание и т. д.

Второе определение допускает временную протяженность или же пространственную распространенность, «рассеянность» сущности, в которой данная партикулярия имеет место: оно дает возможность говорить о длительных формах деятельности или же о совокупностях, коллективных образованиях, группах (таких как, например, армия). Тем не менее эти два определения фактически используются взаимозаменяемым образом. Такое использование возможно, только если принять два субстанциалистских допущения: (а) вневременную перспективу и (б) только соединенные в пространстве (единые) сущности. Первое допущение отражает традиционное со времени Парменида предубеждение против изменений и уверенность в том, что подлинное бытие принадлежит к области вечного. Второе допущение связывает между собой категории индивидуальности и единства: все конкретные индивиды обладают единством, причем предполагается, что индивиды имеют место в топологически связанных между собой областях. Этот принцип является первым из ряда допущений, которые совместно образуют понятие

партикулярности в русле идеологии партикуляризма, составляющего ядро мифа о субстанции. Партикуляризм включает в себя следующие аксиомы или допущения (Seibt, 2010: 30):

- P*₁ Принцип единства: все конкретные индивиды характеризуются единством.
- P*₂ Принцип конкретности: все партикулярии конкретны.
- P*₃ Принцип независимости: все партикулярии независимы.
- P*₄ Принцип индивидуальности: все конкретные партикулярии, и только они, являются индивидами.
- P*₅ Принцип исчислимости: все индивиды, и только они, исчислимы.
- P*₆ Принцип определенности: все индивиды, и только они, имеют определенный характер.
- P*₇ Принцип субъектности: свойства, которые истинно приписываются сущности, приписываются тому онтологическому фактору, который является индивидуатором этой сущности.
- P*₈ Принцип категориального дуализма: онтологические структуры включают в себя (простые и сложные) партикулярные сущности, или же (простые и сложные) всеобщие сущности, многократно повторяемые, или же сочетания этих двух видов. (В более простом виде этот принцип указан во введении: существуют партикулярии и универсалии.)
- P*₉ Принцип длительности во времени: все конкретные индивиды идентичны во времени, у них нет временных частей.

Как сказано выше, в своей совокупности эти девять принципов порождают понятие партикулярности в русле субстанциализма. Субстанциальные партикулярии представляют собой конкретные, всецело определенные индивиды, являющиеся едиными и устойчивыми во времени субъектами. Несмотря на то что сам термин «субстанция» утратил популярность, миф о субстанции будет владеть умами, откуда работают указанные принципы субстанциалистского партикуляризма.

Например, Куайн объясняет отношение тождества как идентичность исчисляемых партикулярий (*ibid.*: 31–32); тождество тесно связано с исчислимостью, единством и партикулярностью, то есть основано на принципах *P*₁–*P*₅. Допущения, характерные для мифа о субстанции, проникли в стандартные прочтения логических констант, таких как знак тождества, а также кванторы (исчисление осуществляется на партикулярных объектах); миф о субстанции вписан в сам формальный инструментарий анализа, используемый современными онтологами: по

умолчанию применяется интерпретация логических констант и переменных в качестве конкретных, единых, исчислимых, индивидуальных, устойчивых во времени, независимых и определенных сущностей, являющихся партикуляриями, то есть имеющих строго определенное проявление во времени, в котором они существуют.

Партикулярии и универсалии оказываются единственными категориями выбора, причем партикулярии априорно понимаются как конкретные и определенные (*determinate*) сущности, а универсалии — как абстрактные и определяемые (*determinable*) или всеобщие сущности. Таким образом, абстрактность и всеобщность оказываются аналитически связанными друг с другом.

Субстанциализм придает партикуляриям существенную, даже гипертрофированную роль: именно партикулярии призваны объяснить нумерическую идентичность, множество и многообразие объектов (которое позволяет их исчислять в качестве двух или более предметов), и именно партикулярии являются логическими субъектами предикатов и коррелятами имен собственных. При этом кажущиеся интуитивно ясными и очевидными операции в действительности предполагают принятие мощных допущений, основанных на традиционных принципах субстанциализма, связывающих между собой различные категориальные свойства: партикулярность, индивидуальность, конкретность, исчислимость и т. д. Одна из самых важных функций партикулярий в свете субстанциальной онтологии — служить индивидуатором предмета, то есть объяснять его индивидуальность, обособленность от других объектов (Seibt, 2010: 32–33). Пример последнего — теория «голых» партикулярий, призванная объяснить в контексте закона Лейбница, как возможно существование двух или более объектов с идентичными свойствами; наличие подобных дубликатов предполагает, что онтологический коррелят объекта должен содержать в себе не только всеобщие сущности («желтый», «большой», «прекрасный» и т. д.), но и составляющую, которая отвечала бы за единичность, уникальность и отдельность этого объекта. Такая «голая» партикулярия исполняет лишь функцию индивидуации объекта, то есть она отвечает за то, что объект — именно этот объект (она образует его «этость») (*ibid.*: 35). Эпистемологическая проблема этой онтологической конституанты заключается в том, что она эмпирически недоступна — непознаваема и невоспринимаема. В контексте требования раздельности дубликатов (индивидов с одинаковыми свойствами) идея «голых» партикулярий предполагает требование введения дополнительной онтологической конституанты вдобавок к дескрипторам (свойствам,

описываемым объектом). При этом в силу категориального дуализма (имеют место только партикулярии и универсалии) эта дополнительная конституанта может быть либо партикулярией, либо дескриптором. Однако поскольку свойства дубликатов в точности одинаковые, то последняя не может быть дескриптором (в категориях дескрипторов дубликаты как раз не отличаются между собой), а значит, она является партикулярией. Второй аргумент в пользу «голых» партикулярий предполагает, что логические субъекты могут быть независимы от тех атрибутов, которые они экземплифицируют: иными словами, «голые» партикулярии, призванные объяснять «этость» или индивидуальность объекта, сами не должны иметь свойств, которыми обладают объекты. Однако последнее утверждение сталкивается с проблемами: ряд онтологов утверждает, что «голые» партикулярии лишены сущностей, но не лишены свойств. В самом деле, ведь о «голых» партикуляриях утверждается, что они «голые», что они партикулярии и что они конституанты вещей; в результате плодятся понятия *bare particulars*, *naked particulars* и т. д. Вопрос об отношении между «голыми» партикуляриями и их атрибутами приводит к противоречию: «голые» партикулярии должны экземплифицировать (и здесь вводится очередное различие: вещи «обладают» свойствами, а их индивидуаторы «экземплифицируют» свойства) только те свойства, которые высказываются о вещах, конституантами которых они являются. Но ни одна из этих вещей не обладает свойством «являться голой партикулярией!» Таким образом, «голые» партикулярии и сами не могут экземплифицировать атрибут «являться нагой партикулярией», что ведет к противоречию.

По мнению Зайбт, проблематичность концепции «голых» партикулярий связана не с самим понятием партикулярности, а с тем, что партикулярные конституанты вещей перегружены объяснительными функциями, причем некоторые связи между их категориальными свойствами приводят к апориям; особенно проблематична связь между партикулярностью и логической субъектностью⁴.

Альтернативой теории «нагих» партикулярий является теория тропов, согласно которой базовые единицы существования — это свойства, понимаемые не традиционным образом как универсалии, а как партикулярии; такие партикулярные свойства называются тропами. Теория тропов отвергает принципы субстанциализма, гласящие, что партикулярии

⁴Приносим извинения за поверхностный анализ данной проблемы; более глубокий анализ потребовал бы значительного увеличения размера статьи.

независимы и являются логическими субъектами (в самом деле, очевидно, что свойства зависимы и не могут быть логическими субъектами). Однако теории тропов сохраняют другие принципы субстанциализма: о единстве, исчислимости и индивидуальности партикулярий (Seibt, 2010: 44). Вещи являются структурами, состоящими из тропов, сами же тропы не обладают внутренней сложностью, то есть являются простыми. В связи с последним обстоятельством становится проблематичным объяснить полное сходство между тропами в случае одинакового свойства, проявляющегося в разных местоположениях (например, каким образом могут иметь место два разных помидора, обладающих одинаковым цветом). Противоречие имеет место в связи с субстанциалистским принципом о том, что только конкретные партикулярии являются индивидами, и с требованием объяснения отдельности тропов. Например, округлый троп и красный троп со-расположены на поверхности помидора, что ставит под вопрос их партикулярность, которая состоит в уникальном пространственном положении: и красный, и округлый троп оказываются в одном и том же местоположении, а значит, они не расположены уникальным образом. Одним из источников противоречия здесь является принцип субстанциализма, отождествляющий индивидов с партикуляриями. Объяснения индивидуальности через партикулярность с неизбежностью приводят к противоречиям; необходимо развести понятия индивидуальности и партикулярности.

Таким образом, две фундаментальные онтологические теории, основанные на принципах партикуляризма (теории «голых» партикулярий и теории тропов), приводят к противоречиям. Противоречия эти не являются случайными или переходными — они связаны с тем, что указанные теории сохраняют ряд допущений, входящих в миф о субстанции. Мораль, как и в случае апории изменений, заключается в том, чтобы не принимать избирательно некоторые допущения субстанциализма, но отвергнуть их целиком и полностью.

ВСЕОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Зайбт настаивает на необходимости пересмотра роли партикулярности в онтологии и в связи с этим выдвигает теорию процессов как *непартикулярных индивидов*. Эта теория исходит из разрыва традиционной связи между понятиями партикулярии и индивида и отказа от оппозиции между универсалиями и партикуляриями. Если моделью субстанции является вещь, то моделью процесса является бессубъектное действие или деятельность (*activity*), наподобие дождя, снега, урагана

и т. д. (Seibt, 2018b: 139) При этом процесс имеет, как отмечено выше, не партикулярный, а всеобщий характер. Как уже было сказано выше, дуальность партикулярий и универсалий, характерная для субстанциализма, не позволяет проводить различия между понятиями абстрактного и всеобщего; оба эти понятия воспринимаются как взаимосвязанные или даже синонимичные. Однако, с точки зрения Зайбт, абстрактному присущи определенные характеристики (Seibt, 1990: 193).

X абстрактно, если:

- (1) *X* не имеет места в пространстве и времени, или
- (2) *X* не состоит в причинно-следственных отношениях, или
- (3) *X* является результатом умственной операции абстрагирования.

Всеобщая сущность, в отличие от вышеприведенных свойств, характеризуется тем, что она:

- (1) допускает наличие экземпляров (*is instantiable*);
- (2) допускает дальнейшее определение (*is determinable*): например, универсалия «красный» может быть точнее доопределена как «коралловый», «бордовый» и т. д.;
- (3) является рекуррентной, то есть множественно повторяемой в пространстве и времени.

Для процесса как динамики всеобщего типа нехарактерны свойства абстрактной сущности; что касается свойств всеобщего, то процесс, прежде всего, характеризуется рекуррентностью, однако, как мы увидим ниже, ему также может быть свойственна доопределимость (*determinability*). Так, говоря о снегопаде в Петербурге, можно уточнить, что речь идет о снегопаде в центральном районе или, еще точнее, о снегопаде на Невском проспекте. Таким образом, важно отметить, что процессы являются не абстрактными, а всеобщими сущностями (точнее, действиями, динамиками или «деятельностями»).

Партикулярность в обычном (необязательно субстанциалистском) ее понимании предполагает отсутствие повторяемости в пространстве: партикулярия с необходимостью существует только в одном пространственном местоположении в данный момент времени. Партикулярии, обладающие временной протяженностью (происшествия — *occurents*), неповторяемы в пространстве и во времени и имеют уникальную пространственно-временную протяженность. Если о процессе можно сказать, что он самотождественен во времени, то есть сохраняет свою идентичность в то время, в которое он протекает, и присутствует во всех своих фазах, то процесс не может быть партикулярией, уникальным образом

расположенной во времени. Процессы повторяемы во времени и могут быть повторяемы в пространстве; они существуют, пронизывая собой пространство и время. Некоторые процессы нельзя исчислять путем указания отдельных и строго ограниченных пространственных и временных областей, в которых они протекают. Даже если процессы в какой-то мере исчислимы, их следует «считать» не таким же образом, как партикулярии. В этом отношении процессы ближе к материалам и веществам. Так, можно считать количество воды, измеряя вещество и определяя единицы измерения; считать звуки по высоте и цвета по оттенкам. То, что процессы можно перечислять и разграничивать, не означает, что они являются партикуляриями.

Тем не менее процессы являются индивидами, однако индивидами непартикулярного характера. Индивидуация процессов зависит не от их местоположения, а от специфического способа функционирования, от динамической роли процесса (действия, деятельности) в определенном динамическом контексте. Процессы определяются тем, что происходит, а не тем, где это происходит. Например, в ситуации, когда температура воздуха около нуля и имеют место осадки, мы можем сказать, пристотревшись внимательнее: «Это дождь, а не снег», — отличая, таким образом, один процесс от другого. Мы говорим, имея в виду вполне определенный процесс: «Радиация выросла на 50%» или «Эрозия продвигается вдоль берега», «Огонь быстро распространился», и т. п. Каждая из сущностей, обозначаемых подобными высказываниями, является одним и тем же индивидом (снегом, огнем, эрозией), который повторяется (в каком-то смысле — *повторяет себя*) в пространстве и времени. Они отличаются своей «такостью» (suchness) в отношении функциональных или каузальных аспектов, связанных с этой «такостью». Можно обратиться и к более обыденному опыту: повар, музыкант или химик зачастую определяет сущности сквозь призму того, что они делают или к чему они приводят, то есть посредством их функциональной и каузальной роли. В более общем плане можно сказать, что процессы описываются в свете того, какие изменения они приносят, какой вклад вносят по отношению к тем процессам, которые они предполагают, или к тем, которые они порождают (Seibt, 2016: 195). Так, процессы механистического характера определяются в свете возможностей, сравнительно независимых от контекста, инвариантных относительно различных динамических контекстов. Однако если увеличить масштаб описания и рассмотреть более широкое динамическое окружение, то

можно выявить большую степень восприимчивости к контексту и взаимозависимости между процессами.

Как было отмечено выше, моделью процесса является бессубъектная деятельность («Идет дождь», «Происходит фотосинтез»). Понятие бессубъектной деятельности обладает определенной «дедуктивной ролью», основанной на множестве умозаключений, которые допустимы (или недопустимы) исходя из высказываний о бессубъектных действиях. Эта «дедуктивная» роль предполагает следующие категориальные свойства (Seibt, 2018a: 129):

- (1) Бессубъектные действия не являются партикуляриями: они необязательно имеют место в уникальной пространственно-временной локации. Они могут иметь место множественным образом, иметь множественное расположение, подобно веществам или свойствам; они по большей части протекают одновременно во многих местах. Бессубъектное действие — это конкретная сущность, то есть такая, которая имеет место где-то в пространстве и во времени, но при этом она непартикулярна (не имеет места в одном местоположении в данный момент времени) и всеобща (может иметь множественное проявление в нескольких пространственных местоположениях в одно и то же время).
- (2) Непартикулярные сущности не определяются и не подлежат индивидуации в категориях пространственно-временного местоположения. Они определяются в свете функциональных свойств типичного способа функционирования в некотором динамическом контексте. Говоря «Огонь остановился, но радиация растет», или «На западном побережье имеет место в большей мере ветровая, чем водная эрозия», или «В холодильнике есть вода, но нет молока», мы определяем называемые сущности в свете того, что они делают, порождают или в чем они участвуют — то есть в свете того, как они в широком смысле слова «работают» или «функционируют».
- (3) Бессубъектные действия — это самостоятельные происходящие сущности (occurents), а не модификации людей или вещей. Они независимы: например, выражения «Идет снег» или «Имела место иммунная реакция» не подразумевают утверждений о каком-либо носителе или средстве этих действий. Именно это предполагает термин «бессубъектный».

- (4) Бессубъектные действия протяженны во времени, и, подобно вещам, они способны длиться во времени, то есть существовать во времени, будучи тождественными себе в разные промежутки времени: так, можно говорить о том, что снегопад длится сутки или же что эрозия протекает на данном участке годами; имеется в виду тот же самый снегопад и та же самая эрозия (хотя иногда индивидуация проблематична: так, остается вопросом, являлась ли Столетняя война одним и тем же процессом или совокупностью разных).
- (5) В отличие от вещей и подобно веществам и материалам (воде, древесине), бессубъектные действия неисчислимы: они необязательно подразделяются в пространстве и времени на отдельные дискретные единицы. Так как бессубъектные действия определяются или дифференцируются в свете своих функциональных характеристик, они могут исчисляться тем же способом: к примеру, метаболизм и фотосинтез — это две разных динамики. Сущности, которые определяются в свете своей типичной каузальной роли, можно подразделять на виды: действия, вроде «Идет дождь» и «Идет снег», принадлежат к двум разным видам осадков. Процессы исчисляются наподобие веществ: например, золото и серебро принадлежат к разным видам металлов.
- (6) Говоря о бессубъектных действиях, можно менять масштабирование. Существуют действия предельно общего характера или же весьма специфические. Так, можно сказать, что в растении протекает фотосинтез, C_3 -фотосинтез, C_3 -фотосинтез в растении табака, C_3 -фотосинтез в растении табака на окне и т. д. Бессубъектные действия конкретны (протекают где-то во времени и пространстве), но более или менее неопределенны, то есть допускают дальнейшее доопределение. Уточнение месторасположения служит для обозначения неповторимого участка принципиально рекуррентного процесса.
- (7) Бессубъектные действия не являются «достижениями» и являются собой деятельность, необязательно связанную с телеологической и направленной динамикой, характерной для развития.

Указанные аспекты бессубъектных действий переключаются с категориальными свойствами всеобщих процессов: всеобщие процессы являются независимыми, индивидуальными, конкретными, протяженными во времени и пространстве, непартикулярными, неисчислимыми, определяемыми и динамическими сущностями. Все эти категориальные

свойства хорошо известны по отдельности в современной онтологии, однако, по мнению Зайбт, новизну вносит само их сочетание, невозможное в русле субстанциализма. Более того, философ уверена, что подобные непартикулярные динамические сущности — это все, в чем нуждается онтология. Всеобщие процессы в онтологическом отношении соответствуют не только высказываниям о бессубъектных действиях (об эрозии, урагане, метаболизме), но и высказываниям о вещах, предметах, веществах, свойствах, поступках, отношениях, людях. О любом конкретном индивиде можно утверждать, что он представляет собой всеобщий процесс, а логические различия между высказываниями о вещах, материалах или событиях можно объяснить в свете онтологических различий между разновидностями всеобщих процессов. С точки зрения теории всеобщих процессов все есть процесс, однако существуют различные виды и формы процессов.

Существование разновидностей процессов требует классификации и типологизации всеобщих процессов, которая осуществляется по пяти критериям (Seibt, 2018b: 141):

- (1) Структура составляющих всеобщего процесса указывает на то, какие процессы участвуют в сложной динамике и какую роль они в ней играют. Процесс может исполнять функцию претерпевающего деятеля (агента) или же посредника (interagent). В частности, самоподдерживающиеся неравновесные системы (свет свечи, ураган или биологический организм) являют собой пример сложной динамики, которая возникает из определенных взаимодействий и вместе с тем служит ограничителем для этих взаимодействий, образуя таким образом сложную динамическую систему.
- (2) Динамический состав позволяет классифицировать сложную динамику в свете свойств линейного и нелинейного каузального характера: можно говорить о линейном механизме, петлях обратной связи или же самоподдерживающейся динамики. Например, в случае линейного механизма любой эпизод E , являющийся членом последовательности эпизодов совокупного процесса $E_{1...n}$, предполагает предшествующий эпизод. В случае же неравновесной системы (начиная от горящей свечи и заканчивая живым организмом) входящие в нее процессы зависят не только друг от друга (например, таяние воска, горение пламени, конвекция воздуха), но и от действия всей системы в целом.

- (3) Динамическая форма течения процесса, медленного или быстрого, может быть охарактеризована в категориях нормы или отклонения от траектории в пространстве состояний системы. Процесс может оставаться в тех же самых областях пространства состояний, переключаться между различными аттракторами или же вести себя хаотическим образом.
- (4) Динамический контекст позволяет характеризовать динамику по отношению к динамике, имевшей или имеющей место до или после D , или же динамике, временной составляющей которой является D . Можно ставить вопрос о том, как данная динамика воздействует на свой динамический контекст или испытывает на себе воздействие последнего; речь может идти о линейном либо нелинейном воздействии.
- (5) Мереологическая характеристика динамики связана с тем, что теория всеобщих процессов постулирует один тип отношений между процессами, а именно отношение «являться частью чего-либо» или «принадлежать чему-либо, относиться к чему-либо». Мереология Йоханны Зайбт основана на понятиях гомеомерности и автомерности. Гомеомерность предполагает относительную однородность процесса в пространстве и времени. Автомерность означает, что нет смысла проводить различие между процессом и его природой: подобно веществам, действия (activities) в каком-то смысле сами являются своей «природой». Автомерность означает, что некая сущность (действие) является одним и тем же индивидом, рекуррентным во времени; какой бы «фрагмент» снегопада мы ни взяли (до определенного предела), это будет все еще снегопад. Мереология допускает различные степени гомеомерности и автомерности.

Исходя из указанного определения всеобщих процессов, можно попытаться схематически показать, каким образом с точки зрения этой теории имеет место постоянство во времени (Seibt, 2018a: 129); как было указано выше, онтологические теории, основанные на тех или иных допущениях субстанциалистской парадигмы, не справляются с объяснением этого феномена. С точки зрения Зайбт, процесс как деятельность (activity) предполагает непрерывную рекуррентность (множественное повторение) одного и того же динамического свойства, а именно самой этой деятельности. Такие «деятельности» характеризуются обозначенным выше свойством гомеомерности: подобно веществам или материалам, все пространственные и временные части деятельности принадлежат к тому

же виду, что и сама деятельность. Кроме того, деятельность характеризуется автомерностью: в любой момент, в который она существует, она существует полностью. Существование во времени «деятельностей» и веществ является транстемпоральной идентичностью, но эта идентичность основана не на тождестве логического субъекта предикатов, а на рекурренции одного и того же динамического индивида. Следует отвергнуть субстанциалистскую предпосылку о том, что субъект постоянства во времени (subject of persistence) — это та же самая сущность, что и субъект изменений. Так, в высказывании «Статуя Свободы была медного цвета, но с годами стала зеленой» не следует полагать одного и того же логического субъекта постоянства и изменений. Скорее, следует утверждать, что указанное предложение «утверждает, что сложная динамика a , обозначаемая словосочетанием „Статуя Свободы“, является составной частью интерактивной динамики d_1 (предполагающей другие виды динамики: воздействие воздуха и света, сенсорные процессы), которая имеет место во временном интервале t_1 и в результате взаимодействия порождает, в частности, динамику b , обозначенную выражением « X имеет медный цвет», а также [эта сложная динамика] является частью интерактивной динамики d_2 (предполагающей другие виды динамики: воздействие воздуха и света, сенсорные процессы), которая имеет место во временном интервале t_2 и порождает, в частности, динамику g , обозначаемую выражением « X имеет зеленый цвет» (Seibt, 2008: 159). Иными словами, речь идет об определенной динамике (процессе), участвующей в двух разных взаимодействиях в два разных момента (интервала) времени. Здесь логическая структура предложения не отражает онтологической характеристики действительности; и сама статуя Свободы, и ее изначальный медный и нынешний зеленый цвет — все это процессы, предполагающие некоторый динамический контекст, то есть совокупность других процессов, связанных с данными. Такова краткая иллюстрация «монокатегориального» характера теории всеобщих процессов — с точки зрения последней категория процесса достаточна для онтологического объяснения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия процесса утверждает, что действительность имеет динамический, текучий характер; все ее составляющие делятся, протекают или же происходят — мир является совокупностью физических, органических, социальных и когнитивных процессов. Центральным для

философии процесса является понятие становления, а не статического бытия; фундаментальная роль отводится здесь временной характеристике действительности. В качестве базовой составляющей мира принимается процесс: в случае философии процесса Йоханны Зайбт процесс моделируется на бессубъектных действиях. Если тенденциозный уклон в сторону философии субстанции отчасти связан с когнитивными особенностями людей, говорящих на индоевропейских языках, то философия процесса не связана с определенной языковой группой и при этом оказывается близка философской традиции целого ряда школ восточной мысли, в частности — философии буддизма (Seibt, 2012). Кроме того, философия процесса наводит мосты между аналитической и континентальной философией: в самом деле, эта философия развивается как в американской, так и во французской среде (достаточно привести пример Жильбера Симондона с его философией индивидуации).

Метафизика процесса проливает свет на многие актуальные философские споры. Эта философия показывает, что современные дискуссии в философии сознания приводят к проблемам в связи с тем, что они исходят из статической онтологии состояний или событий, основанных на состояниях. Философия процесса позволяет реинтерпретировать агентность, обычно понимаемую как каузальную последовательность состояний; так, Хелен Стьюард критикует каузальную теорию действия, согласно которой события внутри организма каузально вызывают действие; она аргументирует в пользу того, что само животное, а не его часть или аспект, вызывает нечто в мире. Стьюард использует понятие нисходящей причинности, при которой каузальность сложного уровня не сводится к сумме каузальных действий простого, базового уровня. Кроме того, философия процесса позволяет объяснить феномен эмерджентности и применить его к идее нормативности; философия процесса позволяет снять бифуркацию между каузальностью и нормативностью. В последних работах самой Йоханны Зайбт философия процесса с ее идеей мира как системы взаимодействий применяется к проблематике искусственного интеллекта.

Однако философия процесса находит применение и в, казалось бы, столь отдаленных областях философии, как этика. В самом деле, онтология процесса фундирует этику заботы, основанную на понятии отношения, уникальной ситуации и воспринимающую действительность в более «текучей» форме, чем этика, основанная на идее автономии субъекта. Понятие отношения является существенным аспектом философии процесса, и одно из критических замечаний по поводу философии

Зайбт может заключаться в том, что оно не получило полного развития в ее мысли; на наш взгляд, мереология (описывающая отношение части и целого) выражает лишь один, пусть и важный аспект проблематики отношений. Так, эстонский философ Рейн Рауд справедливо, по нашему мнению, утверждает, что «на всех уровнях бытие состоит в флюктуирующих напряжениях, образующих реляционные паттерны»; в своей философии процесса он применяет понятие поля, имеющего реляционную природу.

Можно поставить вопрос и относительно методологической основы философии Зайбт, а именно теории факторов истинности, призванных «делать» истинными высказывания на определенном языке. Зайбт на самом деле критикует одно из положений субстанциализма, согласно которому структура языка отражает структуру действительности. Однако не может ли теория факторов истинности подвергаться риску вернуться (в более сложной и тонкой форме) к той же самой идее соответствия языка и действительности? С одной стороны, можно задать вопросом о том, все ли в действительности выразимо на нашем языке (и даже если выразимо, то по-разному на различных языках). С другой стороны, если категория процесса является фактором истинности наших высказываний, то значительная часть процессов, «делающих истинными» наши высказывания, имеет культурный и социальный характер — наши высказывания обосновываются не только такими процессами, как «снег» или «иммунная реакция», но и такими, как «практика коноводства, управления, поваренного дела» и т. д. Поэтому даже если теория факторов истинности окажется беспроблемной, для применения ее к процессам необходимо исследование культуры, и именно этот важный аспект не вполне присутствует в мысли Зайбт.

В связи с этим представляется, что философия процесса в стиле Зайбт может найти полезное вдохновение в мысли Чарльза Пирса. Пирс полагает, что вся действительность — не только культурная, но и природная — пронизана процессом семиозиса. Более того, в своей теории синехизма он утверждает, что все сущее взаимосвязано между собой непрерывными отношениями. Таким образом, как и Зайбт, он выступает против картины мира, основанной на дискретных партикуляриях. Так же как и Зайбт, он утверждает важность всеобщности (Пирс, 2000: 177):

В самом деле, всеобщность является необходимым ингредиентом действительности, ибо простое индивидуальное существование или актуальность без всякой регулярности не является ничем.

При этом семиотика Пирса позволяет, с одной стороны, исследовать социальные и культурные аспекты семиотических процессов, с другой — выявить континуальность между природой и культурой. Именно снятие бифуркаций — таких как сознание / мир, тело / сознание, природа / культура — является сильной стороной философии процесса. Здесь, возможно, следует применить метафилософию процессуального характера: сама философия является процессом — и в континентальной мысли это подчас осознают лучше, чем в аналитической. Однако поскольку процесс необязательно имеет характер прогресса, то более ранние и важные стадии этого процесса нельзя считать «снятыми»; обращение к ним может пролить свет на текущие проблемы и вопросы. В этом ключе можно выразить надежду на то, что такие важные стадии процесса философии, как семиотика Пирса, философия процесса Уайтхеда, философия индивидуации Симондона, послужат вдохновением для решения текущих философских вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

- Rescher N.* Process Metaphysics. — New York : State University of New York Press, 1996.
- Seibt J.* Towards Process Ontology. A Critical Study in Substance-Ontological Premises : PhD thesis / Seibt J. — Pittsburgh : University of Pittsburgh, 1990.
- Seibt J.* From Substance to Process // Perspectives on Time / ed. by J. Faye, U. Scheffler, M. Uchs. — Dordrecht : Springer, 1997. — P. 143–182.
- Seibt J.* Beyond Endurance and Perdurant : Recurrent Dynamics // Persistence / ed. by C. Kanzian. — Heusenstamm : Ontos Verlag, 2008. — P. 133–164.
- Seibt J.* Particulars // Theory and Applications of Ontology / ed. by R. Poli, J. Seibt. — Heidelberg : Springer, 2010. — P. 23–56.
- Seibt J.* Process Philosophy / The Stanford Encyclopedia of Philosophy ; ed. by E. N. Zalta. — 2012. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/process-philosophy/> (visited on Dec. 5, 2022).
- Seibt J.* How to Naturalize Sensory Consciousness and Intentionality within a Process Monism with a Normativity Gradient? // Wilfred Sellars and His Legacy / ed. by J. O’Shea. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — P. 186–222.
- Seibt J.* Ontological Tools for the Process Turn in Biology : Some Basic Notions of General Process Theory // Everything Flows : Toward a Processual Philosophy of Biology / ed. by D. J. Nicholson, J. Dupré. — Oxford : Oxford University Press, 2018a. — P. 113–138.
- Seibt J.* What is a Process? Modes of Occurrence and Forms of Dynamicity in General Process Theory // Process, Action and Experience / ed. by R. Stout. — Oxford : Oxford University Press, 2018b. — P. 120–148.

Stanzhevskiy, F. A. 2022. "Teoriya vseobshchikh protsessov Yokhanny Zaybt [Johanna Seibt's General Process Theory]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 256–283.

FEDOR STANZHEVSKIY

SENIOR LECTURER

SAINT PETERSBURG STATE TECHNOLOGICAL INSTITUTE (SAINT PETERSBURG, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-0297-2930

JOHANNA SEIBT'S GENERAL PROCESS THEORY

Submitted: Jan. 09, 2022. Reviewed: Apr. 09, 2022. Accepted: Apr. 18, 2022.

Abstract: The article addresses Johanna Seibt's General Process Theory. Critique of substantialism or "myth of substance" as a set of presuppositions is presented. Substantialist presuppositions are demonstrated to hamper an adequate solution of persistence in time, partly because this issue tends to be considered only with regard to objects — persons or things. A contradiction between the change of attributes of an object with Leibniz's law of identity of indiscernibles is shown to be based on additional substantialist principles, which altogether constitute the aporia of change. The principal theories of persistence — endurantism and perdurantism — are both shown to lead to contradictions. Perdurantism seemingly rejects the idea of substance when it construes objects as composed of temporal parts. However, these temporal parts are interpreted based on some substantialist presuppositions. Substantialism rests on particularism (even though historically, there were also non-particularist interpretations of substance); particularism, in turn, is based on the universals-particulars dualism. Particularism consists of a set of presuppositions which lead to contradictions, and it does not manage to solve the issue of individuation. Specifically, identifying particulars with individuals and abstract with general should be jettisoned. This will permit to admit the existence of non-particular individuals. The General Process Theory is outlined in terms of which processes are non-particular individuals based on the model of subjectless activities. Finally, a solution to the persistence problem in terms of General Process Theory is outlined.

Keywords: Substantialism, Particular, Perdurantism, Presupposition, Identity, Process, Ontology, Subject.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-256-283.

REFERENCES

- Rescher, N. 1996. *Process Metaphysics*. New York: State University of New York Press.
- Seibt, J. 1990. "Towards Process Ontology. A Critical Study in Substance-Ontological Premises." PhD diss., University of Pittsburgh.
- . 1997. "From Substance to Process." In *Perspectives on Time*, ed. by J. Faye, U. Scheffler, and M. Uchs, 143–182. Dordrecht: Springer.
- . 2008. "Beyond Endurance and Perdurantism: Recurrent Dynamics." In *Persistence*, ed. by Ch. Kanzian, 133–164. Heusenstamm: Ontos Verlag.
- . 2010. "Particulars." In *Theory and Applications of Ontology*, ed. by R. Poli and J. Seibt, 23–56. Heidelberg: Springer.
- . 2012. "Process Philosophy." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Dec. 5, 2022. <https://plato.stanford.edu/entries/process-philosophy/>.

- . 2016. “How to Naturalize Sensory Consciousness and Intentionality within a Process Monism with a Normativity Gradient?” In *Wilfred Sellars and His Legacy*, ed. by J. O’Shea, 186–222. Oxford: Oxford University Press.
- . 2018a. “Ontological Tools for the Process Turn in Biology: Some Basic Notions of General Process Theory.” In *Everything Flows : Toward a Processual Philosophy of Biology*, ed. by D. J. Nicholson and J. Dupré, 113–138. Oxford: Oxford University Press.
- . 2018b. “What is a Process? Modes of Occurrence and Forms of Dynamicity in General Process Theory.” In *Process, Action and Experience*, ed. by R. Stout, 120–148. Oxford: Oxford University Press.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВИОЛОГИЯ В ОПТИКЕ
ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Дискуссии

DISCUSSION

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ КАК ФЕНОМЕН ПОСТГЕНОМНОЙ ЭРЫ**

Аннотация: В статье предпринимается попытка осмыслить природу и особенности становления нового научного направления, которое условно было названо политической биологией и которое считается «революционным» в силу преодоления традиционных границ между «знанием о природе» и «знанием о духе». Показывается, что в этом направлении осуществляется синтез ключевых представлений и из биологического знания, и из политологии. В нем преодолеваются установки жесткого детерминизма в виде геноцентризма, что открывает постгеномную эру. Обращается внимание на важность эпигенетики, которая, собственно, и осуществляет это преодоление и развитие которой предполагает становление «эпиполитики». Подчеркивается сложность принятия политических решений, которые могут основываться на достижениях поведенческой эпигенетики, и неоднозначность ее заключений в контексте общественных настроений и традиций. Особый акцент в статье делается на необходимости глубокого анализа трансгенерационных эффектов, вызванных психологическими травмами. Эти эффекты могут иметь далеко идущие последствия для здоровья грядущих поколений. Наконец, рассматриваются некоторые негативные последствия неверной интерпретации результатов эпигенетических исследований и потенциально необоснованного их использования в условиях не- или слаборегулируемых рыночных отношений.

Ключевые слова: ген, геноцентризм, постгеномная эпоха, эпигенетика, поведенческая эпигенетика, эпиполитика, трансгенерационные эффекты, медицинская эпигенетика.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-287-302.

Многие отечественные политики в последние годы настаивают на том, что наука и научное сообщество должны быть далекими от какой-либо политической активности. Между тем в ведущих мировых научных журналах «Nature» и «Science» только в 2020 году появилось несколько характерных статей ведущих ученых и академических администраторов, которые были озаглавлены «Наука всегда была политической» («Science has always been political») (Thorp, 2020), «По какой причине журнал

*Бажанов Валентин Александрович, д. филос. н., профессор; исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), vbazhanov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0336-9570.

**© Бажанов, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

„Nature“ должен уделять политике большее внимание, чем когда-либо ранее: наука и политика неразделимы» («Why Nature Needs to Cover Politics Now More than Ever») (Nature, 2020) и т. п. Это вовсе не случайное явление, поскольку достижения науки, техники и технологий в любые периоды истории оказывали большее или меньшее воздействие на политику — и не только в области экономической деятельности. В этих публикациях вспоминают программную статью В. Буша «Наука — бесконечный фронтир», опубликованную в 1945 году и ознаменовавшую собой начало оказания фундаментальной науке особого покровительства со стороны правительства США. В результате этого покровительства, которое сопровождалось созданием особых грантовых фондов, американская наука во второй половине XX и начале XXI века заняла ведущие позиции в мире. Безусловно, имеет место и обратный процесс — влияние науки на политику, поскольку новые технологии и технические решения способны радикально изменять экономический и военный потенциал государства. Особенно рельефно такая взаимозависимость науки и политики стала проявляться где-то с конца 19 — начала 20 вв. Прогресс в той или иной научной области часто позволяет не только уточнить или даже коренным образом пересмотреть мировоззренческие представления, но и создать в конечном счете новые образцы техники и технологий, существенно продвинуть вперед производство, модифицировать социальные институты и расширить их функции. Этот прогресс во многом стал возможен благодаря становлению междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, реализующих синтез научного знания, в том числе естественных и социогуманитарных наук. Таким образом возникла эпигенетика и появились перспективы говорить о *политической биологии* (Laubichler, Maienschein, 2010; Emmerich, Gordin, 2019) и о становлении *политической эпистемологии* (Meloni, 2016: 8), которые открыто декларируют преодоление своего рода биофобии в области социогуманитарных наук, сформировавшейся под влиянием идей М. Вебера и Э. Дюркгейма¹. Тем самым был открыт путь к постгеномной эре и пересмотру канонов жесткого геноцентризма. С одной стороны,

¹ Впрочем, пандемия коронавируса способствовала заимствованию медицинской терминологии и метафор, связанных с медициной (политическая вирусология, культурная иммунология), и в социальную философию. Вирус предстает в образе «внешне другого», «диверсанта», границы между государствами — как «фильтры» и «мембраны» (см., например: Марков, 2021: 9–11; Tigrel, 2021). Однако такого рода терминология несущественно меняет традиционный для социальной философии угол зрения на свою предметную область.

это внутринаучные достижения, а с другой — они непосредственным образом связаны с политикой и политической активностью, какую бы форму она ни принимала.

Каков характер этой связи? Как могут «пересекаться», взаимодействовать социальное явление (имеются в виду социальные науки вообще и политология в частности) и живые системы (имеются в виду биология и/или генетика)? Способна ли методология биокультурного со-конструктивизма помочь в осмыслении такого рода связи, взаимодействия?

ИНТЕГРАЦИЯ БИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Соединение биологии и политики оценивается как «революционное» (Кэри, Рангулов, 2012; Dupras, Saulneir, Joly, 2019: 786), причем по своему значению для мировоззрения оно даже сравнивается с переходом от геоцентрической системы Птолемея к гелиоцентрической системе Коперника (Robison, 2016: 35). М. Мелони и Дж. Теста для характеристики динамики этой революции используют выражение А. Грамши «медленно разворачивающаяся революция» (Meloni, Testa, 2014: 450).

Речь идет не о механической инкорпорации биологического знания в социальные теории и представлений, принятых в таких теориях, в биологию, а о концептуальном диалоге и перекрестном «опылении» двух ранее почти не пересекавшихся дисциплин. В результате диалога «социология и социальное знание в целом могут получить мощный импульс к возрождению (revitalize)» (Pickersgill, 2021: 601), а биология — существенно обогатить знания о механизмах, которые лежат в основе развития и функционирования живого, и избавиться от всеохватывающего «биологизма» (Wajzer, 2020: 509).

Взаимосвязь генома и эпигенома легко проиллюстрировать при помощи компьютерных понятий. Геном можно сравнить с техническим устройством, обладающим определенной архитектурой (hardware). Эпигеном же в этом случае оказывается программой, которая запускается на данном устройстве (software) и включает / выключает те или иные наследуемые функции (гены), не изменяя первичную структуру ДНК. Внешние воздействия, которые неблагоприятны для организма, но момент появления которых трудно предвидеть, можно сравнить с вредоносными программами, с вирусами, нарушающими ход естественных процессов в генотипе.

Установки геноцентризма, порожденного открытием и расшифровкой структуры ДНК, такого рода вмешательства в работу гена не предполагали.

Пересмотр положений геноцентризма в контексте эпигенетики под углом зрения политических реалий и политической динамики ведет к становлению на стыке генетики, эпигенетики и политологии таких дисциплин, как «эпиполитика» («epipolitics») (Robison, 2018: 287) и «генополитика» (Wajzer, 2020: 508). Впервые догадки о значении анализа биологических феноменов для политологии и попытки провести такого рода анализ предпринимались достаточно давно, причем открыто говорилось о том, что «биологи обладают достаточными знаниями, чтобы подучить политологов» (Somit, 1968: 550). Однако эта тема в середине XX столетия так и не получила развития ввиду несвоевременности для политологического дискурса и недостаточности эмпирических данных. Журнал «Nature» обратил внимание на важность данной области исследований уже тогда, когда они уже во всю разворачивались (Buchen, 2012), хотя еще в 2005 ряд авторитетных политологов в одном из ведущих журналов опубликовали статью о возможном влиянии комбинаций генов на политическое поведение и механизмах его наследования (Alford, Funk, Hibbing, 2005), хотя некоторые довольно далеко идущие гипотезы о влиянии генов на политическую культуру высказывались и ранее (Ten Have Henk, 2001: 295–297).

В условиях «балканизации»² социальных наук, когда, например, в рамках социологии образуются такие автономные и в значительной мере самодостаточные направления, как социология политики, социология семьи, социология спорта и т. п., своего рода поддержка со стороны биологии, инкорпорирование фундаментальных биологических понятий может помочь противостоять дальнейшему дроблению этой области исследования и сохранению внутреннего единства, концептуальной целостности социологии как фундаментальной науки, равно как и сползанию к генетическому редукционизму. Эпигенетика для социальных наук открывает новые горизонты для анализа влияния негенетических факторов на гены индивидуума и генофонд определенного социума. Изучение каналов влияния социально-культурных феноменов на ген, его «открытость» воздействию таких причин может

²Термин, предложенный в статье Dupras, Saulneir, July, 2019: 801.

существенно обогатить науки об обществе и человеке знанием их внутренних механизмов и динамики развития, в частности, посредством создания панорамы ген-культурных взаимодействий.

Между тем картина, которая открывается перед человеком и обществом благодаря достижениям эпигенетики, существенно более широкоугольная, чем та, которая лимитирована генетикой и установками генетического детерминизма (в виде геноцентризма). Эта картина указывает не только и даже не столько на механизмы простого взаимодействия человека, общества и окружающей среды, а на разветвленную и весьма сложную систему обратных связей, которая активно преобразует каждый элемент этой системы в духе идеи биокультурного со-конструктивизма (Бажанов, 2018). Она тяготеет к холистическому пониманию реальности, к которому склоняется и восточная культура. Это понимание как бы упраздняет четко очерченные границы между человеческим организмом и средой, в которой этот организм функционирует, и предполагает наличие разветвленной системы обратных связей между человеком, его мозгом, культурой и социумом.

Вовсе не случайно новую познавательную ситуацию в западной культуре и науке часто описывают концептуальными метафорами, такими как «преодоление границ» (заданных генетикой, очерченных догмами генетического детерминизма и дихотомией биологического и социального), «наведение мостов» (между ранее независимыми отраслями науки, то есть речь о меж- и трансдисциплинарном характере новой области исследований), «эпигенетическая память и трансгенерационная наследственность», «генопластичность», «репрограммирование генетического аппарата», «перспективы новых форм контроля над наследственными заболеваниями» и т. п. (Nerlich, Stelmach, Ennis, 2020: 71–72, 74–75, 78). Многие ученые, занимающиеся эпигенетикой, выражают уверенность в том, что она открывает новые горизонты для поддержания здоровья людей и медицины, поскольку может предложить рецепты такого образа жизни, который будет противодействовать активизации наследственных заболеваний, а также разработку лекарственных средств, воздействующих на геном таким образом, что некоторые болезни, ранее считавшиеся неизлечимыми, будут побеждены (Dupras, Ravitsky, 2016: 535). Все чаще начинают говорить об «эпигенетической медицине» (Kellermann, 2013: 37) — в биологической терминологии это означает, что благодаря воздействию на фенотип посредством системы каналов, таких как здоровый образ жизни, и мер внешнего воздействия (социокультурных факторов, психотерапевтической практики или психофармакологических средств)

можно вносить изменения в генотип. Если монозиготные близнецы с генетической точки зрения идентичны, то по мере их продвижения по жизни (особенно при существенном различии жизненных траекторий) они становятся в эпигенетическом аспекте неидентичными.

КАК ВОЗМОЖНА ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭПИГЕНЕТИКА?

Возникает вопрос о том, насколько правомерны рассуждения о «поведенческой» эпигенетике вообще и ее практической значимости в частности. Не переоцениваются ли возможности эпигенетики в плане коррекции генотипа посредством лишь в большей или меньшей степени изменения образа жизни человека? Здесь речь идет об очень сложных лиминальных (переходных) процессах, поскольку любые эпигенетические изменения опосредуются образом жизни родителей (особенно матерей) и даже со значительной долей вероятности бабушек и дедушек и сказываются на состоянии здоровья потомков.

Несмотря на поражающие воображение открытия и достижения эпигенетики, «постгеномный ландшафт по-прежнему можно охарактеризовать как *terra incognita*» (Dubois, Guaspare, S., 2018: 10). С развитием эпигенетики сопряжены «наивные оптимистические ожидания» (Dubois, Louvel, Le Goff, 2019: 2–3), а некоторые ее краеугольные положения (скажем, феномен трансгенерационного наследования) не вполне подкреплены надежным фактическим материалом (Horsthemke, 2018: 3).

Дело в том, что многие исследования в области эпигенетики проводятся на животных, а результаты экстраполируются на человека. Между тем такая экстраполяция далеко не всегда правомерна и в должной мере обоснована: исследования *in vitro*, вообще говоря, не обязательно воспроизводятся *in vivo* (Chung et al., 2016: 173; Wastel, White, 2017: XII). Тем не менее с большой степенью правдоподобности результаты экспериментов на животных и людях, которые касаются влияния материнского внимания и ласки (или равнодушия и отчужденности) на последующее развитие особи (человека или животного), идентичны и свидетельствуют о том, что «границы между природными задатками и процессом воспитания стираются» (Rasmussen, Storebo, 2021: 477). Эпигенетику (имеется в виду и эпиполитика, и генополитика) вполне можно упрекать в редуccionизме, который ведет к упрощению действительной картины потенциальной корреляции генов и человеческого поведения. Однако едва ли не любой рост научного знания в большей или меньшей степени связан с элементами редуccionизма (сложного

к более простому и доступному анализу имеющимися в настоящий момент средствами и инструментами).

Несмотря на довольно распространенное в средствах массовой информации предупреждение о том, что с эпигенетикой бывают сопряжены излишний оптимизм и даже иллюзия возможности контроля и коррекции экспрессии генов (подавления нежелательных и активизации «полезных»), экономическая политика рынков энергично переориентируется на выпуск и рекламу новых продуктов, которые задействуют якобы практически ориентированные достижения эпигенетики. Так, например, большие надежды возлагаются на предотвращение онкологических заболеваний, замедление процессов старения и в целом оздоровление при помощи потребления пептида сои луназина (Seber et al., 2012). Разрабатываются и рекламируются специальные диеты, которые якобы обеспечат оздоровление любого организма и будут иметь долгосрочный эффект (Del Savio, Loi, Stupka, 2015: 587). Некоторые страховые компании начали предлагать страхование жизни и здоровья на основании эпигенетических тестов (Kolata, 2017), а отдельные работодатели стали подбирать сотрудников, исходя из результатов такого рода тестов, выявляющих эпигенетические «маркеры»³, и тем самым осуществлять дискриминацию по отношению к лицам с потенциально неблагоприятными эпигенетическими данными⁴ (Dupras, Song, 2018). Между тем потенциал эпигенетики, связанный с методами оздоровления населения, предотвращения ряда заболеваний как соматического, так и психического характера и с медицинским сопровождением больных, весьма велик (Hamilton, 2011; Rozek, Dolinoy, 2014: 115; Smeeth, Beck, 2021).

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ЭПИГЕНЕТИКА МОЖЕТ БЫТЬ ПРАКТИЧЕСКИ ПОЛЕЗНОЙ?

Похожие на указанные ранее и даже более болезненные проблемы встают при исследовании беженцев и людей, претендующих на статус жертв политических репрессий. Довольно часто эти люди прибывают

³Такого рода маркеры могут возникать при воздействии ряда неблагоприятных внешних факторов, например при воздействии свинца в выбросах бензина или при использовании пестицидов (Rothstein, Harrell, Marchant, 2017: 8).

⁴Генофонд может подвергаться воздействию «нездоровых» привычек человека (алкоголизма, курения, недостаточной физической активности), а также недостатка питания матери, особенно в первом триместре беременности, и/или всех указанных факторов в предшествующих поколениях посредством действия механизмов трансгенерационного наследования. Это и составляет предмет поведенческой эпигенетики (Jablonka, 2016: 47).

в страны-реципиенты без документов. Условия приема детей и взрослых сильно различаются, поэтому некоторые специально снижают свой возраст. Анализ с применением эпигенетических представлений позволяет определять возраст более точно, чем другие методы, хотя эти процедуры связаны с довольно щепетильными этическими вопросами (Taki & de Melo-Martin, 2021). Прежде всего, они касаются возможности разглашения персональных данных в результате утечки информации.

Особенно остро проблема изучения трансгенерационных эффектов и механизмов стоит по отношению к потомкам тех, кто пережил трагедию и ужасы Холокоста. Некоторые дети выживших в Холокосте часто испытывают депрессивные расстройства и мучаются ночными кошмарами. Один из исследователей этого феномена Н. Келлерман замечает (Kellermann, 2013: 33):

Создается впечатление, что отдельные люди уже во взрослом состоянии впитали последствия травм их родителей, что они унаследовали бессознательное своих предков.

Его наблюдения и последующие исследования, которые раскрывают процесс метилирования⁵ некоторых генов у потомков жертв Холокоста (Yehuda, Daskalis, Bierer, 2016: 379; Rabin, 2021), позволяют утверждать, что это может касаться не только детей, но и внуков и даже, возможно, правнуков тех, кто выжил в аду Холокоста.

Дети, чьи матери испытывали голод или стрессовые состояния (особенно в начале пренатального периода или в раннем возрасте ребенка), во взрослой жизни склонны к депрессии, психическим заболеваниям, соматическим расстройствам⁶. У взрослых, которые пережили трудное детство (по отношению к ним совершалось насилие, или их непосредственное окружение, включая родителей, относилось к ним равнодушно, т. е. дети испытывали дефицит ласки со стороны воспитателей), понижены уровни некоторых гормонов; они в три раза чаще, чем другие представители того же самого поколения, совершают самоубийства (Кэри, Рангулов, 2012: 255). Эта категория детей впоследствии часто страдает ожирением⁷.

⁵Модификация молекулы ДНК без изменения последовательности ее компонентов.

⁶Справедливости ради следует заметить, что, хотя влияние здоровья матери на плод и ребенка превышает влияние физиологических характеристик отца, от последнего также зависит и благополучное развитие плода, и здоровье ребенка (Gillman, Richardson, 2014).

⁷Более того, трансгенерационный характер наследственности предполагает, что даже образ жизни бабушек и дедушек может иметь значение для внуков и внучек (Meloni,

В качестве причин ожирения, с одной стороны, можно назвать невоздержанность в еде, грех чревоугодия и пренебрежение здоровым образом жизни, а с другой, эти причины можно интерпретировать как нарушение метаболизма, болезнь обмена веществ. В зависимости от точки зрения на феномен ожирения зависит и его оценка обществом, и политика государства по отношению к гражданам, страдающим избыточным весом (Thibodeau, Perko, Flusberg, 2016). Если ожирение трактуется как болезнь, то государство обязано оказывать помощь людям с нарушением метаболизма в рамках своей системы здравоохранения. В данном случае мера ответственности человека за свое состояние скромная. Если же ожирение связывать со слабостями самого человека (а не болезнью, вызванной не зависящими от него причинами), то вся полнота ответственности ложится на него самого, а государство не обязано включать его в систему своей безусловной помощи. Таким образом, от классификации феномена ожирения — понимается оно как болезнь или как личностный порок — зависит позиция государственной власти, которая либо возлагает риски, связанные с неправильным поведением, на человека, либо разделяет риски с конкретной социальной группой (Chiapparino, 2018: 56; Chiapparino, 2020: 98). Либерально настроенная власть (например, в США) обычно предпочитает рассматривать ожирение как результат воздействия внешних факторов, не зависящих от человека⁸, а консервативная — предпочитает возлагать ответственность за состояние здоровья (в данном случае ожирение) на самого человека (Robison, 2016: 38).

Аналогичные, но напрямую не связанные с эпигенетикой политические проблемы и разногласия возникают в процессе поиска решений, которые относятся к иным физиологическим состояниям человека, вызываемым его естественными потребностями, или являются результатом каких-то криминальных деяний. Например, в период президентской кампании в США в 2012 году один из кандидатов-республиканцев в Сенат от штата Миссури Т. Акин категорично выступал за полный запрет

Testa, 2014: 442). По-видимому, в данном случае можно говорить о своеобразном эффекте path dependence (имеется в виду зависимость будущей траектории развития от предшествующей; этот эффект также часто называют «эффектом колеи»), хорошо известном в современной политологии.

⁸Сексуальная ориентация либералами также рассматривается как явление, обусловленное природой, т. е. в терминах натурализма, а не в качестве признака асоциального поведения, испорченности обществом; консерваторы же натурализуют понятие расы и классовой принадлежности (Robison, 2016: 45).

абортов даже в том случае, если беременность наступила в результате изнасилования⁹. Статистика показывает, что 5% изнасилований заканчиваются беременностью, а это примерно 32 тысячи случаев в год для США (Gross, 2012: R779). Призыв к полному запрету абортотв Т. Акин огласил в качестве предвыборного предложения.

Кандидат в президенты США от республиканцев М. Ромни и национальный конгресс республиканцев не поддержали призыв Т. Акина, но тем не менее он был выдвинут в качестве претендента на кресло в Сенате от республиканской партии. М. Ромни и Т. Акин оба проиграли выборы. Однако некоторые консервативно настроенные республиканцы разделяли точку зрения Т. Акина на абсолютный запрет абортотв. Как известно, эта проблема весьма актуальна для многих стран, считающихся цивилизованными, например Польши, где проблема разрешения абортотв неизменно является одной из центральных в избирательных кампаниях.

Характер политического поведения и предпочтений опосредуется множеством факторов. Так, влияние на человека, связанное с конфессиональными традициями и мировоззрением родителей, оказывается более внушительным, нежели установки ближайшего социального окружения и личностные качества друзей (Ksiazkiewicz, Friesen, 2021: 647–648). Все это в той или иной форме имеет смысл учитывать в политических кампаниях, которые предполагают процедуры селекции одних кандидатов в качестве представителей в органах власти, а не других (например, выборах в парламент, сопровождающиеся убеждением избирателей в предпочтительности их решения для будущего развития).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация встречи биологии и политологии — это не просто пространство «зоны обмена» в смысле П. Галисона, а новое богатое с концептуальной точки зрения направление исследований, практически ориентированный потенциал которого весьма значителен. По всей видимости, он в первую очередь затрагивает область медицины и предполагает реабилитацию потомков людей, перенесших тяжелые психические

⁹Т. Акин в поддержку своего предложения приводил аргумент биологического порядка (связанный с эффектом Кулиджа): куры предпочитают спариваться с петухами, которые имеют высокий «социальный» статус; после спаривания с петухом с низким «социальным» статусом они способны извергнуть сперму. Акин настаивал, что якобы изнасилование женщин крайне редко приводит к беременности и на этом основании абортотв могут быть запрещены.

травмы, коррекцию соматических нарушений и выработку рекомендаций, связанных со здоровым образом жизни. Эпигенетический аспект политической биологии обещает сделать поиск и принятие решений, которые касаются важных социальных проблем, существенно более рациональным, нежели на основании «здравого смысла» и традиционных подходов. Постгеномная эпоха знаменует собой не только отказ от геноцентризма и убеждения в жесткой детерминации жизненной траектории на геномном уровне, но и полноценный и эффективный синтез натурализма и социоцентризма, который осуществляется в контексте активного взаимодействия генов, человека, социума и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* Социум и мозг : биокультурный со-конструктивизм // Вопросы философии. — 2018. — № 2. — С. 78–88.
- Кэри Н.* Эпигенетика : как современная биология переписывает наши представления о генетике, заболеваниях и наследственности / пер. с англ., под ред. А. Рангулова. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2012.
- Марков Б. В.* Политическая иммунология. — М. : Проспект, 2021.
- Alford J., Funk C. L., Hibbing J. R.* Are Political Orientations Genetically Transmitted? // American Political Science Review. — 2005. — Vol. 99, no. 2. — P. 153–167.
- Buchen L.* The Anatomy of Politics // Nature. — 2012. — Vol. 490. — P. 466–467.
- Chiapperino L.* Epigenetics : Ethics, Politics, Biosociality // British Medical Bulletin. — 2018. — Vol. 128. — P. 49–60.
- Chiapperino L.* Luck and the Responsibility to Protect One's Epigenome // Journal of Responsible Innovation. — 2020. — Vol. 7, no. 52. — P. 86–106.
- Del Savio L., Loi M., Stupka E.* Epigenetics and Future Generations // Bioethics. — 2015. — Vol. 28, no. 8. — P. 580–587.
- Dubois M., Guaspare C., S. L.* From Genetics to Epigenetics : A “Postgenomic” Revolution for the Social Scientists // Revue française de sociologie. — 2018. — Vol. 59. — P. 1–24.
- Dubois M., Louwel S., Le Goff A.* Epigenetics in the Public Sphere : Interdisciplinary Perspectives // Environmental Epigenetics. — 2019. — Vol. 5, no. 4. — P. 1–11.
- Dupras C., Ravitsky V.* The Ambiguous Nature of Epigenetic Responsibility // Journal of Medical Ethics. — 2016. — Vol. 42. — P. 534–541.
- Dupras C., Saulneir K. M., Joly Y.* Epigenetics, Ethics, Law and Society : Multidisciplinary Review of Descriptive, Instrumental, Dialectical and Reflexive Analyses // Social Studies of Science. — 2019. — Vol. 49, no. 5. — P. 785–810.
- Dupras C., Song L.* Epigenetic Discrimination : Emerging Applications of Epigenetic Pointing to the Limitation of Policies Against Genetic Siscrimination // Frontiers in Genetics. — 2018. — Vol. 9.

- Emmerich N., Gordin B.* Commentary : From Liberal Eugenics to Political Biology // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. — 2019. — Vol. 28, no. 1. — P. 20–25.
- Gillman M. W., Richardson S. S.* Society : Don't Blame the Mothers // Nature. — 2014. — Vol. 512. — P. 131–132.
- Gross M.* Why Reproductive Biology Become Political // Current Biology. — 2012. — Vol. 22, no. 8. — R779–R781.
- Hamilton J. P.* Epigenetics : Principles and Practice // Digestive Diseases. — 2011. — Vol. 29. — P. 130–135.
- Horsthemke B. A.* Critical View on Transgenerational Epigenetic Inheritance in Humans // Nature Communications. — 2018. — Vol. 9. — P. 1–3.
- Jablunka E.* Cultural Epigenetics // The Social Review Monographs. — 2016. — Vol. 64, no. 1. — P. 42–64.
- Kellermann N. P.* Epigenetic Transmission of Holocaust Trauma : Can Nightmares Be Inherited? // Israel Journal of Psychiatry. — 2013. — Vol. 50, no. 1. — P. 33–39.
- Kolata G.* New Gene Tests Pose a Threat to Insurers / New York Times. — 2017. — URL: <https://www.nytimes.com/2017/05/12/health/new-gene-tests-pose-a-threat-to-insurers.html> (visited on Mar. 27, 2022).
- Ksiazkiewicz A., Friesen A.* The Higher Power of Religiosity Over Personality on Political Ideology // Political Behavior. — 2021. — Vol. 43, no. 2. — P. 637–661.
- Laubichler M. D., Maienschein J.* Politics in Biology // Encyclopedia of Life Sciences. — 2010. — Vol. 27–32. — P. 1–6.
- Meloni M.* Science and Social values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics. — London : Palgrave Macmillan, 2016.
- Meloni M., Testa G.* Scrutinizing the Epigenetics Revolution // BioSocieties. — 2014. — Vol. 9, no. 4. — P. 431–456.
- Nature. — 2020. — Vol. 586.
- Nerlich B., Stelmach A., Ennis C.* How to do Things with Epigenetics : An Investigation into the Use of Metaphors to Promote Alternative Approaches to Health and Social Science, and their Implications for Interdisciplinary Collaboration // Social Science Information. — 2020. — Vol. 59, no. 1. — P. 59–92.
- Pickersgill M.* Negotiating Novelty : Constructing the Novel within Scientific Accounts of Epigenetics // Sociology. — 2021. — Vol. 55, no. 3. — P. 600–618.
- Rabin J. S.* Behavioral Epigenetics : The Underpinnings of Political Psychology // The Psychology of Political Behavior in a Time of Change. Identity in a Changing World / ed. by J.D. Sinnott, J.S. Rabin. — New York, Londod : Springer, 2021. — P. 55–98.
- Rasmussen P. D., Storebo O. J.* Attachment and Epigenetics : A Scoping Review of Recent Research and Current Knowledge // Psychological Reports. — 2021. — Vol. 124, no. 2. — P. 479–501.
- Robison S. K.* The Political Implication of Epigenetics // Politics and Life Sciences. — 2016. — Vol. 35, no. 2. — P. 30–49.

- Robison S. K.* Epigenetics and Public Policy : The Tangled Web of Science and Politics. — California : ABC-CLIO, 2018.
- Rothstein M. A., Harrell H. L., Marchant G. E.* Transgenerational Epigenetics and Environmental Justice // Environmental Epigenetics. — 2017. — Vol. 3, no. 3. — P. 1–8.
- Rozek L. S., Dolinoy D. C.* Epigenetics : Relevance and Implications for Public Health // Annual Review of Public Health. — 2014. — Vol. 35. — P. 105–122.
- Seber L. E., Barnett B. W., McConnell E. J.* Scalable Purification and Characterization of the Anticancer Lunasin Peptide from Soybean // PLOS ONE. — 2012. — Vol. 7, no. 4. — Article e35409.
- Smeeth D., Beck S.* The Role of Epigenetics in Psychological Resilience // The Lancet Psychiatry. — 2021. — Vol. 8, no. 7. — P. 620–629.
- Social Epigenetics : A Science of Social Science? / E. Chung, J. Cromby, D. Papadopoulos, C. Tufarelli // Biosocial Matters : Rethinking the Sociology-Biology Relations in the Twenty-First Century / ed. by M. Meloni, S. Williams, P. Martin. — Chichester, MA : Wiley Blackwell, 2016. — P. 165–179.
- Somit A.* Toward a More Biologically-Oriented Political Science : Ethology and Psychopharmacology // Midwest Journal of Political Science. — 1968. — Vol. 12, no. 4. — P. 550–567.
- Taki F., Melo-Martin I. de.* Conducting Epigenetics Research with Refugees and Asylum Seekers : Attending to the Ethical Challenges // Clinical Epigenetics. — 2021. — Vol. 13, no. 1. — Article 105.
- Ten Have Henk A. M. J.* Genetics and Culture : The Geneticization Thesis // Medicine, Health Care and Philosophy. — 2001. — Vol. 4, no. 3. — P. 295–304.
- Thibodeau P. H., Perko V. L., Flusberg S. J.* The Relationship Between Narrative Classification of Obesity and Support for Public Policy Interventions // Hastings Center Report. — 2016. — Vol. 46, no. 1. — P. 26–35.
- Thorp H. H.* Science Has Always Been Political // Science. — 2020. — Vol. 369, no. 6501. — P. 227.
- Tirrel L.* Discursive Epidemiology // Aristotelian Society Supplementary. — 2021. — Vol. 95, no. 1. — P. 115–142.
- Wajzer M.* Genopolitics : Introductory Remarks // Interdisciplinary Science Reviews. — 2020. — Vol. 45, no. 4. — P. 508–524.
- Wastel D., White S.* Blinded by Science. The Social Implications of Epigenetics and Neuroscience. — Bristol : Policy Press, 2017.
- Yehuda R., Daskalis N. P., Bierer L. M.* Holocaust Exposure Induced Intergenerational Effects on FKBP5 Methylation // Biological Psychiatry. — 2016. — Vol. 80, no. 5. — P. 372–380.

Bazhanov, V. A. 2022. "Politicheskaya biologiya kak fenomen postgenomnoy ery [Political Biology as a Phenomenon of the Post-Genomic Era]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 287–302.

VALENTIN BAZHANOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR, RESEARCHER
RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0002-0336-9570

POLITICAL BIOLOGY AS A PHENOMENON OF THE POST-GENOMIC ERA

Abstract: The main goal of this article is to assess the nature and features of a new scientific field of study making, which is conventional may be called political biology and which is considered "revolutionary" due to overcoming the traditional boundaries between "knowledge about nature" and "knowledge about spirit". It is shown that the synthesis of key concepts from both biological knowledge and political science is carried out in this scientific field. It overcomes the attitudes of rigid determinism in the form of genocentrism, which opens the post-genomic era. Attention is drawn to the importance of epigenetics, which realizes this overcoming, and means the formation of "epipolitics". The author emphasizes the complexity of political decision-making, which can be based on the achievements of behavioural epigenetics and the ambiguity of its conclusions in the context of public mood and traditions. The article stresses the need for an in-depth analysis of transgenerational effects caused by psychological trauma, which can have far-reaching consequences for the health of future generations (offspring of parents hurt). Finally, some negative consequences of misinterpreting the results of epigenetic studies and their potentially unjustified implementation due to conditions of un- or weakly regulated market relations are considered.

Keywords: Gene, Genocentrism, Post-Genomic Era, Epigenetics, Epipolitics, Behavioral Epigenetics, Transgenerational Effects, Medical Epigenetics.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-287-302.

REFERENCES

- Alford, J., C. L. Funk, and J. R. Hibbing. 2005. "Are Political Orientations Genetically Transmitted?" *American Political Science Review* 99 (2): 153–167.
- Bazhanov, V. A. 2018. "Sotsium i mozg [Socium and the Brain]: biokul'turnyy so-konstruktivizm [Biocultural Co-Constructivism]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, no. 2: 78–88.
- Buchen, L. 2012. "The Anatomy of Politics." *Nature* 490:466–467.
- Carey, N. 2012. *Epigenetika [The Epigenetics Revolution]: kak sovremennaya biologiya perepisyvayet nashi predstavleniya o genetike, zabolevaniyakh i nasledstvennosti [How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease and Inheritance]* [in Russian]. Ed. and trans. from the English by A. Rangulov. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Chiapperino, L. 2018. "Epigenetics: Ethics, Politics, Biosociality." *British Medical Bulletin* 128:49–60.
- . 2020. "Luck and the Responsibility to Protect One's Epigenome." *Journal of Responsible Innovation* 7 (52): 86–106.

- Chung, E., et al. 2016. "Social Epigenetics: A Science of Social Science?" In *Biosocial Matters: Rethinking the Sociology-Biology Relations in the Twenty-First Century*, ed. by M. Meloni, S. Williams, and P. Martin, 165–179. Chichester, MA: Wiley Blackwell.
- Del Savio, L., M. Loi, and E. Stupka. 2015. "Epigenetics and Future Generations." *Bioethics* 28 (8): 580–587.
- Dubois, M., C. Guaspere, and Louvel S. 2018. "From Genetics to Epigenetics: A 'Postgenomic' Revolution for the Social Scientists." *Revue française de sociologie* 59:1–24.
- Dubois, M., S. Louvel, and A. Le Goff. 2019. "Epigenetics in the Public Sphere: Interdisciplinary Perspectives." *Environmental Epigenetics* 5 (4): 1–11.
- Dupras, C., and V. Ravitsky. 2016. "The Ambiguous Nature of Epigenetic Responsibility." *Journal of Medical Ethics* 42:534–541.
- Dupras, C., K. M. Saulneir, and Y. Joly. 2019. "Epigenetics, Ethics, Law and Society: Multidisciplinary Review of Descriptive, Instrumental, Dialectical and Reflexive Analyses." *Social Studies of Science* 49 (5): 785–810.
- Dupras, C., and L. Song. 2018. "Epigenetic Discrimination: Emerging Applications of Epigenetic Pointing to the Limitation of Policies Against Genetic Siscrimination." *Frontiers in Genetics* 9.
- Emmerich, N., and B. Gordin. 2019. "Commentary: From Liberal Eugenics to Political Biology." *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics* 28 (1): 20–25.
- Gillman, M. W., and S. S. Richardson. 2014. "Society: Don't Blame the Mothers." *Nature* 512:131–132.
- Gross, M. 2012. "Why Reproductive Biology Become Political." *Current Biology* 22 (8): R779–R781.
- Hamilton, J. P. 2011. "Epigenetics: Principles and Practice." *Digestive Diseases* 29:130–135.
- Horsthemke, B. A. 2018. "Critical View on Transgenerational Epigenetic Inheritance in Humans." *Nature Communications* 9:1–3.
- Jablunka, E. 2016. "Cultural Epigenetics." *The Social Review Monographs* 64 (1): 42–64.
- Kellermann, N. P. 2013. "Epigenetic Transmission of Holocaust Trauma: Can Nightmares Be Inherited?" *Israel Journal of Psychiatry* 50 (1): 33–39.
- Kolata, G. 2017. "New Gene Tests Pose a Threat to Insurers." *New York Times*. Accessed Mar. 27, 2022. <https://www.nytimes.com/2017/05/12/health/new-gene-tests-pose-a-threat-to-insurers.html>.
- Ksiazkiewicz, A., and A. Friesen. 2021. "The Higher Power of Religiosity Over Personality on Political Ideology." *Political Behavior* 43 (2): 637–661.
- Laubichler, M. D., and J. Maienschein. 2010. "Politics in Biology." *Encyclopedia of Life Sciences* 27–32:1–6.
- Markov, B. V. 2021. *Politicheskaya immunologiya [Political Immunology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Prospekt.
- Meloni, M. 2016. *Science and Social values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics*. London: Palgrave Macmillan.
- Meloni, M., and G. Testa. 2014. "Scrutinizing the Epigenetics Revolution." *BioSocieties* 9 (4): 431–456.
- Nature*. 2020. 586:169–170.
- Nerlich, B., A. Stelmach, and C. Ennis. 2020. "How to do Things with Epigenetics: An Investigation into the Use of Metaphors to Promote Alternative Approaches to Health and Social Science, and their Implications for Interdisciplinary Collaboration." *Social Science Information* 59 (1): 59–92.
- Pickersgill, M. 2021. "Negotiating Novelty: Constructing the Novel within Scientific Accounts of Epigenetics." *Sociology* 55 (3): 600–618.

- Rabin, J. S. 2021. "Behavioral Epigenetics: The Underpinnings of Political Psychology." In *The Psychology of Political Behavior in a Time of Change. Identity in a Changing World*, ed. by J. D. Sinnott and J. S. Rabin, 55–98. New York and Londod: Springer.
- Rasmussen, P.D., and O. J. Storebo. 2021. "Attachment and Epigenetics: A Scoping Review of Recent Research and Current Knowledge." *Psychological Reports* 124 (2): 479–501.
- Robison, S. K. 2016. "The Political Implication of Epigenetics." *Politics and Life Sciences* 35 (2): 30–49.
- . 2018. *Epigenetics and Public Policy: The Tangled Web of Science and Politics*. California: ABC-CLIO.
- Rothstein, M. A., H. L. Harrell, and G. E. Marchant. 2017. "Transgenerational Epigenetics and Environmental Justice." *Environmental Epigenetics* 3 (3): 1–8.
- Rozek, L. S., and D. C. Dolinoy. 2014. "Epigenetics: Relevance and Implications for Public Health." *Annual Review of Public Health* 35:105–122.
- Seber, L. E., B. W. Barnett, and E. J. McConnell. 2012. "Scalable Purification and Characterization of the Anticancer Lunasin Peptide from Soybean." Article e35409, *PLOS ONE* 7 (4).
- Smeech, D., and St. Beck. 2021. "The Role of Epigenetics in Psychological Resilience." *The Lancet Psychiatry* 8 (7): 620–629.
- Somit, A. 1968. "Toward a More Biologically-Oriented Political Science: Ethology and Psychopharmacology." *Midwest Journal of Political Science* 12 (4): 550–567.
- Taki, F., and I. de Melo-Martin. 2021. "Conducting Epigenetics Research with Refugees and Asylum Seekers: Attending to the Ethical Challenges." *Clinical Epigenetics* 13 (1): Article 105.
- Ten Have Henk, A. M. J. 2001. "Genetics and Culture: The Geneticization Thesis." *Medicine, Health Care and Philosophy* 4 (3): 295–304.
- Thibodeau, P. H., V. L. Perko, and S. J. Flusberg. 2016. "The Relationship Between Narrative Classification of Obesity and Support for Public Policy Interventions." *Hastings Center Report* 46 (1): 26–35.
- Thorp, H. H. 2020. "Science Has Always Been Political." *Science* 369 (6501): 227.
- Tirrel, L. 2021. "Discursive Epidemiology." *Aristotelian Society Supplementary* 95 (1): 115–142.
- Wajzer, M. 2020. "Genopolitics: Introductory Remarks." *Interdisciplinary Science Reviews* 45 (4): 508–524.
- Wastel, D., and S. White. 2017. *Blinded by Science. The Social Implications of Epigenetics and Neuroscience*. Bristol: Policy Press.
- Yehuda, R., N. P. Daskalis, and L. M. Bierer. 2016. "Holocaust Exposure Induced Intergenerational Effects on FKBP5 Methylation." *Biological Psychiatry* 80 (5): 372–380.

ЛИАНА ТУХВАТУЛИНА*

«ЭПИПОЛИТИКА» КАК УГРОЗА ПОЛИТИКЕ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-303-308.

Статья Валентина Александровича Бажанова «Политическая биология как феномен постгеномной эры» посвящена осмыслению «концептуального диалога» двух «ранее не пересекавшихся дисциплин» — биологии (на примере эпигенетики) и социальных наук. С эпистемологической точки зрения позитивным следствием, по мнению автора, здесь станет то, что социальные науки получат мощный импульс для преодоления тенденции к «балканизации» (дисциплинарному дроблению), в то время как биология сможет

существенно обогатить знания о механизмах, которые лежат в основе развития и функционирования живого, и избавиться от всеохватывающего «биологизма» (Бажанов, 2022).

С мировоззренческой точки зрения становление междисциплинарной программы в духе «биокультурного со-конструктивизма»

как бы упраздняет четко очерченные границы между человеческим организмом и средой, в которой этот организм функционирует, и предполагает наличие разветвленной системы обратных связей между человеком, его мозгом, культурой и социумом (там же).

Валентин Александрович показывает, насколько разнообразна тематика эпигенетических исследований, которые так или иначе затрагивают социально-научную повестку. При этом нельзя не отметить, что представленный обзор отражает асимметрию в отношениях между дисциплинами: триумфальное шествие эпигенетики скорее претерпевается

*Тухватулина Лиана Анваровна, к. филос. н., исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), spero-meliora@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9390-9701.

**© Тухватулина, Л. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

социальными науками, чем вызывает встречное движение на равных. В современных дискуссиях о природе «эпистемического империализма» такая асимметрия находит разные оправдания. Ее объясняют и следованием регулятивному идеалу единой научной картины мира, которая требует снятия предметных разграничений (т. н. методологический экumenизм) (Kitcher, 1981; 1999), и благородным стремлением расширить методологический арсенал отдельных социальных дисциплин за счет заимствования подходов и объяснительных стратегий (Mäki, 2020). Критики же видят в этом лишь рейдерский захват предметного поля социальных наук, который ведет к неоправданному упрощению в научном миропонимании (Dupré, 1993; 2002).

Однако оставим в стороне методологические дискуссии о легитимности «империализма» и обратимся к его внешним причинам. Я полагаю, что один из важных стимулов для стирания дисциплинарных границ — политический запрос на экспертное знание. В условиях, когда доверие политиков к научной экспертизе во многом основывается на ее внешней убедительности, натуралистические подходы получают преимущества. Об этом свидетельствуют и тематика исследований, которые цитирует Валентин Александрович. Большинство из них — от «эпиполитики» по борьбе с ожирением до выявления эпигенетических «склонностей» к консерватизму или либерализму — напрямую выходит на политическую повестку. И здесь неизменно возникает общий вопрос о рисках и перспективах союза науки и политики. Ранее в этой связи мы уже обсуждали угрозу политизации научных исследований и возможности для ее преодоления¹. Сейчас мне хотелось бы сосредоточиться на вероятных рисках такого тандема для политической сферы. Сделает ли «эпиполитика» политические решения более справедливыми? Будет ли такая экспертиза способствовать поддержанию демократических механизмов или, напротив, будет создавать для них препятствия? Все эти вопросы позволяют прояснить, оправдана ли надежда на приращение общественного блага, которое обещает такая экспертиза.

Чтобы подступиться к обозначенной проблеме, рассмотрим пример из статьи Валентина Александровича. По данным исследований,

дети, чьи матери испытывали голод или стрессовые состояния (особенно в начале пренатального периода или в раннем возрасте ребенка), во взрослой жизни склонны к депрессии, психическим заболеваниям, соматическим расстройствам (Бажанов, 2022).

¹См. дискуссию по статье Порус, Бажанов, 2022.

Обратимся к сфере политической прагматики и зададимся вопросом о том, каково практическое назначение этого исследования, а именно — какие усилия должно предпринять государство и общество для того, чтобы минимизировать обнаруженные негативные эффекты? Поиск ответа возможен по двум направлениям. С одной стороны, длительная системная работа различных институтов, ориентированная на преодоление экономического неравенства, гендерной дискриминации, домашнего насилия и других социальных проблем, которые делают беременных женщин и молодых матерей особенно уязвимыми. Очевидно, что реализация этой стратегии требует большой политической воли и последовательных социально-экономических преобразований, что для многих государств зачастую оказывается непреодолимым препятствием. С другой стороны, возможно и «простое» решение, которое ориентировано не столько на борьбу с системными причинами, сколько на компенсацию нежелательных последствий. Представим, что в случае с материнским стрессом альтернативу эффективной социальной политике дает фармакология. Женщинам, оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах, вместо адресной помощи предлагаются таблетки (условные антидепрессанты), которые блокируют тревожные состояния и минимизируют негативное физиологическое воздействие экзогенного стресса. Такое решение позволяет снять нежелательную симптоматику. С технократической точки зрения минимальные издержки и гарантированный результат делают медикаментозное решение привлекательным, позволяя легко и быстро справиться с насущной задачей — снижением эпигенетических рисков. Осмелюсь предположить, что именно такое решение и окажется востребованным у политиков. При этом его обратной стороной может стать то, что изменение социальной политики и борьба с экономическим неравенством будут с радостью вычеркнуты из списка первоочередных политических задач.

В общем виде мое опасение по поводу «эпиполитики» связано с тем, что ее развитие может привести к неоправданному упрощению политической жизни. Принятие политических решений традиционно связано с поиском компромисса между стратегической эффективностью и тактической пользой. Этот поиск предполагает конкуренцию альтернативных политических программ, а также непрерывность дискуссий о ценностях, общественных приоритетах и приемлемых рисках. Именно такие дискуссии в различных институциональных формах и составляют ядро политического процесса в демократическом обществе, а всякая попытка положить им конец в некотором смысле означает и отказ от политики.

В этом отношении нахождение «окончательного» научного решения политической проблемы может иметь последствия, сравнимые с эффектом от прямой цензуры. Символический капитал науки в современном мире настолько велик², что сама апелляция к научным результатам в обосновании решений существенно снижает конкурентоспособность иных политических программ. Авторитет научной истины — джокер в колоде карт, которыми играют за политическим столом. Это карта, которая, независимо от расклада, бьет любую другую, а значит едва ли не лишает смысла весь ход игры.

При этом использование естественно-научных исследований в качестве основания политических решений, несомненно, может быть крайне эффективным. Опыт пандемии коронавируса показал, что союз политики и науки особенно прочен в экстремальных обстоятельствах, когда необходимы незамедлительные экспертные решения. Однако следует помнить, что ценой тактической эффективности оказывается нарушение демократической коммуникации. А значит, выигрывая в решении технической задачи, общество в той или иной мере жертвует политикой как пространством для открытой гражданской делиберации. Разумеется, наука вовсе не является главным врагом свободной политики в современном мире. Коррупция, популизм и безучастие граждан представляют большую угрозу. Однако совсем неочевидно, что, противопоставляя опору на научные результаты слушанию «голоса толпы», элиты делают выбор в пользу долгосрочных общественных интересов.

Мои опасения по поводу «эпиполитики» также связаны и с тем, что научное знание, попадая в пространство политики, неизбежно подвергается упрощениям. И первой жертвой на алтаре политической целесообразности оказывается научное сомнение — те риски и неопределенности, которые обязательно оговаривают добросовестные ученые и которые (увы!) вне науки зачастую воспринимаются как ее недостаток («поскольку ученые всегда сомневаются, им в принципе не следует доверять»). Вынесение сомнения за скобки приводит к искаженным трактовкам

²Один из доводов в защиту этого тезиса парадоксальным образом связан с распространением антинаучных идей в информационном обществе. На первый взгляд, это явление свидетельствует о кризисе доверия науке. Однако исследователи отмечают, что дениалисты (отрицающие научный консенсус вне нормативных рамок научной дискуссии) подражают ученым, используя похожие аргументативные приемы (Hansson, 2017; Pigliucci, 2013). Противоречия в содержании не отменяют стремления к внешнему сходству с научным дискурсом. Дениализм во многом «паразитирует» на теле науке, манипулируя доверием научной рациональности.

научных результатов. Эта особенность существования научного знания в политическом пространстве должна учитываться теми, кто продвигает идею «эпиполитики». Разделяя людей на группы и категории по тем или иным признакам, необходимо иметь в виду неполноту знания о зоне ответственности конкретных генов, а главное, незнание того, как именно эпигенетический профиль влияет на судьбу конкретного человека. Все эти доводы, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что «эпиполитика» нуждается в экспертизе второго порядка, в которую должны включаться социально-гуманитарные дисциплины. Если «эпиполитика» будет окружена защитным поясом гуманитарной экспертизы, есть шанс, что ее внедрение не приведет к примитивизации политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* Политическая биология как феномен постгеномной эры // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2022. — Т. 6, № 2.
- Порус В. Н., Бажанов В. А.* Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2022. — Т. 5, № 4. — С. 15–33.
- Dupré J.* The Disorder of Things : Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. — Cambridge : Harvard University Press, 1993.
- Dupré J.* Human Nature and the Limits of Science : Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. — Oxford : Oxford University Press, 2002.
- Hansson S. O.* Science Denial as a Form of Pseudoscience // *Studies in History and Philosophy of Science*. — 2017. — Vol. 63. — P. 39–47.
- Kitcher P.* Explanatory Unification // *Philosophy of Science*. — 1981. — Vol. 48, no. 4. — P. 507–531.
- Kitcher P.* Unification as a Regulative Ideal // *Perspectives on Science*. — 1999. — Vol. 7, no. 3. — P. 337–348.
- Mäki U.* Notes on Economic Imperialism and Norms of Scientific Inquiry // *Revue de Philosophie Économique*. — 2020. — Vol. 21, no. 1. — P. 95–127.
- Pigliucci M.* The Demarcation Problem. A (Belated) Response to Laudan // *Philosophy of Pseudoscience. Reconsidering the Demarcation Problem* / ed. by M. Pigliucci, M. Boudry. — Chicago : The University of Chicago Press, 2013. — P. 9–28.

Tukhvatulina, L. A. 2022. “‘Epiolitika’ kak ugroza politike [‘Epiolitics’ as a Threat for Politics]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 303–308.

LIANA TUKHVATULINA

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-9390-9701

“EPIPOLITICS” AS A THREAT FOR POLITICS

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-303-308.

REFERENCES

- Bazhanov, V. A. 2022. “Politicheskaya biologiya kak fenomen postgenomnoy ery [Political Biology as a Phenomenon of the Post-Genomic Era]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2).
- Dupré, J. 1993. *The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science*. Cambridge: Harvard University Press.
- . 2002. *Human Nature and the Limits of Science: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science*. Oxford: Oxford University Press.
- Hansson, S. O. 2017. “Science Denial as a Form of Pseudoscience.” *Studies in History and Philosophy of Science* 63:39–47.
- Kitcher, P. 1981. “Explanatory Unification.” *Philosophy of Science* 48 (4): 507–531.
- . 1999. “Unification as a Regulative Ideal.” *Perspectives on Science* 7 (3): 337–348.
- Mäki, U. 2020. “Notes on Economic Imperialism and Norms of Scientific Inquiry.” *Revue de Philosophie Économique* 21 (1): 95–127.
- Pigliucci, M. 2013. “The Demarcation Problem. A (Belated) Response to Laudan.” In *Philosophy of Pseudoscience. Reconsidering the Demarcation Problem*, ed. by M. Pigliucci and M. Boundry, 9–28. Chicago: The University of Chicago Press.
- Porus, V. N., and V. A. Bazhanov. 2022. “Postnormal’naya nauka [Post-Normal Science]: mezhdustsilloy neopredelennosti i Kharibdoy politizatsii znaniya [Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of Politicization of Knowledge]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4): 15–33.

ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ*

IN VITRO И IN VIVO ЭПИГЕНЕТИЧЕСКОГО ВЫЗОВА**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-309-316.

После прочтения статьи Валентина Александровича складывается впечатление, которое целесообразно описать выражением «трудно переоценить значение рассматриваемого вопроса». Актуализированная проблема касается каждого человека вплотную и заставляет задуматься о пределах контроля наших жизненных траекторий нами самими. Особенности строения индивида (на микроуровне) как биосоциального объекта, несущие сложносплетенную эпигенетическую информацию, могут, по-видимому, серьезно повлиять на его дальнейшие жизненные процессы. Что индивид способен предпринять для преодоления негативных факторов эпигенетического наследия? В контексте возможного осмысления различных аспектов жизни важно иметь в виду не только количество проживаемых лет, но и их качество.

Если с большим доверием отнестись к достижениям эпигенетики¹, обозреваемых автором, следует подчеркнуть, что поставленный вопрос инициирует и ряд других: что может предложить наука человеку для повышения качества жизни в аспекте диагностики и лечения эпигенетических дефектов? Каковы гарантии безопасности эпигенетической терапии?

«Выбор человека» оказывается в сильной зависимости от эпигенетики, приобретающей весомую политическую нагруженность. В. А. Бажанов подчеркивает (Бажанов, 2022):

*Жарков Евгений Александрович, исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), flash45@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1962-1806.

**© Жарков, Е. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

¹Естественно, мы здесь говорим с позиции философии и социально-гуманитарной сферы, а не с позиции заинтересованных ученых-специалистов.

Пересмотр положений геноцентризма в контексте эпигенетики под углом зрения политических реалий и политической динамики ведет к становлению на стыке генетики, эпигенетики и политологии таких дисциплин, как «эпиполитика» и «генополитика».

Многозначительно выглядит и сравнение ухода от геноцентризма, наступления постгеномной эры с переходом от геоцентризма к гелиоцентризму, но которое вместе с тем вызывает и сильные подозрения. Данное сравнение кажется чересчур преувеличенным. Не является ли оно стремлением заинтересованных ученых придать излишне прорывное значение своей дисциплине и тем самым пропагандировать ее практический потенциал среди лиц и организаций, ответственных за принятие важных политико-управленческих решений, за выделение средств на финансирование исследований?

Рассматривая своеобразный коперниканский переворот, предполагающий отход от позиций внутринаучной проблематики, также нелегко избавиться от впечатления «риторической окраски». Переход от геоцентризма к гелиоцентризму обладает мощным социокультурным значением, следовательно, использование соответствующей метафоры для описания ухода от геноцентризма позволяет ученым-биологам придать немалую долю уверенности самим себе и с большим основанием утверждать, что их дисциплина глубоко фундаментальна.

Валентин Александрович, рассуждая о практических перспективах эпигенетики, по-видимому, не придерживается позиций особого оптимизма. Соответствующая аргументация выглядит весьма основательно в силу обращения к философско-научным особенностям экспериментальной науки — взаимосвязи исследований *in vitro* и *in vivo*. Здесь мы встречаемся с таким важным для [экспериментального] научного познания аспектом, как *лабораторные условия*.

Возникает вопрос и о характере редукционизма, который, как утверждает автор, можно упрекнуть в упрощении действительной картины корреляции генов и человеческого поведения (Бажанов, 2022). Данное утверждение выглядит несколько странным: если суть эпигенетики и заключается в уходе от геноцентризма, это, казалось бы, означает и уход от редукционизма. О каком же редукционизме здесь следует говорить?

Появление на рынке услуг, якобы базирующихся на достижениях эпигенетики, (диет и страхования жизни) не вызывает особого удивления и, по-видимому, являет собой чисто коммерческие устремления предприимчивых личностей. Подобная ситуация напоминает истории

об использовании приставки «нано-» в рекламировании разнообразных фейковых инновационных продуктов.

К серьезнейшим по существу вопросам — и здесь мы всецело согласимся с автором — относится возможное влияние эпигенетики (и эпиполитики) на конкретные социально-политические практики. Рассматриваемый пример касается проблемы определения возраста беженцев, претендующих на статус жертв политических репрессий. Как отмечает автор, реальное применение эпигенетического тестирования (с целью уточнения возраста) затрагивает тонкие этические вопросы, связанные с возможностью утечки персональных данных. На наш взгляд, этот пример позволяет заострить внимание и на несколько иных аспектах «центризма».

Для этого сначала зададимся вопросом: что вообще такое персональные данные? «Апеллируя» к этому понятию, мы используем представление о человеке как о единичном (центрированном) субъекте в связи с описанием его биологических и социальных параметров. Но дело в том, что эпигенетика и имеет дело с отслеживанием влияния событий и факторов психосоциальной жизни индивида на его эпигенетические особенности². Для эпигенетических исследований ключевую роль играют данные, связанные с деталями жизни конкретных людей (к примеру, был ли человек в концлагере или нет). Размышляя о правовой проблеме утечки персональных данных, Валентин Александрович говорит о результатах эпигенетических тестов.

В свете контраста генома и эпигенома попробуем выстроить интересную аналогию. Допустим, мы располагаем информацией — персональными данными³, которые включают результаты эпигенетических исследований и к которым в целом можно относиться как к некоторому статическому набору. Представим, что в данном случае указанный набор можно рассматривать в качестве «макроскопического аналога» генома. Приведенный пример позволяет заострить внимание на аспектах, схожих с возникающими при осмыслении перехода от генетики к эпигенетике, основное достижение которой и состоит в опровержении представления о том, что все определяется только генетическим кодом (геномом). Как мы увидели, дело обстоит гораздо сложнее: эпигеном представляет собой динамическую, модифицируемую в результате взаимодействия с внешними факторами сущность. Он оказывается

²По крайней мере, претендует на это.

³Некоторой личности.

в сильной зависимости от социально-психической предыстории. Таким образом, возникает нелегкий вопрос: в какой степени персональными следует быть данным эпигенетического тестирования?

IN VITRO И IN VIVO: ЛАБОРАТОРНЫЕ УСЛОВИЯ

Рассмотрим пристальнее ряд эпистемических особенностей эпигенетики. Подобные аспекты затрагивает в своей книге британская исследовательница в области молекулярной биологии Н. Кэри (Кэри, Рангулов, 2012). Кроме того, что человек по ряду этических и организационных соображений не может выступать в качестве объекта детальных эпигенетических исследований, Кэри подчеркивает сложность самого человека как объекта изучения, представляющего собой крайне ненадежную экспериментальную систему. К примеру, для того чтобы разобраться в вопросе о роли эпигенетики в фенотипических различиях генетически идентичных индивидуумов, следует придерживаться следующих условий: необходимо провести анализ сотен (а не пары) генетически идентичных индивидуумов, осуществить максимальный контроль воздействий окружающей среды, реализовать многократное и периодическое исследование образцов определенных тканей, контролировать вступления в половые связи, проводить исследования на протяжении четырех или пяти поколений генетически идентичных индивидуумов (там же: 93–94).

При подобном описании характера научного исследования невольно вспоминается концепция постнормальной науки (Дж. Равецц, С. Фунтович), одной из ключевых особенностей которой является высокий уровень неопределенности научной проблемы (Порус, Бажанов, 2021). Интересно заострить внимание и на том, что может оказаться существенным элементом экспериментального исследования вообще. Описывая различные аспекты важного для эпигенетики кейса — Голландской голодной зимы (1944 г.), Кэри замечает, что

исторические события иногда приобретают характер, когда экспериментальные условия складываются стихийно, и в этих непредумышленных опытах целые общности людей принимают участие против своей воли (Кэри, Рангулов, 2012: 103).

Крайняя нужда, в которой оказались тысячи человек, привела к уникальной для исследований популяции, а люди, пережившие тяжелый период, представляли собой четко очерченную группу индивидуумов, недостаточно питавшихся в строго определенный период времени (там же: 103–104). В приведенном примере Кэри, который она на научный

лад вмещает в рамки понятия эксперимента, экспериментальных условий, наблюдается «обратный эффект» — влияние внешнеполитических событий (точнее, последствий политических действий) на получение важных научных результатов. Здесь осуществляется своего рода совмещение *in vitro* и *in vivo* исследований.

Частая же современная проблема населения ряда развитых стран — ожирение, — по-видимому, не представляет собой (полноценного) удачного кейса для эпигенетики, поскольку имеет место в различных и нелегко отслеживаемых (контролируемых) условиях. Более того, рассматривая эпигенетику как возможный политический инструмент оправдания лиц, страдающих лишним весом, который позволяет, таким образом, перекладывать ответственность «на родителей и прародителей», следует указать определенные риски подобного подхода. Не излишне ли он способен легитимизировать возможное бездействие самого человека (на пути к улучшению себя)?

ЭПИГЕНЕТИКА КАК ВЫЗОВ И ФРОНТИР

Зададим провокационный вопрос: не произойдет ли в предстоящие два-три десятилетия иного, нового прорыва в науках о геноме и эпигеноме, в случае которого нас снова ожидает пересмотр картины мира генетических наук? Естественно, в настоящий момент на этот вопрос ответить нельзя. Тем не менее он важен именно в аспекте придания эпигенетике значения науки, «открывающей новые горизонты для поддержания здоровья людей и медицины» (Бажанов, 2022). Рассуждая о горизонтах, мы, так или иначе, имеем дело с представлениями о будущем.

В начале своей статьи В. А. Бажанов кратко затрагивает научно-политические аспекты. Действительно, знаменитый доклад В. Буша на многие десятилетия определил научную политику США, а также спектр ее влияний на подобные практики в ряде других стран. Краеугольный камень, заложенный проектом Буша, — *фундаментальные исследования* (*basic research*), имеющие государственное финансирование и приводящие потенциально к внедрению новых технологий и экономическому процветанию⁴ (Stokes, 1997: 2–5).

В конце 20-го в. подход Буша в связи с общими вопросами американской научной политики 21-го в. был подвергнут критике политологом

⁴В этой логике *фундаментальные исследования* (*basic research*) — первый этап в цепочке так называемой линейной модели инноваций (от фундаментальной идеи до готового продукта).

Дж. Стоуксом, который попытался иначе взглянуть на сложную проблематику взаимодействия науки и технологий в целом. Анализируя различные эпизоды из истории науки, Стоукс предложил схему, известную как «Квадрант Пастера». Схема представляет собой матрицу 2x2, четыре квадранта которой различаются по двум параметрам: научной фундаментальности и практической полезности, низкого и высокого уровня соответственно. Характерные случаи: (1) чистая наука с низким (отсутствующим) практическим акцентом (*pure, basic research*, Н. Бор); (2) чистая прикладная наука с низким (отсутствующим) фундаментальным акцентом (*pure applied research*, Т. Эдисон); (3) успешное сочетание фундаментальной и прикладной науки. В качестве исследователя, добившегося как серьезных фундаментальных (создание микробиологии), так и серьезных практических результатов (пастеризация, вакцина), Стоукс приводит пример знаменитого Л. Пастера (Stokes, 1997: 70–75).

Кроме того, отметим, что в современном научно-политическом дискурсе произошли определенные изменения. В XXI в. разделение науки по типу фундаментальной (*basic*) и прикладной (*applied*) перестало играть ключевую роль в формировании актуальной повестки научной политики. На смену представлений о фундаментальной и прикладной науке пришли фронтиры (*frontier research*) (Flink, Tobias, 2018: 431–434) и вызовы (*challenge*) (Calvert, 2013: 473–477; Flink, Kaldewey, 2018: 16–18). Данные понятия фигурируют в ряде масштабных европейских исследовательских программ (глобальные вызовы и др.). Актуализация новых понятий связана, в частности, с трудностями разделения фундаментальных и прикладных аспектов сложных проблем, затрагивающих интересы человечества, с вопросами результативности науки в попытках их решения и, следовательно, с множеством непростых политических вопросов.

Учитывая указанные обстоятельства, рассмотрим схему Стоукса в несколько ином свете. В обычной схеме клеточка «удачного совмещения» фундаментальных и прикладных результатов содержит пример Л. Пастера. Сформулируем вопрос: а каково возможное место эпигенетики в подобной схеме? В силу ее весомого практико-политического потенциала она может претендовать на место, в некотором смысле аналогичное микробиологии Пастера. Вспоминая новые понятия языка научной политики, можно утверждать, что эпигенетика пребывает в состоянии «вызова и фронтира» одновременно. Важное отличие от примера с Пастером — это все-таки отсутствие на данный момент серьезного и / или масштабного воплощения ее результатов на практике.

Стоит согласиться с Валентином Александровичем в том, что «ситуация встречи биологии и политологии» в контексте эпигенетики — новое и богатое с концептуальной точки зрения направление исследований. Тем не менее трудно согласиться с тем, что в настоящий момент можно говорить о реальном существовании (функционировании) соответствующих зон обмена, поскольку это понятие, согласно П. Галисону, предполагает наличие именно успешного решения общей задачи различными группами акторов. Эпигенетика же в значительной степени еще не преодолела локации *in vitro*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* Политическая биология как феномен постгеномной эры // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2022. — Т. 6, № 2.
- Кэри Н.* Эпигенетика : как современная биология переписывает наши представления о генетике, заболеваниях и наследственности / пер. с англ., под ред. А. Рангулова. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2012.
- Порус В. Н., Бажанов В. А.* Перспективы политизации научного знания в аспекте постнормальной науки : краткие итоги и перспективы продолжения дискуссии // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 78–82.
- Calvert J.* Systems Biology, Big Science and Grand Challenges // *BioSocieties*. — 2013. — Vol. 8, no. 4. — P. 466–479.
- Flink T., Kaldewey D.* The New Production of Legitimacy : STI Policy Discourses Beyond the Contract Metaphor // *Research Policy*. — 2018. — Vol. 47, no. 1. — P. 14–22.
- Flink T., Tobias P.* Excellence and Frontier Research as Travelling Concepts in Science Policymaking // *Minerva*. — 2018. — Vol. 56, no. 4. — P. 431–452.
- Stokes D.* Pasteur's Quadrant — Basic Science and Technological Innovation. — Washington : Brookings Institution Press, 1997.

Zharkov, Ye. A. 2022. "In vitro i in vivo epigeneticheskogo vyzova [In vitro and in vivo of Epigenetic Challenge]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 309–316.

YEVGENIY ZHARKOV

RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-1962-1806

IN VITRO AND IN VIVO OF EPIGENETIC CHALLENGE

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-309-316.

REFERENCES

- Bazhanov, V. A. 2022. "Politicheskaya biologiya kak fenomen postgenomnoy ery [Political Biology as a Phenomenon of the Post-Genomic Era]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2).
- Calvert, J. 2013. "Systems Biology, Big Science and Grand Challenges." *BioSocieties* 8 (4): 466–479.
- Carey, N. 2012. *Epigenetika [The Epigenetics Revolution]: kak sovremennaya biologiya perezisyvayet nashi predstavleniya o genetike, zablevaniyakh i nasledstvennosti [How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease and Inheritance]* [in Russian]. Ed. and trans. from the English by A. Rangulov. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Flink, T., and D. Kaldewey. 2018. "The New Production of Legitimacy: STI Policy Discourses Beyond the Contract Metaphor." *Research Policy* 47 (1): 14–22.
- Flink, T., and P. Tobias. 2018. "Excellence and Frontier Research as Travelling Concepts in Science Policymaking." *Minerva* 56 (4): 431–452.
- Porus, V. N., and V. A. Bazhanov. 2021. "Perspektivy politizatsii nauchnogo znaniya v aspekte postnormal'noy nauki [Vistas for the Politicization of Scientific Knowledge Through the Lens of Post-Normal Science]: kratkiye itogi i perspektivy prodolzheniya diskussii [Concise Results, and Prospects for Further Discussions]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4): 78–82.
- Stokes, D. 1997. *Pasteur's Quadrant — Basic Science and Technological Innovation*. Washington: Brookings Institution Press.

Владимир Порус*

ПЕРСПЕКТИВЫ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ»**

ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСТОРОЖНОГО ОПТИМИЗМА?

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-317-324.

Термин «политическая биология», распространенный в современной философской литературе (Meloni, 2014; 2016), все же может вызывать недоверчивую гримасу (наверное, скорее у биологов, чем у философов, более склонных к терминологическим кунштюкам). Слишком далеко разошлись в смысловом поле *биология* и *политика*, чтобы сближение или «скрещивание» этих понятий обещало какой-то очевидный результат. Но ведь возникновение терминов в науке часто имеет причудливый характер: метафорические смыслы, переплетаясь с привычными концептами, не всегда элиминируются в процессе выработки нового понятийного аппарата, а задерживаются в употреблении и, бывает, становятся привычными, перестают удивлять или вызывать отторжение и начинают применяться без опасения за строгость и точность рассуждений, если только не позволять метафорам преступать положенные им границы и замещать собою научные понятия.

«Политическая биология», на мой взгляд, относится к числу таких лингвистических изобретений. Оно привлекает внимание к тому известному в философии науки факту, что взаимная диффузия смыслов иногда создает «точки роста» понятий, укорененных в различных дисциплинарных почвах, но образующих узлы связи между ними. Они не могут быть редуцированы ни к одной из таких областей знания, но и не сплетают понятийную ткань, оторванную от обеих почв. Когда

*Порус Владимир Натанович, д. филос. н., профессор; исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), vporus@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-2958-2185.

**© Порус, В. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

возникают такие узлы, их дальнейшую судьбу предсказывать рискованно: они могут оказаться полезными и создать стимул для развития новой области знания, а могут и обнаружить свою пустоту и бесперспективность. Тогда их забывают, как курьезы или как отброшенные леса заново возводимого здания.

В статье В. А. Бажанова подчеркивается *эвристическая* ценность термина «политическая биология». Она — в том, что открывается возможность связывать политическую реальность с биологией человека и находить в этой связи возможности, не сводимые к интуитивным предположениям о том, что, с одной стороны, политическое (как и другого рода социальное) поведение людей до известной степени может быть объяснено биологическими детерминациями относительно индивидов и человеческих общностей (Thorson, 1970; Wade, 2014), а с другой стороны, сама биология человека, то есть ее внутренние характеристики (в том числе такие фундаментальные, как геном), подвержена влиянию со стороны изменчивой политической реальности (Building a New Bio-cultural Synthesis, 1998). Выходит ли эта ценность за рамки эвристики? Или назначение термина только лишь в том, чтобы возбудить исследовательский интерес к проблеме, а уж там, как говорится, видно будет, приведет ли это к чему-то эпистемологически значимому?

Имеет хождение гипотеза (см. библиографию к статье В. А. Бажанова), о том, что существует связь между геномом и эпигеномом (последний сравнивается с программой, возбуждающей или тормозящей те или иные функции генома, но не изменяющей при этом первичную структуру ДНК). Если гипотеза верна, то перед нами спектр проблем: какие именно генетически обусловленные функции могут подвергаться эпигеномным воздействиям, какова их степень и мера, есть ли возможность их регуляции и селекции, учета и предвидения их последствий для биологии и социально-культурного бытия человека и т. д. Как могут быть рассмотрены и решены такие проблемы?

Разумеется, исследование биологических особенностей человека не может быть успешным вне дисциплинарного контекста. Только биологам решать, как могут быть дифференцированы и поставлены в соответствие эпигеномным факторам составные элементы генома. Но сама эта задача не может быть сформулирована без предположения о наличии существенной взаимозависимости между геномом и эпигеномом. А ведь это предположение исходит не из глубины «геноцентрического» знания, а из предпосылки, что биологический организм всегда существует

в сложном взаимодействии со средой обитания и его функциональность обеспечивается не только «изнутри», но не в меньшей степени — «извне». И эта «внешняя» детерминация выводит исследование за рамки собственно биологии в сферу социальности и культуры.

Под углом зрения философии и методологии науки в этом нет ничего неожиданного. Идея социальной обусловленности процессов получения научного знания относится к числу таких, без которых современная философия науки просто невозможна, тем не менее в своих конкретных приложениях эта идея может вызвать настороженность специалистов-биологов. А ученых, привыкших рассматривать политические явления как нечто такое, что далеко отстоит от биологии, да и вообще от природного начала в человеке, могла бы возмутить и даже оскорбить. Политолог или философ, рассматривающий сферу политического через призму биологических наблюдений и теорий, мог бы выглядеть индоктринированным натуралистом, игнорирующим принципиальный водораздел между животным и человеческим бытием.

Когда раздаются возгласы, оповещающие о конце «геноцентризма» (Carey, 2012) и даже о наступлении «постгеномной эпохи» в исследованиях взаимодействий между биологией и комплексом социальных наук, то, прислушиваясь к ним, следует различать собственно научную составляющую подобных заявлений и философско-методологические констатации (возможно, слишком поспешные) намечившегося «слияния» или по меньшей мере интенсивного «взаимопроникновения» биологического и социально-научного знания.

С точки зрения биологии это указание на область проблем, которые возникают в связи с концептом «эпигенома» — теоретическим конструктом, обозначающим и определяющим объем «внешних» (в том числе социальных) факторов, воздействующих на работу генома так, что изменения его структуры наследуются при неизменности базовой структуры ДНК. Нельзя сказать, что проблемы такого рода впервые были обнаружены в последние десятилетия, когда заговорили о так называемой «эпигенетической революции» в биологии. То, что геном человека может претерпевать влияния окружающей среды, известно давно. Сам термин «эпигенетика» восходит к работам К. Уоддингтона (Waddington, 1939; 1942), в которых исследовались процессы воспроизводства адапционных свойств организма в переменных условиях его существования. Новизна здесь лишь в том, что «эпигенетические факторы» предлагается рассматривать в их систематическом единстве как регулятивную

программу с заранее известными (наперед заданными) целями и предсказуемыми последствиями, когда геном остается неизменным, но его действие контролируется этой программой. Биологи должны определить, может ли такая гипотетическая программа работать без сбоев, вызываемых то ли резистентностью генома, то ли противоречивостью или хаотичностью эпигеномных факторов. Другими словами, речь идет о правомерности компьютерной аналогии, которую упоминает В. А. Бажанов. По-видимому, эта аналогия проблематична (хотя бы потому, что нет безусловных гарантий эффективности эпигеномной «программы», если вообще можно употреблять этот термин в данном случае).

Конечно, под вопросом оказывается и методологическая сторона дела, ведь в лучшем случае можно говорить о *намерениях* сблизить биологическую проблематику с науками об обществе, изучающими социально-культурные формы деятельности и поведения. Намерения выглядят многообещающими, но до их реализации, по-видимому, еще далеко. Так что сигналы о происходящей «эпигенетической революции», на мой взгляд, следует принимать *cum grano salis*.

Но, разумеется, суть не в аналогиях. Они могут быть более или менее удачными, но никогда не заменяют собой научные объяснения, а только предлагают пути исследования. Даже если компьютерная аналогия в рассматриваемом случае не вполне точна, это не снимает проблему: можно ли считать устойчивыми (поддающимися расчету) результаты планируемых воздействий на геном человека, призванных усилить его положительные реакции на влияние внешней среды или ослабить (редуцировать) отрицательные? Например, полезность и желательность воздействия медицинских препаратов, способных свести к минимуму или элиминировать некоторые вредные и опасные предрасположенности организма (к наркозависимости, или, скажем, к преждевременному старению, или к возникновению злокачественных образований), вряд ли кем-то стали бы подвергаться сомнению, если было бы доказано, что это воздействие действительно таково, как его представляют заинтересованные в увеличении прибыли фармакологические фирмы или исследовательские группы ученых. Вряд ли какие-то политические силы (в том числе и в первую очередь властные структуры) стали бы злонамеренно тормозить или запрещать широкое производство и применение таких препаратов или медицинских программ. Такая вероятность теоретически не равна нулю, но в нормальных условиях все-таки пренебрежительно мала. Напротив, естественное развитие событий несомненно привело бы к тому, что политические усилия направлялись бы на

преодоление различных экономических, идеологических или традиционных препятствий оптимальному развитию таких научных исследований, социальных технологий и практик. Другое дело, что при этом следовало бы стимулировать эффективность исследований, направленных на комплексное (долгосрочное) изучение возможных последствий подобного эпигеномного воздействия: не приведет ли оно к чему-то непредвиденному, представляющему опасность, идущую с той стороны, откуда ее не ждут? Геном человека — продукт длительного эволюционного развития человеческого вида, и вмешательство в его структуру может оказаться рискованным.

Особое место в ряду эпигеномных воздействий на геном занимают социокультурные факторы. Формирование таких воздействий, как бы это ни казалось странным, несравненно сложнее формирования технологических (скажем, фармакологических или биоинженерных): например, широкое внедрение препаратов, сводящих к минимуму предрасположенность людей к алкоголю и другим наркотикам, совершенно немыслимо без соответствующего изменения социокультурной среды — если этих изменений не будет, то такое внедрение без волюнтаристского принуждения просто не состоится. Люди воспротивятся ему, предпочтя традиционные формы потребления и ценностных ориентаций. Принуждение в таком случае неизбежно будет вызывать пассивное или активное сопротивление, а его последствия могут стать разрушительными не только для экономики, но для всего уклада жизни. Примером может служить печально известная кампания по ограничению производства и продажи алкогольной продукции в СССР, проводимая под лозунгами борьбы с алкоголизмом и его последствиями.

То же самое относится к мероприятиям, направленным на ограничение или сведение к нулю предрасположенности к агрессивной гиперсексуальности (педофилии, половому садизму или иным перверсиям). Без значительных трансформаций социокультурного контекста ни химико-фармакологические, ни политико-репрессивные воздействия на отдельных индивидов не приведут к «улучшению» генома как биологической наследственной памяти, а смогут лишь «загнать зверя в угол», откуда он будет отчаянно пытаться вырваться на свободу, что способно повлечь непредсказуемые последствия.

Именно в этом моменте и обнаруживается реальная связь биологических проблем с политическими. Она может быть представлена в двух важнейших модусах.

С одной стороны, политическая составляющая этой связи выражается в необходимости *оптимизации политического климата*, способствующего (а ни в коем случае не препятствующего) развитию тех областей научного знания, которые примыкают к биологии человека, со всеми их прикладными (медицинско-фармакологическими, биоинженерными, социально-демографическими, социально-психологическими и др.) ответвлениями. Это означает, помимо прочего, рациональную и сбалансированную научную политику, которая абсолютно невозможна без привлечения к ее формированию научных сообществ и коллективов, без опоры на развитие сети научных коммуникаций, без международного сотрудничества ученых. При этом следует считаться с опасностью такого *ухудшения* политического климата, при котором успехи биологических наук (не только фундаментальных, но и прикладных) могли бы использоваться в каких-либо антигуманных целях. Одним словом, реальность современного мира такова, что успешное развитие биологических наук непосредственно коррелирует с благоприятствующим политическим курсом. Впрочем, это, безусловно, касается не только биологии.

С другой стороны, политический климат во многом зависит от того, как далеко продвинута наука в исследованиях зависимостей политического поведения от биологических характеристик как отдельных субъектов, так и человеческих групп. В ситуациях, когда выбор политических решений, затрагивающих интересы не только отдельных стран, но и человечества как такового, зависит от психологических особенностей или предрасположенностей политических лидеров (особенно в тех случаях, когда эти особенности явно или имплицитно патологичны), диагнозы, поставленные учеными, могут и должны быть приняты во внимание политическими силами. Разумеется, для этого необходима устойчивая традиция участия ученых (конечно, не только биологов!) в политической жизни общества. Если такой традиции нет или она разрушена, последствия могут быть трагическими. А научные сообщества, не готовые поддерживать и отстаивать эти традиции, то есть отказавшиеся от своей роли в политической борьбе, рискуют не только своим статусом, но и, по сути, ставят под удар нормальное развитие всего общества.

Особого упоминания и внимания требует проблема политического обеспечения защитительных мер против причин и последствий экологического кризиса, могущих вызвать необратимые изменения генома человека. Сколь угодно решительные предупреждения ученых о такого рода угрозах самому существованию человечества могут остаться безрезультатными, если политическая конъюнктура (в том числе и даже в первую

очередь — в сфере международной политики) не окажется достаточно чуткой и последовательной по отношению к ним. А это возможно лишь в том случае, если противоречия между различными политическими силами отступят на задний план по отношению к общечеловеческим целям. В этом — один из главнейших вызовов, стоящих перед человечеством как таковым. Роль биологического знания или авторитета мирового научного сообщества здесь не может быть недооценена, но было бы наивностью ее переоценивать. В этом смысле «политическую биологию» сближают с «биологической политикой» (Олескин, 1995; 2001), хотя последний термин несет несколько иную смысловую нагрузку.

Упомяну еще о спектре этических и социальных (в том числе, демографических или социально-экономических) проблем, связанных со сферой современной «евгеники» — биоинженерии, сфокусированной на исследованиях возможных «переделок» генома человека. Здесь политический фон настолько важен, что не будет преувеличением сказать: биология человека в наше время с нарастающей скоростью попадает в зависимость от политических трансформаций. В какую сторону будет направлен этот процесс, сулит ли он радужные перспективы человечеству, овладевающему мощными биотехнологиями, или, напротив, знаменует собой падение в пропасть катастроф, это должно показать уже ближайшее будущее. На долгосрочные и негарантированные эксперименты в этом направлении у человечества может не хватить исторического времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Олескин А. В.* Биополитика и ее приложимость к социальным технологиям // Вопросы философии. — 1995. — № 7. — С. 76–88.
- Олескин А. В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии : философские, политологические и практические аспекты. — М. : Институт философии РАН, 2001.
- Building a New Biocultural Synthesis : How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance / ed. by A. H. Goodman, T. L. Leatherman. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 1998.
- Carey N.* The Epigenetical Revolution : How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance. — New York : Columbia University Press, 2012.
- Meloni M.* How Biology Became Social, and What It Means for Social Theory // Sociological Review. — 2014. — Vol. 62, no. 3. — P. 593–614.
- Meloni M.* Science and Social values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics. — London : Palgrave Macmillan, 2016.

- Thorson T. *Biopolitics*. — New York : Holt, Rinehart & Winston, 1970.
- Waddington C. H. *An Introduction to Modern Genetics*. — New York : Macmillan, 1939.
- Waddington C. H. *The Epigenotype // Endeavour*. — 1942. — Vol. 1. — P. 18–20.
- Wade N. *A Troublesome Inheritance : Genes, Race and Human History*. — New York : Penguin Books, 2014.

Porus, V. N. 2022. “Perspektivy ‘politicheskoy biologii’ [Prospects of ‘Political Biology’]: yest’ li osnovaniya dlya ostorozhnogo optimizma? [Whether There Are Reasons for Careful Optimism?]” [In Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 317–324.

VLADIMIR PORUS

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR, RESEARCHER
 RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);
 ORCID: 0000-0002-2958-2185

PROSPECTS OF “POLITICAL BIOLOGY”

WHETHER THERE ARE REASONS FOR CAREFUL OPTIMISM?

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-317-324.

REFERENCES

- Carey, N. 2012. *The Epigenetical Revolution: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance*. New York: Columbia University Press.
- Goodman, A. H., and Th. L. Leatherman, eds. 1998. *Building a New Biocultural Synthesis: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Meloni, M. 2014. “How Biology Became Social, and What It Means for Social Theory.” *Sociological Review* 62 (3): 593–614.
- . 2016. *Science and Social values in Human Heredity from Eugenics to Epigenetics*. London: Palgrave Macmillan.
- Oleskin, A. V. 1995. “Biopolitika i yeye prilozhimost’ k sotsial’nym tekhnologiyam [Biopolitics and Its Applicability to Social Technologies]” [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 7: 76–88.
- . 2001. *Biopolitika. Politicheskii potentsial sovremennoy biologii [Biopolitics. The Political Potential of Modern Biology]: filosofskiye, politologicheskiye i prakticheskiye aspekty [Philosophical, Political and Practical Aspects]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- Thorson, T. 1970. *Biopolitics*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Waddington, C. H. 1939. *An Introduction to Modern Genetics*. New York: Macmillan.
- . 1942. “The Epigenotype.” *Endeavour* 1:18–20.
- Wade, N. 2014. *A Troublesome Inheritance: Genes, Race and Human History*. New York: Penguin Books.

ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-325-333.

Статья Валентина Александровича Бажанова посвящена анализу новой политической науки, основанной на использовании знаний, которые были получены в результате биологических и когнитивных исследований. Они формируют новую фундаментальную «оптику» для рассмотрения социально-экономических и политических проблем. Развитие науки всегда было связано с открытием фундаментальных закономерностей Природы и формированием иных исследовательских перспектив и горизонтов. Достижения в одних научных областях находили свое применение в других: например, математические модели, созданные для решения задач в конкретной научной дисциплине, с успехом применялись в новых условиях. Правда, подобное взаимодействие было характерно в основном для естественно-научного знания. Конечно, и в нем существуют непреодолимые разрывы, но все же предполагалось, что науки, изучающие Природу и применяющие для этого математику и эксперимент, вполне могут обмениваться идеями. Однако использование результатов естественно-научных исследований для объяснения социальных явлений рассматривалось как маловероятное. Так, еще Э. Дюркгейм отмечал, что «знание психологии еще больше, чем знание биологии, составляет необходимую пропедевтику для социолога» (Дюркгейм, Гофман, 1995: 127), но не более того. Предполагалось,

*Масланов Евгений Валерьевич, к. филос. н., исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), evgenmas@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6403-8003.

**© Масланов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

что существует непреодолимое различие между «Природой» и «Обществом», а поэтому социально-гуманитарные науки отличаются от естественных наук.

Социальные явления должны быть объяснены социальными факторами, экономические — экономическими, исторические — их сочетанием, особенностями личности участников событий и уникальным стечением обстоятельств. Сторонники подобного подхода ориентируются на идею о том, что использование биологических теорий для объяснения социальных явлений базируется на фундаментальной ошибке — «смещении материализма и редукционизма». Об этом писал в 1980 г. Р. Ч. Левонтин, внесший значительный вклад в разработку математической базы популяционной генетики и теории эволюции (Lewontin, 1980: 362):

Несомненно, что мы — материальные существа и что наши социальные институты — продукты наших материальных существ, точно так же как мысль — продукт материального процесса. Но содержание и значение социальной организации человека не могут быть поняты посредством тотального знания биологии, равно как и тотального знания квантовой теории.

Достижения в области естественных наук могут объяснить технологические изменения, которые являются важным фактором в социальных, экономических и исторических трансформациях. Результаты таких исследований между тем никогда не смогут лежать в основе описания социально-экономического и политического развития, ведь они неспособны сформировать правдоподобные интерпретации социального или экономического поведения, показать специфику исторических событий.

Это положение дел было поставлено под сомнение в начале XXI века. Исследования в области биологии и когнитивных наук показали, что пропасть между «Природой» и «Обществом» не столь уж глубока. Человеческое поведение управляется когнитивными процессами, схожими у всех людей. Их знание может быть использовано для корректировки поведения, например, потребителя, формирования у него представления о желательности и необходимости определенных действий (Spence, 2019). Анализ генома дает возможность показать наличие корреляций между набором определенных генов и специфическими политическими пристрастиями как людей, так и целых социально-исторических общностей. К примеру, авторы исследования, посвященного анализу возможности генетической передачи политических взглядов, пишут (Alford, Funk, Hibbing, 2005: 164):

Признание того, что корреляции между взглядами родителей и детей протекают в большей степени из генетики, чем из семейной социализации, делает гораздо менее удивительным тот факт, что сила из этих корреляций не зависит от семейного устройства.

В этом случае вполне можно согласиться с тезисом В. А. Бажанова о том, что когнитивные и биологические науки могут оказаться одним из элементов объяснительных стратегий в социально-гуманитарных науках. Их использование позволяет показать «биологическую» основу различных способов социального и экономического поведения. Возможно, что при углубленном изучении биологической и когнитивной основы различных типов поведения может быть объяснен «эффект колеи» в рамках социально-экономического развития, связанный с тем, что большинство обществ следует по уже сформированному их историей пути: если они базировались на создании и использовании инноваций, то они и продолжают это делать, а если инновации изначально были не в чести, то и переход на пути подобного развития оказывается достаточно сложным.

Все это обосновывает идею о том, что на основе знаний о когнитивных особенностях поведения и представлений о биологической основе социальных предпочтений могут быть сформированы новые социально-биологические науки. Они будут соединять в себе достижения биологии и отдельных социально-гуманитарных дисциплин. Одной из них может быть «генополитика»: она «ищет генетические корреляты политических взглядов и поведения, применяя данные и методы молекулярной и поведенческой генетики» (Wajzer, 2020: 507). Хотя эта область знаний и не претендует на формирование целостной политической теории, но все же она предполагает создание новых биополитических объяснительных стратегий. В этом случае конструируется особенная политическая биология. Она отличается, например, от биополитики М. Фуко: у него биополитика ориентируется на контроль над популяцией, ее здоровьем, формированием механизмов управления болезнями и их лечением (Фуко, Самарская, 2005) — она не предполагает изучения генетических особенностей конкретного индивида. Элементы биологической жизни целой совокупности людей включаются в политические практики, которые в том числе регламентируют и ее. Новая же политическая биология не стремится контролировать население. На основе использования естественно-научных методов она проводит анализ биологического материала людей, который позволяет сделать вывод о популяции: об

особенностях ее генофонда или о корреляциях между различными генами и поведением. В этом случае в процессе складывания, например, эпигенетической политической биологии особую актуальность может приобрести знакомство с историей жизни и формирования не только популяции, но и индивида. В. А. Бажанов отмечает:

эпигенетический аспект политической биологии обещает сделать поиск и принятие решений, которые касаются важных социальных проблем, существенно более рациональным, нежели на основании «здорового смысла» и традиционных к ним подходов (Бажанов, 2022).

Возможное формирование новой политической биологии ставит вопрос о политической субъектности подобных наук. В. А. Бажанов в своей статье касается этого вопроса, но нам бы хотелось более подробно обсудить некоторые связанные с ним проблемы, ведь использование биологических и когнитивных объяснений в области социального знания заставляют нас по-новому посмотреть на политическую роль научного знания и политическую субъектность науки. Возможно, стоит говорить о специфическом социально-гуманитарном повороте в биологических исследованиях. Он может быть связан с несколькими перспективами развития научного знания подобного типа. Одна из них предполагает реализацию стратегии «биологического империализма», похожего на экономический империализм в социальных науках (Fernández Pinto, 2016). Предположение о том, что биологические факторы влияют на социальное, экономическое и политическое поведение индивида, дает возможность применять методы биологических наук в исследовательских полях, которые раньше были закреплены за социально-гуманитарными дисциплинами. Это позволит работающим в этой парадигме ученым не только получать новые результаты и создавать объяснительные модели, но и надеяться на рост финансирования на проведение исследований. Итогом может стать более широкое распространение методологии, основанной на сочетании знаний в области когнитивных наук и биологии с социально-гуманитарными идеями, на новые дисциплинарные области, расширение исследовательских горизонтов биологических и когнитивных наук, формирование новых социально-биологических дисциплин как отдельного исследовательского направления на стыке, например, социально-гуманитарного и биологического знания. Новые дисциплины будут рассматриваться как еще одна область междисциплинарных исследований, позволяющая пролить свет на механизмы принятия людьми

решений, а также на зависимость социально-экономических условий от личных особенностей и, к примеру, генофонда популяции.

Возможно и другое развитие событий, которое при условии успешной реализации объяснительных претензий новых социально-биологических наук представляется, на наш взгляд, куда более вероятным. Этот путь не столько противостоит стратегии научного империализма, сколько помещает его в более широкий социальный контекст. Использование результатов исследований в процессе принятия политических и экономических решений может привести к тому, что они изначально будут связаны с определенными объяснительными моделями и политическими стратегиями. Принятое на основании научного исследования решение о том, что некое поведение не связано со свободным выбором человека, а скорее является генетически обусловленным, как отмечает В. А. Бажанов, может быть положено в основу государственной политики. В этом случае подобные работы будут уже не просто попыткой подтвердить или опровергнуть научную гипотезу, а одним из элементов стратегий управления. Представители новых наук станут значимыми политическими акторами, поэтому может быть поставлен принципиально важный вопрос, который в статье В. А. Бажанова в явном виде отсутствует, о том, кто будет ответственен за принимаемые на основе этих научных данных политические и управленческие решения и последствия сделанного выбора.

Один из ответов предполагает, что за принятые решения должны отвечать профессиональные политики и управленцы, ведь именно они наделены подобными полномочиями. Ученые лишь предоставили данные, которые первые могли бы и не использовать или, если решились воспользоваться ими, должны были разработать механизмы согласования выработанной на их основе политики с интересами широких слоев населения. Подобный ответ позволяет избавиться от «политической» компоненты научных исследований. Ученые лишь изучают мир, а действуют другие. Даже если полученные результаты говорят об особенностях поведения индивидов, то политический или управленческий компонент появляется лишь в момент использования полученных данных. К примеру, отмечает исследователь положения прекариата Г. Стэндинг,

сингапурские ученые обнаружили, что люди с одной из версий гена HTR2A менее подвержены перепадам настроения и с большей вероятностью могут оказаться покладистыми работниками (Стэндинг, Усова, 2014: 241).

Он задается вопросами (Стэндинг, Усова, 2014: 241): «Каков же смысл этого прорывного исследования? Дать временным рабочим некий вариант НТТ₂A или избавиться от тех, кто его не имеет?» Исходя из концепции неотчетственности ученых за принимаемые в обществе управленческие решения и последствия использования полученных научных результатов, они не только не могут, но и не должны отвечать на подобные вопросы. Они лишь занимаются исследованиями, которые ценны своими результатами, а не тем, как они будут использованы. Этот подход позволяет просто вернуться к представлению о том, что развитие новых социально-биологических наук лишь дает возможность объяснить и предсказать поведение людей. Но, строго говоря, никакими политическими акторами ученые не являются, ведь создатель инструмента не несет ответственности за то, как он будет использован.

Ориентация на подобный ответ парадоксальным образом приводит к тому, что вновь восстанавливается разделение на «Природу» и «Общество», которые не могут быть сведены друг к другу, хотя сама задача социально-биологических наук заключается в том, чтобы элиминировать это различие. Это подразумевает, что наши знания о «Природе», конечно же, могут быть использованы в процессе управления «Обществом», но при этом сами по себе знания не должны автоматически вести к принятию управленческих и политических решений. Они лишь сообщают информацию о «Природе», а вот их использование в «Обществе» — это совершенно другая задача. Последнее живет по своим законам, и поэтому эти данные можно учитывать, а можно и проигнорировать, ведь необходимо не просто ориентироваться на знания о «Природе», но и исходить из общественных реалий. Получается, что выработка и реализация политических и управленческих решений требует каких-то иных подходов — социально-гуманитарных. При этом предположение о том, что именно политики и управленцы ответственны за принимаемые решения, формирует представление о них как об особой группе. Они оказываются выведенными за пределы действия открытых учеными закономерностей, способными непредвзято оценить последствия принимаемых решений, даже если эти решения затрагивают их собственное поведение и касаются, например, их собственных генов. Когда они занимают позиции политиков и управленцев, генетический компонент как будто играет для них второстепенную роль. Подобные утверждения кажутся достаточно странными, ведь мы вряд ли можем

предположить, что в процессе принятия политических и управленческих решений они могут каким-то «волшебным образом» управлять работой своего собственного организма.

При этом сама задача социально-биологических наук связана как раз с устранением непреодолимого разрыва между «Природой» и «Обществом». Например, в генополитике гены — это не просто дискретные носители информации о наследственности, а фактор, влияющий на политический выбор как отдельного человека, так и различных групп людей. Они формируют их политические предпочтения. В своих работах ученые дают возможность «говорить» генам вместо людей и таким образом вмешиваться в политические и управленческие процессы. Давая им «голос», они делают «Природу» частью «Общества», а «Общество» частью «Природы», превращая политику не только в политику людей, но и в политику «Природы» (Латур, Блинов, 2018).

Подобные рассуждения показывают, что устранение разрыва между «Природой» и «Обществом» может приводить и к исчезновению разрыва между наукой и политикой. Сам выбор объекта и предмета исследования становится политическим выбором. Направляя усилия на работы, связанные с выявлением особенностей людей, отличающихся, например, конформистскими или неконформистскими воззрениями, ученые могут способствовать их обнаружению и использованию информации о них в различных целях. Каждый новый результат социально-биологических наук, сообщая нам новое о человеке и давая возможность на основе некоторых биологических маркеров делать предсказания о его поведении, может заново перестраивать поле политической борьбы. Конечно же, это кардинальным образом меняет наши представления о роли ученых в обществе. В этом случае исследователи, работающие в области формирующихся социально-биологических наук, не могут рассматриваться просто как ученые, стремящиеся к познанию мира. Даже если сами они думают о себе как о «незаинтересованных» исследователях, их работы пронизаны политическим смыслом и самим фактом своего существования меняют распределение сил в поле политического. Знание становится силой, которая одним своим существованием может привести к разнообразным политическим и управленческим решениям, поэтому ученые должны быть готовы к восприятию собственных исследований как обладающих особой политической значимостью. Научные данные могут быть не просто подвергнуты критике, а использованы для конструирования элементов новой общественной структуры. Времена науки, существовавшей в «башне из слоновой кости», прошли.

Все это позволяет согласиться с одним из выводов статьи В. А. Бажанова о том, что использование результатов исследований в области биологических и когнитивных наук, возможно, позволит сделать более рациональным принятие управленческих решений. Однако не стоит забывать и о том, что принятие решений на основе этих исследований, вероятно, вызовет общественное непонимание. Вряд ли можно предполагать, что человек ответственен за свои гены, но ведь именно информация о них, должно быть, станет важной в процессе принятия решений. Именно поэтому, основываясь на использовании научных результатов, совсем не стоит забывать о «здоровом смысле» и стандартных социальных и экономических подходах к принятию социально-экономических и политических решений.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* Политическая биология как феномен постгеномной эры // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 2.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995.
- Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Н. Блинова. — М. : Ад Маргинем, 2018.
- Стэндинг Г.* Прекариат : новый опасный класс / пер. с англ. Н. Г. Усовой. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Alford J., Funk C. L., Hibbing J. R.* Are Political Orientations Genetically Transmitted? // American Political Science Review. — 2005. — Vol. 99, no. 2. — P. 153–167.
- Fernández Pinto M.* Economics Imperialism in Social Epistemology : A Critical Assessment // Philosophy of the Social Science. — 2016. — Vol. 46, no. 5. — P. 443–472.
- Lewontin R. C.* Sociobiology : Another Biological Determinism // International Journal of Health Services. — 1980. — Vol. 10, no. 3. — P. 347–363.
- Spence C.* Neuroscience-Inspired Design : From Academic Neuromarketing to Commercially Relevant Research // Organizational Research Methods. — 2019. — Vol. 22, no. 1. — P. 275–298.
- Wajzer M.* Genopolitics : Introductory Remarks // Interdisciplinary Science Reviews. — 2020. — Vol. 45, no. 4. — P. 508–524.

Maslanov, Ye. V. 2022. "Ob osobennostyakh biologicheskogo ob'yasneniya politicheskikh yavleniy [On the Features of the Biological Explanation of Political Phenomena]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 325–333.

YEVGENIY MASLANOV

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-6403-8003

ON THE FEATURES OF THE BIOLOGICAL EXPLANATION OF POLITICAL PHENOMENA

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-325-333.

REFERENCES

- Alford, J., C. L. Funk, and J. R. Hibbing. 2005. "Are Political Orientations Genetically Transmitted?" *American Political Science Review* 99 (2): 153–167.
- Bazhanov, V. A. 2022. "Politicheskaya biologiya kak fenomen postgenomnoy ery [Political Biology as a Phenomenon of the Post-Genomic Era]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2).
- Durkheim, É. 1995. *Sotsiologiya. Yeye predmet, metod, prednaznachenije [Les Règles de la méthode sociologique]* [in Russian]. Trans. from the French by A. B. Gofman. Moskva [Moscow]: Kanon.
- Fernández Pinto, M. 2016. "Economics Imperialism in Social Epistemology: A Critical Assessment." *Philosophy of the Social Science* 46 (5): 443–472.
- Foucault, M. 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Latour, B. 2018. *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. N. Blinov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Lewontin, R. C. 1980. "Sociobiology: Another Biological Determinism." *International Journal of Health Services* 10 (3): 347–363.
- Spence, C. 2019. "Neuroscience-Inspired Design: From Academic Neuromarketing to Commercially Relevant Research." *Organizational Research Methods* 22 (1): 275–298.
- Standing, G. 2014. *Prekariat [The Precariat. The New Dangerous Class]: novyy opasnyy klass* [in Russian]. Trans. from the English by N. G. Usova. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Wajzer, M. 2020. "Genopolitics: Introductory Remarks." *Interdisciplinary Science Reviews* 45 (4): 508–524.

СВЕТЛАНА ШИВАРШИНА*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЭПИГЕНЕТИКИ)**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-334-345.

В своей статье В. А. Бажанов предлагает осмысление ряда вопросов, связанных со становлением политической биологии и развитием эпигенетических исследований, а также с проблемой взаимодействий и пересечений между социальными науками и науками о живом (Бажанов, 2022). Рассматриваемые вопросы увязываются с проблемой науки и политики, и совершенно не случайно. Обсуждаемый В. А. Бажановым случай эпигенетики приводит нас к анализу влияния применения научного знания в общественной сфере на практическую политику (эпигенетика — потенциальный инструмент биокультурного соконструктивизма).

К настоящему моменту накоплено множество исследований роли эпигенома как своего рода «биологического интерфейса», через который воплощаются социальные условия, биографические реалии и различные воздействия окружающей среды. В этом отношении эпигенетика представляет собой набор знаний, который обещает объяснить «молекулярный канал», связывающий среду и условия жизни человека с его базовым биологическим функционированием. Эпигенетика претендует на объяснение «давних вопросов о взаимосвязи социальных условий и здоровья на протяжении всей жизни» (Chiappertino, 2018: 50). Впечатляющие и одновременно дискуссионные результаты в этой

*Шибаршина Светлана Викторовна, к. филос. н., исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), svet.shib@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6741-8909.

**© Шибаршина, С. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

области подчеркивают возможность передачи черт, эпигенетически приобретенных в течение жизни, нескольким поколениям (Daxinger, Whitelaw, 2010).

Как же может эпигенетика, собственно, оказывать влияние на политику? В. А. Бажанов отмечает переориентацию экономической политики рынков на выпуск и рекламу новых продуктов, задействующих якобы практически ориентированные достижения эпигенетики; использование эпигенетических маркеров при исследовании беженцев и людей, претендующих на статус жертв политических репрессий, а также при формировании политики государства по отношению к гражданам, страдающим избыточным весом, и т. д.

Данная статья нацелена на расширение угла зрения при рассмотрении данной проблемы. Для этого сформулируем несколько вопросов и попытаемся ответить на них. Во-первых, ставит ли перед нами эпигенетика какую-либо «исключительную проблему» по сравнению с генетикой? Во-вторых, способно ли эпигенетическое научное знание прямо или опосредованно формировать и навязывать какие-либо предписания для отдельных граждан либо социальных групп? В-третьих, каковы религиозные, утилитарные и философские аргументы (типология Ф. Фукуямы (Фукуяма, Левина, 2004)) за и против использования эпигенетических маркеров при принятии социально-политических решений? В-четвертых, какова может быть роль в этом широкой общественности и как вообще освещаются достижения эпигенетики в публичном пространстве?

ПОРОЖДАЕТ ЛИ ЭПИГЕНЕТИКА НОВЫЕ РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ?

Начнем свое рассмотрение с вопроса о том, является ли эпигенетика неким исключительным случаем. Ряд ученых, подобных проинтервьюированному К. Толвински (исследователем науки и технологий), настаивает на том, что это «та же генетика», поскольку сама возможность существования эпигенетических маркеров «контролируется генетикой» (Tolwinski, 2013: 375). Другие возражают, что эпигенетика все-таки является частью постгеномного парадигмального сдвига и что «среда оказывает весьма существенное влияние на биологию» (Gilles, 2016). Лично нам ближе более взвешенная, на наш взгляд, позиция тех, кто полагает, что генетика и эпигенетика — различные, но взаимодополняющие подходы (Kirkpatrick, 2016):

Чисто генетические исследования распространенных заболеваний, игнорирующие эпигенетику, ограничены в своей убедительности, и, наоборот, чисто эпигенетические исследования [...] также являются неполными.

По крайней мере, та стадия развития, на которой находится эпигенетика, вряд ли позволяет однозначно заявлять о революционной смене парадигмы.

Как бы то ни было, эпигенетические исследования заставляют научное сообщество беспокоиться и о различного рода последствиях их потенциального применения. С одной стороны, эпигенетика, по мнению ряда исследователей, не ставит «новых этических проблем сверх тех, которые обсуждались в связи с генетикой» (Chadwick, O'Connor, 2013: 469); с другой же — усложняет и усиливает правовые, этические и прочие проблемы, имеющие отношение к генетике (Chiapperino, 2018: 51). В частности, эпигенетические данные усиливают этические опасения по поводу рисков нарушения неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности личной информации, связанной со здоровьем, образом жизни (например, потреблением алкоголя и табака), с такими физическими характеристиками, как возраст (например, идентификация человека, которому принадлежат образцы, обнаруженные на месте преступления) и т. д. (ibid.: 51–52; Philibert et al., 2014: 28). Подобной конфиденциальной информацией помимо различных злоумышленников могут воспользоваться страховые компании (к примеру, чтобы по эпигенетическим маркерам различать никогда не куривших, бывших или нынешних курильщиков) и работодатели (например, для установления предрасположенности сотрудника к болезни); эпигенетические факторы потенциально могут быть использованы в судебно-медицинских целях (Rothstein, 2013: 733–766; Chiapperino, 2018: 52) и т. д.

Кроме того, открытия эпигенетики и их продвижение способны воздействовать на социальную политику в муниципальной сфере. Например, политика городских муниципалитетов может существенно повлиять на модифицируемые метаболические факторы при проведении политики рационального общественного питания, развитии массового спорта, создании рекреационных зон, снижении чрезмерной интенсивности городского трафика, решении экологических проблем (Камынина, Чернущ, 2020). Как показывают Л. Л. Камынина и Н. П. Чернущ, это может быть связано со стратегией устранения на государственном и муниципальном

уровне факторов риска развития и прогрессирования «городских болезней», в частности сахарного диабета 2 типа (СД₂), среди городских жителей (Камынина, Чернусь, 2020: 77).

Все это звучит довольно заманчиво, однако, как уже упомянуто выше, не без подводных камней. Именно благодаря знанию о влиянии наших привычек на здоровье эпигенетика может стать удобной платформой для закрепления нормативных вариантов того, «что следует» делать в отношении своего здоровья, то есть для навязывания тех или иных предписаний. Ряд исследователей предупреждают о том, что молекулярная количественная оценка влияния образа жизни на наше здоровье может изменить степень в соотношении индивидуальной vs коллективной ответственности за здоровье (Hedlund, 2012: 178) или, по крайней мере, составить доказательную базу для принуждения людей «что-то делать» в области поддержания здоровья (Chadwick, O'Connor, 2013: 464).

Собственно, о проблеме здоровья также говорит В. А. Бажанов, рассматривая вопрос политической трактовки ожирения. Добавим, что среди различных способов профилактики ожирения на государственном уровне известны примеры финансового поощрения (например, конкурс по похудению и поощрение в виде золота в ОАЭ) либо ограничений и санкций (например, «метабо-закон» в Японии, «осуждающий» лишние сантиметры на талии).

Более того, здесь речь может идти не только о здоровье самого индивида, но и о расширении его обязательств как будущего родителя. Причем это может коснуться необходимости вести здоровый образ жизни не только на момент планирования деторождения, но и гораздо раньше — с юности, например. Таким образом, перспектива эпигенетических исследований может стать долгосрочным предписанием для потенциальных будущих родителей (Juengst et al., 2014). Хотя мы не зайдем настолько далеко, чтобы говорить о «детородном разрешении» в будущем, все же приходится отмечать, что эпигенетика потенциально способна дать этому научное обоснование.

Если подобные предписания все же станут обязательными, это может особенно задеть людей низкого социально-экономического статуса (Chiarrarino, 2018: 55), которые просто не смогут, особенно резко, изменить образ жизни. И без того страдая от социальной несправедливости, они могут получить дополнительный пресс «социальной вины». Не говоря уже о тех, кто живет в продовольственных «пустынях», в экологически неблагоприятных регионах (Juengst et al., 2014) и т. д. С другой

стороны, эпигенетика может количественно оценить вред, причиняемый неравенством в отношении здоровья в результате определенного социально-экономического положения того или иного индивида, и, соответственно, позволить разработать стратегии профилактики некоторых рисков. Это потенциально позволит усилить социальную политику, направленную на повышение уровня жизни и улучшение здоровья.

Эпигенетика, таким образом, *не ставит принципиально новых проблем*, а скорее *усиливает имеющиеся* и вмешивается в рамки и установленные категории, используемые для решения вопросов социальной справедливости в здравоохранении (Chiapperino, 2018: 56).

ЭПИГЕНЕТИКА И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Рассматривая различные возражения против генетической инженерии, Ф. Фукуяма объединяет их в три группы: основанные на (1) религиозных, (2) утилитарных и (3) философских соображениях (Фукуяма, Левина, 2004: 128–129). Попробуем применить данную типологию к эпигенетике, одновременно предлагая контраргументы.

По поводу первой группы заметим, что если религиозные протесты против генного инжиниринга выражены явно, то эпигенетика как раз может стать своего рода мостиком, неким компромиссом между наукой и религией в отношении проблемы трансформации природы человека; она смягчает генный детерминизм. Доктор К. Карлсон, профессор Колледжа Святой Троицы, к примеру, отмечает положительное и рациональное зерно этого направления. По его мнению, «урок» эпигенетики — в том, что она подчеркивает значимость нашего свободного выбора, правильных решений и действий, а это, в свою очередь, соотносится с христианством, утверждающим наличие у человека свободы воли (Carlson, 2014). То есть пока о непримиримой борьбе религии и эпигенетики речи, скорее всего, не идет.

Утилитарные возражения против использования эпигенетики, скажем, в социальной политике могут быть связаны, например, с необходимостью создания городской инфраструктуры и других условий для формирования среды, поощряющей здоровые привычки, что, соответственно, затратно. С другой стороны, если та или иная система здравоохранения не накладывает исключительно личную ответственность на индивида за заболевания, связанные с ожирением, и, более того, выделяет существенные средства для их лечения, случай эпигенетики предстает в ином свете. То есть здесь приходится говорить о господствующей идеологической подоплеке (в случае США — о консервативной vs.

либеральной политической трактовке ожирения). Хотя это еще вопрос, насколько дешевле развитие health-friendly инфраструктуры и стабильная социальная политика, направленная на улучшение качества жизни и повышение здоровья, по сравнению с лечением, которое останется в любом случае. Здесь речь пойдет, видимо, о соображениях не только экономического, но и более тонкого характера.

Что же касается философских возражений, то одно из них основано на рассмотренных выше рисках эпигенетики. Если достижения последней станут научным обоснованием для ограничения прав и возможностей индивида / социальной группы, то мы сталкиваемся с уже известными этическими дилеммами. В частности, чьи права важнее с этической точки зрения — будущего родителя или его потенциального потомства? (Сразу оговоримся, что лично автор статьи предпочитает второй вариант.)

Вообще, эпигенетика становится еще одним прецедентом, позволяющим в очередной раз пересмотреть вопрос о том, насколько «нейтрально» научное знание, всегда ли его приумножение означает увеличение общественной полезности и представляет ли оно моральную ценность само по себе.

С точки зрения «этического индивидуализма» «каждая индивидуальная жизнь должна быть успешной, а не напрасной» (Фукуяма, Левина, 2004: 154). Подобная мотивация может способствовать широкому внедрению эпигенетики в общественную практику. Здесь вспоминается кантианская идея о том, что цель людей — развиваться как свободные существа, независимые от предрассудков и заблуждений догматического невежества, развивать свою рациональность.

В определенном смысле можно сказать, что этот призыв находит своеобразный отклик в направлениях, подобных трансгуманизму. Один из радикальных его вариантов представлен в техно-утопическом романе Золтана Иштвана «Пари трансгуманистов» (2013). Здесь «этический индивидуализм» развит до крайности, а достижения науки и технологий приветствуются и внедряются без каких-либо общественных дебатов — наоборот, запрещено запрещать инновации. Что касается проблемы ожирения, глобальное государство Трансгумании проводит политику денежного поощрения фитнеса и здорового образа жизни, а также продвигает твердую общественную позицию, согласно которой «ожирение и отсутствие физической активности, когда это можно было предотвратить, достойно презрения» (Istvan, 2013: 223). Таким образом, тем,

кто не вписывается в данную «нормальность», навязывается давление «социальной вины», а «нормальные» граждане финансово поощряются.

Более того, успешность индивидуальной жизни и освобождение от догматического невежества прямо вменяются гражданам Трансгумании. Главный герой романа, лидер Трансгумании, полагает, что достойны существования только те «рациональные индивиды», в которых выражено стремление к рациональному самосовершенствованию (или «воля к эволюции») (Istvan, 2013: 60). Очевидно, что подобные крайности должны быть чужды открытому демократическому обществу с его концепцией эгалитаризма и свободы выбора, будь то сбалансированное питание или бесконтрольное поедание фаст-фуда. Однако заложенные в западной цивилизации индивидуализм и стремление к рационализации способны породить и противоположную тенденцию к навязыванию некоего «правильного видения» того, какой должна быть социально-политическая жизнь, например, основанной на науке и технологиях, сциентистском мировоззрении и трансгуманистической идеологии, как в техно-утопии Иштвана.

Как представляется, сложность эпигеномного программирования здоровья предполагает важность не только экспертных оценок, но и публичной экспертизы, в том числе для оправдания моральной убедительности вмешательств, основанных на эпигенетических знаниях.

ЭПИГЕНЕТИКА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Политические решения, основанные на эпигенетике, как было сказано ранее, требуют участия общественности, по крайней мере ее представителей, в обсуждениях и оценке допустимости использования эпигенетических маркеров в социально-политическом контексте. Здесь же возникает и другой вопрос: какими принципами руководствоваться — принципом предосторожности (со всей ответственностью принимать во внимание риск наиболее опасного из возможных вариантов развития событий) либо принципом проактивности (трансформацией рисков в возможности, восприятием процесса апробации технологии в качестве своего рода эксперимента в реальных полевых условиях)?

Одна из трактовок предосторожности связана с тем, что технология считается «виновной до тех пор, пока не будет доказана ее невиновность» (Briggle, 2015). И одно из очевидных ее ограничений — в том, что, поскольку неизвестны все потенциальные риски и не существует способа доказательства полной «невиновности» той или иной технологии, придется отложить ее внедрение на неопределенный срок.

Представляется сомнительным, что к эпигенетике, не требующей радикальных вмешательств в биологическую природу человека, будет применен принцип предосторожности. Более вероятен, на наш взгляд, вариант проактивности.

Здесь окажется важной и позиция самих научных сообществ. Понятно, что власть и бизнес для оценки научных достижений обращаются, прежде всего, к экспертам, которые «как раз и переводят результаты исследований в те или иные области употребления», выступая «в качестве маклеров», доводящих «научные знания до своих клиентов и широкой общественности» (Grundmann, Stehr, 2009:). Эксперты с междисциплинарными компетенциями, соединяющими естественнонаучную перспективу с социальной-гуманитарной, возможно, могли бы стать медиаторами между представителями власти, бизнеса и науки, способствующими компромиссу между различными стилями мышления. Научный стиль с его ориентацией на истину, на принятие важных решений, исходя из большого объема информации и систематического сравнения доступных альтернатив действия, а также (в идеале) выбор наилучшего из доступного знания (рационалистический подход по Линдблomu (Lindblom, 1959: 79)) неизбежно столкнется с прагматическими и утилитарными соображениями, связанными с тем, как принимаемые решения воспримет электорат (власть) / потребитель (бизнес).

Проблемы публичного обсуждения эпигенетики также связаны с тем, как, собственно, она освещается в публичном пространстве, включая масс-медиа, в каком свете подается широкой аудитории. В этом смысле примечательно исследование-мониторинг (за 2013–2017 гг.) (Dubois, Louvel, Le Goff, 2019) англоязычной публичной коммуникации в отношении эпигенетики и поисковых систем¹. Мониторинг показал, что в публичном пространстве в большинстве случаев эпигенетика противопоставляется генетике в качестве «новой» и «потенциально революционной» науки, «будущего» науки и т. п. Эпигеном описывается как «пространство изменений и личного совершенствования», а гены — как нечто «неподвижное и пассивное». Гены сравниваются с нотами, а эпигенетика — с дирижером и музыкантами. В то время как отношение к эпигенетике в научном сообществе неоднородно и ученые все еще

¹В данном случае исследовались Europresse (полнотекстовая база данных с широким выбором СМИ) и Google, причем в итоге были выбракованы научные публикации и отчеты, финансовые отчеты, пресс-релизы от исследовательских институций и т. п. — остались только источники, ориентированные на широкую аудиторию.

расходятся в своих мнениях относительно природы отношений между генетикой и эпигенетикой, публичный образ эпигенетики более гомогенен и ее связь с генетикой в основном изображается в духе оппозиции (Dubois, Louvel, Le Goff, 2019). Таким образом, публичное пространство словно бы подготавливается для рекламы достижений эпигенетики в политических и коммерческих целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные подходы к биосоциокультурному конструированию того существа, которое мы называем человеком, возвращают нас к проблеме евгеники, однако, по выражению Ф. Фукуямы, эта «евгеника окажется куда более мягкой и ненасильственной», а само это слово может потерять «свое традиционно пугающее значение» (Фукуяма, Левина, 2004: 126). В этом смысле свою роль может сыграть и эпигенетика, снимающая жесткий генный детерминизм и показывающая возможность более мягкого конструирования как социальной, так отчасти и биологической природы человека. Эпигенетика, по всей вероятности, не является чем-то кардинально отличным от генетики и порождает схожие этические, правовые и прочие проблемы, однако заостряет их и создает вокруг них дополнительные проблемные аспекты. Она обладает потенциалом к предоставлению научного обоснования для различных социально-политических решений, в том числе предписывающего характера, а ее исследовательские достижения нуждаются в более тщательном научно-экспертном и общественном обсуждении при внедрении в общественную практику.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* Политическая биология как феномен постгеномной эры // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 2.
- Камынина Л. Л., Чернусь Н. П.* Управление сахарным диабетом 2-го типа : влияние урбанизации // Здоровье мегаполиса. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 76–88.
- Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее : последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левиной. — М. : АСТ, 2004.
- Briggle A.* A Field Philosopher's Guide to Fracking : How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas. — New York : Liveright Publishing Corp, W. W. Norton & Company, 2015.
- Carlson C.* Epigenetics : Sign of the Fall or Reason for Hope? / thinkChristian. — 2014. — URL: <https://www.thinkchristian.net/epigenetics-sign-of-the-fall-or-reason-for-hope> (visited on Mar. 12, 2022).

- Chadwick R., O'Connor A.* Epigenetics and Personalized Medicine : Prospects and Ethical Issues // *Personalized Medicine*. — 2013. — Vol. 10, no. 5. — P. 463–471.
- Chiapperino L.* Epigenetics : Ethics, Politics, Biosociality // *British Medical Bulletin*. — 2018. — Vol. 128. — P. 49–60.
- Daxinger L., Whitelaw E.* Transgenerational Epigenetic Inheritance : More Questions than Answers // *Genome Research*. — 2010. — Vol. 20, no. 12. — P. 1623–1628.
- Dubois M., Lowel S., Le Goff A.* Epigenetics in the Public Sphere : Interdisciplinary Perspectives // *Environmental Epigenetics*. — 2019. — Vol. 5, no. 4. — P. 1–11.
- Gilles N.* Shifting the Genetic Paradigm with Epigenetics / AAAS. — 2016. — URL: <https://www.aaas.org/shifting-genetic-paradigm-epigeneticse> (visited on Mar. 7, 2022).
- Grundmann R., Stehr N.* The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- Hedlund M.* Epigenetic Responsibility // *Medicine Studies*. — 2012. — Vol. 3, no. 3. — P. 171–183.
- Istvan Z.* The Transhumanist Wager. — Lexington, Kentucky : Futurity Imagine Media, 2013.
- Juengst E. T., Fishman J. R., McGowan M. L.* Serving Epigenetics before Its Time // *Trends in Genetics*. — 2014. — Vol. 30, no. 10. — P. 427–429.
- Kirkpatrick B.* 3 Pioneering Epigenetic Labs Exploring the People and Discoveries that Transcend the Lab Walls / Whatisepigenetics. — 2016. — URL: <https://www.whatisepigenetics.com/3-pioneering-epigenetic-labs-exploring-the-people-and-discoveries-that-transcend-the-lab-walls> (visited on Mar. 7, 2022).
- Lindblom C. E.* The Science of Muddling Through // *Public Administration Review*. — 1959. — Vol. 19. — P. 79–88.
- Philibert R. A., Terry N., Erwin C.* Methylation Array Data Can Simultaneously Identify Individuals and Convey Protected Health Information // *Clinical Epigenetics*. — 2014. — Vol. 6.
- Rothstein M. A.* Epigenetic Exceptionalism // *Journal of Law, Medicine and Ethics*. — 2013. — Vol. 41, no. 3. — P. 733–736.
- Tolwinski K.* A New Genetics or an Epiphenomenon? Variations in the Discourse of Epigenetic Researchers // *New Genetics and Society*. — 2013. — Vol. 32, no. 4. — P. 366–384.

Shibarshina, S. V. 2022. "Sotsial'no-politicheskaya vlast' nauki i tekhnologiy (na primere epigenetiki) [Social-Political Power of Science and Technology: A Case of Epigenetics]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 6 (2), 334–345.

SVETLANA SHIBARSHINA

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-6741-8909

SOCIAL-POLITICAL POWER OF SCIENCE AND TECHNOLOGY: A CASE OF EPIGENETICS

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-334-345.

REFERENCES

- Bazhanov, V. A. 2022. "Politicheskaya biologiya kak fenomen postgenomnoy ery [Political Biology as a Phenomenon of the Post-Genomic Era]" [in Russian]. *Filosofiya* [Philosophy]: *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics] 6 (2).
- Briggie, A. 2015. *A Field Philosopher's Guide to Fracking: How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas*. New York: Liveright Publishing Corp, W. W. Norton & Company.
- Carlson, C. 2014. "Epigenetics: Sign of the Fall or Reason for Hope?" thinkChristian. Accessed Mar. 12, 2022. <https://www.thinkchristian.net/epigenetics-sign-of-the-fall-or-reason-for-hope>.
- Chadwick, R., and A. O'Connor. 2013. "Epigenetics and Personalized Medicine: Prospects and Ethical Issues." *Personalized Medicine* 10 (5): 463–471.
- Chiapperino, L. 2018. "Epigenetics: Ethics, Politics, Biosociality." *British Medical Bulletin* 128:49–60.
- Daxinger, L., and E. Whitelaw. 2010. "Transgenerational Epigenetic Inheritance: More Questions than Answers." *Genome Research* 20 (12): 1623–1628.
- Dubois, M., S. Louvel, and A. Le Goff. 2019. "Epigenetics in the Public Sphere: Interdisciplinary Perspectives." *Environmental Epigenetics* 5 (4): 1–11.
- Fukuyama, F. 2004. *Nashe postchelovecheskoye budushcheye* [Our Posthuman Future]: *posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Consequences of the Biotechnology Revolution] [in Russian]. Trans. from the English by M. B. Levina. Moskva [Moscow]: AST.
- Gilles, N. 2016. "Shifting the Genetic Paradigm with Epigenetics." AAAS. Accessed Mar. 7, 2022. <https://www.aaas.org/shifting-genetic-paradigm-epigeneticse>.
- Grundmann, R., and N. Stehr. 2009. *The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hedlund, M. 2012. "Epigenetic Responsibility." *Medicine Studies* 3 (3): 171–183.
- Istvan, Z. 2013. *The Transhumanist Wager*. Lexington, Kentucky: Futurity Imagine Media.
- Juengst, E. T., J. R. Fishman, and M. L. McGowan. 2014. "Serving Epigenetics before Its Time." *Trends in Genetics* 30 (10): 427–429.
- Kamylnina, L. L., and N. P. Chernus'. 2020. "Upravleniye sakharnym diabetom 2-go tipa [Managing Type 2 Diabetes Mellitus]: vliyaniye urbanizatsii [The Impact of Urbanization]" [in Russian]. *Zdorov'ye megapolisa* [The Health of Megapolis] 2 (1): 76–88.
- Kirkpatrick, B. 2016. "3 Pioneering Epigenetic Labs Exploring the People and Discoveries that Transcend the Lab Walls." Whatisepigenetics. Accessed Mar. 7, 2022. <https://www.whatisep>

igenetics.com/3-pioneering-epigenetic-labs-exploring-the-people-and-discoveries-that-transcend-the-lab-walls.

Lindblom, C. E. 1959. "The Science of Muddling Through." *Public Administration Review* 19:79–88.

Philibert, R. A., N. Terry, and C. Erwin. 2014. "Methylation Array Data Can Simultaneously Identify Individuals and Convey Protected Health Information." *Clinical Epigenetics* 6.

Rothstein, M. A. 2013. "Epigenetic Exceptionalism." *Journal of Law, Medicine and Ethics* 41 (3): 733–736.

Tolwinski, K. 2013. "A New Genetics or an Epiphenomenon? Variations in the Discourse of Epigenetic Researchers." *New Genetics and Society* 32 (4): 366–384.

ВАЛЕНТИН БАЖАНОВ*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ В ОПТИКЕ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИИ

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-346-352.

Политическая биология лишь сравнительно недавно появилась на научном горизонте и поэтому, как и все новое, требует осмысления и квалифицированной оценки перспектив развития и возможных приложений под различными углами зрения. В прошедшей дискуссии была предпринята попытка гуманитарной экспертизы новой дисциплины.

Едва ли не все участники дискуссии были согласны в том, что понятие «политическая биология» в значительной степени носит метафорический характер, что эвристический потенциал нового направления довольно значителен в силу стратегической цели — своего рода синтеза (или, во всяком случае, сближения) концептуального содержания «наук о Природе» и «наук об Обществе». Он обозначает целый спектр нетривиальных проблем и, с точки зрения внешнего наблюдателя, выражается в диффузии смыслов новых представлений, обещающих сгенерировать оригинальные подходы к комплексу давно известных задач, постановка которых претерпевает определенную модификацию; также и ранее знакомые объекты предстают в новом свете. Напрашивается мнение, что генетика и эпигенетика в определенном смысле, как верно замечает Л. А. Тухватулина, взаимодополнительны (Тухватулина, 2022). В свое время становление генетики явилось революцией в биологии. По аналогии можно, наверное, утверждать, что оформление

*Бажанов Валентин Александрович, д. филос. н., профессор; исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), vbazhanov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0336-9570.

**© Бажанов, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФН проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

эпигенетики в качестве самостоятельного и самоценного направления исследований может рассматриваться если не как полноценная революция, как считают, например, Н. Кэри (Carey, 2012), М. Мелони и Дж. Теста (Meloni, Testa, 2014), то, во всяком случае, как микрореволюция, существенным образом расширяющая наши представления о роли социума и культуры в механизмах формирования фенотипа и межпоколенческого наследования.

Не думаю, что претензия эпигенетики на отказ от геноцентризма способна вызвать лишь поверхностную по своей сути ассоциацию с отказом Коперника от геоцентризма в пользу гелиоцентризма, как полагает Е. А. Жарков (Жарков, 2022), хотя такого рода ассоциации действительно усиливают убеждение в наличии элементов метафоричности в использовании понятия политической биологии. Такого рода ситуации довольно часто встречались в истории науки и техники, и они нередко играли важную роль в утверждении новых научных направлений. Статистическая механика, химическая физика, политическая психология — это лишь несколько примеров, когда, казалось бы, «совместились» «несовместимые» по своему генезису и статусу научные дисциплины. В периоды своего становления такого рода понятия также могли восприниматься в качестве метафор. Несведущий человек может задаться вопросами о том, как механика, неявно предполагающая принцип жесткого (лапласовского) детерминизма, сопрягается со статистикой, подразумевающей вероятностный детерминизм; как такая традиционно самостоятельная дисциплина, как химия, способна на синтез с физикой, тогда как обе науки в качестве предмета изучения имеют качественно различные структурные уровни материального мира; как политика, всегда держащая в фокусе внимания массовые явления, может объединиться с психологией, сосредоточенной, вообще говоря, на особенностях личности и ее восприятия?

Эпигенетика в настоящее время переживает период младенчества. Когда она достигнет пубертатного периода, а то и зрелого возраста, то пелена метафоричности спадет и это направление развития науки не будет восприниматься в понятиях, которые ныне претендуют на метафоричность. Тем более что уже сейчас допустима оценка, которая использована Е. А. Жарковым (там же) и относится к тому, что научные устремления эпигенетики могут характеризоваться и как «фронтир», и как ответ на серьезный «вызов» со стороны и медицины, и совокупности социально-экономических исследований, причем ориентированных на решение прикладных задач.

Позволено ли нам относить эпигенетику к формам проявления «эпистемологического империализма»? Вопрос, поставленный Л. А. Тухватулиной (Тухватулина, 2022), безусловно интересный и, думается, открытый, поскольку содержание понятия «эпистемологический империализм» во многом еще не определено сколько-нибудь однозначно. В любом случае, как мне кажется, в склонности к «эпистемологическому империализму» может быть обвинена едва ли не каждая наука, поскольку достижение истины является ее приоритетной задачей *par excellence*. Кроме того, любые попытки достижения объективной истины и обозначения границ применимости наших теорий и научных представлений можно трактовать как проявления «эпистемологического империализма». Оттенок «агрессивности» последнего понятия не должен смущать добропорядочных исследователей («испытателей Природы», как когда-то было принято выражаться).

Нельзя не обратить внимания на замечание В. Н. Поруса о том, что возможность слишком плотного следования новейшим достижениям политической биологии чревата не столько «оптимизацией» политического климата в некотором регионе, сколько обратным — его ухудшением (Порус, 2022). Владимир Натанович ставит очень важную проблему, которая касается перспектив применения каких-то научных достижений в не всегда благовидных политических целях. Действительно, такая опасность существует. Более того, она неоднократно была реализована. Речь идет не только об атомном оружии, но и о химическом и биологическом оружии. Проблема в данном случае заключается не только и не столько в самом праве использования такого рода научных и технологических разработок, но и, прежде всего, в характере правоприменения, которое имеется у политических властей. Мне кажется, что вопросы правоприменения достижений науки и техники хотя и попадают в поле зрения политической философии науки, но выходят за границы ее компетенции ввиду отсутствия у науки, так сказать, полноценной политической субъектности. Хотя Е. В. Масланов (Масланов, 2022) и высказывает мысль о том, что устранение разрыва между «Природой» и «Обществом», вообще говоря, может приводить и к возможному исчезновению разрыва между наукой и политикой, а сам выбор объекта и предмета исследования становится политическим выбором, но данная ситуация довольно типична для характера взаимоотношений общества, государства и науки: неизбежные и актуальные запросы со стороны и общества, и государства часто стимулируют научные изыскания и придают им особую ценность, поскольку позволяют

решать какие-то наболевшие вопросы общественной жизни. В этом смысле не стоит, как допускает Е. В. Масланов, волноваться по поводу возможности государства на фундаменте научного прогресса конструировать новые общественные структуры. Оно всегда этим занималось и будет заниматься в силу самой природы политической власти.

Наконец, хотя я и разделяю опасения по поводу возможностей нарушения конфиденциальности частной жизни, высказанные С. В. Шибаршиной (Шибаршина, 2022), должен заметить, что такого рода процесс уже запущен и вряд ли может быть остановлен. Благодаря использованию Интернета, социальных сетей, да и просто сотового телефона мы оказываемся как бы под микроскопом, который четко отслеживает наши интересы, вкусы, круг общения и т. п. и затем формирует строго адресную (и часто навязчивую) рекламу, предлагая друзей и темы для публичного обсуждения, погружая нас в своего рода «эхо-пузырь», сформированный нашими персональными особенностями, и вынося на авансцену социальных настроений явление постправды. Эпигенетика способна лишь несколько расширить диапазон отслеживания. Она в чем-то аналогична условиям регулярной медицинской диспансеризации, которая призвана выявить какие-то патологические нарушения в начальном периоде и к которой уже успели привыкнуть.

Рискну предположить, что любое политическое решение склонно не только упрощать ситуацию, но часто и перелицовывать научные истины в формы, благодаря которым власть намерена нарастить свой авторитет. Кстати, для роста популярности власти вовсе не обязательно опираться на науку — здесь подойдут и «достижения» псевдонауки, как это, например, случилось с объявлением угрозы создания «биооружия» на основе работы с генами определенных народов, что принципиально невозможно (Кунин, 2022).

Какие перипетии ни испытывала бы эпигенетика в будущем, безусловно, следует согласиться со мнением, что получаемые в ней результаты должны быть окружены, как справедливо заметили Е. В. Масланов и Л. А. Тухватулина (Масланов, 2022; Тухватулина, 2022), защитным поясом социально-гуманитарной экспертизы ввиду того обстоятельства, что они могут напрямую затрагивать интересы и определять судьбы сотен и тысяч людей, более того — даже нескольких поколений. И вот здесь возникает целое семейство острых проблем, по которым участники дискуссии не нашли общезначимых ответов. В этом ничего удивительного на самом деле нет, поскольку и предмет эпигенетики (не говоря уже о предметах эпиполитики или генополитики) далеко не в полной мере

осмыслен и ее методы, призванные сблизить биологию и социальные науки, и приложения, некоторые из которых непосредственно касаются поиска важнейших по своей сути политических решений, — все это находится только на стадии становления и кристаллизации стержневых представлений.

Открытыми остаются следующие вопросы:

- (1) В какой мере отход от геноцентризма в эпигенетике можно связать с отходом от буквально понимаемого биологического редукционизма?
- (2) Можно ли считать государственную политику, нацеленную на самое широкое утверждение установок здорового образа жизни для населения вообще и конкретной личности в частности, деформацией (или даже попранием) их естественных прав и свобод, гарантированных конституционными положениями?
- (3) Как соотносятся индивидуальная и коллективная формы ответственности родителей за здоровье и благополучие будущих детей, грядущих поколений, особенно в случае людей с низким социально-экономическим статусом? (Имеется в виду тот факт, что конкретный человек не отвечает за те гены, которые переданы ему родителями, возможно пренебрегавшими здоровым образом жизни или сами получившими не лучшую наследственность.)
- (4) В какой степени допустимы методы коррекции генофонда человека и следует ли их интерпретировать как лечение или только профилактику возможных негативных проявлений?
- (5) Каковы могут быть правовые оценки и последствия применения эпигенетических маркеров при выборе личности определенной профессии и/или претензии на какую-то должность?
- (6) Можно ли считать компромиссом между религиозным и научным сознанием факт ослабления генетического детерминизма? Как могут отнестись различные конфессии к процедурам коррекции генофонда?

Наконец, last but not least:

- (7) Может и должно ли научное сообщество, работающее в сфере фундаментальных и прикладных эпигенетических исследований, оставаться политически нейтральным по отношению к разного рода важным для общества вообще и конкретной личности в частности политическим решениям, которые могут затронуть интересы и благополучие каждого члена общества? Или оно жизненно заинтересовано в оптимизации политического климата и отсечении от

вертикали власти лиц, потенциально психически неуравновешенных и / или страдающих необратимыми психическими аномалиями, которые могут оказаться судьбоносными в смысле принятия ими решений?

Достаточно вспомнить, например, эпоху сталинских репрессий, тяжесть последствий которой наше общество в полной мере испытывает по сей день. Мы помним о вероятном диагнозе «вождю народов» академика В. М. Бехтерева, который оказался для него роковым: выдающийся отечественный ученый, будучи накануне осмотра в прекрасном физическом состоянии и расположении духа, ушел из жизни спустя несколько дней после этой процедуры (Аршавский, 2022: 11).

Таким образом, утверждать абсолютную политическую нейтральность научного сообщества и тем более настаивать на таковой — это значит обрекать его на крайне рискованное существование в «золотой клетке» и небрежение как собственной судьбой, так и судьбой народа, из которого оно происходит и которому призвано приносить пользу.

Все указанные выше вопросы — а их список, безусловно, можно легко расширить — еще ждут своих ответов и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Аршавский Ю. Тайна смерти Владимира Бехтерева // Троицкий вариант. — 2022. — Т. 350, № 6. — С. 11.
- Жарков Е. In vitro и in vivo эпигенетического вызова // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 3.
- Кулин Е. Наука — не магия // Троицкий вариант. — 2022. — Т. 350, № 5. — С. 10.
- Масланов Е. В. Об особенностях биологического объяснения политических явлений // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 3.
- Порус В. Н. Перспективы «политической биологии» : есть ли основания для осторожного оптимизма? // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 3.
- Тухватуллина Л. А. «Эпиполитика» как угроза политике // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 3.
- Шибаршина С. В. Социально-политическая власть науки и технологий (на примере эпигенетики) // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 3.
- Carey N. The Epigenetical Revolution : How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance. — New York : Columbia University Press, 2012.
- Meloni M., Testa G. Scrutinizing the Epigenetics Revolution // BioSocieties. — 2014. — Vol. 9, no. 4. — P. 431–456.

Bazhanov, V. A. 2022. "Politicheskaya biologiya v optike gumanitarной ekspertizy [Political Biology Through the Lens of Humanitarian Expertise]: predvaritel'nyye itogi diskussii [Preliminary Results of the Discussion]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 346–352.

VALENTIN BAZHANOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR, RESEARCHER
RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0002-0336-9570

POLITICAL BIOLOGY THROUGH THE LENS
OF HUMANITARIAN EXPERTISE
PRELIMINARY RESULTS OF THE DISCUSSION

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-346-352.

REFERENCES

- Arshavskiy, Yu. 2022. "Tayna smerti Vladimira Bekhtereva [The Mystery of Vladimir Bekhterev's Death]" [in Russian]. *Troitskiy variant [Troitsky Variant]* 350 (6): 11.
- Carey, N. 2012. *The Epigenetical Revolution: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease, and Inheritance*. New York: Columbia University Press.
- Kunin, Ye. 2022. "Nauka — ne magiya [Science is not Magic]" [in Russian]. *Troitskiy variant [Troitsky Variant]* 350 (5): 10.
- Maslanov, Ye. V. 2022. "Ob osobennostyakh biologicheskogo ob'yasneniya politicheskikh yavleniy [On the Features of the Biological Explanation of Political Phenomena]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3).
- Meloni, M., and G. Testa. 2014. "Scrutinizing the Epigenetics Revolution." *BioSocieties* 9 (4): 431–456.
- Porus, V. N. 2022. "Perspektivy 'politicheskoy biologii' [Prospects of 'Political Biology']: yest' li osnovaniya dlya ostorozhnogo optimizma? [Whether There Are Reasons for Careful Optimism?]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3).
- Shibarshina, S. V. 2022. "Sotsial'no-politicheskaya vlast' nauki i tekhnologii (na primere epigenetiki) [Social-political Power of Science and Technology]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3).
- Tukhvatulina, L. A. 2022. "'Epipolitika' kak ugroza politike ['Epipolitics' as a Threat for Politics]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3).
- Zharkov, Ye. 2022. "In vitro i in vivo epigeneticheskogo vyzova [In vitro and in vivo of Epigenetic Challenge]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3).

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

АЛЕКСАНДР МАРКОВ*

МОДУЛИ МОДАЛЬНОГО**

О НОВОЙ КНИГЕ ЙОЕЛЯ РЕГЕВА

РЕГЕВ Й. РАДИКАЛЬНЫЙ ТИ-ДЖЕИНГ. — ПЕРМЬ : ГИЛЕ ПРЕСС, 2021В.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-355-364.

В новую книгу русско-израильского философа вошли как статьи (Регев, 2019; 2020; 2021а), так и русский перевод работы «Радикальный ти-джеинг: генеральная линия» (Регев, 2021b), прежде доступной только по-английски. Предисловие к книге — попытка зафиксировать ландшафт континентальной философии, изменившийся со времени выхода двух предыдущих книг автора (Регев, 2015; 2016), причем ландшафт, увиденный как мессианский. В континентальной философии мессианство в последние годы как будто затухало, и любые попытки исправить положение, дав слово непредсказуемым, контингентным, темным элементам, оказывались скорее попыткой философии удержать что-то из своего среди странных и непредсказуемых вещей. Регев пишет, что в философии постхайдеггерианской линии — от Бадью до Мейясу — в системе различений требуется срочно найти «квантум лишенной веса твердости», чтобы на него «перенести свой вес» (Регев, 2021b: 10). Слово «свой» здесь не случайно: предположить, что философ может перенести туда вес суждения или признания, чего-то «чужого», а не только «своего», в этой системе невозможно.

Но, заметим сразу, и апостол Павел у Бадью, и Малларме у Мейясу как раз постоянно учились говорить о «себе» без «своего». Скорее, это был поиск мессианской ситуации, которая только и позволяет «не перевозноситься», но при этом оставаться с собой как большим вопросом. Немного эгоцентрическая оптика проскальзывает в предисловии и дальше, например, в следующей фразе: «Об этом столкновении (с абсолютным как невозможным) можно только хранить память, но в нем

*Марков Александр Викторович, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), markovius@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6874-1073.

**© Марков, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

нельзя задержаться» (там же: 11). Как будто от нас зависят все остальные задержки, или как будто невозможное не натолкнулось уже на нас как постоянно отстаивающих свою возможность.

Новые материализмы и «темные» философии тоже вызывают возмущение Регева слишком наивной расточительностью: как будто они требуют расплачиваться не валютой мысли, а самими вещами, раздавая их в кратчайшие сроки на дело всеобщего спасения и оставшись ни с чем. Характерно, что Реgev уподобляет «философию различия» нового материализма «наивному сенсуализму» в духе Фейербаха (Реgev, 2021b: 12), хотя явно, что Фейербах исповедовал что-то вроде исторического сенсуализма — представления, по аналогии с историческим материализмом, что все, что дано в ощущении, уже *вложилось* (во всех смыслах) в наш исторический опыт. Равно и новый материализм настаивает на *исторической философии события*, на том, что событие уже вложилось в субъекта, сделав его хоть в чем-то истинным, и еще не раз вложится и восстановит эту истину. Кажется, Реgev упускает, говоря о превращении в новом материализме «субъекта истины лишь в частный случай» (там же), что истина субъекта здесь оказалась превращена в частный случай раньше, чем субъект истины.

В новой книге, в которой отсутствует горизонт *гегемонии* или класса-гегемона, неизбежный в предыдущей книге и оспоренный рецензентами (Сазонов, 2016), Реgev декларирует, что его философия покажет, как возможно уклонение от *становления частным случаем*. Такое становление для него явно множит способы присвоения: возникают сразу внутренние критерии становления и другие притязания на собственность, на идентичность, из-за чего частный случай оказывается не работающим, не умеющим удерживать работу мысли.

Отсюда и требование совершить новый шаг в сравнении с коинсидентологией «к разработке того матезиса, с помощью которого коинсидентальные ряды могут организовываться и прочитываться» (Реgev, 2021b: 15). Двойной страдательный залог не просто так: *уклон* должен отменять прежнее становление, в котором всегда есть какая-то действительность и действенность, какое-то присвоение действительности действительностью; и поэтому он должен служить настоящей диалектике, которую все вещи и бывшие субъекты готовы принять. Не случайно после этого сразу идет строка сразу с двумя опечатками: «...которые работаю (sic!) на основе этого исчисление (sic!)» (там же). Лучше и не выразишь замешательство субъекта, как внезапным возвращением первого лица и именительного падежа через опечатки.

Отрекшись от себя, объявив себя бывшими — как «бывшими» стали аристократы после Октябрьской революции не только потому, что их так заклеямили, но потому, что они действительно могли только чувствовать разрыв между своим прежним и новым положением, — вещи-субъекты получают возможность менять не только прошлое, но и будущее, заниматься тем самым *радикальным ти-джейнгом, микшированием временных пластов* (тайм-ди-джейством). Сама по себе эта идея увлекательна, потому что подразумевает выход за пределы привычных временных переживаний, как розданных своему и чужому, власти забвения и власти над забвением — иначе говоря, эта идея преодолевает привычки романного описания, гегельянского по происхождению, где есть единая линия истории, позволяющая навешивать ярлыки ее участникам: кто бунтари, кто властители, кто повстанцы или революционеры, кто армия и кто полиция.

Можно сказать, что радикальный ти-джейнг — это извод сериальной культуры, в которой уже нет возможности навесить такие ярлыки или они постоянно перенавешиваются. В этой новой культуре можно судить только о том, насколько радикально правильно мы вынырнули из прежних «уклонов», из прежних компромиссов и допущений, после того как допустили что-то недолжное. Понятно, что в этической перспективе *ти-джейнг* требует иначе осмыслить вопросы об ответственности и вине, прощении и исправлении — но это, вероятно, должно стать темой отдельных трактатов про сериалы и конфликты последних лет.

На пространстве специальной главы про радикальный ти-джейнг мы нашли по крайней мере три версии того, как он будет работать. Первую версию можно назвать экономикой сцепки и расцепки, в которой стала возможна отмена материи, энергии, статуса или роли, сознания или действия при конвертации, примерно как в банке: когда ты кладешь деньги на счет, ты отменяешь их у себя как эквивалент товара, чтобы принять их как часть работающей банковской системы. На этой экономике сцепки и расцепки (наш термин) работают многие механизмы, например, покупка Илоном Маском Твиттера и стала такой расцепкой, при которой Твиттер как публичная сфера вдруг отменяется, но сразу же оказывается политическим феноменом современного мира со своим непредсказуемым характером, однако его характер тут же с нетерпением укрощается, для того чтобы вновь запустить хотя бы одно его публичное употребление. Как пишет сам Регев о перемещении из одного мира жизни в другой (Регев, 2021b: 102):

Но для простоты можно считать, что сознание, жившее во вселенной номер один, прекращается, а вместо него возникает сознание, живущее во вселенной номер два, которое было чуть другим. Поэтому никто не замечает такого перехода. Его, по сути, нет — потому что никакой материи, энергии и даже информации во вселенной номер два не появилось (если не считать наших снов, но они не входят ни в один бухгалтерский баланс мироздания — а, наоборот, служат как бы буфером между мирами). [...] Каждый раз, когда мы просыпаемся в другом поезде, мы помним не себя прежнего, а себя нового.

Такая полная смена роли при неизменной консистентности мироздания, которое вдруг оказалось новым, описана транспортно-железнодорожными метафорами: переход, буфер, поезд. При этом более очевидная метафора сцепки и расцепки здесь не используется; вместо нее появляется только «перещелкивание», подразумевающее как бы работу реле (пересадки, переключения). Иначе говоря, в системе Регева ти-джеинг нуждается в некотором *реле*, приставленном к каждой вещи. Этим реле может быть деятельность сознания, воспоминания и готовность к действию, но существенно то, что вся эта деятельность не связывает, а выступает как реле для дальнейшей новой системы связей, новой констелляции. Таким образом, экономика основана на своеобразной каббалистической инфляции, когда подешевевшие деньги выступают как реле для того, чтобы все-таки мир остался функциональным, весь мир вещей сохранился; как, например, в супермаркете мы замечаем, что цены выросли, но делаем из этого вывод, что изменилась наша жизнь, а не супермаркет.

Вторая версия ти-джеинга выстроена на догадках Жижека, и это не случайно, потому что для Регева Жижек, как он отметил еще в старом интервью, — мастер такой искусственной инфляции, единственный, кто может ее оседлать (Регев, 2017):

В какой-то момент свою роль сыграл и Славой Жижек. Сологуб говорил, что у него есть стихи по рублю за строчку, есть те, которые по 20, по 50 копеек. Так же и с Жижеком: его тексты имеют разную ценность, но есть несколько действительно важных книг — например, «Возвышенный объект идеологии».

Соответственно, подход Жижека к идентификациям, которые могут микшировать время переживания и полностью переподчинять энергию *либидо* этому открытию разности времен, оказывается очень продуктивным. Можно говорить, что в современном мире *либидинальны* беженцы: именно они, переподчиненные системе мировых конфликтов, открывают разницу между временами, в которых живут разные страны, и тем

самым вызывают сочувствие, общую симпатию. Но Регев обобщает проект Жижека как полностью присвоенный индивидуальному действию, которое и может осуществить критику пустоты: например, увидеть, как агрессивные действия изобретают себе фантомы.

Речь идет об особом рода способности, которую можно было бы охарактеризовать как способность совершить прыжок через пропасть, а затем забетонировать провал, через который мы перепрыгнули, и проложить через него многополосное скоростное шоссе... (Регев, 2021b: 105–106)

Но чтобы это шоссе не стало фантомом, следует, как мы думаем, разделить регламент его строительства и экзамен, что это шоссе построено. В этом смысле агрессия (и следующее из нее угнетение) тем плоха, что сначала сдает экзамен, а после регламентирует правила его сдачи, показывая свою действенность, а после заявляя, что она не стала тотальной, а значит соблюла регламент. В современном мире мы видим, что такой агрессии недостаточно противопоставить просто критику маскулиноцентризма как угнетения, потому что здесь речь не просто о маскулинности или эксплуатации, а об особом отказе строить шоссе на равных с другими строителями (будь то пускание дела на самотек или применение особых ресурсов власти и влияния), а значит, нормальное строительство шоссе при политическом равенстве выступает как экономика *найма* в противоположность экономике *страховки*. Насильник как раз всегда участвует в *экономике страховки*, что кто-то покроет его преступление, тогда как *экономика найма* и создает тот ти-джеинг, который позволяет распределить усилия по строительству шоссе по разным временам, а значит качественно его проложить. Поэтому мы опять же скажем, что эта версия лучше бы отказалась от постоянных ссылок на «нехватку» в психоаналитическом смысле, а ввела бы как ключевое понятие «регламент-и-экзамен» так же, как первая ввела бы «сцепку-и-расцепку».

Наконец, третья версия ти-джеинга основана на большевистско-ленинском подходе, в котором происходит переключение внутри каждого института: прежде поддерживающие эксплуатацию эти формальные и неформальные институты теперь ведают распределением реального — от распределения продуктов по карточкам к распределению творческих и изобретательских возможностей, которые в 1920-е годы оказываются вдруг *реальными* для всех, перестают быть частью цепочки эксплуатации разнородных ресурсов, включая свои интеллектуальные ресурсы

каждого интеллигента-авангардиста. Реев не говорит об опыте авангарда, но при этом выдерживает метафорику, уже не железнодорожную, как в первом случае, и не снабженческую, как во втором, но метафорику действия под чужими документами, которая сперва не заметна (Реев, 2021b: 111):

Подлинный большевистско-ленинский подход может основываться лишь на понимании того, что время — это «хорошо обоснованный феномен», то есть что его власть основывается на глубинных онто-экономических структурах и для борьбы с ним необходима радикальная интервенция в сферу распределения реального. [...] Любые попытки оперировать с темпоральными рядами будут обречены на маргинализацию до тех пор, пока они не поставят перед собой цели захвата почт, телеграфов и банков времени — тех пунктов, через которые и благодаря которым осуществляется власть той силы сжатия и выравнивания, на которой зиждется сила времени.

Понятно, что этот большевистский подход осуществляется под чужими документами: на любой склад распределения тебя пустят, только если ты переоденешься и покажешь чужой пропуск. При этом практика большевизма как раз подразумевает не столько *уравнительные бумажные пропуска* (по нашему мнению, как раз их введение ради ослабления и подрыва политической конкуренции и было первым шагом от большевизма к сталинизму) или пистолет, заменяющий доброе слово, сколько *мандаты* от чего-то большего.

Допустим, матросы пришли захватить телеграфную станцию, которая хорошо охраняется. Конечно, охрана этой станции может дать отпор, более того, может обратиться за подкреплением и может еще и вполне при этом блефовать. Преимущество революционных матросов только в том, что они *не блефуют* — они действительно уполномочены каким-то мандатом, а тот, кто выдал этот мандат, был уполномочен еще каким-то мандатом; и даже если какие-то мандаты распределялись недостаточно организованно, «большевистская организация» — это не пустые слова. Эта организация может не иметь своего плана действий на далекое будущее, но она подразумевает, что за каждым мандатом стоит еще какой-то мандат, и в конце концов самым общим мандатом оказывается сама революционная ситуация, распределившая все полномочия мандатодателей и мандатополучателей.

Но тем менее убедительно звучит это «пока» в приведенной цитате, как будто бы документы для работы под прикрытием или по поручению, равно как и запас денег и пистолетов на всякий случай, выдаются

потому, что выдавший их заранее знает, как работать под прикрытием и каково содержание поручений, когда они начинают осуществляться на деле. В действительности же документы такого рода выдаются для того, чтобы *расписать расписание*, чтобы убедиться, например, что открытие таких-то хлебных складов спасет Петроград, а перевоз (трансфер) таких-то винтовок Мосина позволит избежать грабежей.

Просто говорить, что маргинальным будет открытие хлебного склада прежде взятия телеграфа — это, конечно, уместно, если допускать, что через телеграф могут быть распущены ненужные слухи, но неверно, если признать, что это открытие тоже стало событием в росписи дней, уместным для телеграфного расписания. Не случайно на нашей памяти Трамп боролся с фейк-ньюз, потому что в его системе как раз телеграф должен работать не по расписанию, а как продолжение его тела, его политического присутствия, и *фейком* оказывается (объявляется) все, что, успев стать политическим событием, уже не может стать частью его политического тела. Равно как и налаживание штабом Хиллари Клинтон идеального расписания, в котором есть только уместные вещи и предложения, в конце концов оказалось маргинальной стратегией: по такому телеграфу ничего нельзя по-настоящему *передать*, можно только принимать все более новые и жесткие административные решения. Поэтому здесь, конечно, надо бы отказаться от слова «пока», и тогда микширование времен не будет зависеть ни от личного эгоизма бюрократов, ни от безличного эгоизма бюрократии.

О вошедших в книгу трех статьях, доступных читателю, скажем кратко. В статье о Нике Ланде (Реgev, 2021a; Реgev, 2021b: 17–42) привлекает подход к природе, наследующий аристотелевскому противопоставлению животного инстинкта и человеческой доблести, только животное отождествляется с капиталистическим, а доблестное — с «нечеловеческим». Ланд, по мнению Регева, создает некоторый дефицит будущего, потому что аттракцион ускорения в его диснейленде/диссналанде однообразен. На это мы возразим, что на этом аттракционе мы видим не «постоянно спотыкающегося и падающего героя» (там же: 31), а героя переворачивающегося, устраивающего *стасис* (я бы предпочел называть стасис *седущей*, по латыни, а не по-гречески, чтобы разнообразить метафорику стояния-состояния и сидения-подсидивания) и переворот в себе, просто не успевающего мечтать о себе как о другом, но довольствующего собой как собой. Так что если здесь дефицит, то скорее дефицит стасиса из-за слишком «продуманной селекции» (там же: 36), и разрешить его, по-нашему, можно не через нахождение точки «возможного

размыкания» (Реgev, 2021b: 37), а через то, чтобы сделать продуманную селекцию *задумчивой*: чтобы ей оказалось желанно немного подумать о своем как о невозможном, раз отбор уже начался — и только полноценный (он же — задумчивый) *стасис* помешает этому отбору стать истреблением попавших под руку вещей и возможностей.

В статье о Негарестани (Реgev, 2019; Реgev, 2021b: 43–62) Реgev тонко раскрывает смысл «Циклопедии» как романа о двойном предательстве: нас предаёт и возможность пережить невозможное, и невозможность прожить возможное. Мы оказываемся внутри своего собственного ресурса, который отменяет стасис, переносит революцию на неопределенное время, так что нам приходится следить только за тем, как время спотыкается о себя, оказывается временем неготовности. Но получается, что неотменный стасис возможен не столько благодаря ти-джеингу, сколько благодаря переворачиванию, перевороту, который и становится единственным устройением тебя как *тебя*, *себя* как *себя*, а не как себя-для-другого или себя-в-виду-другого; что на поверку и означает, что всякий раз, когда другой готов принять тебя, то ты не готов к этому до конца. Эту неготовность и пестуют нефтяные циклоны, ресурсное проклятие, исследуемое в романе Негарестани.

Наконец, в статье об исчислении сред (Реgev, 2020; Реgev, 2021b: 63–92) Реgev говорит не о двойном предательстве, но двойном благословении. С одной стороны, благословляет ти-джеинг умение «вовремя выпрыгнуть» с «нужного поезда», когда система прогресса разобрана во всех смыслах, разобрана до косточек (там же: 73). Тогда

обслуживающий машину по нарезанию миров агент в этих обстоятельствах активен, подобно кановскому субъекту-ремесленнику, но, как лейбницевский Бог, он не довольствуется одним, а выбирает (там же).

С другой стороны, благословляет «схема» как «совокупность правил, протокол», позволяющий и создать с помощью временной последовательности указаний, как и куда вести черту, однозначно опознаваемый рисунок.

Здесь получается, что схема противоположна стасису, (рас)пре, как нечто, что уже вовремя составило себе и расписание, и способ распорядиться расписанием свободно. Существенно, конечно, что слово *схема* происходит от ἔχω — *имею*. Это то, что имеется, строение, осанка, *имение* в собственном смысле. Остается выяснить только одно: как распорядиться свободно не для другого (не-для-другого), торопящего тебя незаметно для тебя, а для себя, «возлюбив ближнего как самого

себя», в том числе вовремя в этой любви спрыгивая с поезда прогресса и отходя от увлечения нарезанием миров.

ЛИТЕРАТУРА

- Реgev Й. Коинсидентология : краткий трактат о методе. — М. : Транслит, 2015.
- Реgev Й. Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии. — Пермь : Гиле Пресс, 2016.
- Реgev Й. «Альтюссер задушил жену, потому что его диалектика была не достаточно материалистической»: читательская биография философа Йозеля Реgeва / Горький. — 2017. — URL: <https://goriky.media/intervyu/altjusser-zadushi-1-zhenu-potomu-chto-ego-dialektika-byla-ne-dostatochno-materialisticheskoy> (дата обр. 20 мая 2021).
- Реgev Й. Реza Негарестани : гусь на лоне вод // Неприкосновенный запас. — 2019. — № 4. — С. 12–23.
- Реgev Й. Введение в исчисление сред // Логос. — 2020. — Т. 30, 5 (138). — С. 1–22.
- Реgev Й. Дисс-на-Land // Логос. — 2021a. — Т. 28, 2 (123). — С. 139–158.
- Реgev Й. Радикальный тиджеинг. — Пермь : Гиле Пресс, 2021b.
- Сазонов Н. Zoom x 2 : что совпало в коинсидентологии и почему это нужно разделить // Логос. — 2016. — Т. 26, 6 (115). — С. 236–242.

Markov, A. V. 2022. “Moduli modal’nogo [Modal Modules]: o novoy knige Yoyelya Regeva [About Yoel Regev’s New Book]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 355–364.

ALEKSANDR MARKOV

FULL PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6874-1073

MODAL MODULES

ABOUT YOEL REGEV’S NEW BOOK

REGEV, Y. 2021. *RADIKAL’NYY TI-DZHEING [RADICAL TJING]* [IN RUSSIAN]. PERM’: GILE PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-355-364.

REFERENCES

- Regev, Y. 2015. *Koinsidentologiya [Coincidentally]: kratkiy traktat o metode [A Brief Treatise on Method]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Translit.
- . 2016. *Nevozmozhnoye i sovpadeniye: o revolyutsionnoy situatsii v filosofii [The Impossible and the Coincidence: On the Revolutionary Situation in Philosophy]* [in Russian]. Perm’: Gile Press.

- . 2017. “‘Al’tyusser zadushil zhenu, potomu chto yego dialektika byla ne dostatochno materialisticheskoy’ [‘Althusser Strangled his Wife Because his Dialectic was Not Materialistic Enough’]: chitatel’skaya biografiya filosofa Yoelya Regeva [Reader’s Biography of the Philosopher Yoel Regev]” [in Russian]. *Gor’kiy*. Accessed May 20, 2021. <https://goriky.media/intervyu/altyusser-zadushil-zhenu-potomu-chto-ego-dialektika-byla-ne-dostatochno-materialisticheskoy>.
- . 2019. “Reza Negarestani [Reza Negarestani]: gus’ na lone vod [A Goose in the Bosom of the Waters]” [in Russian]. *Neprikosnovennyy zapas [An Inviolable Reserve]*, no. 4: 12–23.
- . 2020. “Vvedeniye v ischisleniye sred [An Introduction to the Calculus of Environments]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 30 (5 (138)): 1–22.
- . 2021a. “Diss-na-Land [Diss-ney-Land]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 28 (2 (123)): 139–158.
- . 2021b. *Radikal’nyy ti-dzheing [Radical TJing]* [in Russian]. Perm’: Gile Press.
- Sazonov, N. 2016. “Zoom x 2 [Zoom x 2]: chto sovvalo v koinsidentologii i pochemu eto nuzhno razdelit’ [What Coincided in Co-Insidentology and Why It Should be Divided]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 26 (6 (115)): 236–242.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

ACADEMICAL LIFE

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ В СССР»

ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК НИУ ВШЭ, 20–21 СЕНТЯБРЯ 2022

Этой осенью в Научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии НИУ ВШЭ состоится круглый стол «Феноменология в СССР», посвященный диалогу феноменологии и институционализированной советской философии. Этот диалог не всегда был равноправным: риторика взаимодействия с феноменологической философией варьировалась в диапазоне от решительного вытеснения до продуктивного сотворчества, в итоге положив начало автохтонному феноменологическому движению в России.

Мы предлагаем обратиться к условиям, в которых советская философия воспринимала целые феноменологические проекты, разрабатывая или, наоборот, подавляя их отдельные интуиции. В центре внимания окажется не только рецепция феноменологии, как в случае М. Мамардашвили, В. Бибикина или Н. Мотрошиловой, но и репрессивная критика, направленная на философов-феноменологов со стороны ортодоксальных ленинских марксистов. Мы предлагаем посмотреть на случаи подавления «идеологически вредной» философии как на проявления ожесточившейся естественной установки и сделать ее материалом для самой феноменологии. Этот ход может стать шагом к исследованию моделей мышления и формулировке феноменологической программы критики идеологии.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

- Илья Онегин (НУЛ Трансцендентальной философии, ФГН НИУ ВШЭ), ilya.onegin200@gmail.com;
- Мария Стенина (НУЛ Трансцендентальной философии, ФГН НИУ ВШЭ), kdk1kdk12kdk@gmail.com.

КЛЮЧЕВЫЕ ДАТЫ

- ◇ 5 сентября 2022 — завершение приема заявок;
- ◇ 11 сентября 2022 — утверждение программы выступлений;
- ◇ 15 сентября 2022 — публикация итоговой программы;
- ◇ 20–21 сентября 2022 — круглый стол.

СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Форма участия в круглом столе — выступление с докладом (30 мин.), вопросы и дискуссия (15 мин).

Тезисы доклада (до 1000 слов) необходимо прислать по электронному адресу hserphenomenology.hermeneutics@gmail.com не позднее 5 сентября 2022 года. Просим приложить к письму справочную информацию об авторе: ФИО, ученая степень и звание (при наличии), должность, место работы/учебы, контактные данные.

Адрес оргкомитета круглого стола: 109028 Москва, Ст. Басманная ул. 21/4, кабинет Б-511.

